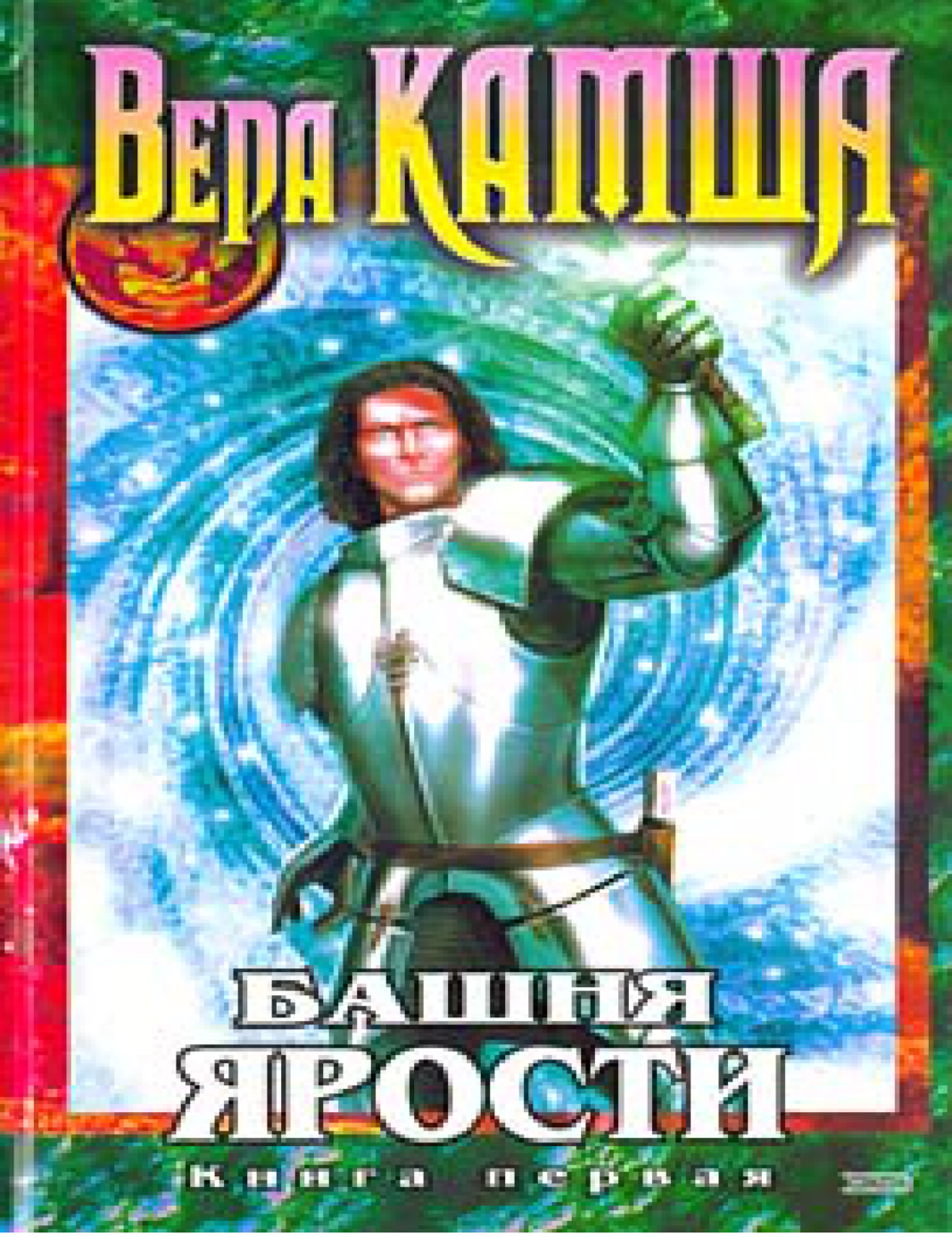
Вера Камша



Башня ярости

Книга первая

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ничто не предвещает бури…

Но приближается время исполнения пророчеств.

Лишь те, кто видит больше обычных смертных, давно следят за наползающим безумием. Безумием, в которое будут вовлечены все жители Тарры – мирийцы и таянцы, атевы и эландцы, эльфы и орки, старые хранители и новые силы, родившиеся на больной земле.

В сумерках лжи и предательства брезжит свет трех звезд. Свет, что озарит дорогу тем, для кого честь и долг не пустые слова.

Время, когда каждому придется сделать выбор, пришло.

Но так далеко не суждено заглянуть даже прорицателям…

- Вера КАМША
  - ВМЕСТО СИНОПСИСА, ИЛИ ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ
  - Книга первая. Черные маки
    - ПРОЛОГ
    - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
    - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Вера КАМША
ХРОНИКИ АРЦИИ V. БАШНЯ ЯРОСТИ
КНИГА 1. ЧЁРНЫЕ МАКИ

ВМЕСТО СИНОПСИСА, ИЛИ ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ

Но мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать…

Н. Гумилев

Эмзар Снежное Крыло отошел от окна, за которым алыми птицами кружились кленовые листья. Скоро зимнее серебро вытеснит осеннее многоцветье, чтобы в назначенный срок уступить весенней зелени, затем весна станет летом, а лето – осенью… Так было и так будет, если, разумеется, не исполнится Пророчество, предрекающее Тарре конец. Эмзар не хотел, чтоб оно исполнилось.

Эльф задумчиво коснулся темных волос, складывая в уме первую фразу. Он давно собирался записать историю этого мира, но всякий раз что-то мешало. Эмзар вздохнул, подсчитав, сколько человеческих и гоблинских жизней унесла река Времени с тех пор, как он решил рассказать о том, что бессмертные предпочли забыть, а смертные не знали, да и не могли знать. Сегодня он наконец возьмется за перо – обитатели Тарры имеют право на правду, по крайней мере, некоторые из них. Он и так слишком долго мешкал, не потому ли, что некоторые деяния Детей Звезд не украшали, или же дело в том, что в памяти каждого думающего и чувствующего есть то, к чему слишком больно прикасаться? Конечно, можно обойти неприятное, как лесной зверь обходит капканы и ловушки, но это бесчестно…

Эмзар опустил струящиеся серебристые занавеси, возведя преграду между собой и догорающей осенью, и присел у небольшого белого стола. Разумеется, он не сможет написать обо всем – он не хронист и не стихотворец, способный вместить в один сонет целую эпоху, но сказать о главном необходимо. О том, как и почему Тарра оказалась на краю пропасти. Снежное Крыло обмакнул перо в чернильницу из белого камня, на мгновение прикрыл глаза, собираясь с мыслями, улыбнулся, словно отвечая на реплику незримого собеседника, и на белый лист легли сапфировые строки.

***

"Я – эльф из клана Лебедя, но пишу на языке смертных обитателей Арции, так как больше всех от злонамеренной лжи страдают именно люди. Гоблины слишком простодушны и честны, чтоб из корысти изменять прошлое, а мы, последние эльфы Тарры, не забудем, хоть нам и дано забывать.

Мой рассказ обращен к тем, кто понимает, что будущее вырастает из минувшего. Я родился в иную эпоху и помню многое и многих. Старше меня лишь утратившая Силу, но не мудрость Иллиэль, но даже она увидела Свет в этом мире. О том, как была завоевана Тарра, я пишу с чужих слов. В те года, от которых не осталось даже снов, покровительницей клана Лебедя была Адена-Дева, чье имя ныне носит величайшая из рек Арции, да и сама Арция обязана своим названием первому из Ушедших.

Всего же Светлых богов, захвативших Тарру и долгие годы правивших ею именем Света, было семеро – пятеро братьев и две сестры. Старшим был Арцей, повелитель Солнца, Пламени и Молний. Остальные признавали его власть, но любви и согласия меж Светозарными не было никогда.

Больше других Владыка Арцей опасался своего брата Ангеса, бога Войны, Холодного Железа и Прощения. Волк и полная Луна были его символами, и сам он был похож на одинокого волка, бесстрашного и свободного. Воин не желал властвовать, но в той же мере не желал и подчиняться. Ангеса привлекало Запретное и Неведомое, он искал не подданных, но друзей, и первым из них стал Ларэн, сын и наследник третьего по счету владыки избранного Воином эльфийского клана, клана Серебряной Луны.

Нет сомнения, что Воин оставил бы своих собратьев и один либо с Ларэном пошел бы своей дорогой, но его; как и многих, смертных ли, нет ли, связала любовь. Сердце Ангеса принадлежало его сестре Адене, а Адена долгое время следовала за Арцеем.

Я не знаю, как глаза Светозарных обратились к Тарре, но Свет принял решение, и все остальное случилось. Я родился много позже, но моя мать Залиэль Ночная Фиалка и мой отец Мэиран Летящая Звезда помнили захват Тарры, хоть и не любили об этом рассказывать. Рати Светозарных вторглись в созданный иными силами мир. Прежние хозяева встретили чужаков на Трагайском поле. Они сражались храбро, но силы были слишком неравны. Ангес своей рукой сразил Омма, отца первых богов Тарры, и многих из его детей. Если б не Воин, у Прежних еще была бы надежда, но повелитель Холодного Железа, вступая в бой, был обречен на победу.

С поля не вернулся никто из Прежних. Тарра созревшим яблоком упала в руки пришельцев, и в мире, который я почитаю

родным, настала эпоха Света. Была ли она счастливей Прежней эпохи, сказать трудно, но последующие события превратили Тарру в кровоточащую рану.

О том, что случилось после Трагайской битвы, стало известно спустя тысячи лет, когда были забыты и имена побежденных, и имена победителей, но нет и не может быть полной победы, как не может быть полного поражения. Бессмертные часто развлекаются со смертными. Иногда судьба им мстит, наказывая истинной любовью, но на сей раз прихоть бога стала важнейшим из содеянного им. Так вышло, что накануне вторжения Светозарных один из сыновей Омма встретил девушку из рода людей. Гоблины называют ее Инта, но наверняка сородичи произносили это имя иначе. Инта стала возлюбленной бессмертного, и он, нарушив неписаный закон, взял ее с собой. Он хотел показать мимолетной подруге победу, а показал смерть.

Я не знаю, какой была эта девушка. Видимо, достаточно красивой, чтобы вызвать желание у бога. Красота сердца не так заметна, как красота лица и тела, но Инта обладала ей в полной мере. Она не бежала, хотя зрелище, которое ей предстало, было ужасным. Любовь, если она сильна, без страха шагнет в любую пропасть. Инта решила отыскать своего возлюбленного, живого ли, мертвого ли.

На краю заваленного телами поля девушка встретила мою будущую мать. Залиэль уже тогда была любимицей Адены, открывшей ей многое, ведомое лишь высшим. Почему Дева так поступила – неведомо никому. Мысли Ангеса были ясны и открыты, как извлеченный из ножен клинок, намерения Адены скрывали глубокие воды, а Залиэль Ночная Фиалка была достойна приблизившей ее богини.

Не берусь решать, чем был вызван поступок моей матери – жалостью, предвидением или чем-то иным, но владычица Лебедей провела Инту сквозь воздвигнутый по приказу Светозарных барьер. Позднее тела убитых пожрала тварь, призванная из иных миров. Это было разумно, так как, попав в лоно Тарры, останки ее создателей могли дать опасные всходы, и это было отвратительно и недостойно тех, кто почитал себя Добром. Но я отвлекся.

Инта нашла того, кого искала, и – чудо из чудес – он был жив, хоть и жестоко изранен. Сын Омма умер на руках любившей его, передав ей свой меч, который та унесла с собой. И вновь Залиэль ее не остановила.

Достался Инте и другой дар. Ее любовь, как бы коротка она ни была, дала плоды. О дальнейшей судьбе женщины известно мало. Она не вернулась домой, а нашла приют у гоблинов и

спустя какое-то время родила близнецов – мальчика и девочку.

Надо сказать, что гоблины (сами они называют себя орками), в отличие от людей, не признали новых владык, сохранив верность памяти Омма. Орки позаботились о тех, в чьих жилах текла кровь Прежних, но для них самих настали суровые времена. Арцей решил оставить гоблинам жизнь, но не думаю, что из милосердия. Для того чтоб успешно править разумными созданиями, им нужно дать врагов. Орки презирали людей, ненавидели эльфов, отличались внешне и от первых, и от вторых и поклонялись проигравшим. Их назвали Злом, а они в свою очередь нарекли Злом Свет, склонив голову перед Ночью, но мой рассказ вновь свернул в сторону.

Началась война, гоблины отступили в Корбутские горы, но не сдались. Инта прожила в горном приюте несколько лет, а затем вместе с дочерью вернулась к людям. Что с ними сталось, неизвестно. Внук Омма остался у орков, растивших мальчика как воина, но потом на поселение, в котором он жил, напали. Очевидно, ребенка приняли за пленника. Скорее всего, он и сам не знал, какого он рода. И его историю, и его имя унесла река Времени, известно лишь, что по крайней мере один близнецов выжил и имел потомство, всех же, в жилах которых текла Старая Кровь, мы не знаем и не можем знать. Затерялся и след меча.

Война затихла сама собой, так как земли хватало на всех, а горцы были сильными и отважными, к тому же им помогала сама Тарра. Постепенно люди забыли о прежних богах, а эльфы знали о них лишь то, что они были.

Светозарные правили завоеванным миром, а мы, их спутники и любимые подданные, жили счастливо и спокойно. Что до смертных, они всегда найдут кому молиться и на что сетовать. Век шел за веком, и казалось, так будет всегда. Тарра почитала Свет и проклинала Тьму. Семь великих эльфийских кланов хранили мудрость и красоту, но некоторые из наших соплеменников предпочли уединение. Они покидали эльфийские города, становясь хозяевами лесов, озер, полей, сливаясь с Таррой, смешивая ее силу со своей. Так появились Хранители, заменившие тех, кто служил первым Богам. Прежнюю эпоху помнили и оплакивали немногие, но они во времена Света оставались в тени.

Вот и все, что я могу рассказать о древней Тарре. Жизнь текла, как степная река, и ничто не указывало на близость водопада. За минувшие после Трагайской битвы годы по разным причинам погибло около сотни эльфов, родилось же в несколько раз больше. Одним из них был и я, появившийся на свет в самый разгар зимы. В ночь моего первого крика бушевала невиданная в

срединной Арции метель. Эмзар Ниэвиэль, Эмзар Снежное Крыло из дома Розы – таково имя, дарованное звездами и снегом сыну и наследнику Лебединых Владык. Время прибавило к нему слова «Переживший Разлуку».

Я рос в Лебедином Гнезде, серебристом городе на острове посреди величайшего из озер. Оно давно пересохло, но за восемьдесят лет до Великого Исхода озерные волны то нежно ласкали белый песок, то грозно бились о скалы, защищавшие наши владения от бурь. Мои первые годы не походили на последующие, как не походит весна на позднюю осень, но не мы выбираем времена, в которые нам приходится жить. Порой я вижу во сне высокие, стройные башни, водоемы, заросшие бледными лилиями, мраморные статуи, прячущиеся в гротах. Признаюсь, мне хочется написать об этом подробно, но наши желания в глазах вечности не дороже тени одинокого облака.

О Великом Исходе и последовавшем за ним безумии можно написать десятки трактатов или одну песню, которая вместит все – удивление, горечь, ужас, отчаяние и расправившую крылья ненависть. Мой младший брат владел мечом, как словом, и словом, как мечом, эта задача была ему по силам, но его мысли были об ином, я же просто говорю то, что знаю. Прежний мир истаял с Исходом Светозарных, плач о навеки ушедшем лишь разбередит жаждущие чуда души, а под таррскими небесами и так слишком много грезящих о невозможном. Эти строки для тех, кто хочет знать, ЧТО было, а КАК было, сегодня не имеет значения. Мои слова об упавших в землю зернах, которые дали или могут дать всходы, остальное – не более чем пепел.

В один из дней Светозарные покинули Тарру, взяв с собой возлюбленных детей своих эльфов. Куда и почему ушли боги, оставив мир, который захватили, уничтожив его создателей и защитников? Это волнует всех, кто узнает истинную историю Тарры, но ответ не укажет выход из лабиринта скорби, в котором мы оказались.

Известно, что к Арцею от Престола Света явился Звездный Вестник, передав Повелителю некую весть и некий приказ. Арцей собрал братьев и сестер и объявил им высшую волю. Был ли он правдив? Этого не знали даже Воин и Дева. Арцей утверждал, что Свет призывает к себе своих избранников и они должны оставить Тарру, забрав с собой эльфов и уничтожив нарождающееся племя истинных магов, чьи силы становились сопоставимыми с силой Прежних. По словам Арцея, на неких пластах мироздания Свет потерпел сокрушительное поражение. Высшие опасались, что Тарра ступила на тот же путь и придет к подобному же концу.

Четверо из собравшихся в Светозарном у Престола Сил

согласились уйти, Дева молчала, но Ангес не пожелал подчиниться. Что стояло за его непокорством – давно копившаяся неприязнь к старшему брату, гордость воина, которого вынуждают отступить без боя, или же чувство долга перед Таррой, – сказать трудно. Как бы то ни было, Ангес взбунтовался. Владыка начал угрожать – Воин обнажил меч. Он был один против пятерых, но пятеро знали силу и норов родича.

Схватку предотвратила Адена, напомнив возлюбленному, что битва богов обернется гибелью Тарры. Ангес согласился уйти; что с ним было дальше, неведомо. Думаю, он свернул с дороги Света на тропу Одиночества.

Светозарные повелели эльфам покинуть обжитые места, сделав их недоступными для смертных, и последовать за уходящими. Лебеди исполнили приказ.

Я был совсем юным, но помню, как рушились белые арки и серебряные шпили, а пенящаяся вода неслась вниз с террасы на террасу, снося статуи и ломая цветущие деревья. Серебряное Гнездо было уничтожено, и наш караван потянулся на северо-восток. Отец уходил последним, и его сердце разрывалось от боли. Он любил Тарру и свой остров и не хотел его покидать. Нас вела мать, и на ее лице не было сожаления. К исходу месяца Радуг [1] мы достигли цели, но Врата были закрыты. Наш клан опоздал. Так Лебеди стали пленниками Тарры.

Когда мы узнали, что должны покинуть свой остров, большинство было огорчено, но что значит нежелание в сравнении с невозможностью?! Я помню, как мы смотрели на безмолвную башню, осознавая, что остались одни в отринутом Светом мире, и в душах поднимали голову страх, обида и бессмысленная ярость.

Мы обрели свободу, о которой никогда не просили, за нашими плечами лежал мир, отчаянно нуждавшийся в помощи, а нас пугало одиночество и отсутствие высшей воли, которую мы привыкли чувствовать над собой. Родись мой отец истинным повелителем, он бы сумел найти в том, что казалось бедой, ростки надежды, но Мэиран Летящая Звезда был слаб. Он растерялся, а мать повела себя неразумно и торопливо. Она поведала всем, что Лунный клан тоже остался, причем по доброй воле. Этого оказалось довольно. Я не помню, кто первым крикнул, что Ларэн Лунный обманом и магией задержал Лебедей. Я не знаю, почему никто не спросил Залиэль, откуда она знает о судьбе избранников Ангеса. Мы были слишком потрясены и раздавлены свалившейся на наши плечи свободой, чтобы думать.

Спешно созванный Светлый Совет обвинил во всем Лунных. Смыслом нашего существования стало покарать обманщиков,

лишивших нас Света. Отец не смог остановить вскипевшую ненависть, а мать не рискнула, и оставшиеся в Тарре эльфы вступили в бессмысленную войну. Ларэн не хотел кровопролития, но он не мог допустить истребления тех, кто ему доверился. Мэиран не питал ненависти к Лунным, но не мог противиться воли Совета. Теперь я понимаю, что бойня, которую мы помним как Войну Монстров, бойня, в которой погиб цвет обоих кланов, была нам навязана чужой волей, но тогда мы словно бы обезумели.

Взаимное истребление не остановило рождение моего брата, исчезновение моей матери и смерть моего отца. Астени появился на свет в месяц Клена. Роды прошли благополучно, но на следующее утро отец, придя к супруге, обнаружил пустое ложе и плачущего младенца. Это объясняло все. Залиэль Ночная Фиалка полюбила Лунного короля. Он был отцом ее второго сына, из-за него она, будучи сильнейшей волшебницей клана, задержала Лебедей в пути, вынудив остаться в Тарре. Залиэль знала, что ее супруг не допустит позора и позаботится о ребенке. Так и было. Отец объявил, что роженица умерла и, согласно обычаю, похоронена мужем и старшим сыном. Мэиран стал искать смерти и нашел ее в последнем сражении Войны Монстров. Лунных вел не Ларэн, а его брат, именно он и сразил отца, и Лебединым владыкой стал я. Нас, и Лунных, и Лебедей, уцелело едва ли больше тысячи, и я понял, что войну нужно заканчивать.

Брат Ларэна был со мной согласен, и мы расстались, как нам казалось, навсегда. О судьбе Залиэли он не знал или делал вид, что не знает. Я собрал Светлый Совет, и мы решили искать след вчерашнего дня. Мы знали, что Светозарные, покидая Тарру, сделали ее недоступной для Внешних сил, но мы рассчитывали отыскать выход. Наши маги предприняли попытку открыть Врата, это стоило жизни и им, и тем, кто находился рядом. Мы поняли, что навеки прикованы к Тарре. Нас оставалось чуть более трех сотен, мужчин и женщин, и мы укрылись на острове в стране болот. Я отказался принять отцовский венец, так как имя Лебединого владыки применительно к таящемуся в топях изгнаннику казалось насмешкой. Уцелевшим Лебедям король не был нужен, но мои соплеменники цеплялись за тени, и мне пришлось назвать себя Местоблюстителем Лебединого Трона.

Дальнейшее наше существование было не осмысленнее жизни деревьев в лесу. Время текло мимо Убежища, дела смертных нас не касались, мы почти не грустили о прошлом и мало думали о будущем, наши дни слились в один бесконечный осенний закат. Мы не умирали, но и не жили, а потом нас разыскали маги. Они себя называли именно так, хотя до уничтоженных в канун Исхода

истинных магов им было дальше, чем бабочкам до лебедя. Светозарные, уходя, озаботились лишить Тарру Силы не только в настоящем, но и в будущем, но нет запрета, который нельзя обойти. Смертных отрезали от моря и рек, но они научились рыть колодцы и собирать росу. Каким-то немыслимым образом они узнали про нас и явились в Убежище даже не просить, но требовать помощи.

Разумнее всего было бы уничтожить наглых пришельцев, но мы слишком устали от одиночества. Светлый Совет, в который теперь входили не сановники и заклинатели, а главы Домов, разрешил чужакам остаться. Наши гости не сумели освоить эльфийскую волшбу, подвластную лишь тем, в чьих жилах течет кровь Звезд, но наши знания были им полезны, а их рассказы о внешнем мире нас развлекли и пробудили к жизни. Через несколько лет я решил покинуть Лебединый остров и отправился на поиски матери и Ларэна. Сейчас я не знаю и сам, намеревался ли я на самом деле разыскать их или просто затосковал по большому миру.

Я провел в скитаниях более двадцати лет, узнав и поняв больше, чем за все годы уединения. Новая Тарра отличалась от той Тарры, которую помнил я. Люди позабыли о существовании и Светозарных, и их спутников, как некогда позабыли Омма и его детей, но жизнь смертных без веры пуста и горька, и они придумали себе новых богов и божков. Побывав во многих землях, я удостоверился, что новая вера, а вернее, веры были зеркалами породивших их народов. Бог атэвов казался калифом, не знавшим сомнений, не слезавшим с коня и не выпускавшим из рук сабли. Хаони поклонялись царю-философу, жестокому, хитрому, изысканному и развращенному. Племена Черного Сура верили в злых и голодных чудовищ, мало чем отличавшихся от рычащих за околицей деревень хищников. Маринеры [2] Эланда не молились никому, полагая судьбу чем-то вроде моря, с которым можно и нужно спорить, но именно они, единственные из всех, имели высших покровителей.

Я мало знаю о Великих Братьях, которых почитали маринеры. Известно, что те принимали облик огромного орла и золотого дракона, не принадлежали ни Свету, ни Тьме, не полагали себя Добром, а иные силы Злом. Мне представляется, что Орел воплощал в себе истинную Свободу, а Дракон – Познание, но я могу и ошибаться. Маринеры никоим образом не были рабами Великих Братьев, они им никогда не молились, разве что клялись их именем и призывали в свидетели. Первый Паладин Зеленого храма носил на своих плечах цепь из невиданного в Тарре черного металла с зелеными камнями, а герцог черную же

корону. Эти вещи называли дарами Великих Братьев, но на этом вмешательство Орла и Дракона в жизнь Эланда и Тарры и ограничивалось.

Самой сложной и самой странной была вера арцийцев, почитавших Триединого и множество святых. Мне, заставшему истинных богов, рассказ о единой сущности, сочетающей в себе ипостаси создавшего все и всех Творца-Креатора, карающего грешных Судию-Кастигатора и выводящих из пламени праведных Спасителя-Калватора кажется безумием, причем безумием жестоким, но большинству смертных, чей век еще короче памяти, нужен именно такой бог. Они уповают на посмертную награду и страшатся посмертной кары, от которой надеются откупиться, вымаливая прощение.

Я пытался понять Книгу Книг (так верующие в Триединого называют свою священную книгу), но эльфы слишком много знают о жизни, чтобы полагать ее всего лишь преддверием вечных мук или вечного блаженства. Но я вновь позволил себе уйти в сторону, рассказав о том, что меня поразило в мире людей. На самом деле о Церкви Единой и Единственной следует сказать совсем другое. Во время моего путешествия за ней не стояло ничего, кроме извечного желания клириков властвовать, а прочих уповать на высшие силы.

Церковь, объединившая под своей властью почти все заселенные людьми земли арцийского материка, держалась на умелых интригах и красивых словах, но не на магии и тем более не на истинной Силе. Я свидетельствую это перед лицом Звезд. То, чем сейчас стремительно становится Церковь и обретенные ей и ее адептами возможности, наводит на серьезные размышления, но об этом я скажу в конце своих записок.

Мои скитания и поиски оборвались безумным поступком. Я позволил себе обрести смертного друга, который втянул меня в чужую войну. Дикий Ветер закружил нас, и я начал жить так, словно каждый прожитый мною миг является последним. Мы сражались с людским предательством и подлостью, но обрушенный нашими врагами камень пробудил древние силы. Сами по себе они не были ни злыми, ни враждебными, но после гибели Омма обезумели и забыли свое предназначение и свой долг. Их нужно было уничтожить, и нам это удалось, но ценой жизни моего друга. Мне пришлось заступить на его место – иначе все, чем и во имя чего он жил, оказалось бы бессмысленным.

Обман удался – никто, даже ближайшие друзья и возлюбленная убитого, ничего не заподозрили. Возможно, потому, что мои чувства, в отличие от моего лица, были истинными, но я не мог вечно нести на себе груз лжи. Когда я

понял, что могу передать свою ношу уцелевшим, я исчез, разыграв свою смерть. Я вернулся в Убежище, где меня почти не ждали, и постарался вычеркнуть из памяти то, что со мной случилось. Я вернулся, чтобы увидеть, как мой брат покидает Лебединый остров то ли ради смертной женщины, встреченной им во время лесных скитаний, то ли ради неосознанной мечты.

Кровь Ларэна была сильна, и она властно тянула брата за пределы дозволенного. Астени походил на своего настоящего отца, как походят друг на друга два листа одного дерева. Само по себе это ничего не означало – Лунные владыки были в родстве с Лебедями, но глава дома Лилии или заподозрил правду, или искал повод поссорить меня с Астени, не зная, что придуманная им ложь является истиной.

Лилии предпочли бы, чтоб в доме Розы не осталось наследников. Тогда, случись что со мной, первыми становились они. Глава дома Лилии советовал мне отдать брата на воспитание смертным. Вряд ли он заботился о чести дома Розы, к которому принадлежали мы с Астени. Мысли доброхота были о Лебедином венце, которым я не дорожил.

Я понимал, что мое одиночество искушает сородичей, но сердце противилось вечному союзу с нелюбимой. Смертные могут себе это позволить, ведь их век короток, но лгать вечно непереносимо. Я медлил и ждал, сам не знаю чего. Так прошло семнадцать лет, и на исходе восемнадцатой осени в Убежище вернулся мой брат. Я был рад его возвращению, потому что искренне любил Астени и, кроме того, он мог избавить меня от неприятного долга. Я предложил Астени жениться на Нанниэли из дома Лилии, и он, любя меня, согласился. То, как я распорядился судьбой единственного брата, в конце концов привело его к гибели.

Нанниэль готовилась войти в дом Розы, когда в Убежище разгорелся спор о том, должны ли эльфы вникать в дела Тарры и терпеть присутствие смертных, хоть и продливших свою жизнь с помощью магии. Мой брат несказанно удивил меня. Астени оказался яростным сторонником союза с людьми. Я не подозревал, насколько это серьезно, пока Нанниэль не подарила супругу столь редких в нашем роду близнецов – мальчика и девочку. Сын Астени, нареченный Нэо Рамиэрль, становился и моим наследником, но отец готовил ему другую судьбу.

Маг Уанн, исполняя просьбу моего брата, подбросил ребенка смертной женщине, жившей в деревне на краю заповедных болот. Ее имя хранилось в строжайшей тайне, а Маг-одиночка умел путать следы, как никто. В Убежище сочли их поступок безумным. Нанниэль сказала супругу, что, если он не вернет ей сына, она его

покинет и вернется в дом отца, забрав дочь. Астени воспринял и угрозу, и ее исполнение спокойно – он никогда не любил жену, так же как она не любила его.

О судьбе Нэо Рамиэрля мы не знали ничего, пока спустя пятьдесят с лишним лет Уанн не привел его в убежище. Лицо Нэо повторяло лица Астени и Ларэна, но в груди его билось сердце человека. Он предпочитал называть себя Романом и думал, чувствовал и действовал как смертный. В Убежище мой племянник пробыл ровно столько, сколько требовалось, чтобы овладеть начатками магии, как эльфийской, так и человеческой. Обучавшие Нэо были поражены его способностями, но великие тайны для него еще долго оставались игрой.

Мы с Романом стали друзьями, он накрепко сошелся с Уанном и очень привязался к отцу, но отношения с матерью и сестрой у него не сложились. Признаюсь, тогда я не видел в этом опасности, а к словам Уанна об угрозе, нависшей над Таррой, относился с позорным равнодушием.

Нэо стал нашим разведчиком в мире людей. Ничего не зная о своем происхождении, Роман избрал себе судьбу странствующего барда, готового в любое мгновение схватиться за меч. Узнав о себе все, он не захотел ничего менять. Он уходил и приходил, о чем-то говорил с магами и отцом, вновь исчезал. Нэо нравилось ходить по краю пропасти, слагать песни и держать смерть на расстоянии клинка. Наследник Лебединых владык скитался среди людей, а в Убежище относились к этому как к болезни, в которой был повинен его отец.

Вспоминая собственную жизнь, я понимал, что Нэо легче умереть, чем запереть себя на затерянном в болотах острове, но мне и в голову не приходило, что однажды в его руках окажется судьба Тарры. Так продолжалось несколько сотен лет. Мы и маги жили рядом, не мешая друг другу и не нуждаясь друг в друге, но потом Уанн потребовал откровенного разговора, я выслушал его. Так в Убежище вошла война [3].

Маг-одиночка рассказал о чудовищном Белом Олене, воплощении Древнего Зла. Каюсь, я это воспринял как нелепую сказку. Нэо Рамиэрль оказался прозорливей, ему давно не давало покоя кажущееся благополучие внешнего мира. Мой племянник оседлал коня и отправился по следу старых легенд и туманных пророчеств. Он то догонял судьбу, то уступал ей, то вырывался вперед. Нэо вернулся в Убежище на исходе лета и привез в седле беду. Сомнений не было – Белый Олень и впрямь существовал. Тарра оказалась на краю пропасти по вине Светозарных, не удосужившихся узнать, какие тайны хранит захваченная ими земля. Не брось победители завоеванный ими мир на произвол

судьбы, ничего бы страшного не произошло – тот же Ангес легко справился бы с пробудившейся напастью. К несчастью, Воин покинул Тарру вместе с братьями и сестрами, и удержать небо предстояло тем, кто остался.

Я не стану шаг за шагом пересказывать путь Нэо и скажу лишь о главном. Среди Первых богов Тарры нашелся отступник по имени Ройгу. Он повелевал снами, обманом и туманом и часто принимал вид Белого Оленя. Ройгу решил свергнуть Омма, но проиграл, был пленен и развоплощен, а его тонкое тело заточили меж корней Корбутских гор, Гординским перевалом, болотами Тахены и реками Явеллы. Во времена Первых Богов рубежи неустанно стерегли, но большинство стражей сгинуло в Трагайской битве. Уцелели лишь Хозяйка Тахены и Всадники Горды – каменные исполины, не склонившиеся под ветрами тысячелетий, но и они слишком многое забыли, а главного не знали никогда.

Чем дальше уходило время Омма, тем слабее делались заклятия Прежних, и в конце концов дух Ройгу вырвался на свободу. Нашлись и те, кто поклялся ему служить. Адепты Оленя копили силы, чтобы дать своему повелителю новое тело. Воплощением древнего бога должен был стать ребенок, рожденный смертной древней крови от мужчины, которым на краткое время овладел бы Ройгу. Это дитя после ряда ритуалов обрело бы силу, память и волю повелителя Туманов, но, пока это не произошло, чудовищный младенец оставался под защитой матери, после родов обретавшей магическую силу, равную силе своего «супруга» и его адептов.

Избранница Ройгу в старых легендах именовалась Темной Звездой – Эстель Оскорой, и она могла быть только одна. Пока Темная Звезда жива, Ройгу не зачать ребенка от другой женщины, если же Эстель Оскора решится на бунт, древний бог и его служители обретут почти непобедимого врага. Разумеется, ройгианцы искали будущую Темную Звезду с особым тщанием. Они предпочитали действовать тайно, но даже ветер оставляет след. Уанн и Рамиэрль не были первыми, узнавшими о Белом Олене. Уанна насторожило древнее Пророчество, о котором маг-одиночка услышал, следя за главой Церкви Единой и Единственной Архипастырем Филиппом. Не все люди были слепы, а Архипастырь был мудр и смел. Настолько смел, что не боялся взглянуть в глаза правде.

Здесь я должен вернуться на тысячу лет назад и вновь вспомнить о Ларэне. Воссоединившись с возлюбленной, Лунный король покинул свой клан и ушел в болота Пантаны, где совершенно случайно встретил и спас молодого мирийца.

Человека с отрубленными руками бросили умирать в лесной чаще. Движимый жалостью, Лунный король с помощью талисманов Воина и Девы вернул Эрасти Церне (так звали спасенного) руки и при этом разбудил силу, спавшую в его крови. Ларэн понял, что Церна может стать первым из истинных магов Тарры. Лунный не сразу доверился Эрасти, но потом убедился, что в сердце мирийца нет места ни властолюбию, ни жестокости.

Ларэн начал обучать Эрасти, и вскоре ученик догнал учителя, и Лунный король отдал ему артефакты, оставленные Воином и Девой. О последнем не известно почти ничего, а талисман Ангеса представлял собой кольцо со странным черным камнем. Ангес подобрал его в одном из сожженных великими битвами миров и оправил в сталь, сплетя собственную магию с силой находки.

О том, что рассказывал Ларэн Эрасти и что они задумали, мы можем судить лишь по человеческим хроникам и словам Залиэли, но я не доверяю ни одному из источников. Как бы то ни было, Лунный король и его ученик узнали и про Белого Оленя, и про Эстель Оскору, и про некую силу, губящую Тарру руками ее обитателей. Белый Олень был лишь наконечником копья, нацеленного в сердце нашего мира; отрубив его, мы выгадывали время, не более того. Нужно было найти корни беды и вырвать их, но сил эльфа и пока еще человека на это не хватало.

Эрасти решил поговорить с бывшим побратимом, ставшим арцийским императором. В историю он вошел как Анхель Светлый, и его заря и впрямь была исполнена благих намерений. Увы, свергнув с трона тирана, Анхель поменял местами цель и средства, и главным для него стала власть. Старые соратники стали мешать новому императору, и первым из них был Эрасти Церна. Они поссорились. Эрасти покинул друга и решил начать все сначала, подняв восстание против жестокого короля соседней державы. Анхель, опасаясь влияния и удачливости Церны, тайно выдал его врагам.

В смерти Эрасти никто не сомневался, Анхель прилюдно оплакал друга и добился у Церкви причисления Церны к лику святых. Живой Эрасти был императору опасен, мертвый – полезен.

Ученик Ларэна не обольщался насчет Анхеля, но, как ему казалось, на нынешнем этапе их цели снова совпали. Он решился на еще одну встречу с Анхелем, но теперь пришел к нему не как к названому брату, а как к властелину, который хочет, чтобы его империя пережила века. Но предатель не пережил встречу с тем, кого послал на смерть. Анхель умер на месте. Позднее причислили к лику святых и его. Эрасти же понял, что принять и понять правду большинство его соплеменников или не могут, или

не хотят. Он начал говорить с людьми на языке намеков и туманных пророчеств, подтверждая свои слова чудесами. У него появились сторонники.

Церковь прокляла новоявленного пророка и объявила против него Святой поход. Эрасти и Ларэн могли победить в этой войне или, по крайней мере, не проиграть ее, но у них были другие задачи. Они искали источник разъедающего Тарру зла и средства борьбы с ним. Мне кажется, они были близки к разгадке, но на пути Черны встала любовь. Странное чувство, оно касается лишь двоих, но случается, что его огонь губит или спасет миры и царства.

Эрасти Черна встретил молодую тарскийку по имени Циала и полюбил ее, но душа Циалы жаждала одного – власти. Отдавая себя проклятому Церковью магу, женщина надеялась стать повелительницей всех известных ей земель, но, готовый ради подруги на многое, Эрасти был тверд в одном. Он хотел спасти Тарру от грядущих бед, но не править ей. И тогда Циала предала Эрасти, обманом заточив в башне Адены, ключом к которой был артефакт богини. Трудно вообразить, сколько зла могла бы причинить предательница, пробудись в ней старая кровь и пойми она, какие возможности открывает магия, но женщина поторопилась, променяв вечность на мгновение.

Циала получила то, что хотела. Как победительница Проклятого (так стали называть Эрасти), она была возвеличена Церковью. Тарскийка основала орден своего имени, в который могли вступать только женщины, стала первой и последней в истории Тарры женщиной-Архипастырем, прожила до восьмидесяти двух лет и умерла. Разумеется, она была признана святой. Впрочем, в те годы «святые» были не более чем разрисованными досками, перед которыми горели лампады. До Войны Оленя Церковь и ее ордена не владели собственной магией.

После исчезновения Эрасти Ларэн и Залиэль вернулись к уцелевших Лунным и увели их за море. Эльфы нашли себе приют на островах в Сером море, и выбор этот был не случаен. Ларэн пришел к выводу, что в Сером море таится нечто или некто, постепенно, но неуклонно отравляющий Тарру. Он решил найти источник угрозы. Не знаю, надеялся ли Лунный король на победу или хотел узнать и запомнить дорогу, но он собрал тех, кому верил до конца, и четыре корабля ушли на поиски Места Силы. Назад не вернулся никто.

Залиэль не принимала участия в походе, так как ждала ребенка. Ее сын, мой единоутробный брат, родился на Лунных островах и получил имя Норгэрель, Норгэрель Вечерняя Волна.

Душой и лицом он напоминал отца и брата, никогда им не виденных. Однажды к берегу острова эльфов прибило сломанную мачту, к которой был привязан потерявший сознание моряк, Норгэрель спас его, и этим спас Тарру.

Моряком был Рене Аррой, прозванный товарищами Счастливчиком, но сказочное везение маринера не было случайным. Никто из обитателей Тарры не знает, что спит в его крови, и никто не ответит, почему в некоторых поднимает голову Сила. В жилах третьего сына великого герцога Эланда сплелась кровь людей, Прежних и эльфов. Не знаю, кто дал жизнь одному из предков Рене – я или мой брат, но Великий Лебедь простер над ним свои крылья. Нет сомнений и в том, что в роду Рене был кто-то из детей Инты.

Залиэль сочла гостя опасным и хотела его уничтожить, но Норгэрель не позволил. Сын Ларэна и спасенный им человек стали друзьями, Аррой мог остаться на Лунном острове, но предпочел вернуться к людям, поклявшись молчать об увиденном. Клятву он сдержал.

Душа Счастливчика Рене принадлежала морю, но он знал, что такое долг. Странная болезнь уничтожила почти всех, в ком текла кровь Арроев – последних законных потомков Воля, величайшего из людских правителей. Рене пришлось забыть о свободе и стать некоронованным правителем Эланда.

Когда Нэо Рамиэрль понял, что ему нужен союзник из числа людских владык, он вспомнил о Рене Аррое. У Нэо был необычный талант – первый раз кого-то увидев, он чувствовал, друг это или враг, и никогда не ошибался. Бард Роман и герцог Рене поняли друг друга, их дружба пережила века и саму Смерть. Они встретились на вершине скалы в тот миг, когда первые камни уже катились вниз, увлекая за собой другие, и обвал этот грозил Тарре гибелью. Того, кто стронул камни с места, найти было легко, куда труднее было остановить начавшийся обвал, но я увлекся рассуждениями, а мое дело – правда об ушедшем и забытом.

Роман встретил герцога на пути в Таяну недалеко от Тахены, зачарованного места, все еще исполненного Силой Прежних. Эльф и смертный удостоились доверия Эаритэ, хозяйки Тахены, и были проведены в самое сердце болотного края, где взглянули в глаза ушедшему. Живущая прошлым Эаритэ не знала и не могла знать всего, но она была уверена как в том, что над миром нависла страшная угроза, так и в том, что ее гости избраны самой Таррой.

Рене и Роман очень быстро поняли, что их видимым врагом является Михай Годой, властелин небольшого горного княжества,

союзного королевству Таяна. Михай Годой был умен, хитер и дальновиден, он не желал удовлетвориться своим положением и хотел обрести власть не только над Таяной, но и над Арцией. Еще в молодости тарскиец вступил в сговор с адептами Ройгу и овладел их магией, благо в его жилах, как и в жилах Рене, текла кровь Омма.

Ройгианцы и Годой решили, что Эстель Оскорой должна стать дочь Михая Герика. Отец с рождения лепил из нее покорное орудие. Он рассчитывал выдать девушку замуж за одного из сыновей таянского короля, телом которого завладеет дух Ройгу. С помощью яда, интриг и магии тарскийский господарь и его союзники намеревались устранить других претендентов и возвести на таянский престол сына Герики, регентом при котором стал бы Михай Годой. Таким образом, Ройгу до обретения божественной мощи (для чего требовалось время) получал власть над молодым и сильным королевством. Годой, несомненно, добился бы успеха, не появись в Таяне Рене и Роман.

Заговор был разоблачен, а Михай схвачен при попытке убийства Рене и заключен в одну из замковых башен. Это было неосторожно – таких врагов следует убивать немедля, но король Марко оставил пленнику жизнь, эта ошибка стала для династии Ямборов роковой и чуть не погубила Тарру.

Рене и Роману пришлось разделиться. Рене остался в Таяне. Мой племянник отправился в Кантиску, Святой город людей, чтобы встретиться с Архипастырем Филиппом. Перед отъездом Нэо, как мог, защитил наследника таянского престола принца Стефана, полагая, что главная охота ведется на него. Рамиэрль вызвал из леса и зачаровал огромную рысь, привязав ее нерасторжимыми узами к Стефану.

Нэо благополучно добрался до Кантиски и успел переговорить с Архипастырем, показавшим гостю прижизненные изображения Эрасти Черны, святой Циалы и так называемое «Пророчество», гравюру, где в аллегорической форме изображались события, предшествующие гибели Тарры. Сопоставив новые сведения с тем, что он уже знал, Рамиэрль пришел к выводу, что великомученик Эрасти и заточенный равноапостольной святой Циалой Проклятый, которым Церковь пугает паству, один и тот же человек или, вернее, маг. Первый и пока единственный из истинных магов Тарры.

В ночь приезда Рамиэрля в Кантиску Архипастырь Филипп был убит одним из кардиналов, метившим на его место. В качестве платы за помощь убийца обещал ройгианцам церковную реликвию – перстень Святого Эрасти, заменив его копией. Воры наказали сами себя, Проклятый надежно защитил артефакт –

взять его мог лишь избранный, которым стал Нэо Рамиэрль, оказавшийся свидетелем того, как «Святой Эрасти покарал святотатцев».

Уходя в свой последний поход, Церна оставил будущему наследнику послание, в котором разъяснялось многое из того, что я уже рассказал. Вооруженный знанием и Черным кольцом, Рамиэрль решил пройти путем Эрасти и, если удастся, освободить того из заточения. К сожалению, мой племянник сначала заехал в Убежище.

Привезенное Нэо кольцо стало искрой, упавшей в иссохшую траву. Сестра разведчика Эанке Аутондиэль возжелала заполучить артефакт, полагая, что с его помощью можно покинуть Тарру и воссоединиться со Светозарными. Примеро, вожак пришедших к нам магов, хотел из первого стать единственным, а кольцо Проклятого давало ему такую возможность. Кроме того, Нэо терял драгоценное время – его своевременное появление в Таяне избавило бы нас от многих бед, но произошло то, что произошло.

Мир в Убежище был нарушен, и уцелевшие Лебеди раскололись на тех, кто считал своим долгом встать в грядущей войне рядом с людьми, сторонников уединения и желающих во что бы то ни стало вернуться к Престолу Света. Маги же, кроме Уанна, заявили о своем намерении сопровождать Нэо в его путешествии.

Уанн, бывший искренним другом Нэо и моему брату, но не доверявший Примеро, решил опередить магов, которых Рамиэрль обещал задержать. Нэо выжидал, но его сердце болело за оставшихся в Таяне. Мой племянник рискнул подчинить себе водное зеркало и увидел герцога Рене, отбивавшегося от множества убийц. Подобные зеркала показывают как прошлое и настоящее, так и будущее, которое, однако, можно изменить – ведь предсказания не более чем возможность, а возможность не обязательно становится реальностью.

Роман понял, что его место рядом с друзьями, и, рассорившись с Примеро, бросился на северо-восток. Он нашел Рене у Эаритэ. То, что Рамиэрль видел в зачарованном пруду, было правдой, но не всей. Рене удалось вырваться из западни и перебить своих врагов, хотя сам он был тяжело ранен. Герцог добрался до Тахены, где нашел приют и помощь. От Рене Нэо узнал, что Марко, повинуясь странным видениям, женился на Герике Годое, хотя знал, что она любит его наследника Стефана, а тот любит ее.

Герика была покорна своему страшному отцу, и только любовь к принцу Ямбору была сильнее воли Михая. Этим

обстоятельством воспользовались сторонники тарскийского господаря, расставляя ловушку, в которую попались Стефан и его друг Шандер Гардани. Это стало началом конца. Все дети короля Марко, кроме принцессы Иланы, погибли, а сам Марко обезумел, разорвал давнишний союз с Эландом, выпустил из темницы Годоя и выдал за него свою дочь.

Рене Аррой намеревался вернуться в Эланд и звал Романа с собой, но мой племянник решил побывать в Таяне и понять, что там происходит. Друзья вновь расстались. Рене отправился к морю на спине Водяного Коня. Эти древние создания некогда были спутниками и слугами Прежних и сгинули после Трагайской битвы. Уцелел лишь один, по имени Гиб. Гиб узнал в Аррое потомка Омма и покорился ему. Они появились в Эланде как раз вовремя, чтобы остановить ройгианцев, обманом и магией замысливших подчинить маринеров. Колдуны нашли смерть под копытами Водяного Коня, а Рене пришлось принять столь ненавистную ему корону. Он стал правителем Эланда взамен смещенного Советом Паладинов никчемного Рикареда, опустившегося до предательства и сговора с адептами Ройгу и Михаем Годоем.

Это о Рене. Роман же тайно пробрался в столицу Таяны Гелань, где распоряжался Михай Годой, самочинно объявивший себя регентом королевства. Годоя окружали ройгианские колдуны, и к тому же он сумел заручиться поддержкой гоблинов, которым обещал вернуть из небытия Прежних. Это было ложью, но честные по натуре орки приняли туман над болотом за цветущие сады.

Одержимый Ройгу, король Марко погиб, убитый рысью Стефана. Герика, полубезумная и беременная, ускользнула из рук отца, и рысь привела ее в дом лекаря Симона, где ее отыскал Нэо. Связав воедино все имеющиеся у него нити, он понял, что Герика и есть Эстель Оскора, а ее ребенок должен стать воплощением Ройгу. С помощью кольца Проклятого и эльфийской магии разведчику удалось уничтожить чудовищного младенца сразу после рождения и спасти мать. Так Герика Годоя стала Эстель Оскорой, обладавшей той же силой, что и ее «супруг».

Вернувшись от самой Черты, Герика разительно изменилась. Ни я, ни мой племянник не нашли объяснений тому, как безвольная и забитая дочь тарского господаря превратилась в гордую, сильную и решительную женщину, достойную соперницу своему отцу и его союзникам.

Нэо Рамиэрль решил укрыть Эстель Оскору в Убежище. Ройгианцы пустили по их следу Белого Оленя – созданный ими смертный фантом Ройгу. Гибель казалась неминуемой, но Герика

разбудила всадников Горды, и каменные исполины уничтожили смертную оболочку чудовища. Нэо оставил Эстель Оскору на попечение своего отца и вместе с возглавляемыми Примеро магами отправился на поиски Эрасти Церны, завершившиеся неудачей.

Примеро и его сторонники предали, Уанн уничтожил отступников, но это вычерпало его силы до дна, и маг-одиночка умер на Трагайском поле, которое вернее было бы назвать Седым из-за покрывавшей его странно серебристой травы. Мой племянник сумел пересечь горы, в чем ему помогли гоблины-изгои. Рамиэрль нашел башню Адены, но не смог к ней приблизиться из-за наложенного на ее окрестности заклятия, сплетенного высшими адептами Ройгу. И все же поход Нэо не был бессмысленным. Он и его друзья-орки не только предотвратили союз между находившимися под влиянием ройгианцев северными гоблинами и продолжавшими почитать Омма южанами, но и привели последних на помощь арцийским и фронтерским повстанцам, что, безусловно, повлияло на исход войны. Но я несколько забежал вперед.

Эстель Оскора недолго находилась на нашем попечении. Эанке и ее сторонники предприняли на нее несколько покушений. Вряд ли они догадывались о том, кто она, скорее это было вызвано ненавистью Эанке к брату и отцу. Герику спас Астени, но смерть в Убежище все же пришла. Убийцы ошиблись, и их невольной жертвой стала другая. Мы с Астени поняли, что не можем поручиться за жизнь Эстель Оскоры, если она останется среди эльфов, и брат взялся проводить Герику в Кантиску к Архипастырю Феликсу, другу и союзнику Рамиэрля.

Астени и Герика покинули наш остров в первую зимнюю ночь. Больше я своего брата не видел. Эанке Аутондиэль и ее сообщники из дома Лилии пошли по следу ушедших, а дочь всегда может найти отца. Они встретились на лесной поляне, Астени был сильным воином и умелым магом, но не хотел убивать сородичей, даже тех, чье сердце выжгла ненависть. Мой брат вызвал спутника Эанке на поединок и победил его малой кровью. И тогда дочь нанесла удар в спину: Астени погиб на месте, убийцы пережили его на несколько мгновений.

Эстель Оскора была привязана к моему брату, возможно, они начинали любить друг друга. Горе, вызванное смертью Астени, пробудило в Герике спавшую в ней Силу. Дикий Ветер уничтожил Эанке и ее спутников, а Геро, похоронив спутника, повернула в Эланд навстречу своей судьбе и своей великой любви. Она прошла половину Арции в сопровождении разыскавшей ее рыси Стефана. Эаритэ предсказала Рене Аррою, что его любовь спасет

Тарру, и этой любовью стала Эстель Оскора.

Я не стану подробно пересказывать события Войны Оленя, это заняло бы слишком много времени. Война бушевала на всем пространстве между Корбутскими горами и Канном. Обманом, магией и мечом Годою удалось захватить Арцию и объявить себя императором. Непокорные частью ушли в Эланд, частью в Кантиску. Положение противников Годоя было близким к безнадежному, и тогда Архипастырь Феликс послал за помощью к нам и получил ее. Я заставил своих соплеменников вспомнить, кем мы были, и взяться за мечи. Заставил, потому что этого же хотели Ангес и Адена. Заставил, потому что этого требовала память Астени и Ларэна. Заставил, потому что в том, что Тарра оказалась накануне гибели, был виновен Свет, уничтоживший создателей и защитников этого мира и бросивший его на произвол судьбы. Мы, дети Света, должны искупить эту вину или погибнуть, сражаясь плечом к плечу со смертными. Не скрою, зажечь погасшие сердца было непросто, но мне это удалось. Лебеди приняли участие в Войне Оленя на стороне герцога Рене Арроя и Архипастыря Феликса.

Два года люди, гоблины и эльфы убивали друг друга, и наконец под стенами Кантиски произошло решающее сражение, которому предшествовала схватка Эстель Оскоры и Белого Оленя. Герика разрушила ройгианские чары. Годой был разбит, бежал при помощи магии в Таяну и нашел бесславный конец от кинжала своей жены Иланы Ямборы. На опустевший арцийский престол взошел Рене Аррой, провозглашенный Церковью императором Арции, королем Таяны, господарем Тарски и Великим Герцогом Эланда. Казалось, все кончено и на Арцию и сопредельные государства снизошел вечный мир, но наши сердца сжимались от дурных предчувствий.

Мне не давали покоя мысли о таящемся в Сером море Зле. Пропал и главный талисман ройгианцев, с помощью которого они создавали фантомы Ройгу, но главной опасностью стала Варха, крепость на границе Таяны и Эланда, захваченная адептами Оленя, где творились непонятные и чудовищные вещи. Были и иные вопросы, требующие ответов, и дела, ждущие свершения.

Нэо был готов пройти путем Ларэна, но для этого требовалось отыскать уединившихся на дальних островах Лунных. У нас не было своих кораблей, и мы обратились за помощью к маринерам. Дорогу знал лишь Рене Аррой, и он решил выйти в море сам. Наша просьба стала ветром, сорвавшим с клена алый лист, но виновен в его падении не ветер, а осень. Осень не может ошибаться. Рене должен был пройти своей дорогой до конца, иначе все утрачивало смысл.

Они ушли вместе – адмирал и его Звезда. Аррой обещал вернуться осенью, но все, у кого было сердце, попрощались с ним навсегда. Корабли Рене «Созвездие Рыси» и «Осенний ветер» нашли Лунные острова, где их встретила Залиэль. Она рассказала Рене одну правду, а Рамиэрлю – другую. Возможно, была и третья. Душа моей матери была глубже глубочайшего из озер. Лунный свет некогда достиг его дна, но он угас, а другого Залиэль не знала.

Залиэль открыла Нэо то, о чем он почти догадался. Когда Герика и Рене Аррой обретут вечный покой, Ройгу вновь зашевелится. Его адепты найдут своему богу новую невесту и постараются избежать прежних ошибок. Нужно было отправить Герику за пределы Тарры. Даже если она там погибнет, Ройгу не сможет обрести новое воплощение, ведь тело его предыдущей избранницы упокоится за пределами породившего ее мира. Знала Залиэль и способ покинуть запечатанный Светозарными мир. Жестокий способ. Из двоих, подошедших к Вратам, один должен был умереть, открывая дорогу второму.

Рамиэрль согласился отдать свою жизнь, дело было за Герикой, которая вряд ли бы решилась пожертвовать своей любовью и жизнью друга. К тому же Эстель Оскора должна была исчезнуть бесследно, и следы волшбы Залиэли следовало укрыть в магической буре. Моя мать предложила план, построенный на двойном обмане, вернее, на двойной полуправде, и Нэо, хоть и скрепя сердце, его принял. Залиэль рассказала Рене о последнем походе Ларэна и о Зле, по мнению Лунного короля, скрывавшемся в Сером море. Она полагала, что можно попытаться его уничтожить, и объяснила как. Это не было ложью, Залиэль намеревалась сама принять участие в походе и дать бой обитателю Серого моря.

Герика, как и рассчитывала моя мать, услышала разговор и решила пожертвовать собой ради Рене. Рене решил пожертвовать собой ради будущего Тарры. Жертва же Нэо оказалась не нужна – его опередила рысь Герики. Нэо видел гибель рыси и уход Эстель Оскоры. Бессильный что-либо изменить, он смотрел, как мечется пламя Залиэли. Затем оно угасло, и разведчик понял, что бой закончен. Хозяин Серого моря победил.

«Осенний ветер» вернулся в Идакону с дурной вестью. Маринеры долго не хотели верить в смерть Счастливчика Рене, но годы унесли надежду. Сын императора принял корону и стал править Арцией. Люди считали эти годы золотым веком, и мало кто разглядел в зеленой листве желтые листья. Одним из таких был старый Эрик, некогда учивший Рене Арроя ходить под парусом. Он добровольно выпил агва закта, яд, наделяющий

умирающего пророческим даром, и архипастырь Феликс записал его слова:

«Нужно ждать, ждать, даже когда это будет казаться безумием. Ждать и помнить. В землю упали зерна. Им нужно время. Придет год Трех Звезд, и поднимет меч Последний из Королей. Голубая Звезда канет в море, Алая вернется на небо, Темная не погаснет. Она зажжена Избранным, но озарит путь Последнему, предвещая победу. Не бойтесь Ночи, не бойтесь Дня. Тьма защитит от Тьмы, Свет от Света. Не плачьте об уходящих в бой. Созвездие Рыси… Темная Звезда… Им не сойтись, но сияние их вечно…»

Рене вернулся, когда его перестали ждать и оплакивать. Он был один – его спутники обрели вечный покой, но адмирал вырвался из рук Той, что не отпускает никого.

Мы, Лебеди Тарры, к тому времени окончательно покинули Убежище. Некоторые, не желая иметь ничего общего с внешним миром, уплыли на Лунные острова. Оставшиеся сочли своим долгом встать на страже здесь, у Вархи, чтоб заключенное в цитадели Зло не вырвалось наружу. К нам присоединились несколько Лунных, вернувшихся из невольного изгнания. Я был рад им, особенно Норгэрелю, сердцем и лицом напоминавшим Астени. Вместе с ним и Рамиэрлем мы окружили Варху огненным Кольцом. Оно будет пылать, пока жив хотя бы один из Лебедей, – это наш долг перед Таррой, оставленной Светом без защиты.

Рядом с нами несут стражу орки и люди, стерегущие наши спины от мечей и копий ройгианцев. Бледное Зло вновь подняло голову на севере Корбута и в Тарске, но их страшный бог мертв и не вернется, пока Эстель Оскора жива и свободна. Южные орки хранят верность принесенной клятве, не забыли о прошлом и в Таяне. В здешних краях рождаются и умирают с мечом в руках. Здесь все просто – рядом плечо друга, а впереди – враг, которого нужно убить. Судьба стран, оставшихся за Гордой, была куда более печальной.

Арцию словно бы разъедает ржавчина. Люди перестали понимать друг друга, думая только о себе и сиюминутной выгоде. Каждый тянет драгоценную ткань на себя, и она не выдерживает. Уже сейчас вместо единой и сильной империи возникло несколько стран, стоящих на грани войны, но это еще не все. С памятью обитателей бывшей Арции творится что-то малопонятное. Они стремительно забывают правду и начинают верить лжи.

Зло крепнет и набирает силу, подтачивая мир изнутри. Все по отдельности можно было бы отнести за счет случайностей и совпадений, сведенное же воедино вызывает отчаяние. Можно

бороться с самым страшным чудовищем, но не с приходящей осенью и не с чумой, а грозящая Тарре опасность неотвратима, как приближение холодов в месяце вереска, и безлика, отвратительна и тлетворна, как моровое поветрие.

Я убежден, что началом беды стал наш собственный обман. Нам показалось мудрым объяснить простонародью некоторые события Войны Оленя вмешательством божественных сил. Этим воспользовалась Церковь, постепенно присвоившая победу, одержанную другими. Более того, она обрела свою собственную магию, чем-то напоминавшую магию Ройгу, но питавшуюся из других источников. Церковные ордена, прежде всего антонианцы и циалианки, обрели или создали новые артефакты, направленные в первую очередь на подчинение чужой воли.

Потомки Рене и те восстали друг на друга. Арция оказалась под властью узурпаторов и временщиков, озабоченных лишь тем, как удержать власть. К счастью, даже самые темные времена порождают не только змей и крыс. Устоявших перед искушениями было мало, но каждое несвершенное предательство становилось победой.

Мы могли лишь следить за происходящим, иногда подставляя плечо, но сражались смертные – потомки тех, кто выстоял в Войну Оленя. Надеждой раздираемого смутой королевства стал дом Тагэре [4] ветви Арроев, ведущий начало от младшего сына короля Филиппа Третьего.

Именно в семье Тагэре, по мнению Рамиэрля, и должен был родиться Последний из Королей. Сначала мы решили, что избранником судьбы станет Шарль Тагэре. Я не знал этого человека, но Рамиэрль утверждает, что Шарль был достойным наследником Рене Арроя.

Известно, что чем выше дерево, тем чаще бьют по нему молнии. За Шарлем шла настоящая охота. Нэо, как мог, старался его защитить, но он не был всесилен, а в наводненной церковными прознатчиками стране приходилось соблюдать осторожность.

Нам бы очень пригодилось Кольцо Эрасти, но его взяла Герика, которой Роман внушил, что талисман необходим ей для исполнения задуманного. Нэо надеялся, что рано или поздно Черное кольцо откроет Эстель Оскоре, обретшей в своих странствиях силу истинного мага, путь домой. Мой племянник оказался прав – Темная Звезда вернулась, но ее пребывание на таррской земле оказалось кратким. Нэо уверен, что именно Герика спасла от позора и смерти герцога Тагэре и разрушила два сильнейших артефакта, принадлежащих антонианскому ордену. Затем она отыскала Водяного Коня и отправилась на поиски

Эрасти. Известно, что Эстель Оскора разрушила заклятие, делавшее Башню Адены недоступной, и вошла внутрь. С тех пор из обители Девы не выходил никто. Остается лишь гадать, нашла ли Темная Звезда Проклятого, поняли ли они друг друга и что с ними стало. Мы не обрели Герику и потеряли Нэо. Странная болезнь, поразившая Норгэреля, заставила предположить, что спасти его можно, лишь покинув Тарру, и Рамиэрль увел больного в Башню Ангеса. С тех пор о них ничего не известно, хотя мое сердце твердит, что оба живы.

Год Трех Звезд приближается, таящееся в Вархе Зло рвется наружу. Рене узнал в нем то, с чем столкнулся в Сером море, а я вижу, что оно черпает силу не только из странного радужного безумия, но и из Света. Не знаю, надолго ли хватит наших сил, но Лебеди будут сражаться до последнего. Мы в долгу перед Таррой, мы любим ее, но главная тяжесть войны вновь падет на плечи смертных.

У Шарля Тагэре было четверо сыновей. Эдмон Рунский погиб, не дожив до семнадцати. Старший, Филипп, был возведен друзьями Шарля на арцийский престол, но оказался заурядным правителем и слабым человеком. Средний, Жоффруа, герцог Ларэн, стал позором дома Тагэре и принял унизительную смерть от руки старшего брата. Младший, Александр Эстре, родился калекой, но в его груди билось сердце Арции, и он смог укротить судьбу и побороть свое несчастье. Именно Александр стал истинным наследником своего отца, помнящим, что не Арция для Тагэре, а Тагэре для Арции.

Младший из братьев Тагэре не искал ни богатства, ни славы, ни власти, но судьба увенчала его арцийской короной [5]. Круг замкнулся. Александр обещает стать лучшим из королей, которых знала Арция, но ему досталась худшая из эпох. Да смилуется Великий Лебедь над Таррой и над всеми нами…"

Книга первая. Черные маки

Это тоже образ мирозданья,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копью приставлено копье,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.

Н. Заболоцкий

Снова нам жить, меж собою
Мучительно ссорясь,
Спорить о том, что такое свобода
И честь.
Мир поделен на подонков,
Утративших совесть,
И на людей, у которых она еще есть.

А. Городницкий

ПРОЛОГ

– Я не ожидал этого.

– Я тоже, но я рад ему. Хотя что нам остается делать.

– Еще бы, над ним сейчас не властно ничто.

– А вот здесь ты ошибаешься, брат. Над ним властен он сам. Ему решать, что избрать,

– Любой на его месте выбрал бы Силу, Власть, Вечность.

– Ты представляешь кого-то на его месте? Я – нет. Он стал тем, кем стал, и я рад, что мы помогли ему вернуться. Да, соблазн велик, но он не первый в его жизни.

– Но может стать последним.

– Может. Но есть еще и Она.

– Этого я и боюсь. Смогут ли они еще раз потерять друг друга?

– Время меняет не только миры, но и сердца. Те, кто вернулся, вернулись иными. Он это знает, она еще нет…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ANGUS IN HERBA [6]

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же,
Пой и зови к бою.

А. Галич

2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона ОБИТЕЛЬ СВ. ЭРАСТИ ГИДАЛСКОГО

Случилось немыслимое! Настоятель обители Святого Великомученика Эрасти забыл молитву. И не какую-нибудь, а для обитателей гидалского монастыря самую важную. Ту, с которой вот уже шесть сотен лет иноки каждый вечер обращались к небесному покровителю. Конечно, владыка был немолод: с тех пор, как после смерти Никодима иеромонах Иоанн по завещанию усопшего и с согласия братии получил Вечноцветущий Посох, пустыня двадцать пять раз видела весну. Уже не первый год Иоанна по ночам мучили боли в сердце, случалось, проклятый шарк [7] укладывал его в постель на кварту, а то и на две, но памятью своей настоятель гордился по праву, а тут – такая беда! К счастью, до вечерней службы оставалось больше оры, и владыка поспешно уединился, дабы перечесть молитву и попросить Святого Эрасти сохранить ему память, пока он не передаст Посох, а с ним и власть своему преемнику, которого он никак не мог найти.

Старинный, переплетенный в тисненую кожу молитвенник, принадлежавший еще основателю монастыря святому Иоахиммиусу, сам открылся на нужном месте. Иоанн, дальнозорко откинувшись назад, вгляделся в четкие строки, и ему показалось, что он сходит с ума. Молитва исчезла, на пожелтевшей бумаге было начертано нечто совсем иное. Дрожа от волнения, держатель Вечноцветущего Посоха читал непонятные и пугающие слова…

"Ты, кто отдал жизнь свою Церкви Единой и Единственной, как отдает ручей воды свои реке, а река – океану, ты, кто зрит лишь раскаленный песок, хотя мог созерцать цветущие розы, ты, кто возносит молитвы Творцу нашему и мне, Его смиренному

слуге, хотя мог шептать женщинам слова любви и поучать детей своих, слушай меня. Пришла пора отрешиться от неба и взглянуть на землю, ибо любовь к ближним угодна Творцу, создавшему сей мир и любящему его. Знай же, что пришло время служения вашего Тарре и что подвиг во имя ее в глазах небесных равен подвигу во имя Творца нашего.

Вы в пустыне своей в целости сохранили чистоту Церкви нашей Единой и Единственной, укрывшись от соблазнов и укрыв то, что должно явиться миру во время оно. Знай, что близится время сие, время подвига вашего, и вашими делами спасен будет мир сей или же погублен бездействием вашим. Знай, что вы должны вручить владыке земному Меч и Посох, вернуть Свет – Свету, а Тьму – Тьме и изгнать из Церкви не праведных, как изгоняет хозяин скотов, буде те заходят в незапертый дом и возлегают там, ибо недостойный пастырь в храме в глазах господних то же, что свинья в палатах в глазах человеческих.

Укрепись же сердцем, сын мой, и укрепи следующих за тобой, ибо грядут страшные времена. Не дели людей ни по вере их, ниже по лицу их, ниже по обычаям их – но сзывай почитающих долг свой превыше жизни своей и любовь к другим превыше благополучия своего. Не суди поднявших меч на Зло – но суди ушедших в заросли, когда рядом режут невинного. Не слушай клянущихся именем Творца нашего, если нет печати Его в сердцах их, но помогай тем, в ком горит любовь великая ко всему сущему, какие бы одежды ни носили они. В сердце своем обрети знание, что есть Зло и что есть Добро. Слушай сердца своего и иди вперед. Арде!"

– Арде! – прошептал потрясенный клирик, благоговейно закрыв книгу. Теперь оставалось как-то донести это до братии и, главное, понять, с чего начинать. Иоанн, как и его предшественники, вместе с Вечноцветущим Посохом получил и Напутствие Иоахиммиуса, остающееся тайной для остальных монахов. Настоятель знал, что рано или поздно пробьет час, когда гидалским отшельникам придется покинуть пустыню и вернуть в мир укрытые в монастыре реликвии, но владыка не думал, что это выпадет на его долю, хотя Никодим и предупреждал.

Иоанн попробовал молиться, но знакомые с ранней юности слова не успокаивали. Клирик вновь и вновь возвращался к возникшим из ничего буквам, накрепко впечатавшимся в душу. Нужно действовать, но как?! Отправиться в Арцию? Всем или ему одному? Явно или тайно? К кому? К Архипастырю? К кому-то из светских владык? Что есть Меч, а что Посох? Как бороться с недостойными пастырями, как их узнать? Тысячи вопросов

тяжким молотом били по немолодому, больному сердцу. Иоанн, не колеблясь, выполнит свой долг, какими бы земными горестями и тяготами это ему ни грозило, – но в чем он, этот долг?

В дверь робко постучали. Настоятель хотел было отослать пришедшего, но передумал, поняв, что за оставшиеся до вечерней службы пол-оры ничего не решит. Клирик встал и отпер дверь. На пороге стоял худенький молодой инок с ласковыми глазами.

– Что тебе, сыне?

– Отче, – юноша был не на шутку взволнован, – мне было видение…

– Видение? – Если Николай до сего дня и выделялся среди монахов, то болезненностью и какой-то запредельной даже для инока кротостью и незлобием, но никак не склонностью к видениям. – Расскажи мне все без утайки.

– Ты знаешь, владыко, что Творцу было угодно сделать меня обузой для братии и я не всегда могу исполнять положенное.

– В том нет твоей вины. Что ты видел?

– Я сегодня работал вместе со старцами на поварне, и внезапно мне стало плохо. Такое со мной бывало, и брат Трифон и брат Емилиан уложили меня на скамью и пошли за братом Никандром. Не знаю, что со мной было, отче, но, клянусь вечным спасением, это не было сном. Мне почудилось, что я стою в храме и возношу молитву Святому Эрасти – и вдруг открывается дверь и входит тот язычник, которого мы приняли к себе. Я спрашиваю его, что ему нужно и не хочет ли он, наконец, принять нашу веру, а он мне отвечает, что можно служить Добру, будучи разной веры, и Злу, будучи одной. И тут я слышу голос, идущий словно бы и из глубин, и с небес, и изнутри меня самого. Я понимаю, что с нами – со мной и с атэвом говорит… Отче, прости мне кощунственные слова, не со зла это и не из гордыни…

– Кто с тобой говорил, сыне?

– Святой Эрасти… – инок наклонил голову.

– Что он тебе сказал? – подался вперед Иоанн.

– Что мы избраны, отче… На моих глазах Святой облекся плотью и вышел из оклада иконы. Он коснулся меня, и я понял, что превращен в посох, он коснулся атэва, и тот стал мечом. А потом Эрасти поднялся в воздух. Странным образом я видел все это со стороны.

Мы летели над желтой пустыней, над морем, над зеленой цветущей землей, которую начинал закрывать туман. Он сгущался все сильнее. Сверху по-прежнему сияло солнце, небо было синим и безоблачным, но внизу лежала серая мгла, и солнце было бессильно пред нею. Мы летели, пока не увидели холм, со всех сторон окруженный туманом, и на вершине его стоял

человек в алом. Я не успел рассмотреть его лица, но заметил, что он горбат. Туман поднимался все выше и выше, готовясь поглотить стоящего на холме. И тут Эрасти опустился к нему и передал ему меч и посох… И я очнулся. Надо мной стоял брат Никандр. Отче, что это было?

– Хвала тебе, Заступник, – благоговейно произнес Иоанн, поднимая глаза на икону, – теперь я знаю, что мне делать.

2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона АРЦИЯ. МУНТ

Армия шла через Мунт. От ратушной площади к Мясным воротам. Королевская гвардия, рыцари со своими сигурантами, наемники, обозы. Ржали и закидывали головы кони, скрипели телеги, смеялись и пели солдаты. Поход обещал быть не таким уж и тяжелым, но у Дариоло, смотревшей из окна роскошного особняка Бэрротов, сжималось сердце. Впрочем, смотреть вслед уходящим на войну всегда грустно, особенно женщине. Даро видела, как ехали герольды, заставляя торговцев и просто прохожих убираться с дороги, затем показались конные музыканты и первый королевский полк, синие плащи украшало изображение волка, кони ступали слаженно по четыре в ряд, блестели на солнце шлемы, топорщились копья, прыгали и кричали мальчишки… Прошла первая, головная сотня, и Даро увидела Александра, перед которым ехали два сигноносца: юный Жанно ре Фло с нежностью сжимал волчье знамя, а племянник Сезара Мальвани королевскую орифламму с серебряными нарциссами.

Король, по своему обыкновению, был без шлема, и летний ветер играл темными волосами. Когда Александр сидел на коне, увечье его было почти незаметным, поэтому он любил ездить верхом, и в этом искусстве потягаться с младшим Тагэре могли немногие. Белый черногривый жеребец – подарок калифа Усмана – гордо нес своего седока. Артур утверждал, что Садан умнее многих людей, и Даро готова была этому поверить – конь обожал хозяина и, кажется, понимал его раньше, чем тот успевал тронуть поводья.

Дариоло не отрываясь смотрела на всадника с королевской цепью на груди, медленно ехавшего мимо ее дома. Святая Циала, как же она его любила, а принесла ему только боль… С их последней встречи наедине прошло три года, а она помнит все, каждое слово, прикосновение, взгляд. Если б только она могла сказать правду, но правда, сказанная слишком поздно, страшнее лжи. Ей придется молчать и, сжав зубы, терпеть красавца-мужа,

зависть придворных прелестниц и презрение брата, который, в отличие от Александра, не простил и не простит.

Рафаэль ехал рядом с другом, и Даро прекрасно видела его. Стройный, ясноглазый, порывистый маркиз Гаэтано был предметом тайных и явных воздыханий множества знатных девиц и дам, но не спешил связать с кем-то свою судьбу. Друг короля, он не искал для себя никаких выгод и сам не понял, как стал любимцем и нобилей, и армии, и простолюдинов. Впрочем, после стаи Вилльо окружение Александра казалось сборищем аскетов, занятых чем угодно, но не объеданием собственной страны. Их любили, Даро вновь убедилась в этом, глядя, как горожане радостно напутствуют уходящих, но мирийке почему-то было страшно.

Дрожа, дочь герцога Энрике смотрела в спину двум самым дорогим для нее людям, которые и не думали взглянуть на ее окна. Или все-таки думали? Она видела, как Александр повернулся к Рито и что-то сказал, брат ответил, и Дариоло показалось, что он пытается успокоить короля. Хотя что может с ними случиться? Поход как поход, младший из Тагэре видел и не такое, – так почему же сейчас у нее сжимается сердце? Пьер Тартю не соперник Александру, один раз он уже получил по носу, и сейчас его, без сомнения, ждет то же самое. Трус и ничтожество, он бы и не полез, если б не нужно было отрабатывать ифранские деньги. Арция любит своего Александра, ей не нужен никто другой…

Сандер и Рито давно скрылись из глаз, дарнийцы тоже прошли, и теперь внизу горланили разухабистую песню фронтерские то ли наемники, то ли данники, но Даро их не замечала. Она все еще видела тех двоих, которые для нее были дороже жизни и которые даже не глянули в ее сторону.

2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона ЭР-АТЭВ. ЭР-ГИДАЛ

Яфе смотрел на небо, но даже небо нельзя рассматривать бесконечно. Жизнь была пустой и страшной в своей пустоте. Воины Наджеда караулили под стенами, но второй сын покойного калифа, не колеблясь, решился бы на побег, если бы не боязнь навлечь гнев брата на спасших его хансирских калксов [8]. Нельзя платить за добро злом! Эту нехитрую истину Яфе усвоил еще в детстве и терпел вынужденное заточение, находя слабое утешение, упражняясь с саблей и конем и совершенствуясь в языке хансиров. Принц понимал, что зрелище бешено мчавшегося

по кругу атэва вызывает в сердцах его спасителей смятение, но что еще оставалось в этой жизни? Третий год он был заперт в гидалской обители. Выхода не было, даже смерть и та его оттолкнула.

Если б истинная вера не почитала самоубийство трусостью, Яфе давно бы покончил с такой жизнью, но тот, кто позволил судьбе покорить себя, не достоин поцелуев райских серебрянокосых дев и обречен до конца времен питаться падалью и удовлетворять свои желания с самками шакала. И потому принц из рода Майхубитов вставал с рассветом и до одури наматывал круги вокруг внутренней стены, или посылал Дженнаха через натянутые веревки, или срубал на полном скаку специально расставленные вешки. Но конь, в отличие от хозяина, нуждался в отдыхе, и, когда солнце начинало палить особенно нещадно, Яфе возвращался в обитель и набрасывался на хансирские книги – лишь бы хоть чем-нибудь себя занять. Вот и сегодня он одолевал жизнеописание странной и неприятной женщины. Хансиры же, да прояснит Баадук их разум, сочли уместным считать безумную святой и позволили ей править их церковью.

Яфе никогда не вникал в догматы собственной веры, но, занявшись по воле судьбы верой хансиров, пришел к выводу, что она путана, неумна и нелепа. История же равноапостольной Циалы казалась молодому атэву самой глупой из всего, что он прочел до сих пор. Яфе собрался отнести увесистый том в библиотеку и, благо дневная жара отступала, вернуться к Дженнаху, но не успел. Главный калкс призвал его к себе, и принц, в чьей душе подняла голову безумная надежда на избавление, поспешил на зов.

Старший хансир, седой, с отечным лицом, сидел за столом. Рядом застыл, опустив голову, какой-то молодой инок. Яфе до сих пор большинство монахов казались похожими друг на друга, как две пустынные ящерицы. Он узнавал тех, кто его лечил и с кем он так или иначе имел дело, но в целом насельники обители для него сливались в нечто невразумительное в неприличных воину женских балахонах. Не узнал он и этого худенького юношу с лихорадочно блестевшими глазами. Яфе в знак приветствия сложил руки на груди и наклонил голову.

– Ты звал меня, я пришел.

– Садись… – хансир явно замялся, не зная, как к нему обратиться, – наш гость. Разговор будет долгим.

– Я сяду. – Атэв опустился на корточки у стены.

– Мы должны попросить тебя об услуге, но, согласившись, ты подвергнешь себя опасности.

– Я готов. – Он с трудом не выказал своей радости: неужели

его попросят покинуть обитель?! Даже если его попробуют передать брату его отца – еще неизвестно, чья возьмет. Он или вырвется – или умрет, как мужчина.

– Я готов, – повторил Яфе.

– Знаешь ли ты о нашей вере, гость?

– Я читаю ваши книги. Многое мне непонятно, но я знаю, что вы думаете о том, что утекло.

– Это хорошо, – старший явно волновался и не знал, с чего начать, – очень хорошо, что ты пытаешься понять. Ты помнишь, почему калиф Майхуб позволил нам построить обитель?

– В день, когда я взял первую женщину, мой отец, да будет он счастлив любовью звездных дев, рассказал мне о клятве Льва и Волка и о том, что вы храните великие Знания, которые в Год Беды укажут путь.

– Яфе, сын Усмана, – голос хансира дрогнул, – Год Беды скоро наступит.

– Во имя меча Баадука, – Яфе вскочил, – может ли быть такое?!

– Может. Нам явлены неопровержимые доказательства, что грядет битва Добра и Зла. Мы не вправе тебя ни о чем просить, но мне было откровение свыше, что я должен вручить меч и посох одному из земных владык. Я был слишком скуден умом, чтобы понять сказанное. И тогда Святой Эрасти послал видение иноку Николаю. В том видении Николай предстал Посохом, а ты – Мечом, и вы пришли на помощь горбуну в красном одеянии Волингов.

Сейчас Арцией правит последний потомок Рене Арроя. Его имя Александр Тагэре, и он горбат. Согласен ли ты вместе с братом Николаем отправиться на помощь королю Александру? Мы можем тебя лишь просить…

Согласен ли он?! Вырваться из заточения, мчаться в бой, исполнить древнюю клятву, стать тем, к кому обращалось завещание великого Майхуба?!

Яфе коснулся глаз ладонью:

– Да будут мои зрачки цветами, на которые ступят твои ноги. Я стану мечом для рожденного горбатым! И да не развяжется завязанное.

2895 год от В.И. Вечер 9-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

То, что доносили о войсках Тартю, не внушало никаких опасений и именно поэтому ужасно не нравилось Луи Трюэлю. Мирно почивший прошлой осенью граф Обен научил старшего

внука многому. В том числе и тому, что трус должен быть трусом, дурак дураком, ханжа ханжой. Если жабы начинают летать, рыбы разговаривать, а зайцы рычать на волков – ничего хорошего это не предвещает. А тут еще на Александра, как назло, накатил очередной приступ апатии. После смерти маленького Эдмона и ненамного пережившей единственного сына Жаклин такое случалось, но перед битвой, даже если эта битва с Пьером Тартю, вождь должен быть вождем, а не святым Эпоминондом [9].

Тонкая паутинка коснулась щеки, Луи механически провел рукой по лицу: надо же, он и не заметил, как наступила осень, еще один год на исходе, так и вся жизнь пройдет… Сквозь привычный шум лагеря послышался звонкий тоскливый клич. Журавли прощались с Арцией, четкий клин медленно плыл по синему предвечернему небу. Весной они вернутся, те, кто выживет… Так, и его понесло, видимо, умствования Александра оказались заразными. Луи Трюэль спешился и, бросив поводья оруженосцу, направился к королевской палатке.

– Через пару кварт они будут у нас, – Рафаэль Кэрна тоже шел к Александру, но задержался и, задрав голову, провожал длинношеих птиц, – отдохнут немного, а потом дальше, через Пролив… Я раньше любил их встречать… Проклятый, десять лет прошло… Надо же!

– Ты так и не вернешься?

– Пока отец жив, не вернусь, а потом придется, хотя бы на время… Герцог хочет передать корону брату. Я согласен, куда мне без вас, я теперь совсем арциец. Мирия мне маловата, да и не смогу я с синяками и капустницами ужиться, а гнать их от нас поздно… Правильно твой дед говорил, воюй хоть с Проклятым, хоть с Творцом, только не с клириками.

– Тогда тебе вовсе незачем назад тащиться. Напиши, и хватит.

– Нельзя, у каждой жабы свой хвост. Антонио не станет законным герцогом, пока я не отрекусь в его пользу в главном храме Кер-Эрасти. Причем сначала придется честь по чести принять корону, так как отрекаться может только миропомазанный государь. Бред, конечно, но ничем не лучше вашей привычки обходить женщин или атэвской, где все зависит от предсмертного желания калифа… Так что, если меня здесь не прикончат, хочешь не хочешь поеду в Мирию.

– А с какой стати тебя должны прикончить?

– А я откуда знаю, – пожал плечами Рито, – муторно как-то…

– Жабий хвост! И тебе тоже?!

– Наверное, от Александра заразился, он что-то совсем поплыл…

– Да я не про него, а про себя. Вроде бы все в порядке, все на месте, я двадцать раз проверял, а все равно!

– А вот это мне уже не нравится. Мне вообще многое не нравится.

– Например?

– Сандер мне не нравится, – махнул рукой мириец, – сил нет на него смотреть…

– Мне самому нет сил на себя смотреть, – они и не заметили, как король откинул шелковый полог и присоединился к ним.

– Проклятый тебя побери, Сандер, – откликнулся Рито с нервным смешком, – подкрался, как кошка!

– Ну, извини, – король виновато улыбнулся, – мне что-то на небо поглядеть захотелось.

– Жабий хвост! – скрипнул зубами Луи. – И что это на нас всех нашло?! Когда мы схватились с Раулем, такого не было!

– Стареете, наверное, – предположил Рито.

– Скорее не привыкли, чтоб удача сама в руки плыла, всегда с бою брали, а тут… Неуютно как-то.

– Именно, что неуютно, – Александр рассеянно оглядел золотистые деревья, дальний овраг, шелк небес, прошитый еще одной улетающей стаей, – зачем мы все это делаем, уму непостижимо.

– Что «все»? – не понял Рафаэль.

– Все, – повторил Александр Тагэре, не отрывая взгляда от журавлей, – какое дело этим птицам и этим деревьям, кто победит? Мы будем убивать, нас будут убивать, а зачем? Никому это не нужно. Поль был прав, когда женился и уехал в провинцию, – а мы? Пройдет год или два, «паучата» [10] опять дадут Пьеру деньги, опять найдутся люди, которые за эти деньги придут сюда, чтобы их убили, и при этом убьют кого-то из тех, кто готов умереть, чтобы здесь не было ни Эмраза, ни того, кто его притащит. И опять будет осень и бессмысленная кровь.

– Хватит, – внезапно вспылил Луи Трюэль, – оставь эту фантасмагорию при себе! Мы здесь, потому что к нам заявились с оружием. Тартю – трус и ничтожество, но за ним стоят те, кому мы – кость в горле. Каштанам, может, и наплевать, кто будет под ними ездить, а мне – нет. И если кто-то за ифранские ауры готов рискнуть головой, я ему эту голову сверну. Их никто не звал сюда, Александр, и прекрати забивать себе и нам голову всякой ерундой!

– Ты прав, – король походил на только что проснувшегося человека, – ты все проверил?

– Все, и не по одному разу. Сандер, трусость Тартю равняется скупости его хозяев. Я не понимаю, как он решился полезть на

нас с такими силами, но мои разведчики прочесали всю округу. Похоже, у Эмраза и вправду только те войска, которые мы видим.

– Вспомни, – Рафаэль отбросил падающую на лоб вороную прядь, – вас у Мелового было еще меньше, и две трети были наемниками или почти наемниками.

– Я помню, – кивнул Трюэль, – но Рауль и Тартю то же, что медведь и крыса. За Эмразом воинских талантов отродясь не числилось, а Сандер уже тогда мог с покойным Анри Мальвани потягаться. Жабий хвост, проедусь-ка я, пожалуй, еще раз до Гразы и обратно… Не желаете составить мне компанию?

Александр молча покачал головой, Кэрна пожал плечами и остался с другом.

– Рито, – Тагэре рассеянно провожал глазами удаляющегося всадника, – тебе не кажется, что Сезар был бы лучшим королем, чем я? В конце концов, Мальвани мало чем уступают Волингам…

– Хорошо, Сезар тебя не слышит, он бы тебе сейчас такое сказал…

– Знаю, просто ты не представляешь, как я устал от короны, от этого украшения, – король коснулся изуродованного плеча, – от необходимости все время улыбаться и делать вид, что я знаю, как надо поступить в любом случае.

– Но ты действительно знаешь.

– Не уверен. Раньше – да. Раньше у меня многое получалось, но тогда в этом был какой-то смысл. Был жив Эдмон, я был должен…

– Ты и сейчас должен. Арции и самому себе. Проклятый! Ты когда-нибудь прекратишь себя грызть? А если не прекратишь, подожди хотя бы до завтра.

– Не волнуйся, – Тагэре натянуто засмеялся, – завтра все будет как надо. Я сяду на Садана, надену корону, возьму меч и так далее. Мы победим, возможно, даже захватим Пьера…

– А потом ты его отпустишь или отдашь на поруки отчиму… Право, ты уже становишься смешным с этим своим милосердием!

– По-твоему, лучше поступить, как… как…

– Как Филипп с Жоффруа? Это другое. У тебя нет постыдной тайны, которую ты хочешь скрыть. Да у тебя и врагов-то собственных нет, все или враги Арции, или те, кого ты приобрел, служа брату.

– Нет тайны, говоришь? От тебя, возможно, и нет. Но что я скажу Шарло и Катрин, когда они спросят, кто их мать? Элеонора хочет, чтоб я женился на ее дочери. Ради Филиппа я должен, а не могу! Понимаешь, не могу!

– И не надо, – Рафаэль сочувственно посмотрел на Александра. – Младшая Элеонора – дура! Если у нее и есть что

стоящее, то грудь – так у Онорины не хуже. А ты жить с дурой не сможешь. Шарло все поймет, это уже сейчас видно, а что до женитьбы, так время терпит. Я тоже не женат, и ничего.

– Ты не король… Ой, извини.

– А чего извиняться? Я из Мирии ушел навсегда, быть карманным герцогом при церковных крысах – не по мне! А что до того, что тебе нужны законные наследники, то сын Жоффруа – славный мальчишка, да и ты пока умирать не собираешься. Может быть…

– Да в том-то и дело, что ничего быть не может. Бедная Жаклин схватилась за меня, как утопающий за терновый куст, а что я ей, кроме своей неземной красоты, мог дать? Я был рад-радешенек, когда медикус прописал ей воздержание.

– Жаклин ты дал жизнь и свободу. Вряд ли после всего, что с ней и всеми ре Фло случилось, она могла надеяться хоть на что-то. Если бы не ты…

– Если бы не я, ее отец был бы жив!

– Проклятый! – возопил Рафаэль. – Еще немного, и ты себя обвинишь в Грехе Первом и Грехе Последнем, о которых нам ханжи талдычат! Неужели моя дура сестра вкупе с Элеонорой Вилльо так заморочили тебе голову, что ты стал бояться жить? Когда до тебя дойдет, что ты ни перед кем не виноват и никому ничего не должен, это перед тобой все в долгу, как в шелку!

– Ладно, Рито, – махнул рукой король, – давай проедемся по следам Луи. Все лучше, чем такой разговор…

2895 год от В.И. Вечер 9-го дня месяца Собаки ЧЕРНЫЙ СУР

– Вот оно! – Рене Аррой указал рукой на груду серых камней. В нескольких шагах от развалин буйствовали джунгли, но роскошная тропическая жизнь словно бы остановилась на границе невидимого круга, за которым не росло ни травинки.

– Ждите меня здесь, – Рене обернулся к своим спутникам – могучему черному жеребцу и сидящему на его спине эльфу.

– Я пойду с тобой, – Клэр легко спрыгнул на землю, несмотря на протестующее фырканье Гиба.

– Нет. Это место проклято и отмечено печатью даже не Зла, а чего-то совершенно чужого. Лианы и те это понимают, так что эльфу там делать нечего. Я – другое дело, да и вряд ли я найду что-то, кроме тени.

– Если б там была только тень, – покачал головой Клэр, – джунгли бы захватили холм.

– Ты можешь чувствовать деревья. Что они помнят?

– Сейчас. – Тонкое лицо рыцаря Осени стало отсутствующим, серебристые глаза широко раскрылись, глядя в никуда. Рене и Гиб молча ждали. Ветер всколыхнул густую, тяжелую листву, на землю упало несколько капель то ли росы, то ли сока, дохнуло приторным ароматом цветов. Клэр поднял голову.

– Деревьям отвратительно это место, вот и все, что я могу сказать. Эти леса не знают осени, но этот холм для них – средоточие того, что в наших краях зовут зимой.

– Зима, смерть, небытие… – задумчиво повторил Рене, – я видел их, и видел близко. Но мы пришли сюда не за этим.

– Мы? – попробовал улыбнуться Клэр. – Мы с Романом решили, что нужно разыскать храм из легенды Майхуба, но нам задуманное оказалось не по силам.

– Потому что вы живы.

– Ты тоже жив, Рене, – возразил Клэр, – ведь жизнь – это любовь, память и воля. Ты вернулся и этим все доказал.

– Вернулся, это так… О, смотри!

Это было животное размером с небольшого арцийского кабана, оно и походило на кабана, если бы того разрисовали черно-белыми пятнами, а рыло вытянули в небольшой хоботок. «Кабанчик» сломя голову удирал от хищника, сзади была смерть, впереди – развалины, в которые беглец и бросился. Вслед за ним из-под покрова леса выскочила огромная пятнистая кошка, но на границе травы остановилась, коротко рявкнула и гордо удалилась в джунгли. Ужас и отвращение, внушаемые этим местом, оказались сильнее голода, но слабее страха смерти.

– Подождем, – предложил эльф. Рене кивнул, Гиб ударил копытом о землю, что в данном случае означало согласие. Наступила тишина, нарушаемая лишь шорохом ветвей и гудением насекомых.

2895 год от В.И. Утро 10-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Александр Тагэре не мытьем, так катаньем избегал предписанных этикетом церемоний. Особенно невыносимы были толпы придворных, собачьими глазами созерцавших, как Их Величество одеваются или кушают. Король понимал, что минимум принятых в Благодатных землях обычаев соблюдать нужно, но привыкший к тяжести доспехов, откровенным дружеским словам и дыму походных костров воин с трудом мирился с дворцовыми порядками и нарушал их елико возможно. Все еще стесняясь своего плеча, Сандер предпочитал одеваться в одиночестве, а в качестве кости, брошенной блюстителям

этикета, по утрам приглашал к себе кого-то из «волчат». Александр как-то умудрился пронести юношескую дружбу сквозь огонь, воду и медные трубы. Возможно, потому, что «волчата» признали первенство Последнего из Тагэре задолго до коронации, а лизоблюдство было им так же противно, как и их королю.

Наедине с друзьями Его Величество превращался в Сандера, и это устраивало всех. Вот с теми, кого он недолюбливал, Александр Тагэре был неизменно вежлив и холоден; впрочем, шансов помочь королю затянуть пряжки доспехов или наскоро вместе с ним сжевать походный завтрак у них не было. Александр всегда старался избавляться от их общества, но на сей раз ему не повезло. В поход против бывшего виконта Эмразского, старанием ифранских «паучат» превращенного из «кошачьего отродья» [11] в наследника Лумэнов, пришлось взять с собой фронтерских наемников и, самое гнусное, Стэнье-Рогге.

Граф Селестин в своих предательствах докатился до того, что выступил против собственного пасынка, хотя его никто об этом не просил. Александру было противно, но отказать в этом удовольствии услужливому нобилю, за которого ходатайствовала бланкиссима Шарлотта, было нельзя. Положение на границе с Ифраной тревожило, все шло к тому, что Эмразом жертвовали, чтобы заставить Арцию перебросить войска от Табита к Гразе и, воспользовавшись этим, вторгнуться в Оргонду. В пользу этого говорили и очередные выходки фронтерского господаря и эскотских разбойников. Тагэре не сомневался, что и Тодору, и новому эскотскому королю Ноэлю, и его северным подданным заплатили ифранским золотом. Ничего серьезного в этих набегах не было, но они исключали участие в походе против Тартю войск из Эльты и Эстре. Впрочем, это было не так уж и страшно, Александр не сомневался, что тысячи гвардейцев, «волчат» с их сигурантами и дарнийских наемников для ифранско-лумэновского претендента на арцийский престол более чем достаточно.

То, что против четырех или пяти тысяч Тартю он выведет две с половиной, Тагэре не смущало. Он был уверен и в своих людях, и в себе, а численный перевес противника перестал пугать Александра еще в юности. Но все пошло не так сначала из-за Жися, а затем из-за возжелавшего лишний раз доказать свою преданность Селестина. Пришлось тащить за собой никому не нужный многотысячный хвост. Стало не лучше, а хуже, но канцлер Бэррот был прав: фронтерцев без присмотра лучше не оставлять, тем паче в столице. Взять их на службу было не лучшим решением покойного брата, но что сделано, то сделано. Хорошо, хоть Жись на ножах с нынешним фронтерским

господарем, как бишь его?

У входа в палатку зашуршало, что-то спросил часовой, кто-то ответил, полог откинулся, и появился граф Трюэль. Значит, скоро выступать.

– Луи, во-первых – здравствуй, во-вторых – что в лагере, и, в-третьих, – ты часом не помнишь, кто сейчас заправляет во Фронтере? У меня имя из головы вылетело.

– Жабий хвост!

– Не ври, господарей с таким именем даже там не бывает.

– А вот и бывает, твое величество. Где ж им быть, как не во Фронтере? – Трюэль ловко поймал запущенный в него Сандером кубок. – Ты не представляешь, что у них за имена и клички, – ежли поискать хорошенько, и Жабий Хвост отыщется, и Хрючий Глаз, и Перебейнос или Набейморду… Но нынешний называется Тодор.

– Точно! И сидит почти двадцать лет. Жись – его родич, вроде как…

– Ага. Но они как кошка с собакой. Тодор рад-радешенек избавиться от Жися, который под него копал, пока Филипп беднягу не пригрел.

– Знал бы ты, как я не хотел их с собой тащить.

– А что так? Воины они неплохие, даже очень. И верхами годятся, и пешими, да и под присмотром будут.

– В том-то и дело. Я привык верить тем, кто рядом.

– Ну, во время боя им верить можно. Вот потом как бы не напились да грабить не полезли. И от обозов их держать нужно подальше. Кстати, из Гартажа налог прислали.

– Хорошо, – рассеянно кивнул король, – поможешь?

– Легко, – Луи, насвистывая, взялся за пряжки на королевских поножах. – А Рито опять без доспехов.

– Ну, не совсем же.

– Не совсем, но все же. Говорит, ему так легче. Прямо атэв какой-то.

– Может, он и прав. Атэвы и впрямь не любят на себе железо таскать, но с ними я бы сразиться не хотел.

– Готово, твое величество, принимай работу…

– Убить тебя, что ли? – задумчиво произнес Сандер.

– Не надо, – в притворном ужасе взвизгнул Луи, прикрывая голову рукой, – лучше кого-нибудь другого.

– Уговорил, – в глубоких серых глазах сверкнула и погасла искра, – моя б воля, я б и вовсе никого не убивал.

– Жабий хвост, «никого» не получится.

– Я понимаю, пошли.

Их, разумеется, уже ждали. «Волчата», капитан дарнийских

наемников с неизбежным долговязым племянником, граф Рогге-Стэнье, как всегда учтивый до чрезвычайности, командир лучников и арбалетчиков барон Шаотан и усатый и хмурый фронтерец, старательно опускающий глаза. Наверняка кто-то из его людей напился и учинил какую-то пакость… Ладно, сейчас не до того.

– Доброе утро, господа. С погодой нам, кажется, повезло.

– Да, день, без сомнения, будет солнечный. Очень подходящий день, чтобы разбить изменника. – Селестин Рогге-Стэнье рассмеялся приятным, грудным смехом.

– Вам не есть неприятно воевать с сыном вашей супруги? – поинтересовался ставший недавно бароном господин Игельберг. В вопросе дарнийца не было двойного дна, ему и в самом деле было интересно.

– Мой дорогой барон, – Стэнье отнюдь не казался обиженным, – сын жены и родная кровь – отнюдь не одно и то же. Уверен, что ваш племянник останется вам много ближе, чем потенциальный сын вашей возможной супруги. К тому же, как всем известно, сигнора Анжелика меня покинула и укрылась вместе с Пьером в Ифране, так что я даже не знаю, женат или нет…

Селестин не врал. Анжелика, которую все и всегда называли Фарбье, хотя она дважды была замужем, и впрямь увезла сына в Ифрану сразу после смерти Жоффруа. Александр графиню не осуждал, мать есть мать, хотя ее жалкий сынок ничем Филиппу не мешал, да и мешать не мог. Прав на корону у него не было никаких. Потомок бастарда-узурпатора, да еще по женской линии! Сандер совершенно точно знал, что встречался с виконтом Эмразским, но при всем желании не мог припомнить его физиономию. Когда-то неугомонная Анжелика попыталась женить своего Пьера на Даро… Над этим смеялись несколько месяцев, особенно когда Миранда расписывала неземную «красоту» жениха.

– …Таким образом, – возвысил голос Ювер Трюэль, исполнявший в этом походе обязанности начальника штаба, – на сегодняшний день у нас три с половиной тысячи тяжелых кавалеристов, в том числе тысяча дарнийцев и две тысячи, подчиненные графу Стэнье-Рогге, две тысячи лучников и шесть тысяч храбрых воинов сигнора Жися, пригодных как к пешему, так и к конному бою. Итого одиннадцать тысяч пятьсот человек, не считая свитских.

– А каким количеством располагает противник? – Господин Игельберг все знал и так, но не услышать подтверждение вчерашних сведений, по его мнению, было не правильно.

– У него две тысячи тяжелых кавалеристов, столько же пехотинцев и до полутысячи лучников и арбалетчиков.

– Это хорошее соотношение, – наклонил голову дарниец, – мы должны получать убедительную победу.

Да, превосходство было очевидным, даже слишком. Александр Тагэре досадливо поморщился. До сегодняшнего дня ему не приходилось начинать битву, находясь в большинстве. Проклятый, оказаться чуть ли не с двенадцатью тысячами против жалкого Эмраза – это ли не насмешка!

2895 год от В.И. Утро 10-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Пьер Тартю сам не знал, чего в его отношении к арцийскому королю больше – страха, зависти или ненависти. Пожалуй, все-таки страха, по крайней мере сегодня. Пьер изо всех сил старался выглядеть спокойным, но получалось плохо. Еще бы, ифранские союзники бросили его на растерзание лучшему полководцу Благодатных земель! Да будь все наоборот, будь у него двенадцать тысяч, а у Тагэре четыре, и то было б чего бояться, а так… Через ору от них мокрого места не останется.

Всесильная Жоселин, четвертый год правящая Ифраной от имени несовершеннолетнего Жермона, заверяла, что они обязательно победят, но регентша всегда была отъявленной лгуньей. То, что он не полководец, еще не значит, что он дурак. Против горбуна Тагэре у них шансов нет. Жоселин, что бы она ни говорила, заварила эту кашу с одной-единственной целью – вынудить арцийцев снять войска с границы. Не вышло, горбун в ловушку не попался! А маршал Аршо-Жуай и проклятый Белый рыцарь и не думают отступать! Они твердят, что битва будет выиграна, но «волчонка» Тагэре еще никто не разбил.

Проклятый, все знают, кому обязан Филипп Четвертый победой над Королем Королей! Горбун Эстре, младший из сыновей Шарля, – вот кто был настоящим победителем. Не король, а его брат с двумя тысячами остановил двенадцать, правда, тогда на стороне Александра была неожиданность, и он сам выбрал, где и как ударить.

Младший из Тагэре и его сигуранты… Пьер Тартю видел их всего несколько раз, но даже спустя много лет мог описать одежду и лицо каждого, а вот они, они его не видели в упор, а мать и отчима и вовсе презирали и ненавидели. Хотя здесь они правы. Селестин Рогге – лживая, угодливая дрянь без чести и совести, поклянется в одном и немедленно сделает другое. Любопытно, о чем он думает сейчас? Мать ему писала

неоднократно, но письма оставались без ответа. Для него родня ничего не значит, было бы хорошо ЕМУ. Он и на матери-то женился, будучи уверенным, что Лумэны вернулись к власти, но Рауль ре Фло проиграл, и Селестин его прикончил и переметнулся к победителю. Он, как мог, выслуживался перед королем Тагэре, и тот его простил и приблизил. Филипп, но не его брат и его приятели!

Пьер прекрасно помнил, как когда-то мимо него с хохотом пронеслась стайка молодых нобилей. Один, с изуродованным плечом, обернулся, сверкнув яркими серыми глазами. Второй, статный красавец, как выяснилось позже, виконт Малве, что-то шепнул, и приятели рассмеялись – без сомнения, над ним, Пьером Тартю. Мать советовала ему держаться подальше и от «волчат» и от «пуделей», и он так и делал, правда, в отличие от нее прекрасно понимая, что его не примут ни первые, ни вторые. Только один раз, после эскотского похода, он набрался смелости и заговорил с Александром, тогда еще герцогом Эстре, – и совершенно зря!

Нет, Тагэре не был груб, он не прерывал сбивавшегося родственника и даже вежливо поблагодарил за поздравления, но Пьер отчего-то ощутил себя полным ничтожеством. Он стал торопливо прощаться, и горбатый герцог равнодушно кивнул, словно мелкому провинциальному нобилю. Со своими дарнийцами он и то был приветливей. А в храме после венчания Дариоло Кэрны?!

Разодетый в цвета Волингов Александр Тагэре, глядя сквозь собеседника, заметил, что Дариоло сделала достойный и правильный выбор, ее избранник – настоящий рыцарь, к тому же хорош собой и королевской крови. Это был камешек в огород Тартю, потерпевшего неудачу с прекрасной мирийкой! Александр Тагэре, без сомнения, был наслышан о его попытке, предпринятой по настоянию матери. Еще бы, девица Кэрна жила в доме Мальвани, как же было не посмеяться над незадачливым женихом вместе со своим драгоценным Сезаром!

Пьер был старше Эстре на полгода, но не участвовал ни в одной кампании, на гербе его матери была кошачья лапа, а внешность… Нет, виконт не был уродом, но в сравнении с красавчиком Бэрротом или братом Дариоло и впрямь был жалок. Конечно, можно было указать Эстре на его горб, но виконт Эмразский в ответ… улыбнулся и еще раз поздравил монсигнора с военными победами.

Проклятый, ну почему рядом с сероглазым горбуном чувствуешь себя каким-то тараканом. Что в нем такого?!

– Ваше Величество, вы готовы? – Ифранский маршал в

полном боевом облачении был хмур и напряжен. Жуай – не дурак, понимает всю безнадежность их положения.

– Готов, но это безумие. Нас разобьют!

– Мы одержим победу. Не спорю, Александр Тагэре очень хороший полководец и прекрасный боец, но именно это и является его слабостью. К тому же Его Высокопреосвященство сейчас отслужит молебен за победу вашего оружия.

При мысли о Клавдии, выставленном из Арции за участие в заговоре и обретавшемся все эти годы в Кантиске и Авире, Пьер Тартю немного успокоился. Не то чтобы он любил толстого кардинала, но тот был хитрецом и трусом. Если Клавдий согласился сопровождать их в Арцию, где ему запрещено появляться под страхом смерти, он уверен в успехе. Может быть, все дело в магии? Или ночью к ним подошли резервы? В то, что их дело угодно Триединому и святой Циале и те вмешаются и помогут, Пьер Тартю не верил, равно как и в самого Триединого, но, раз молебен назначен, надо на нем присутствовать.

Претендент на арцийскую корону вздохнул и поднялся, покинув нетронутый завтрак – желудок противился самой мысли о еде. Тартю не хотел спрашивать, но не смог удержаться:

– Маршал, к нам подошло подкрепление?

– Будем надеяться, Ваше Величество.

Надеяться?! Есть ли что более глупое, чем надежда?!

– Но вы говорили, у нас все готово к отступлению…

– Да, если что-то пойдет не так, мы Ваше Величество не оставим. Ваше Величество помнит, что у нас уже были неудачи.

Еще бы! Он до смерти не забудет предыдущие безумные попытки! Один раз они даже не высадились на берег, так как обещанное Гризье и Вилльо восстание с треском провалилось. Второй раз они все Же добрались до Арции, но вскоре передовой отряд налетел на дарнийскую заставу и был размазан по окрестным пригоркам, а они едва успели погрузиться на корабли и покинуть арцийские воды. Но тогда они были у самого берега, а сейчас забрались слишком далеко от спасительного моря!

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

– Лучники вышли на основной рубеж на холмах и начали обстрел.

– Хорошо, – кивнул Александр Тагэре. В Морисе Шаотане он и не сомневался: барон из Гартажа прямо-таки кожей чувствовал и ветер, и направление. Сандер давно понял: если человек знает, что делает, и делает это хорошо, не нужно мешать. Сейчас дело за

Морисом. Ифранцы станут отстреливаться, не преуспеют в этом и отойдут. Тогда настанет черед фронтерцев. Или пустить вперед Рогге? Дело верное, тут особого ума не нужно.

– Мой государь… – Проклятый! Штефан – замечательный человек. Умный, опытный, надежный, но эта его манера говорить высоким штилем…

– Да, барон?

– Мой государь, я могу просить вас об одной вещи?

– Разумеется. В чем дело?

– Ваше Величество, все эти годы рядом со мной находился мой племянник. Я… имель обучать его военному делу и, как мне кажется, добился определенного успеха. Конечно, серьезную операцию ему еще доверять неосмотрительно, но провести атаку на отступающего, расстроенного противника он может.

– Вы хотите, чтобы Хайнц начал преследование и на плечах отходящих ворвался в их лагерь?

– Да, он должен быть хорошим возглавителем авангарда.

– Штефан, я рад оказать вам эту услугу, хотя это Хайнц окажет ее всем нам. Вы думаете передать под его начало всех своих людей?

– Не думаю, что это станет разумно, – дарниец пожал богатырскими плечами, – наш отряд есть самый опытный и боевой в армия, он хороший не только для начала, но и для конца. Хайнц возьмет пять сотен всадников и будет начинать драку. Затем в центре могут пойти снявшиеся со своих лошадей фронтерские солдаты, которые есть очень недисциплинированные, и их нельзя пускать ни в авангарде, ни в решающей стадии. Если наш недруг будет делать атаку на нашу середину, хотя это есть не весьма вероятно, лучники могут себя прятать за фронтерцев. На флангах будет целесообразно нападение графа Целестина Стэнье-Рогге, а мы нанесем финальный удар и остановим фронтерских мародеров. Потому что они есть мародеры и начнут убивать и грабить сразу после победы.

Судя по усилившемуся акценту, Штефан весьма взволнован. Столько лет воспитывал племянника и наконец решил спустить с поводка! Что ж, доставим хорошим людям радость. Будь противник посерьезнее, делить дарнийцев было б рискованным, а тут… Пускай Хайнц полетает на собственных крыльях, если и ошибется – не беда!

– Вы все продумали, барон. Остается только довести дело до конца. Готовьте Хайнца, похоже, перестрелка скоро затихнет. Шаотан явно их переиграл.

– Да, – Игельберг прикрыл рукой глаза и посмотрел вдаль, –

безусловно, они скоро начинают отступление. Я пошел напутствовать моего племянника.

– Бедный Штефан, – засмеялся Рафаэль, щеголявший в легких атэвских доспехах, некогда подаренных Александру, но пришедшихся впору "второму "я" короля.

– Почему бедный? – переспросил Одуэн, предвкушая очередную шутку.

– Жабий хвост, – встрял Луи Трюэль, – да потому, что Эмраз побежит раньше, чем Игельберг закончит наставлять несчастного Хайнца.

– Именно, – жизнерадостно засмеялся Рафаэль, – хотел бы я на это взглянуть!

– Так в чем же дело? – улыбнулся Александр. – Рито, отправляйся к Штефану и замени ему племянника, по крайней мере до конца боя.

– Зачем это?

– Ну хотя бы затем, что мы вряд ли вступим в драку, а терпеть твое общество, когда тебе не дают помахать мечом, – легче повеситься, – объяснил Никола.

– И это тоже, – согласился король, – но главным образом для того, чтобы принять капитуляцию. Штефан – наемник, Жись – тоже, а ты – маркиз, сын герцога и мой друг.

– По мне, так и Рогге сойдет. На правах родственника.

– Не хочу давать ему повод очередной раз выслужиться.

– Понял, – сверкнул зубами Кэрна, – хорошо, отправляюсь в распоряжение Игельберга и буду заменять его молодого и неопытного, но такого старательного племянника.

– Проваливай, чудовище, – засмеялся Одуэн.

Рито махнул рукой и лихо развернул Браво. Бедняга повернулся, как на шарнирах, и галопом помчался вниз. Сандер проводил глазами удаляющегося всадника в алом и внезапно захотел вернуть. Хотя… что за глупости, ничего с ним не случится! Рито живуч, как кошка, и везуч, как сын атэвского Садана! Король обернулся к «волчатам». Жись и Рогге отправились к своим, а Шаотан уже воюет. На вершине пологого холма остались лишь самые близкие – и хорошо; можно перестать быть величеством и вновь стать герцогом Эстре.

Тагэре глянул вниз. Кажется, все готовы. Рогге – неплохой военачальник, хоть и без воображения. Всю свою выдумку он тратит на интриги и предательства. Конечно, с Анжеликой он вот-вот разведется, но навязываться в поход против пасынка… Есть в этом что-то подлое. Насколько б лучше было без этого подлизы. Да и Артур бы порадовался.

Капитан гвардии, когда его оставили в Мунте, выглядел вовсе

убитым, но канцлер втайне от сына попросил короля не брать того в поход, так как по гороскопу Артуру в месяце Собаки грозит серьезная опасность. Разумеется, он оставил виконта Бро в столице. И не только ради него самого и Даро, а потому, что Бэррот-старший намекнул на возможность какого-то заговора, а бланкиссима настойчиво посоветовала не отталкивать Стэнье. Оказывается, Селестин ужасно страдает из-за поведения своих родичей и жаждет на деле доказать верность дому Тагэре. Ссориться с Шарлоттой Сандеру не хотелось, да и канцлер был прав. Когда король покидает столицу, некоторым подданным могут прийти в голову всякие глупости, а наследник престола и впрямь нуждается в защите. Нет, гвардию следовало оставить в Мунте.

– О, – жизнерадостно воскликнул Одуэн, – а Штефан управился быстрее, чем мы думали!

– Жабий хвост! Он, небось, беднягу Хайнца ночью наставлял, к утру как раз успел.

– Луи!

Когда король говорил таким тоном, шутки затихали немедленно.

– Да, Сандер?

– Прикажи Жисю выступать. Не дело, если они отстанут от Хайнца больше чем на треть оры.

– А Рогге?

– Пусть ждет приказа. И чтоб без отсебятины.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Пять сотен дарнийцев на рысях двинулись вперед. Рито, скрывая усмешку, проводил взглядом долговязую фигуру Хайнца. Мириец был готов поклясться, что племянник барона Игельберга под шлемом шевелит губами, повторяя то дядюшкины наставления, то молитвы святому Штефану, святому Отто, святому… Проклятый знает, какому еще, – у дарнийцев святых хватало на все случаи жизни. Сам Кэрна, сдерживая рвавшегося вперед Браво (жеребец, привыкший идти впереди отряда, был весьма озадачен тем, что вынужден оставаться на месте, когда кто-то уходит), насвистывал эскотскую песню о черных маках, отчего-то прицепившуюся к нему с самого утра. Песня была грустная, чтобы не сказать больше, но красивая. Нужно вечером подобрать ее, благо гитару, подаренную Артуром, Кэрна таскал с собой везде. Рито не сомневался, что мысль привезти ему настоящую мирийскую гитару принадлежала сестрице, но не

устоял и принял подарок. Да и Артура обижать не хотелось, Бэррот не совершил ничего дурного, во всем виновата Даро.

Маки, маки в росе рассвета,
Отчего вы плачете, маки?…

Проклятый, вот ведь привязалось! Мириец привстал на стременах, вглядываясь вперед. Хорошо идут. Скрытно и тихо. С той стороны их заметят в самый последний момент. Справа на холмах, опустив луки, стояли стрелки Мориса Шаотана. Они свое дело сделали отлично и с полным правом отдыхали, ожидая новых приказов. Отряд Хайнца продвигался низинкой, в обход череды холмов. Ифранцы сейчас заняты стрелками, даже не стрелками, а ожиданием атаки в лоб. Так всегда бывает. Лучники и арбалетчики расступаются, пропуская конницу, но у Сандера все не как у людей. Он решил для начала ударить во фланг и лишь потом пустить фронтерцев. Излишняя роскошь! Или нет?

Мы – лишь тени ушедших в землю,
Мы – лишь пепел сгоревших в небе

Как же там дальше, мелодию он запомнил, а вот слова… Что-то про измену. Была война, кто-то кого-то предал…

– Монсигнор, мой Хайнц уже вышел туда, куда должен был выйти. – Предводитель дарнийцев, похоже, изрядно волновался за родича. Еще бы, это первое дело, которое он ему поручил.

– Штефан, я уверен, ваш племянник вас не подведет.

– Я испытываю большую надежду на этот счет. Но, монсигнор Кэрна, я хотел бы видеть вас рядом с собой, но для этого у вас неполный доспех. Вы должны беречь свою жизнь и держаться внутри.

– Не беспокойтесь, барон, – Рафаэль широко улыбнулся, – каждому свое. Доспехи у меня калифские, их мало какой меч разрубит; а что легкие – так мне других не надо.

Игельберг больше не спорил. Похоже, его сейчас занимал Хайнц, один только Хайнц, и никто, кроме Хайнца. Рито понимал старого рубаку. Подчиняться племянника он научил в совершенстве, но вот научил ли думать? Хотя думать тут как раз нечего – все понятно и просто.

Маки, маки в огне заката,
Что вы можете помнить, маки?
Маки, маки…

Хватит! К Проклятому эскотскую грусть и прошлые войны. Рито рывком опустил стрелку шлема, став похожим на атэвского принца, и занял место за плечом Игельберга. Как раз вовремя, чтобы увидеть атаку. Раздался рев фанфар – и дарнийцы, выскочив из-за холмов, понеслись вперед. Браво, услышав боевой призыв, попытался сорваться с места в карьер и обиженно повел ушами, когда всадник его удержал.

До сражающихся было далеко, но утро выдалось ясным, а пыль еще не поднялась, и Рафаэль быстро разобрался, что к чему.

Бросок получился коротким и страшным, стоявшие на фланге и глазевшие в центр ифранцы не успели не то что перестроиться, но даже обнажить оружие. Первые были сбиты копьями, вторые погибли под конскими копытами, затем настал черед знаменитых дарнийских секир. Господин Игельберг хорошо вышколил и своих людей, и своего племянника. Несмотря на очевидный успех, никто не зарвался и не сломал строй, увлекшись легкой добычей. Наемники глядели не только на врагов, но и на товарищей слева и справа. Если атэвы в конном бою напоминают степной пожар, а арцийская конница подобна горной реке во время ливня, то дарнийцы движутся как источаемая вулканами Берега Злобы лава – медленно, неотвратимо, всесокрушающе.

Штефан Игельберг был доволен. Хайнц не подвел. Его удар был точен и равнодушен. Племянник не ненавидел, не развлекался, не искал глупой славы, а работал. Бой молодого дарнийца не пьянил и не пугал, он помнил, что должен продвигаться к центру, навстречу Жисю Фронтерскому и Стэнье-Рогге, после чего повернуть к среднему холму, над которым развевается знамя Лумэнов, и взять в плен Пьера Тартю. Хайнц был полон решимости исполнить полученный приказ, но ифранцы оправились после первого шока и начали сопротивляться, причем довольно успешно. Их было много больше, и они отнюдь не были новичками.

По мнению Штефана, самое время было появиться Жисю, но фронтерцы запаздывали. Отряд Хайнца продолжал ползти вперед, подминая тех, кто вставал у него на пути, но ифранцы начали бить по флангам, и ничего хорошего в этом не было.

– Монсигнор, – господин Игельберг повернулся к Рафаэлю, – эти фронтерские ослы нарушают диспозицию. Они уже должны были пойти вперед. Если они не появляются сейчас, наш авангард может быть окруженным.

– Штефан, – голос Рафаэля странно зазвенел, – вы не туда смотрите. Гляньте на дальние холмы…

– Вот и ваш резерв, Ваше Величество, – рыцарь в молочно-белом плаще учтиво поклонился Пьеру Тартю, но в умных зеленоватых глазах особого почтения не было, – насколько я понимаю, помощь фронтерцев обошлась ифранской казне недешево.

– Почему мне ничего не сказали? – выдохнул Пьер, с замиранием сердца глядя, как фронтерские тысячи с тыла бросились на ничего не подозревающих арцийских лучников, вырубая всех, до кого могли дотянуться.

– Сейчас Ваше Величество увидит красивое зрелище, – рыцарь Оленя тонко улыбнулся, – Зло будет биться со Злом. Когда все кончится, Вашему Величеству останется лишь наградить или убить победителя. В зависимости от того, кто победит. Но, боюсь, придется не карать, а платить. Горбун обречен.

– Почему мне ничего не сказали? – тупо повторил претендент на арцийский трон.

– Ее Иносенсия велела держать договоренность в тайне до самого конца. Не стоило вселять в Ваше Величество надежду, которая могла оказаться ложной. Фронтерцы в последний момент могли подвести.

– Они бы и подвели, – вмешался ифранский маршал, – если б Тагэре не приказал вешать за разбой и грабежи. Дарнийцам от этого ни жарко ни холодно, но Жись оказался между двух огней и решил изменить. Кстати, мой вам совет, Ваше Величество: после победы отправьте этих мерзавцев домой. Или перевешайте. Но не держите при себе, сами видите, к чему это приводит.

– Когда мне понадобится ваш совет, сигнор Жуай, – в резком голосе Пьера Тартю зазвучал металл, – я вас спрошу, а пока помолчите.

Ифранец пожал плечами. Ему был противен этот тщедушный человечек. Трус и ничтожество… Мгновение назад трясся от страха, а теперь выговаривает ему, Ипполиту Аршо-Жуаю! Пытается выглядеть королем, чтоб его! Но план Ее Иносенсии и впрямь сработал, конечно, приятнее выигрывать честно, но такое вряд ли было возможно.

Что ж, начало положено. Тагэре остался без лучников и легких пехотинцев, хотя его передовой отряд изрядно расстроил северный фланг. Один дарниец стоит пяти фронтерцев, а дарнийцы не изменили.

Сражение не закончено, хотя исход его и предрешен. А жаль, хорошо бы Эмразу еще разок позеленеть со страху.

Ипполит относился с опаской к циалианским рыцарям и не

переносил трусов, к каковым, без сомнения, относился человек, которого требовалось посадить на арцийский престол. Если б маршал мог выбирать, он бы возглавил нацеленную на Оргонду армию, а не таскал хвост лумэновскому отребью. Ипполит Аршо-Жуай – воин, а не интриган и тем более не палач. Жуай сбросил плащ на руки оруженосцу – солнце поднялось высоко, и стало слишком жарко – и сосредоточился на происходящем. Арцийский авангард понял, что произошло, и остановился. Его командир, кто бы он ни был, головы не потерял. На фланге идет драка, но обе стороны понимают, что дело решается не здесь. Впереди на холмах продолжалась бойня, хотя есть потери и у фронтерцев. Ипполит постарался разглядеть, что творится на командном пункте Тагэре, но мешали солнце и поднявшаяся пыль.

Ну, горбун, что ты предпримешь? Стрелков тебе, всяко, не спасти, будешь наступать или отойдешь? Любопытно, в какую из двух вырытых ям ты свалишься?

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

– Предательство! – Этьен Ландей выглядел удивленным и растерянным.

– Жабий хвост! Тонко подмечено, – зло рассмеялся Луи.

– Это не жабий хвост, а хвост нотации Филиппа с фронтерскими разбойниками, – тихо сказал Ювер.

– Как не вовремя, – серые глаза Александра сузились, но страха и неуверенности в его голосе не было, – хотя лучше здесь, чем в Мунте.

– Усатые ублюдки, – прорычал Одуэн, – они поплатятся.

– Выбьем предателей с холмов! – Никола сжал меч. – Тысячи с них хватит.

– А Тартю будет на это смотреть с любовью? – блеснул глазами Крэсси.

– Нет, со злостью, – вмешался Луи. – Сандер, ты пожертвуешь обозом из Гартажа?

– Обозом? – Король казался удивленным.

– Жабий хвост, потом объясню. Если ты отдашь мне обоз, через пол-оры их здесь не будет.

– Бери, дедушкин внучек. – Король внезапно засмеялся.

– Я быстро, – заверил граф Трюэль, – вы только тут без меня глупостей не наделайте.

Никола что-то крикнул в ответ, но Луи, давший шпоры своему атэву, не расслышал. Наследник великого Обена гнал коня к золотому осеннему лесу. План его был прост и незатейлив, как

лопата. Если в дом забрались грязные дворовые псы, нужно открыть дверь пошире и выкинуть во двор шмат мяса. Уберутся как миленькие. Да еще и перегрызутся над дармовым угощением. Жись Фронтерский и его люди в глазах Луи Трюэля стоили не дороже таких псов. Можно было догадаться, что «паучата» их купят в первую очередь. Сандер взял фронтерцев с собой, не рискуя оставлять их в Мунте, Это было правильно, потому что этим громилам в столице делать нечего. И не правильно, потому что Жисю нарушить слово – что царки выпить. Луи готов был надавать самому себе по морде, что не догадался раньше, но сначала нужно исправить ошибку.

Низкий, но широкоплечий фронтерец на лесной опушке чувствовал себя как дома. То, что рядом воевали, его мало волновало. Усатый дядька лет сорока выпивал и закусывал в согласии с лучшими фронтерскими традициями, забравшись за ореховый куст, дабы не искушать товарищей салом и царкой. Луи это было на руку. Собственно говоря, вся его затея вертелась вокруг милых обычаев Жисевых вояк. Этот, без сомнения, был оставлен охранять лагерь и улизнул перекусить. Что ж, он умер счастливым, с фляжкой в руке и набитым пузом. Луи, с отвращением сморщив нос, торопливо вытряхнул свежеиспеченного покойника из его долгополой одежки. Гварский Лось говорил, как она называется, но из головы вылетело.

Желто-лиловый плащ, на котором была любовно разложена всяческая снедь, оказался тут же. Арциец безжалостно стряхнул фронтерские деликатесы в жесткую осеннюю траву, вскочил на коня и, уже не скрываясь, галопом помчался по холмистому полю. В спину ему не стреляли, в грудь, к сожалению, тоже – ублюдки Жися свое дело почти сделали, и, задержись Трюэль еще немного, фронтерцы обрушились бы на людей Рогге.

Внук барона Обена на полном скаку помчался между утирающими пот и кровь «земляками», во все горло крича о том, что за лесом богатый обоз из Гартажа, а эти нехай сами теперь справляются. И вообще пора до дому.

– Як поделим, на всех выстачит! – Прав был дед, чужой говор – ключ обмана… – А ти, дурные, ще не скоро кончат. Йим не до нас будет. По коням! Берем обоз тай тикаймо!

– Точно, – завопил кто-то высокий и рябой, – як в Пьера не выгорит, горбун з нас головы поснимает… Де обоз?!

– За яром, – махнул Луи, – там и тракт на Гаэльзу…

– Вказуй дорогу, – проревел пузатый сотник, устремляясь к ложбинке, в которой усачи оставили коней, и Луи понял, что удалось. – За мной! И швыдче, а то ти, лагерные, першими прискочут.

Это был сильный ход! Те, кто остался в лагере, не только сохранят свои поганые шкуры, но и поживятся?! Ну уж нет! Фронтерцы, бросив добивать огрызающихся лучников, повскакивали на лошадей и вопящей лавиной устремились за Луи. Обоза было жалко, но его потеря была меньшим из зол. Без налога из Гартажа Арция проживет, без наемников с востока тоже. Осенью они с Лосем прогуляются в южную Фронтеру и заставят усатых грызть свои копыта… Нет, не копыта, друг друга. Тамошний господарь три шкуры спустит с Жися и за войну, и за то, что вернулся до срока. А Жись вернется, куда кошка, туда и хвост, а когда войско грабит обозы, голова становится хвостом, а вожаками – мародеры. Вот этот пузатый – самое то!

Бедные возчики… Они не ожидали погрома, ну да судьба их, видать, такая. Фронтерцы лихо вылетели из-за леска и, увидев основательно сооруженный лагерь со множеством телег, взвыли от восторга. Впереди всех мчался давешний пузан, похожий на оседлавшую коня бочку с ногами. Дальше Луи не смотрел.

Особой набожностью граф Трюэль не страдал, но, разворачивая коня, он шептал нечто весьма похожее на молитву, призывающую милость небес к несчастным обозникам, которых он предал. Сзади раздались вопли и брань. Псы сцепились над куском дымящейся требухи. Нажрутся, передерутся и уйдут. И скатертью дорога. С сего дня старая, подписанная Филиппом Тагэре нотация перестает действовать. Луи наметом поскакал назад, держась слегка в стороне, дабы не вводить во искушение опаздывающих мародеров, и взлетел на невысокий холм. Дни стояли сухие, рассмотреть что-то за тучами пыли было непросто, но Трюэль понял, что схватка идет в двух местах.

Вдали клубилось огромное пылевое облако, видимо, Сандер и Рогге ударили в лоб Пьеру, вблизи шла драка поменьше. Племянник Штефана, чуть не погибший из-за предательства фронтерцев, вновь пошел вперед, и Луи решил присоединиться к нему. Сорвав и бросив желто-лиловые тряпки и подняв забрало, Луи с кличем «Арция и Тагэре!» бросился к дарнийцам. Графу повезло, его узнали сразу.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Фронтерцы и впрямь убрались, словно их и не было, но они были и уничтожили лучников. Или почти уничтожили. Сандер смотрел прямо перед собой, чувствуя, что должен понять нечто важное, то, от чего зависит все. Какая-то мысль билась о края сознания, но король никак не мог ее ухватить. Сзади

переговаривались «волчата», впереди маячили войска Тартю, с одной стороны заметно потрепанные племянником Штефана, в небе сияло солнце…

– Почему они не бегут? – Кто это спросил? Кажется, Ювер Трюэль. Конечно, Ювер, другие предпочитают вопросы попроще.

– Не бегут, так побегут! – Это, разумеется, Никола.

– Как увидят, что их распрекрасные фронтерцы смылись, так и дернут, – согласился Одуэн.

– Они уже должны иметь известие про ретираду неверных союзников, – вмешался вызванный к королю Штефан Игельберг, – отряд, вверенный моему племяннику, вновь пошел вперед.

– Эмраз – ничтожество, – не к месту напомнил Этьен Ландей, – он не воин, не рыцарь, даже не нобиль. Чувство чести ему чуждо.

– Не усложняй, – засмеялся кто-то из Крэсси, – зачем столько слов? Кошкин сын и есть кошкин сын…

– А поэт есть поэт, – нежным голосом добавил Одуэн, – ему неприятно говорить о кошачьих лапах.

– Как бы мы его ни называли, – тихо проговорил Ювер, – но Тартю стоит на месте, и с ним надо что-то делать, пока Луи морочит фронтерцев.

– Он не морочит их, нет, – Штефан Игельберг для убедительности покачал большой головой, – граф Трюэль завлекал их грабить обоз из Гартажа. Деньги у Тартю они уже получили, теперь фронтерские свиньи уйдут по Гаэльзской дороге, о них мы можем забывать навсегда. Но я бы не стал сейчас воевать, наши силы есть равные примерно, но у нас погибали почти все лучники и плохо с пехотой. Начинать конную атаку есть рискованно. Мое скромное мнение – нам следует возвращаться в укрепленный лагерь. Пусть наш противник берет инициативу и пытается нападать. Мы быстро сворачиваем ему глупый голова.

– Что скажешь, Сандер? – подался вперед Одуэн. – Противно, конечно, но Штефан прав. Лезть вперед глупо, а Эмраз никуда не денется. Чем дольше простоит, тем больше струсит. Мы его всяко расколотим, но зачем людей класть?! Выведем из боя Хайнца и отойдем в лагерь…

– Нам спешить некуда, – подтвердил Герар, – чай, не у Мелового.

Мелового… Рауль! Рогге с Жоффруа… Вот оно! Сандер сжал кулаки. В такую передрягу ты, мой дорогой, еще не попадал. Разве что вызвав на дуэль Мулана, но тогда ты понимал, что идешь на смерть, а сейчас просто попался… Глупо, на ровном месте. Наверное, это семейное.

Король спокойно повернулся к своим друзьям. Они ничего не понимают. Разве что Юверу не дает покоя поведение Пьера. У тебя только один выход, Сандер Тагэре. Только один…

– Ювер, – медленно произнес Александр, – ты не понимаешь, почему Эмраз не удирает, но, может быть, ты поймешь, почему с нами навязался его отчим?

Точеное лицо, так не похожее на расплывшуюся физиономию старика Обена, не дрогнуло. Виконт Тар ответил все так же тихо и рассудительно:

– Ты полагаешь, Рогге решил проделать с нами то же, что с Раулем? Тогда нам нельзя возвращаться в лагерь.

– Предательство?! – схватился за меч Одуэн. Ландей непонимающе обвел друзей бездонными очами. Никола Лагар выругался, кузены Крэсси нахмурились, став еще более похожими друг на друга, на скулах Эжена Трюэля заходили желваки…

– Предательство, – подтвердил король. – Не знаю, что они собирались делать раньше, но после ухода фронтерцев Рогге ждет, что мы отступим.

– Нас одна тысяча и отдельно еще пять сотен против двух тысяч предателя и еще четырех тысяч открытых врагов, – заметил господин Игельберг, – и у нас нет хорошей позиции. Это неприятная и серьезная ситуация. Это даже хуже, чем в наш первый совместный бой.

– Вы хотите уйти? – быстро переспросил Александр наемника. Он бы не осудил его, постарался бы не осудить…

– Я есть барон Арции и оставаюсь с моим сюзереном, – Штефан, как всегда, подробно объяснял причину своего решения, хотя его племянник был сейчас далеко, а как бы кстати пришлись его пять сотен. – Мужчина и воин должен иметь честь, чтобы не стать на тех фронтерских свиней и этих многоразовых предателей похожим. А умирать на поле боя я уже более сорока раз мог. Я готов к этому и сегодня, но сначала нужно попробовать исправить мечами нашу ошибку. Я есть в распоряжении моего короля, но что мы должны делать?

– Спасибо, Штефан, – просто сказал Александр, – я рад, что ты со мной. А выход у нас один. Рогге ждет, что мы выведем из боя Хайнца и вернемся в лагерь, где он повторит свой старый «подвиг», причем постарается застать нас врасплох – ночью или во время еды. Если мы в ловушку не пойдем, они нападут с двух сторон: у нас неудобная позиция, и на нашего одного придется четверо, если не пятеро. Если мы схватимся с Рогге, наши решат, что мы сошли с ума, а Эмраз ударит нам в спину.

– Значит, мы должны прикончить Эмраза, – улыбнулся одними глазами Ювер.

– Да. Если мы успеем до него добраться, прежде чем Рогге поймет, в чем дело…

– То наш флюгер сделает вид, что ничего плохого и не замышлял, – закончил Эжен Трюэль, до боли напомнив отсутствующего Луи.

– Да, не станет Тартю, не будет и предательства.

– Но потом нужно будет очистить государство от таких людей, – покачал головой Игельберг. – Их голова должна находить себя не на плечах, а в другом месте.

– Штефан, – блеснул глазами Александр, – я уверен, что Рогге предатель, но доказательств у меня нет. И не будет, если мы победим…

– Сначала имеет быть война, но потом необходим суд, – не согласился дарниец, – но я пошел готовить моих людей. Да пребудут над нами милость Триединого, Святого Эрасти и святого Штефана.

– Арде, – прошептал Цикола и осекся.

– Жабий хвост! – натянуто улыбнулся младший Крэсси, но никто не засмеялся.

– А может, все не так? – Этьен с надеждой оглядел друзей. – Не может быть, чтобы рыцарь задумал такое предательство!

– Проклятый, – взорвался Одуэн, – вспомни Рауля, турнир и Ифрану. Мы попались, но еще не вечер!

– Именно, – подытожил король, отвернувшись к Юверу и давая понять, что разговор окончен. Одуэн резко взмахнул рукой, подзывая оруженосцев.

Готовились к бою молча, только фыркали кони да изредка звякало оружие. Сандер слегка помедлил, положив руку на холку нетерпеливо перебиравшего ногами Садана. Он ни о чем не думал, или почти ни о чем.

– Александр!

– Ювер?

– Сандер, только не злись. Давай обменяемся плащами и шлемами. Как у Мелового… Ты должен выбраться из этой ловушки. Когда мы начнем, пробивайся к лесу и скачи в Гвару. Потом вернешься и прикончишь этого ублюдка. Помнишь, что говорил Евгений? Король остается королем, где бы он ни был. Ты нужен Арции.

– Арции нужен король Тагэре, а не трус, откупившийся жизнями друзей!

– Сандер!

– Прости, Ювер. Я благодарен тебе, но я должен или победить, или умереть королем. Так надо. Если я побегу от этого ничтожества, я признаю его права и его силу. Этого не будет!

Вспомни отца и Эдмона. Из их смерти родилась победа… И потом, если я пойду первым, у нас будет хоть какой-то шанс.

– Прости, я забыл, что ты еще и первый меч Арции. Мне тебя не заменить…

– Но в чем-то ты прав. Мне уходить нельзя, но вот вы с Эженом или Этьен… Может быть, кто-то из вас…

– Не думай о нас хуже, чем о себе. Мы – «волчата».

– Ваше Величество…

Кто? А, один из оруженосцев Герара.

– Ваше Величество. Перебежчики от Рогге. Двое.

Совсем юный светловолосый и кареглазый нобиль и ветеран со шрамом на виске. Они не сговаривались, просто честь воина и свойственная молодости искренность не позволили им ударить в спину своему королю. А ты, Сандер, можешь гордиться своим задним умом. Ты угадал, Рогге не просто замыслил предательство. Он уже принес присягу Пьеру Тартю, как когда-то Филиппу Тагэре…

Александр тепло улыбнулся двоим не предавшим его воинам. Двоим из двух тысяч! И те невольно улыбнулись в ответ. А король легко, без посторонней помощи вскочил в седло и принял из рук оруженосца боевую секиру. Знаменитый меч висел на боку, но для того, что он задумал, больше годилось другое оружие. Последний из Тагэре станет наконечником копья, направленного на прячущегося за чужими спинами ублюдка.

За спиной короля тихо, без привычных шуток и смешков, выстроились «волчата». У каждого было свое, ставшее привычным за годы бесконечных войн место. Одуэн Гартаж прикрывал спину Александра, рядом с ним плечом к плечу шел Никола Герар, затем кузены Крэсси, Ювер и Эжен с Ландеем, а вот места Луи и Рито заняли двое перебежчиков. Ветеран, тот не подведет, но за молодого Сандер немного беспокоился, хотя тот сам все решил, протянув руку слабейшему. Может, судьба его помилует… За «волчатами» шли их отряды, к несчастью, слишком малочисленные, и, наконец, дарнийцы. На случай, если Рогге все же ударит в спину.

Сандер оглянулся и заметил, как блеснул шлем Штефана Игельберга. Хороший, добротный шлем, украшенный подвитыми перьями авеструса. А Рито в облегченном доспехе… Ну да ведь это черепаху защищает панцирь, а мангуста – ловкость и быстрота… Наверное, нужно было что-то сказать, но что?

Король еще раз улыбнулся:

– Друзья. Если мы выживем, то будем счастливы. Придут лучшие времена! Я рад, что у меня есть вы, постарайтесь остаться в живых, если сможете. Даже если меня не будет. Смерть короля –

еще не смерть королевства. Моим преемником станет сын Жоффруа и Изо. За ним идут Артур и Жан Бэрроты, Сезар Мальвани, Рафаэль Кэрна и, если будет совсем плохо, граф Лидда. Вот и все. Такова моя воля. На арцийском троне не должно быть бастарда. Даже Филиппа Рунского или Шарля Тагрэ. А сейчас – забудем о смерти! Мы обречены на победу! И мы победим! Вперед!

Сандер рывком опустил забрало и тронул поводья, Садан взял с места легкой, грациозной рысью. За королем вниз по склону двинулись и другие. Шли тихо – предатели не должны раньше времени узнать, что их замысел раскрыт. Не звучали боевые трубы, не кричали всадники, только слабый ветерок колыхал плюмажи и вздымаемые оруженосцами консигны. Обогнули холм благополучно. Впереди лежала широкая, пологая ложбина, на другой стороне которой развевалось знамя Тартю, алое знамя с золотыми нарциссами, знамя, о котором Арция почти забыла. Дольше скрываться не имело смысла. Наоборот! Александр поднял руку, грянули фанфары, кони с легкой рыси перешли в тяжелый, всесокрушающий галоп.

Сверкающий клин вылетел на залитый солнцем склон. Вспыхнула серебром королевская орифламма, и, словно отражая ее, загорелись три звезды Крэсси, сжала когти орлиная лапа Гартажей, поднял тяжелую морду обычно сонный бык Трюэлей, вскинул крылья альбатрос Гераров. Несколько десятков рыцарей, словно синим атэвским клинком, вспороли покрывавший ложбину шевелящийся красный ковер. Захваченная врасплох армия Пьера Тартю дрогнула и подалась назад.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Позеленевший от ужаса Эмраз не отрывал взгляда от бьющейся на ветру королевской орифламмы. О таком он не договаривался! Фронтерцы куда-то делись, Рогге стоял на месте, а сумасшедший Тагэре рвался вперед, расшвыривая ифранских наемников. Еще немного – и он будет здесь! С высоты холма синяя стрела, рассекающая красное море, была прекрасно видна, и она неотвратимо приближалась, а на самом острие неистовствовал всадник на черногривом коне, казавшийся Пьеру страшным великаном. На самом деле король был среднего роста, ненамного выше его самого, но в боевых доспехах, верхом на Садане, во главе своих рыцарей, он был страшен, и Пьеру очень захотелось вновь очутиться в Авире.

– Командор Бавэ! – Голос претендента на престол, высокий и

скрипучий, был куда громче, чем следовало для таких слов. – Где Стэнье?! Он обещал…

– Отчим Вашего Величества выжидает подходящего момента, – сообщил рыцарь, в глубине души посылая Эмраза к Проклятому. Такому не армии водить, а сидеть, скажем… на троне. Даже странно, что этот трус с вечно недовольной физиономией и расстроенным желудком – не сын Паука. Циалианец положил руку на рукоять меча.

– С вашего разрешения, Ваше Величество, я вас покину. Мое присутствие требуется в другом месте.

Пьер его, похоже, не расслышал, его мысли были заняты другим

– Ждет?! Чего?! – визжал сынок Анжелики Фарбье в лицо ифранскому маршалу. – Когда горбун снесет мне голову?! Он уже близко!

– Не так близко, как вам кажется, – Жуай с трудом сдерживал раздражение, – вы смотрите с вершины, это приближает противника. Тагэре нужно прорваться сквозь наши ряды И подняться на холм, он неминуемо потеряет разгон, да и людей с ним очень мало.

– Если Рогге не двинется с места, я прикажу отступать! Слышите?! Пошлите к нему гонцов! Немедленно.

– Уже послали, Ваше Величество! – Ох, не надо было об этом говорить! Бывший виконт Эмразский, нынче называвший себя Пьером Лумэном, впал в одну из своих истерик, выводить из которых его умела лишь мать, по понятным причинам на поле боя отсутствующая. Еще больше позеленев, Тартю, не стесняясь того, что его слышат, заголосил о том, что Рогге предал и надо бежать.

Аршо-Жуай и сам не исключал такого развития событий: «верность» Селестина давно вошла в поговорку, но нельзя же вопить о поражении при всем честном народе! А Тагэре хорош! Ему и впрямь нет равных. Ифранец в молодости был отменным бойцом и не мог не восхищаться чужой отвагой и мастерством, даже если это ломало тщательно продуманные планы. А ведь горбун и впрямь может прорваться. Если Стэнье струсит, так скорее всего и будет. Пусть арцийцев раза в четыре меньше, но один волк стоит полчища драных кошек. Ах, как он дерется! Маршал поймал себя на том, что чуть не закричал «браво», глядя, как король снес голову зазевавшемуся наемнику.

– Я приказываю отходить! – Вопль Тартю напомнил ифранскому полководцу о его миссии. – Он сейчас будет здесь!

– Вполне возможно, Ваше Величество, – заметил стоявший рядом с претендентом на корону светловолосый Базиль Гризье. – Не угодно ли Вашему Величеству решить спор в честном

поединке?

А Базиль – шутник, даром что из «пуделей»! В честном поединке… Если б пьеров тартю было десять и они напали на одного Тагэре со спины, это еще могло сойти за честную схватку с непредсказуемым концом, но один на один… Дралась лягушка с аистом…

– Маршал… – Интересно, когда этот ублюдок прекратит зеленеть? Кажется, дальше некуда, ан нет. – Кузина Жоселин обещала, что я буду в безопасности. Почему вы молчите? Где Рогге?! Вы меня предали!

– Мы верны вам, Ваше Величество, успокойтесь. Если вы желаете отступить…

– Да! Желаю! Немедленно. Я возвращаюсь в Ифрану!

– Ее Высочество будет недовольна.

– Ее бы сюда! Это ей мешает Тагэре, ей! Она меня заставила, я не хотел… Она и мать. А теперь меня убьют из-за вас. Мы сдадимся! Слышите?! Мы сдаемся. Горбун нас помилует, он такой… Прикажите сложить оружие!

– Нет, Ваше Величество. Если Вашему Величеству угодно отступить и вернуться в Ифрану, мы так и поступим, но сдаваться противнику, который в четыре раза малочисленней, Аршо-Жуай не станет и Вашему Величеству не позволит!

– В четыре?! Да он сейчас будет здесь, и мне плевать, что на флангах полно наших остолопов. А ваш Рогге заодно с Тагэре! Горбун побеждает, разве вы не видите?

Маршал Аршо-Жуай видел. В воплях зеленого труса было зерно истины, даже два. Отряд Тагэре и впрямь мог прорваться к холму, и сам Проклятый не сказал бы, кто в этой схватке победит. Эмраз, во всяком случае, мог лишиться своей облезлой башки, да и самому маршалу не улыбалось попасть под секиру осатаневшего арцийца. Второй правдой было то, что Селестин Рогге раздумал предавать своего короля. Все с самого начала пошло вкривь и вкось: фронтерцы куда-то делись, не доведя дела до конца, а Рогге или узнал что-то неприятное, или, из свойственной ему осторожности, решил выждать и посмотреть, чем все кончится, а кончится скорее всего тем, что «волчонок» добьется своего. Пожалуй, и впрямь лучше отступить, хотя Жоселин и будет недовольна. Циалианец куда-то запропастился, придется брать ответственность на себя.

– Чего вы молчите?! Где мой конь? Где эскорт?!

– Ваше Величество, сейчас все будет…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Граф Стэнье-Рогге видел, что атакованная с двух сторон армия Пьера, несмотря на подавляющее превосходство, вот-вот обратится в бегство. Это было неприятно, но ничего непоправимого пока не произошло. Странно, что король ударил вместе с дарнийцами, не прислав гонца с приказом закрепить и развить успех. Впрочем, посланец мог погибнуть, а скорее всего Тагэре счел ситуацию настолько очевидной, что предоставил своим военачальникам действовать самостоятельно.

Интересно, куда девался Жись? Хорош союзничек – начал за здравие, а кончил за упокой. Хотя чего еще ждать от фронтерцев. Воины они сносные, но верны только своим вожакам, да и то до обеда. На них надеяться – себе дороже. Хорошо, если совсем убрались, а то ведь могут и в спину ударить.

Селестин все больше досадовал, что позволил Анжелике и Аганну себя уговорить. Конечно, Александр Тагэре его не терпел, но король сам жил и давал жить другим. Неприязнь, которую горбун испытывал к нему из-за Рауля, выказывалась лишь в отстраненной, холодной вежливости. Младший сын Шарло задался целью раз и навсегда покончить с раздорами в Арции и всячески давал понять, что родичи и соратники Лумэнов для него такие же подданные, как и сторонники белых нарциссов.

При «волчонке» можно было спать спокойно, хотя, конечно, хотелось большего. Хотелось стать канцлером или, на худой конец, протектором какой-нибудь провинции побогаче, того же Ларрэна, – и все равно ему жилось неплохо. Если б не Анжелика! Зря он с ней связался, хотя тогда казалось, что Лумэны вернулись надолго. А сын у нее – дрянь. Ничтожество, причем злое и подлое. Кузнечик Филипп, тот хоть и был чучелом, но помешанным на рыцарстве и благородстве, этот же… Если Пьер напялит корону, за ним придется смотреть в четыре глаза, чтоб не попробовал избавиться от тех, кому всем обязан. С него станется, и с его матушки тоже, хотя не похоже, чтоб пасынок осквернил своей тощей задницей арцийский трон. По крайней мере, на сей раз. А Сандер – молодец, хорошо взял! Один рывок – и половина расстояния до холма, на котором засел Тартю!

А может, ну его? Пусть идет, как идет. Когда Тагэре окажется у подножия, он ударит по Пьеру с юга, а дарнийский отряд добавит с севера. И прости, дорогой родственник, ты мне, конечно, пасынок, но честь и Арция дороже. Горбун оценит. Пусть Трюэли и Крэсси ворчат – король наградит. Тагэре прямо-таки

помешан на справедливости: чем меньше кого-то любит, тем больше старается не обижать. Он скорее на своего драгоценного мирийца рявкнет, чем на Вилльо или Гризье. Если, разумеется, те на горячем не попадутся… Ха, если Вилльо решились поднять бучу в Мунте, а король вернется с победой, – головы полетят. Ну и Проклятый с ними! От добра добра не ищут. Решено, он позволит горбуну победить и даже поддержит, а Анжелика пусть удавится. В конце концов, можно и для себя немного пожить. Пусть жена торчит в Ифране, он с ней разведется, как с изменницей, к тому же первой оставившей мужа, и женится на молоденькой дочке какого-нибудь обедневшего барона… В политике главное – вовремя остановиться. Выше головы не прыгнешь.

Нет, каков Александр! Его отец и тот так бы не смог! Бедный Пьер, он же наверняка обгадился, на это глядючи! Впрочем, есть в кого. Покойный Орельен Тартю тоже был трусом отменнейшим.

– Монсигнор!

– Да, Робер?

Монсигнором [12] Стэнье отродясь не был, но такое обращение было графу приятно, и капитан Робер Фэрон это знал. Робер был сыном отца Селестина и то ли поварихи, то ли мельничихи, но спал и видел стать нобилем. Графа это устраивало. Он сделал Робера капитаном своей стражи и дал понять, что когда-нибудь пожалует ему первичную сигну. Этого было достаточно – Фэрон, чтобы угодить своему сигнору, рыл носом землю.

– Монсигнор, я готов.

– Подождем еще немного. Пусть горбун доберется до холма.

– Но сейчас наша позиция лучше.

– Если бить Тагэре, но мы будем бить Тартю.

Капитан был удивлен, и Селестин счел уместным пояснить:

– Я передумал. Тагэре меня устраивает больше, к тому же он будет мне обязан… Ты что-то хочешь сказать?

– Монсигнор, не уверен, что это важно. Но ваш двоюродный кузен…

– Роальд? Что натворил этот гусенок?

– Он ушел к горбуну.

– Когда?!

– Я… Мне донесли об этом пол-оры назад.

– И ты молчал?!

– Я не думал, что это так важно…

Еще бы, не думал. Не хотел сообщать неприятную новость. Хорошо, хоть сейчас сказал, а то все бы пошло прахом. Этот недоносок Роальд играет в рыцарей. Несомненно, он сообщил

сюзерену о… Назовем жабу жабой. Об измене графа Стэнье. Теперь понятно, почему король бросился в эту безумную атаку, не поставив его в известность. Александр – умница, он чуть было не выиграл сражение и войну.

Селестин молча выругал себя за то, что влез в эту яму, но деваться было некуда. Дело о государственной измене рассматривает не король, а Генеральные Штаты, а выборные с восторгом отправят его на плаху. Горбун не вмешается – если он позволил обезглавить Гастона Койлу, то графа Стэнье и подавно не защитит. Что ж, остается один выход.

– Робер, выводите людей.

– Но, монсигнор, вы же сами сказали, что рано.

– Я еще раз передумал. Мы ударим по горбуну.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

А ведь было мгновение, когда он подумал, что пронесло и Рогге не решится. Решился. То ли оказался смелее, чем о нем думали, то ли, наоборот, трусливее. Тяжеловооруженные всадники, меченные белым оленем, ринулись вперед. Будь проклята эта сигна, знак предательства, трусости, подлости! Но подлец – не обязательно дурак. Рогге выстроил своих людей в фигуру «кабан»: по бокам «клыки», они охватывают фланги. В середине – «рыло», нацеленное в тыл. Но тыл – это дарнийцы Игельберга, они выдержат… Теперь главное – скорость. Дорваться до Тартю, пока Рогге не набрал разгона. Это невозможно, но, если нет другого пути, надо сделать и невозможное. Или, по крайней мере, попытаться. Александр поднял коня на дыбы, вглядываясь вперед. Нет, не прорваться, но мы еще живы, и до победы ублюдкам ох как далеко.

Сердце на мгновение сжалось. «Волчата»… Обреченный отряд. Нет! Правда не может быть обречена, а они правы. Поудобнее перехватив секиру, Тагэре дал шпоры коню, и Садан, испустив громовое ржание, ринулся вперед. Они были ровно на полпути к холму, над которым реяло ненавистное знамя Лумэнов, знамя, с которым в Арцию не раз приходила беда. А «красные», увидев «оленей», ожили. Еще бы, они почти проиграли, но «почти» на войне – это очень много. Последний из Тагэре бросился на сверкающий железом строй, словно на деревянную стену, которую нужно и можно проломить. И стена дрогнула, не выдерживая неистового напора.

Ржали обезумевшие кони, оскальзываясь на залитых кровью, закованных в броню телах, валились под копыта вперемешку

раненые, мертвые, выбитые из седла, лязгало и трещало, словно в кузнице, ломалось и крошилось железо, но король и его рыцари казались заговоренными.

Сандер рубился на самом острие клина, и его было прекрасно видно. Верхом на Садане, в залитых чужой кровью доспехах, с секирой в руках, он, на самом деле не столь и высокий, казался богатырем, от которого не спастись. Каждый удар отправлял кого-то в преисподнюю. Оказавшиеся на пути страшного всадника невольно осаживали лошадей, тесня друг друга, в надежде, что минует… Кое-кому и впрямь «везло» – и они, избегнув королевской секиры, оказывались лицом к лицу с разъяренными «волчатами». Сталь, ударяясь о сталь, высекала искры, наземь летели растерзанные плащи, изломанное оружие, разбитые щиты, сбитые со шлемов перья.

Проскакал обезумевший конь со вздыбленной гривой, сбивая всех, кто попадался ему на пути; громко, по-звериному взвыл воин, чья рука с обломком копья полетела вниз, на окровавленную траву, над кровавой круговертью взметнулась и опустилась секира, отсекая голову ифранскому десятнику, осмелившемуся заступить путь арцийскому королю. Краем глаза Александр заметил нацеленное на него копье и сверкнувший меч Одуэна. И вновь скалящиеся забрала, богохульства вперемежку с молитвами, опененные кони, груды изрубленных тел… Проклятый! Они почти стоят на месте! Холм с красным знаменем на вершине далек, страшно, безнадежно далек… Но мы еще живы! И мы вместе, значит – вперед! Замахнуться, привстать в стременах, ударить, снова замахнуться…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Пьер Тартю приосанился. Алый плащ с золотыми нарциссами надежно скрывал неприятность, происшедшую с нижней частью костюма претендента на арцийский престол в те мгновения, когда казалось, что Александр Тагэре вот-вот прорвется к наследнику Лумэнов. Землистое лицо приняло выражение, которое могло бы сойти за величественное, не будь черты Эмраза столь незначительными. Странное дело – вместо радости Аршо-Жуай испытывал чувство, сходное одновременно с похмельем и волчьей тоской.

Все вышло именно так, как рассчитали регентша и Ее Иносенсия. Аршо-Жуай всю жизнь воевал с арцийцами, они были достойными врагами. Победа такой ценой хороша для политиков, но не для воинов.

Дело Тагэре обречено, через ору или две в Арции будет новый король, вот этот обгадившийся ублюдок, но бой продолжался. Александр и его рыцари не могли не понимать, что обречены, но никому и в голову не приходило сложить оружие или перейти на сторону победителей. Даже дарнийские наемники… Вот и говори после этого, что у них нет чести. А вот твоя честь, маршал Аршо, похоже, останется на Гразском поле. Тебя не хватило даже на то, чтобы надеть доспехи и преломить копье с арцийским королем. Ты струсил, Ипполит. Таких, как арциец, можно лишь задавить числом или застрелить в спину. Эту войну выиграл не ты, а Жоселин с Рогге.

Проклятый, Тагэре всегда славились умением умирать. Казнь Эдмона стала легендой, легендой станет и последний бой Александра. А Пьеру на троне удержаться будет непросто, даже с помощью Жоселин и Церкви. Маршал готов поклясться, что не пройдет и года, как Арция заполыхает. Ифране это только на руку, – так что же он не радуется? А Тагэре все еще дерется… Проклятый, не просто дерется, а рвется вперед. Неужели решил довести задуманное до конца? Нет, Александр не безумец, он всегда умел оценить положение. Просто король решил погибнуть по-королевски! То, что его рыцари остаются с ним, еще можно понять, но дарнийцы?!

Не забыть бы про тот отряд, что вцепился в северный фланг, – их не так уж и много, но неприятностей они могут наделать. А Базиль Гризье куда больше похож на короля, чем Пьер, даром что сынок заштатного барона. Ипполит изо всех сил пытался думать о чем угодно, но не об убиваемом на его глазах арцийском короле, но это у маршала получалось плохо. Скорей бы… Так будет лучше для всех.

– Скорей бы, – процедил сквозь зубы граф Мо. Силы сынка Элеоноры тоже были на исходе, но Пьер Тартю истолковал эту реплику по-своему. Выпятив убогую грудь, он громко и визгливо провозгласил:

– Герольды. Сообщите всем. Если простой воин принесет мне голову горбуна, он получит рыцарскую цепь. Нобиль станет бароном, а барон – графом!

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Король отшвырнул секиру и выхватил меч. Во-первых, тот был легче, а во-вторых… Во-вторых, если умирать, то ощущая в руке эту рукоять. «Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре!» Он не сдастся и не отступит. Вперед, только вперед, туда, где за

чужими копьями прячется ничтожество, лица которого он так и не смог вспомнить. Убить этого ублюдка – другого не дано! Сандер не думал о том, что задуманное невозможно, что между ним и Тартю набивается все больше и больше ифранцев и вояк Рогге. Назад пути не было. Может, и можно свернуть, прорваться в обход холма, укрыться в овраге, но Тагэре не бегают. Победить можно и смертью… Если иначе нельзя.

Беспокоили «волчата». Жертвуя собой, он жертвовал и ими, но по-другому он не мог. Он бы тысячу раз умер за каждого из них, он любил их, Проклятый, как же он их всех любил, но это они умирали за своего друга и короля. Нет, за Арцию! Придут лучшие времена, но за них нужно драться. Драться, и неважно, что будет с тобой…

Яростный солнечный свет, бешеный галоп Садана, рвущаяся над головой консигна, какие-то тени впереди – и смерть. Говорите, на смерть, как на солнце, в упор не взглянешь? Вранье! Пока есть за что умирать, смерти нет!

Где-то справа запела труба. Чужая! Словно в ответ заржал Садан, гордо и вызывающе, и сзади раздалось ответное ржание. Он не один, еще не один. С ним «волчата», они живы, их кони отвечают на зов. Живы, но все ли? А вот это уже хорошо. Белый плащ! Циалианец, и не из простых… А за ним – целый отряд. Проклятый, сколько же их! Ну, будешь прятаться за чужие спины или пойдешь вперед? Пошел… Прекрасно! Жаль, ты не Стэнье, не Жись, не Тартю, но ты ответишь за всех.

Белый взял разгон и пошел тяжелым галопом, подняв копье, которого у Сандера не было, как и щита, – но у него был Садан и черный меч, и еще он ничего не боялся и ни о чем не жалел. Атэвский жеребец, захрипев, рванул вправо, обходя врага, и Сандер наотмашь ударил отцовским мечом. Сверкнуло что-то неистово-синее, под ноги обезумевшему коню скатилась отсеченная голова, а король, не оглядываясь, бросился дальше, рубя наотмашь всех, кто ему попадался.

Его проклинали, молили о пощаде, призывали сдаться. Он не слышал и не слушал, подхваченный последним, неистовым порывом, который возносит смертного превыше богов. Все ненужное, наносное, чужое было сорвано и унесено вихрем битвы, в душе Александра Тагэре не было места ни сомнениям, ни страху, ни отчаянию. Он исполнял свой долг, как исполнял его всю жизнь. Как пришитые, мчались по проложенной их королем кровавой тропе «волчата» и их сигуранты, но их становилось все меньше. Исчез младший Трюэль, битва разметала кузенов Крэсси, упал Этьен, но его конь продолжал безумную скачку рядом с Ювером и мальчишкой, привезшим весть об измене… Никола…

Ранен? Убит? Нет, держится, несется рядом с Одуэном. Сломал свой меч о чье-то забрало, вырвал чужой и всадил во врага. Ювер! Где Ювер? Задержался… Секира поднялась и опустилась на чей-то наплечник… Хвала Святому Эрасти, догоняет…

Держаться, не отставать, не дать убийцам ударить Тагэре в спину. Что значит жизнь в сравнении с дружбой, что значит смерть в сравнении с честью?! Так уходили в песню по солнечному лучу герои былого, так шли на смерть повстанцы Анхеля и Эрасти, так дрались на Бетокском поле отцы и братья.

Впереди что-то мелькнуло. Что-то красное! Кон-сигна! Консигна Тартю, они все-таки прорвались… Нет, лишь первая шеренга гвардии, а сам Эмраз далеко, за сотнями латников в красных туниках на вершине холма, до него не добраться… Что ж, пусть будет хотя бы консигна.

Садан, послушный своему господину, вскинулся на дыбы, ударил боевыми шипастыми подковами. Рослый лумэновец рухнул, подбив стоящего рядом, а черногривый ринулся в образовавшуюся брешь. Эти ублюдки никогда не знали цены знаменам, для них главное – спасти свою шкуру. Искаженные лица, скрежет металла, ржание, вопли… Мелькнул чей-то шлем, увенчанный головой ястреба, кто-то замахнулся секирой, кто-то попытался достать копьем… Встретят ли его друзья и враги и за Чертой, или там нет места земной вражде и земной присяге? Вот и консигна. Тяжелая, красная, шитая золотом… В грязь ее, под конские копыта, – и вперед! Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре! Отец, я все помню, помню, помню!

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Штефан Игельберг и маркиз Гаэтано разнились, как вепрь и пантера, но ладили неплохо и в жизни, и в бою. Мощь дарнийца великолепно дополнялась мирийской ловкостью и непредсказуемостью. Впервые встав плечом к плечу в теперь уже далекой схватке с нобилями Ра-Гвара, Штефан и Рито научились понимать друг друга с полуслова, хотя на этот раз и понимать-то было нечего. Все гибло на глазах. Дарнийцы держались. Несведущему наблюдателю они могли показаться несокрушимыми, но Игельберг понимал, к чему идет. И Рафаэль тоже. Правда, была возможность развернуться и, сметая все на своем пути, вырваться из окружения. Каждый четвертый или даже третий вполне мог уцелеть и добраться до спасительного леса, но дарнийский отряд не поворачивал, а, ворочаясь, как обложенный гончими кабан, увязал все глубже, упрямо прикрывая спину

обреченному королю и не давая Рогге замкнуть кольцо.

Сам Игельберг, на огромном гнедом Тойфеле Втором, в шлеме с пышным плюмажем, казался всесокрушающим железным великаном, способным одним мановением руки положить десяток обычных воинов. К сожалению, это было не так. Командир дарнийцев видел, что дело плохо, но это не повлияло ни на его сноровку, ни на его всегдашнюю обстоятельность. Аккуратно расположивинив не в меру ретивого «оленя», Штефан схватил за узду коня Рафаэля, втянув его внутрь созданной дарнийцами живой крепости, и поднял забрало. Мириец последовал его примеру.

– Мой друг, – как всегда, господин Игельберг в бою страшно раскраснелся и все сильнее путался в арцийском, – мое мнение есть, что эта битва проиграна нами есть. План Его Величества смелый и разумный был, но он не состоял себя. Не есть разумно всем умерщвленными быть, когда некоторые живыми выйти могут.

– Александр еще жив, – сверкнул глазами Кэрна, – и я его не брошу!

– Именно о Его Величестве я и хочу говорить, он должен спасаем быть даже назло его благородству. Мы станем держаться здесь, но мы есть быки, а ты есть мирийский танцеватель и друг короля. Ты должен его вытаскивать суметь… Я не знаю как, но твоя голова достаточно сумасшедшая есть для такого дела.

– Я… – Рито, наверное, впервые в жизни потерял дар речи. – Штефан, Сандер не отступит… Оттуда не вырваться, и я… Король приказал мне заменить Хайнца.

– Хайнц есть мой подчиненный. Если ты вместо его, я даю приказ тебе спасти короля, – совершенно серьезно ответил дарниец. – Если бы Тагэре можно было выручать через меч и секира, я бы делал это сам, но тут нужно что-то особенное. Про тебя всегда говорят, что ты спешишь, – почему в сегодняшний день ты стал терять время?

– Ты прав. Я вытащу Сандера – или умру. Нет, я вытащу его, Проклятый меня побери!

– Таким ты мне снова нравишься. Да! А теперь прощай. Скажи Хайнцу, что он есть наследник моих средств и моего титула.

– Штефан…

– Мы оставаться здесь, пока король жив и дальше, чтоб не дать делать погони. Если вы спасетесь или умрете, мы тоже будем пробовать уходить, но надо думать о вероятном, а не о желательном. Прощай, маркиз Гаэтано. Да хранит тебя святой Штефан.

Рито в последний раз вгляделся в багровое голубоглазое лицо

с нависшими пшеничными бровями.

– Вы – настоящий рыцарь, Штефан. Я надеюсь, мы еще увидимся.

– Это было бы хорошо быть. Но я возвращаюсь в мой бой. – Великан опустил забрало, и Тойфель протиснулся между своими товарищами. Сверкнула, отражая солнце, секира… Рафаэль рассеянно потрепал по шее Браво. Дарнийцы шли замыкающими; чтобы пробраться к Сандеру, бывшему наконечником живого «копья», нужна немалая ловкость и еще большее везение. Но даже это проще, чем вытащить короля из лязгающего, залитого кровью ада, в который превратилось Гразское поле. Рито Кэрна всегда был везучим, немыслимо, неимоверно везучим, но сегодня простой удачи было мало.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

О смерти Одуэна Сандеру сообщил вражеский меч, ударивший в спину. Чужой клинок пробил броню, но рана не была глубокой. Похоже, воин Рогге сам испугался своей удачи, или же прыжок почуявшего неладное Садана помешал предателю воспользоваться обретенным преимуществом. Александр Тагэре вздыбил коня, повернулся и полоснул убийцу мечом. Тот зашатался, потерял стремя и рухнул на уже мертвого виконта Гро, дольше всех защищавшего своего короля. Александр огляделся. Безумная атака захлебывалась. Сзади еще шла рубка, но на последний рывок их не хватит. Его не хватит! Если б не рана, он добрался бы до ублюдка, но между ним и Эмразом все больше и больше «оленей», порыв иссяк, а цель была так близко! Все было зря! Атака, бой, сама жизнь…

Сандер чувствовал, как немеет рука, по боку стекала кровь. Рана ерундовая, но как же она мешает! Впереди возник какой-то рыцарь с незнакомой сигной. Александр поудобнее перехватил меч, но ударить не успел – Садан вскинулся на дыбы и обрушил подкованные копыта на ошарашенного противника. У атэвских скакунов свои обычаи. Король еще держался в седле, и меч по-прежнему был продолжением его руки, но кровь не останавливалась, а легким не хватало воздуха. Его убьют или он просто истечет кровью? Садан совершил очередной кульбит, спасая седока от чужой секиры, и движение это отдалось резкой болью. Сандер прикусил губу и махнул мечом – жалкая пародия на коронный удар Тагэре, но противник упал. Отчего-то стало жарко, как в преисподней, из багрового марева появились еще двое, но он как-то управился и с ними.

Неужели он – последний?! Нет! Луи должен выжить, такие не умирают. И Рито… Байланте – с Игельбергом, тот за ним присмотрит. Еще один Белый, а он теперь такая легкая добыча. Легкая? Нет, рано он себя хоронит! Этого он уже пережил, а может, чем Проклятый не шутит, переживет и Пьера?! Король вновь поднял Садана на дыбы, пытаясь сквозь застилавший глаза туман рассмотреть Тартю или хотя бы Рогге. Не видно, лишь железные, безликие фигуры… До вожаков не добраться. Ты и впрямь сын своего отца, Сандер. Сто побед и одно предательство… Глупая смерть, и у тебя нет Рауля, который исправит твою глупость. Все мертвы. Нет! Луи жив! И Сезар… Живы… Они смогут…

«Они смогут…» – повторял, Как молитву, Сандер, отбиваясь от последнего в своей жизни противника. Нет, не последнего. Дюжий наемник выронил секиру из раненой руки и поворотил коня, выбираясь из свалки. Кто-то попробовал схватить Садана под уздцы, глупец! Атэвские боевые подковы с «когтями» пробили броню, и убийца грохнулся на неловко вывернутую ногу Одуэна. Передышка… Лучше б ее не было, потому что кровь из теперь уже трех ран продолжает течь. Нужно забрать с собой еще одного, а лучше двоих или троих. Прежде чем все кончится раз и навсегда…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Что Сандер ранен, и тяжело, – Рафаэль понял сразу, едва увидел знакомую фигуру на черногривом жеребце. Секиры у короля уже не было, он орудовал отцовским мечом, и как орудовал… Проклятый! Он же один среди этой своры. Совсем один. Неужели все погибли?!

Но Сандер жив… Десяток коронованных Тартю с Рогге и всеми «паучатами» мира в придачу не стоят одного Сандера. А король, перехватив меч левой, все-таки свалил урода в зеленом и схватился с новым наемником. Будь друг здоров, этот скот уже бежал бы в преисподнюю с головой под мышкой, но Александр ранен и измотан. О себе Рафаэль не думал, равно как об Арции, победе, чести и прочих красивых вещах. Мирийцу было плевать на менестрелей, которые будут или не будут петь о гибели последнего из Тагэре. Потому что гибели не будет, Сандер будет жить, Проклятый его побери. Будет!

Рито Кэрна, извернувшись зверьком со своей консигны, ткнул мечом в глаз коня какого-то ифранца и, оставив врага на милость взбесившегося от боли и неожиданности животного, послал Браво

вбок и вперед, прорываясь к другу. К Проклятому Кодекс Розы! На Гразском поле больше не было маркиза Гаэтано. Среди ублюдков Селестина и ифранских наемников бесчинствовал гварский разбойник, мирийский байланте, эландский корсар, для которого хороши все средства, лишь бы враг был убит, а друг спасен.

Между Рито и все еще сражающимся королем оставалось пятеро, четверо, трое… Если б не черногривый, Сандер уже был бы мертв, но конь коней в этот проклятый день доказал, что по праву носит свое имя. Мириец видел, что не всадник управляет конем, а Садан вертится, как бешеный, среди вражьих лошадей, отводя от ослабевшего седока кажущиеся неотразимыми удары. Александр был лучшим мечом Арции, он дрался, как бог, но бессмертным он, к несчастью, не был.

Какой-то «олень» возник рядом с обреченным, занося секиру, но она вместе со сжимавшей ее рукой свалилась на окровавленную траву под ноги обезумевшим лошадям. Какой удар! Перед Рито возник рыцарь с обрубленными перьями. Мириец саданул его по шлему, вернее, по крючку, на котором держалось забрало. Противник выронил поводья и медленно завалился на конский круп, но Рафаэлю было не до него. Он бросил Браво в образовавшуюся брешь и успел как раз вовремя, чтобы обрубить нацеленное в спину Сандера копье. Александр неуклюже обернулся на шум, но лязг и грохот глушат слова, если, конечно, король что-то сказал.

Теперь они бились рядом. Названые братья в легендах так и погибают – прикрывая друг другу спину, но Рафаэля это не устраивало. Мириец еще согласился бы умереть сам, но позволить сделать это Александру?!

Заставив Браво взбрыкнуть задом, угодив копытами в грудь еще одного убийцы и одновременно отбив чей-то клинок, Кэрна лихорадочно готовился к тому, что было единственным выходом. Они все еще оставались наконечником копья без древка, нацеленного на холм, где трясся ублюдок в красном. Впереди были тысячи три ифранцев, сзади арцийцев полукольцом обложил Рогге, но Штефан стоял насмерть… Рафаэль видел, что между холмом и предателями оставался небольшой просвет, в котором не было всадников, а толкались лишь пешие арбалетчики.

Садан сможет, его учили! Во имя Святого Эрасти… Рафаэль рванулся вперед, стремясь перехватить нацеленный на друга удар, но Александр управился сам. На место упавшего ифранца сунулся еще один, в желтых доспехах. Саброн?! Сам или кто-то из вассалов? Вот так встреча! Садан вскинулся и ударил чужого коня боевыми подковами, очередной раз спасая хозяина от неизбежной

гибели. Рито сжал зубы и, подняв меч, плашмя вломил лучшему другу по голове.

Король ткнулся лицом в черную гриву, «желтый» опешил от неожиданности и, так и не придя в себя, отправился к праотцам, а Рафаэль лихорадочно обрубил поводья Садана, лишая врагов возможности его схватить, – хотя кто удержит под уздцы бурю?! Только б Сандер не пришел в себя раньше времени. Да нет, не должен. В седле держится крепко, стремя не потерял, но лишний ремень все равно не помешал бы… А теперь, Садан, Проклятый тебя побери, все в твоих руках, тьфу ты, копытах. Скачи, друг, скачи…

– Йеххоо! Талит, Ха, Талит! [13]

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Покойный Обен мог бы гордиться своим внуком, не потерявшим в этот проклятый день головы. Луи понял все. И предательство Рогге, и замысел Сандера, безумный, но единственно возможный, и то, что бывшему авангарду на помощь не успеть. Молодой Хайнц, без разговоров с явным облегчением признавший первенство графа Трюэля, удивился, когда Луи твердо сказал: «Стоим здесь», но кивнул. И они встали на вершине покатого холмика, отражая атаку за атакой, впрочем, это было не так уж и трудно. Лучшие люди Рогге и отряд циалианских рыцарей сцепились с «волчатами», а на долю Хайнца достались ифранские наемники, с уважением относящиеся и к дарнийским секирам, и к собственным жизням. И те и другие понимали, что судьба битвы решается не здесь. Ифранцы вяло шли вперед, словно ленивые южные волны наползали на высокий берег, подгоняемые несильным ветром. Дарнийцы добросовестно отбивали атаки, но в наступление не переходили: для этого пришлось бы спуститься с холма, откуда можно было следить за основной битвой, и удалиться от оврага и леса, который в случае неудачи становился спасением. Луи был слишком Трюэлем, чтобы не понимать очевидного: смерть воина не должна быть бессмысленной. Если король погибнет или будет захвачен, нужно спасти все, что возможно. Спасти, собраться с силами и отомстить.

Ифранцы в очередной раз исполнили свой танец и отошли. Порыв ветра всколыхнул высохшую траву, сорвал с веток одинокого дерева ворох золотистых листьев, разогнал пылевую тучу, зависшую над Гразским полем. Луи никогда не жаловался на свои глаза, но сегодня предпочел бы стать слепым, как крот

или сова. «Оленей» оказалось слишком много, а «волчат» – слишком мало, к тому же им пришлось рваться в гору. Из-за расстояния и поднятой пыли Луи никого не узнавал, но не понять, что происходит, было невозможно.

Хайнц, громко вскрикнув по-дарнийски, рванулся к зарослям рябины, где были привязаны кони, но Луи схватил его за плечо.

– Я прошу меня отпускать, – выдохнул наемник, – там есть мой дядюшка остаться.

– Там оба мои брата и все мои друзья, – тихо произнес Луи, – но мы туда не пойдем. Ты отвечаешь за своих людей, а я… Я отвечаю за Арцию.

– Ты будешь твой король покидать и предавать? – Светло-голубые глаза Хайнца от гнева потемнели.

– Я никогда не предам Александра, но мы отступаем. Твой дядя меня бы понял. Спасать некого, но отомстить мы сможем.

– Да, – дарниец подозрительно шумно втянул воздух, – да, дядя имел говорить мне, что проигранное сражение не есть побежденная война. Прошу меня прощать.

– Да что ты, – перевел дыхание Луи, – все в порядке.

Как же он ненавидел себя за то, что остался жив, что не бросился на помощь сам и удержал других. Но кто-то должен уцелеть, и стать этим «кем-то» выпало ему, графу Трюэлю.

– Монсигнор, – племянник Штефана Игельберга уже взял себя в руки, – я и мои люди есть к ваши услуги. Какие есть распоряжения?

– Прорываемся к мосту через овраг и разрушаем его за собой.

– Но… Так мы будет дорогу нашим друзьям отрезать.

– Хайнц, мы отрезаем дорогу нашим врагам. Наши друзья сюда не прорвутся. Если там кто-то уцелеет, он отступит на юг.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Рафаэль не исключал того, что умрет, но облегчать своим врагам задачу не собирался. Он не дал ифранским рыцарям немедля броситься за Саданом, теперь атэвский красавец будет скакать и скакать, пока не упадет от усталости или пока всадник не придет в себя. О том, что черногривый не вырвется, Рито не думал. Сделав то, что считал правильным, мириец вспомнил о себе, вернее, о том, что его смерть нужна Тартю, а не Сандеру и не ему самому. Пусть сегодня он прикончит на пяток рыцарей меньше, чем мог бы, зато потом спросит со всех и за все.

Шансов вырваться и ускакать не было. Браво – хороший конь, но не Садан, да и момент упущен. То, что Рито Кэрна сделал

потом, могло прийти в голову лишь безумцу или байланте, что, по утверждениям некоторых, одно и то же. Все же он был прав, бросившись в бой в облегченном доспехе… Мириец поднял жеребца на дыбы и, якобы не удержавшись в седле, рухнул вниз, в «падении» оказавшись под брюхом чужого коня, в которое и всадил длинный, заблаговременно обнаженный кинжал. Несчастный конь вместе со своим всадником тяжело свалился на землю, но Рафаэль с кошачьей ловкостью сначала слегка отпрянул от своей жертвы, а затем прижался к хребту еще бьющего в агонии ногами жеребца и повалил на себя оглушенного рыцаря, для надежности всадив тонкий кинжал в прорезь шлема.

Теперь, защищенный и от чужих глаз, и от кованых копыт, маркиз Гаэтано мог ждать конца сражения. И ожидание это стало самым страшным в его безумной жизни.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Несущегося вдоль оврага белого коня с черной гривой Селестин Стэнье-Рогге узнал сразу же. У Садана был только один всадник – король, и он мог быть еще жив, а живой Александр Тагэре – это гибель для Эмраза, Жися и, что самое неприятное, для него, Селестина Рогге. Сам граф бросаться в погоню не стал, он никогда не числился среди лучших наездников, а вешать на себя смерть еще одного любимца Арции было излишним. Ему и так теперь придется ездить в кольчуге, Гразу ему не простят.

Рогге глянул в сторону Тартю, выругался и подозвал капитана своей личной дружины, оставаться без Робера было неуютно, но другого выхода не было.

– Капитан Фэрон! Смотрите, вот там внизу…

– Король?

– Да, убитый король.

– Возможно, он лишь ранен.

– Он МЕРТВ, Робер. Привезете мне тело, и можете считать себя нобилем. Но осторожней с конем, лучше его пристрелить. Садан никогда не любил чужаков, а сейчас наверняка озверел.

Робер кивнул. Единокровный брат Селестина верой и правдой служил дому Рогге в надежде, что родичи оценят его услуги, – и вот, наконец! Фэрон давно научился понимать своего сюзерена. Все было очень просто: если Александр Тагэре жив, его нужно добить, "о поклясться, что короля нашли уже мертвым. Робер предпочел бы исполнить приказ в одиночку, но увы… Догнать атэвского жеребца было делом нелегким. Проще всего прижать

его к оврагу и пристрелить, а для этого нужны загонщики. Фэрон взял с собой три десятка всадников из личной охраны брата, не принимавших участия в схватке. Их лошади застоялись и рвались вперед, а Садан, как бы ни был хорош, не мог не устать.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Граф Антуан Бэррот подъехал к особняку сына в прекрасном расположении духа. Лучшего и быть не могло, труды многих лет начинают приносить плоды. Все, даже то, что почиталось неудачами, теперь пойдет на пользу Бэрротам, чье происхождение от Филиппа Третьего, хоть и по женской линии, не вызывает сомнений. Еще год или два – и он увидит корону Арроев на красивой, хоть и пустой башке старшего сына.

– Где виконт? – Граф не спеша слез со спокойной, красивой лошади. В полосу везения нужно быть особенно осторожным, сломанная нога ему сейчас не нужна.

– Сигнор Артур у сигноры Дариоло.

– Доложи. – Антуан любил церемонии; кроме того, полезно заранее приучить остолопа к тому, что каждый его шаг расписан на неделю вперед. Все-таки удачно вышло, что его дурак женился на дочке мирийского герцога и сестре любимчика, будем надеяться, уже покойного горбуна. И дело не в черных очах и высокой груди мирийки, при виде которой бес толкнет под ребро кого угодно, – дело в крови. Кэрна – не безродные Вилльо, а дружба Рафаэля с Александром, которого будут усиленно оплакивать, тоже пойдет в дело. Сейчас главное – убрать Артура с Даро из столицы до того, как заявится Тартю. Пусть себе правит год или два, кошачье отродье, жрущее из рук ифранцев, скоро он встанет поперек горла всем, и тогда придет черед Бэрротов.

Север поднимется против узурпатора, а в Мунте бланкиссима примет свои меры. Хорошо бы вывезти из Мунта дочку горбуна, сына не стоит, он хоть и бастард, но – Тагэре. Те же Мальвани могут сделать ставку на Шарло, а это не дело, зато Катрин можно выдать замуж за Жана. Ну и что, что жених старше невесты на двадцать лет, кто при заключении династических браков на это смотрит? Да, маленького Шарло «спасти» не удастся, а все остальное устроит Пьер, на него можно рассчитывать, никакого воображения у человека. Первое, за что он возьмется, возложив на свою унылую башку корону, – это поборы да убийства – тайные и явные. Дети дома Тагэре, законные они или нет, ему не нужны…

Проклятый! Да не успеет пройти зима, как можно будет во всю глотку орать, что кровь детей взывает к отмщению. Лось и

северные нобили – люди простодушные, а он им скажет… О, он скажет, что никогда не любил кровопролития и старался быть вне политики, но чаша терпения переполнилась даже у него. Он не может видеть на троне Волингов кровавого ублюдка (такое заявление должно понравиться)!

Бэрроты поднимут знамя с нарциссами Тагэре, сказав, что никогда ни о чем подобном и не помышляли, но кровь Анны Ларрэнской, кровь Арроев стучит в их сердца… За Артура можно не беспокоиться: этот дурень пойдет на все, чтобы отомстить за своего обожаемого короля и брата обожаемой же жены – Кэрна неминуемо сложит свою взбалмошную башку рядом с Александром.

Через пару лет никто не вспомнит, что Рафаэль отрекся от сестры, ведь горбун сам отвел Даро к венцу. Шарлотта говорит, после смерти законного сына горбун написал завещание, в котором назначил наследником сына Жоффруа, а не своего бастарда – дескать, кошачьи лапы не должны пятнать королевский герб. Это станет кличем повстанцев. Это и память Тагэре!

– Ваше сиятельство, его и ее милость ждут вас в Овальной гостиной.

Долго шли, улыбнулся про себя его сиятельство, похоже, были не совсем одеты. Артур выполняет супружеский долг честней некуда, впрочем, его можно понять…

По красивому лицу сына было видно, что он предпочел бы, чтоб отец заявился попозже. Даро часто дышала, а губы были густо намазаны малиновым кремом, похоже, супруг опять зацеловал ее до крови.

– Развлекаетесь, дети? – улыбнулся граф. – Скоро у вас для любви будет больше времени: в деревне, да еще зимой делать больше нечего.

– В деревне? – удивился Артур. – Мы туда не собираемся. Я служу королю, я – капитан гвардии, мое место – здесь!

– Заткнись, – отрезал отец, – я не хочу, чтоб ты потерял свою дурную башку, хоть она и годится только женщин восхищать… Ничего, короны и не на таких тыквах сидели.

– Корона? – Глаза сына широко раскрылись. – Государь еще молод, у него будет супруга и наследники, а…

– Не будет, – махнул рукой Антуан.

– Что?! – Сын схватился за меч. – Что случилось?!

– А случилось то, что Тагэре мертв и большинство его рыцарей тоже. Через три дня Пьер Тартю будет в Мунте, и нам нужно уносить ноги. Теперь главной помехой на пути лумэновского ублюдка будем мы.

– Пьер победил Александра?! – выкрикнул Артур. – Да не будет этого, скорее жаба перьями обрастет.

– Вот и говори, что ты не дурак, – рассердился старый граф, – разумеется, Александр размазал бы недоноска по стенке, но фронтерцам заплачено, Рогге хочет видеть пасынка на троне, а себя – с канцлерским ключом. Основная армия – на ифранской границе, а северных баронов король с собой не взял, Ноэль с Тодором не дали, да и незачем было. Понимаешь теперь?

– Стэнье предал?

Проклятый! Ну и осел! Но он тоже хорош, знал же, что Артур молится на горбуна, нужно было начать с другого.

– Как бы то ни было, против короля оказались Тартю, Стэнье и Жись Фронтерский. У Александра полторы тысячи, да и то в лучшем случае, если дарнийцы не уйдут. У Эмраза хватит ума не брать Тагэре живьем, да тот и сам не сдастся. Такие не сдаются… Крепись, сын. Александра теперь сам Проклятый не спасет!

– Отец, – в больших глазах Артура мелькнуло что-то, от чего канцлеру стало страшно, – отец, откуда ты это знаешь?!

Нет, это не Артур – дурак, а он сам. Даже сынок может сложить два и два и понять, что отец замешан в заговоре. Знал, а не предупредил…

– Я узнал только что… Бланкиссима Шарлотта, она…

Даро слушала жуткий разговор молча. Предчувствие, нахлынувшее на нее, когда она смотрела в спину брату и любимому, не обмануло. Они мертвы или умирают. Оба! А люди, сломавшие ее жизнь, люди, которым она отдала себя, спасая Александра, говорят о короне, о наследстве, об отъезде… Они живы, а Александр погиб, так и не узнав, что она его любит; погиб, потому что один Бэррот хочет надеть корону на другого. Антуан знал о предательстве, знал и позволил ему свершиться, хотя Александр всегда был к нему добр.

Ненависть и отчаяние затопили сердце Даро, вытеснив из него даже страх перед Вечным наказанием. Александр погиб, а тут примеряют его корону. Рито мертв, лежит рядом с другом, которого не смог защитить, а старый Бэррот хочет, чтоб они бежали. Он знал, он все знал, как и циалианки, и Вилльо…

Александр со всеми был честен, он не мстил, совсем не мстил, для него главным было прекратить войну нарциссов. Он отпустил этого борова Клавдия, Рогге, Элеонору, шлюху Эжени, всех, кого можно и нельзя. Калватор вещает: прощай врагов, не убий! Сандер прощал, а Триединый его предал точно так же, как и его сигноры… И никто не вступился. Не помог…

Дариоло свято верила Церкви. То, что она с ужасом бежала от Дафны, не повредило ее детской вере в справедливость Господа.

Даже разлуку с Александром мирийка восприняла как кару за свои грехи, но теперь, теперь она ненавидела Триединого сильнее, чем кого бы то ни было. Ненавидела и проклинала со всей силой отчаяния. Ей больше не было дела до того, что станет с ее душой, она не хотела ни блаженства в посмертии, ни жизни вечной, все слилось в одну сплошную боль. Александр! Рито! Те, кто позволил им умереть, виновны. И больше всех – бланкиссима и Антуан! Смерть им! Она, Дариоло Кэрна, добровольно отдает себя в руки Зла, пусть завладеет ее жизнью и смертью, ее душой и телом, но Александр должен быть отомщен…

Мирийка не представляла, как именно нужно взывать к Проклятому, знала только, что это возможно, – и она воззвала. Женщина не разжала губ, но ее мысленный крик, полный решимости и отчаяния, прозвенел в ушах словно бы со стороны, а потом наступила тишина. Звуки исчезли, и Дариоло могла лишь смотреть на мужа и свекра; те яростно спорили, их губы шевелились, лбы морщились. На лице Антуана выступили отвратительные бисеринки пота, Артур с искаженным мукой лицом что-то кричал, но она ничего не слышала…

Даро не сразу поняла, что на нее со всех сторон наползает тьма. Мирийка смотрела словно сквозь печную трубу, которая становилась все уже и уже, затем последовала вспышка – и женщина увидела Артура. Смертельно бледный, с отчаянным, решительным лицом, он рывком распахнул серую каменную дверь и шагнул в багровый закат с обнаженным мечом в руке. На клинке вспыхнул и погас алый свет; это последнее, что заметила Дариоло, прежде чем ее подхватило и понесло.

Страшно ей не было – скорее приятно, чувство полета захватило женщину; сквозь овладевшую ей дрему она припоминала, что случилось что-то очень плохое, но не могла вспомнить, что именно, а потом ветер бережно опустил ее на траву, и тьма отступила.

Она сидела под деревом, его ветви клонились под тяжестью красных ягод. Вечерело, впереди расстилалась широкая поляна, почти луг, а дальше вставали деревья, сквозь которые просвечивало алое солнце, и на него можно было смотреть. Стройный темноволосый человек подошел к ней и опустился на одно колено. Рито! Нет, хоть и похож, очень похож… Она его уже встречала когда-то. Очень давно.

Даро ответила золотистому взгляду робкой улыбкой, и в ответ из глаз пришельца излилось такое тепло, что женщина позабыла обо всех своих тревогах. Она была счастлива и свободна. Это был ее дом, ее приют, пронизанный любовью и покоем. Как же здесь хорошо. И эти ягоды, и предосенний вечер, и

горьковатый полынный запах, и алый отсвет заката шепчут о том, что беды, несправедливости, обиды – позади. Сейчас за ней придут. Александр придет, он все знает, он простил и понял, они будут вместе. И Рито тоже вернется, ей больше незачем лгать, скрывать, прятаться… Они уже в пути, они скоро будут здесь, а она подождет, сколько нужно.

Ждать их под этим деревом – что может быть прекраснее? Странно, что так слипаются глаза, но здесь ей ничего не грозит, а Александр так любит смотреть на нее спящую…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Бой или закончился, или откатился в сторону, но время мародеров еще не наступило. Самая пора уходить – и Рито Кэрна, с силой оттолкнув ставшее ненужным чужое тело, выбрался из своего укрытия. Никаких чувств мириец не испытывал, вернее, не позволял себе испытывать. Сандер или жив, или мертв, но искать его – дело безнадежное, равно как и друзей. Нужно делать то, что в твоих силах и что за тебя не сделает никто другой. Байланте приподнялся на локтях и выглянул из-за конского трупа. Вдалеке кто-то маячил, но в его сторону не смотрел. Скоро сюда заявятся клирики в поисках раненых, да и все, кому не лень, – в надежде поживиться; но пока ублюдки толкутся возле победителя, чтоб ему… Рито, пригибаясь и используя для прикрытия каждую ложбинку, побежал к запримеченному утром оврагу.

До этого дня Рито Кэрна ненавидел лишь единожды. Циалианка Дафна отравила его детство и юность, и он убил ее. Но это была другая ненависть. Похожая на камбалу ведьма была злобной и опасной, она погубила Ренату, искалечила жизнь отцу, подбиралась к Даро, пыталась вредить и ему, между ними шла война не на жизнь, а на смерть. В конце концов он убил ее, и вместе с Дафной умерли и ненависть, и прошлая жизнь. Затем был побег, встреча с Александром, бесконечные войны и походы. Он убивал, не зная кого, шел вперед то с мечом, то со шпагой, ни о чем не задумываясь и ни о чем не жалея. Смерти он не боялся, он и сейчас не боится, но суть ее понял лишь сегодня. На Гразском поле. Одуэн, Ювер, Никола, Эжен, молодые Крэсси – все они остаются здесь, а он уходит, бросая друзей на растерзание мародерам и воронам. Он не может избавить их от этого, разве что умереть, защищая трупы, но маркиз Гаэтано не станет этого делать. Потому что живому пристало думать о живых.

– Сандер жив, жив, жив, – твердил мириец назло наползающей пустоте. Сигной Кэрна было пылающее сердце, и

Рафаэлю казалось, что у него внутри и впрямь все опалено. Даже разрыв с отцом, даже подлость Даро не разучили его улыбаться и любить жизнь, танцуя со смертью. Он не думал, что может быть такая боль и такая ненависть…

Вот здесь он, пробиваясь к Сандеру, заметил чалого Ювера. Жеребец был без седока и весь залит кровью. Странно, как он запомнил это место, ведь тогда в мыслях было одно – успеть! Да, именно тут. Вот рухнувший поверх коня рыцарь в броне с алой насечкой, и рядом Белый. Где-то здесь… Рито понимал, что нужно спешить, но принялся торопливо переворачивать убитых. Один из ифранцев был ранен, и мириец его добил, не испытав при этом ничего. И почти тотчас нашел Этьена Ландея. Выходит, он прикончил его убийцу?

Поэт где-то потерял шлем, его лицо в смерти приобрело сосредоточенно-нахмуренное выражение, каштановая челка прилипла к высокому лбу, на руке виднелись обрывки голубого, шитого серебром шарфа. Последней любовью Этьена была младшая сестра Никола, и, кажется, на сей раз это было серьезно. Рито, непонятно зачем, коснулся шелкового лоскута и побрел дальше. Антуана и Франсуа он узнал по доспехам, кузены Крэсси захватили на тот свет изрядный эскорт, а рядом с переломанным позвоночником лежал светловолосый мальчик, который предупредил о предательстве. Он был еще жив, и это было хуже всего. Юный рыцарь упал с коня, и по нему пронеслась чья-то лошадь. Рито встал на колени и снял с бедняги шлем.

Байланте неплохо разбираются в ранах. Паренек был обречен, ему оставалось несколько часов мучений, и – Проклятый! – он был в сознании. При виде Рафаэля в карих, теплых глазах сверкнула надежда, отдавшаяся в сердце мирийца еще одной болью. Рито ласково и безмятежно улыбнулся и со словами: «Все будет хорошо, все теперь будет хорошо» – с силой надавил бьющуюся на шее юноши жилу. Когда-то старый Лючо показал сыну герцога Энрике, как это делается. Байланте должен знать, как освободить товарища от ненужных мучений. Паренек дернулся и затих. Маркиз Гаэтано, сам не зная почему, поднял его на плечи и понес. Друзей он оставлял без могилы, но они были старше, а этот юноша, пришедший к ним для того, чтобы умереть… Он не мог его бросить здесь, одного.

Тащить закованное в броню тело было тяжело и неудобно, а мириец не обладал силой Одуэна или Штефана, но шел, старательно глядя под ноги. В этот миг Рафаэль Кэрна был прекрасной мишенью и легкой добычей, но судьба упрямо продолжала ему покровительствовать. Ювера он больше не искал, но нашел, причем совсем не там, где думал. Видно, чалый,

потеряв всадника, отбежал в сторону. Брата Луи убили секирой. Страшный удар раскроил и шлем, и череп. Рито немного постоял над телом, но опускаться на колени и переворачивать не стал, боясь уронить свою ношу. Все было ясно и так. Рядом с виконтом валялся скомканный молочно-белый плащ. Циалианский рыцарь… Вряд ли он когда-нибудь узнает, кто именно убил Ювера, что ж, придется спрашивать со всех рыцарей Оленя. Убийцей может оказаться любой, и поэтому он не станет щадить никого.

Налетел ветер, пошевелил перья на шлеме мертвого воина в синем. Свой, но кто? Его Рафаэль не знал, а Эжена Трюэля так и не нашел, видно, битва разметала братьев. Мириец стиснул зубы и потащился дальше, обходя мертвых лошадей и переступая через человеческие тела. Несколько раз ему попадались раненые ифранцы и люди Рогге, но он больше на них не отвлекался. Он вообще ни на что не отвлекался, пока не увидел Штефана Игельберга, окруженного целым валом изрубленных тел. Хайнц, если он выжил, теперь барон, и ему больше не придется, открыв рот, внимать поучениям дядюшки. Бедный Хайнц, он так любил Штефана…

Рядом со своим капитаном, уткнувшись головой в его сапоги, лежал еще один дарниец. Рито вспомнил, как его звали: Флак. Йозеф Флак из Альтпверде. Какое-то время маркиз Гаэтано бессмысленно смотрел на убитых, затем бережно положил свою ношу рядом с Йозефом.

Стараясь укрыться за мертвой лошадью, Рито снял свои диковинные доспехи и надел дарнийские шлем, кирасу, поножи и плащ. Так легче путешествовать: Рафаэль Кэрна – слишком заметная фигура… При Штефане был его знаменитый кошель и подаренное Александром кольцо. Рафаэль взял и то и другое, чувствуя, как в груди, отодвигая тяжелую, холодную пустоту, поднимается запредельная ярость. Дарнийские наемники умерли, как рыцари. А те, кто носил рыцарские цепи, изменили, словно последние шлюхи. Нет, хуже! Онорина и ее товарки никогда бы не сделали то, что Рогге, но он свое получит. Что-то заставило Рито рывком обернуться. Никого… Солнце стояло еще высоко, заливая округу беспощадным светом; мириец огляделся, узнавая окрестности. Гразская пуща, лента дороги, глубокий, заросший кустами овраг, по дну которого бежит речушка, как же ее зовут? Неважно. Ему в любом случае туда. Там можно напиться и умыться, а затем низом добраться до деревеньки, в которой они с Луи были вечером. Там он украдет лошадь. Именно украдет, потому что крестьянам незачем видеть его мирийскую физиономию.

Кэрна вновь взвалил на плечи безымянного юношу и поволок к спасительному оврагу. Лючо смеялся, что молодой сигнор быстрее смерти. Может, и так, но смерть сегодня внакладе не осталась.

Вот и овраг. Осины в своем извечном ознобе, алые ожерелья рябин, звон ручья… Тихо и покойно. Склон был слишком крут для большинства людей, но не для байланте, выросшего в Рорских скалах. Рафаэль со своей невеселой ношей уверенно спустился вниз, и роскошная осенняя чаща приняла его в свои объятия.

Маркиз Гаэтано похоронил мальчишку, вырыв яму подаренным Сезаром у стен Кер-Септима атэвским кинжалом. Кер-Септим… Какими веселыми и удачливыми они тогда были. Они полезли в пасть Проклятому – и вернулись с победой. Не погиб никто, хотя то, что они учудили, было безумием. Тогда вернулись все, все… А сегодня из боя вышел он один… Вышел без единой царапины, чтоб тебя…

Рыть настоящую могилу не было ни сил, ни времени. Рафаэль ограничился неглубокой ямой среди рябин, немного подумал и вложил в мертвые руки ветку с алыми ягодами, поцеловал убитого в лоб и кое-как забросал глиной и ветвями. Сквозь алую листву пробился луч заходящего солнца. Проклятый, ну и руки у него! Прямо как у Творца, слепившего первого из людей, замешав землю на своей крови.

Кэрна добрел до текущей по дну оврага речушки, ополоснул руки и лицо, напился, глянул на залитый кровью сапог, не выдержал и, сорвав с одежду, кинулся в холодную, отдающую болотом воду. Если б можно было смыть еще и боль, и память! Мириец вышел на берег, прислушался и ничего не услышал. Если кто-то и побывал в овраге, он ничем не выказал своего присутствия. Одеваясь, Рафаэль пытался думать. Разум подсказывал одно, сердце – другое. Уцелевшим сторонникам короля Тагэре судьба оставила на выбор две дороги – на север, в Гвару, и на юг, в Оргонду. Он к тому же мог вернуться домой к отцу или попытаться разыскать вечного капитана. Но Рафаэль знал, что прислушается не к здравому смыслу, а к той звенящей струне, что вела его по жизни от боя к бою, от безумия к безумию. Он пойдет в Мунт и посмотрит, что можно сделать там. Вдруг дурак Артур жив и скрывается? Нет, на это он не способен, но его могли схватить и где-то запереть. И еще были дети и эта кошка Даро…

2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Оруженосцев почти не осталось, и рыцари сами помогали друг другу; многие были ранены, другие просто смертельно устали. Вечерело, звенел ручей, шелестели ветви. Давший им приют лес жил своей жизнью, белкам и зябликам не было дела ни до смерти Александра, ни до того, что юный Жан ре Гри, которого вытащил на себе Хайнц, умирал. Луи, прихрамывая совсем как Александр и ненавидя себя за это, подошел к мальчишке; тот смотрел на небо невидящими глазами и что-то шептал. Трюэль наклонился и услышал, что оруженосец зовет своего короля.

– Скоро они будут встречаться. – Дарниец, опустившись на колени рядом с юношей, пробовал его напоить, но вода текла по подбородку и шее, смешиваясь с кровью, оруженосец что-то еще прошептал и затих…

Луи промолчал. Было странно смотреть на длинного Хайнца сверху вниз, и арциец присел рядом. Проклятый, как же он устал.

– Вы есть раненный в голову, и новая перевязка необходима есть, – тусклым голосом сказал племянник Штефана Игельберга, – мы не имеем медикуса, но я готовый вам помогать.

– Спасибо, Хайнц, от таких царапин не умирают.

– Умирают, если они оставаются грязными. – Обстоятельность и упрямство было, видимо, у этой семейки в крови. – Я настаиваю на немедленном перевязывании и промывании. Мы нуждаемся в здоровом вожде.

– Вожде?

– Вы имели во время боя сказать, что отвечаете за Арцию. И это так. Мы ждем приказаний.

Луи покорно дал себя перевязать. Дарниец был прав, рана могла загноиться, это было ни к чему. Хайнц, закончив возиться, не ушел, Трюэль понял: наемник ждет вопросов и распоряжений – и спросил первое, что пришло в голову:

– Сколько нас?

– Под моим началом остается триста шестьдесят четыре человека, из которых семьдесят два ранены, двадцать девять тяжело, – сообщил племянник Штефана. – С нами четыреста семь лучников, почти совсем не имеющих стрел, пятьдесят четверо пеших и утративших своих коней и двадцать три легких конных воина. Среди них также есть достаточно раненных, но легко.

– Хайнц, прикажите всем отдыхать, а Нобилей и командиров соберите здесь, скажем, через ору.

Наследник Игельберга встал, старательно отдал честь и исчез за кустами. Он обрел нового начальника, и мир для него вновь встал с головы на ноги. Луи Трюэль дарнийцу тихо позавидовал.

Он никогда не боялся ответственности, дед его считал

толковым, да и Александр прислушивался к его словам, – но это было совсем другое. Луи умел думать, но не то чтобы не умел, но не любил приказывать. Железный тон и властность были не по нему, но теперь придется. Арциец еще раз глянул на мертвого оруженосца, встал, как мог, поправил изорванную одежду, пригладил растрепавшиеся волосы, зачем-то коснулся меча.

Итак, граф Луи Трюэль, на твою голову свалилось восемь с лишним сотен человек, не желающих смириться с поражением. Для начала придется их удержать от глупостей, а потом… Луи бы дорого дал за то, чтобы сказать – потом мы пойдем туда-то к тому-то, и он нам скажет, как надо. Вообще-то Сезар вполне для этого годился. Мальвани – Волинг, хоть и по женской линии, лучший друг Александра, отменный полководец, чего уж лучше! Но он в Оргонде, до которой надо еще добраться. Сейчас, когда «паучата» с помощью Тартю покончили с арцийской угрозой, они займутся Лиарэ. Мальвани и Марта так просто Не сдадутся, но им будет не до Арции, самим бы кто помог… Нет, в Оргонду идти не стоит… А что бы сделали дед и Сандер? И о чем бы спросил Ювер? От мыслей о братьях стало вовсе худо, но Луи сжал зубы и постарался взглянуть на происшедшее глазами Ювера. Тот умел замечать очевидное…

– Монсигнор, мы явились согласно вашему приказу.

Он не монсигнор! Трюэли и графами-то стали всего лет двадцать назад, но сейчас это неважно. Луи медленно поднялся навстречу полутора десяткам человек, которых Хайнц счел достойными присутствовать на совете. Сам дарниец с серьезным видом встал за правым плечом нового предводителя. Луи оглядел измученные лица с нехорошо блестевшими глазами. Так он и думал: в этих упрямых башках лишь ярость и мысли о мести. Те, кто хотел удрать, удрали, остались готовые умереть за проигранное дело. Благородно, но глупо.

Граф Луи-Анатоль-Обен Трюэль поправил рыцарскую цепь на шее.

– Господа, прошу садиться.

Этого они не ожидали. Спокойный, деловой тон. Именно так Александр разговаривал с Лосем и его обалдуями в начале наботской кампании. Тем тоже хотелось драться, драться и еще раз драться, а не думать.

– Господа. – Граф еще раз обвел всех строгим взглядом. Эх, жаль, глаза у него карие, а не серые, как у Сандера. В серых глазах что-то есть, что-то, заставляющее подчиниться. – Нам нужно понять, что произошло, и начать действовать. Мы не можем оставить Арцию этому ублюдку.

– А как мы ему помешаем? – Морис ре Шаотан, под началом

которого были лучники, горько усмехнулся. – Они победили, завтра у наших замков будут новые хозяева. Разве что мы догадаемся приползти на брюхе к Эмразу и просить его о прощении…

– За верность законному королю? – Глаза незнакомого Луи воина без консигны нехорошо блеснули. – Думай, сигнор, что говоришь!

– Я думаю, – отозвался Морис, – и я на поклон к Тартю не пойду.

– Мы не предадим Александра, – угрюмо кивнул барон Латен, примкнувший к ним с полутора десятками конных арбалетчиков, – ни живого, ни мертвого. Пусть мы его не вернем, да и Пьера нам не осилить, но Стэнье мне ответит. Даже если это будет мой последний бой.

– Правильно. – Шаотан гордо вскинул голову. – Нас не так уж и мало, если умело отсечь какой-то отряд, мы им еще покажем.

– И поляжете, навсегда избавив Тартю от опасности, – Луи Трюэль прямо посмотрел в лицо незнакомому воину; отчего-то казалось, что, убедив его, он убедит и других, – нужно уходить туда, где нас никто не достанет, набраться сил, получить помощь, а потом уж и спрашивать. Со всех и за все… Стэнье подождет.

– Вы правы, сигнор, – как-то так вышло, что другие предоставили незнакомцу право говорить от их имени, – мы пробьемся на север в Тагэре и поднимем людей.

– Как тебя зовут?

– Андре Вобан.

– Останешься со мной. Теперь о том, куда идти. Эмраз ждет, что мы пойдем в Тагэре. Ублюдок – не воин, но он подлец, да и советчики у него – гаже не придумаешь. Они наверняка уже позаботились о заложниках. Если мы пойдем в Эльту, у нас на пути встанет армия. Если мы прорвемся, будет погоня. У нас нет сил для решающей битвы, нет крепости, которая вместит всех и выдержит долгую осаду. А если нам начнут передавать приветы от близких из Замка Святого Духа?

Нет, мы пойдем по следам удравших фронтерцев и, если удастся, отвернем им головы, а потом свернем в Гвару. Там Лось и кардинал Мальвани. Поднимать Эстре, Мальвани и Тагэре оттуда легче.

– Это есть правильные слова, – раскрыл рот Хайнц, – но нам нужно быть быстрыми, чтобы нас не догоняли.

– Не думаю, что Пьеру сейчас до нас, а когда он очнется, мы будем далеко. Выступаем за ору до рассвета. А сейчас отдыхать. Хайнц, вы тоже идите.

– Слушаюсь, монсигнор. Я имел поставить для вас палатку за

тем оранжевым деревом, имени которого я не знаю.

В этом был весь дарниец. Тащить с собой палатку и ни о чем не спрашивать, пока сами не объяснят. Неужели его великолепный дядюшка мертв? Пока известно лишь о смерти Рито. Мириец мог упасть с коня лишь мертвым, а забрызганный кровью Браво без седока бродил у оврага, пока его не поймали. Кэрна погиб, но остальные? Луи понимал, что шансов на спасение у тех, кто бросился сломя голову на лумэновские тысячи, нет, но ведь порой случаются и чудеса.

2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

– Граф, вы заставили нас ждать, – в голосе Пьера Тартю сквозило недовольство, – мы даже усомнились в вашей преданности.

– Ваше Величество, – Селестин Стэнье-Рогге почтительно преклонил колени и под ироничным взглядом ифранцев и «пуделя» Гризье, по глупости покойного Филиппа ставшего графом Мо, облобызал протянутую ему вялую руку, – я ждал нужного момента. Маршал Аршо, как полководец, был должен это понять.

– Мы понимаем.

«Мы»… Тагэре терпеть не мог всяческих монарших штучек, а пасынок… Правду говорят, каждый новый король хуже предыдущего, хотя из Пьера король что из крысы волк. Граф Стэнье внезапно понял, что ненавидит и боится сына Анжелики. А тот через несколько ор после добытой чужими руками победы заговорил так, словно родился на троне. Селестин был стреляным воробьем и понимал, что это плохая примета.

– Ваше Величество, я сделал все, что в моих силах.

– Мы ценим ваши услуги.

Опять «мы». Неужели кошкин сын теперь любую фразу с этого слова начинать будет? Но игрушки, похоже, закончились. Пасынок – трус и дерьмо, но соображает быстро. Нет, зря он в это ввязался, быть канцлером при таком короле – ходить по канату.

– Мы довольны тем, как вы сражались с узурпатором, и выражаем вам свою благодарность. С сего дня граф Стэнье-Рогге назначается маршалом Арции.

Селестину показалось, что он ослышался. Маршалом?! Не канцлером! Конечно, Александр был и маршалом, и королем, а Пьер про войну знает только, что на нее шлем нужно надевать. Без маршала ублюдку не обойтись, но почему он выбрал его, Рогге?! Это не награда, а камень на шее, потому что победы

король присвоит, а поражения свалит на маршала. А поражения будут. Гартаж и Мальвани воевать умеют, да и на севере хлопот хватит.

– А теперь мы хотим знать, какие меры маршал примет против предателей, вырвавшихся из окружения? Сторонники узурпатора должны быть обезврежены в ближайшее время. И где горбун Тагэре?

Селестин видел, как белый черногривый конь с неподвижным всадником промчался кромкой оврага и исчез в залитых солнцем полях, но ничего не сказал. Робер до сих пор не вернулся; если он привезет голову Александра, отчим трижды подумает, показывать ли ее пасынку. Тот слишком ретиво гонит лошадей, которых не запрягал, ему нужно пугало. Пусть таким пугалом будет пропавший Александр… А если горбун и вправду выжил? Об этом думать не хотелось.

Маршал Арции – который предпочел бы быть канцлером, а лучше… лучше вообще оказаться подальше от тщедушного бледнолицего человечка в красном – низко поклонился.

– Ваше Величество. Я немедленно отправлю поисковые отряды и прикажу внимательно осмотреть все трупы. Скорее всего, горбун погиб.

– Мы уже подумали об этом. Среди убитых нет ни узурпатора, ни его любимцев: маркиза Гаэтано и Луи Трюэля.

Вот тебе, сынок, и враги, причем высшей пробы! Рито ничего не стоит взбунтовать полкоролевства, он сын правящего герцога, и к тому же сумасшедший. А Луи… Луи еще хуже. При всей своей дурашливости нынешний граф Трюэль – достойная замена своему треклятому деду. Эта парочка наделает дел, даже если Тагэре мертв. Нет, зря он согласился, куда ни кинь, везде клин…

Эстель Оскора

Судя по всему, меня занесло куда-то в Среднюю Арцию. Какой был год, я, разумеется, не знала, но вновь была осень. Золотая, ясная арцийская осень, когда солнце ярче, а небо синее, чем летом или весной. В эту пору днем тепло, как в месяце Лебедя, и только ночи становятся все холоднее и холоднее, а в древесных кронах каждый день прибавляется желтизны. Я стояла на холме, вершину которого украшал здоровенный одинокий каштан. Впереди лежали убранные поля, сзади манил золотом и киноварью лес, из которого вытекала медленная, болотистая речка. Людей видно не было, только в безоблачном небе проплывал журавлиный клин.

Все это выглядело весьма странно. По закону Зова мы с Эрасти должны были оказаться рядом с человеком, открывшим нам дорогу ценой своей жизни. Это заклятие во всех мирах почиталось сильнейшим и тайным, и все равно люди то и дело доходили до него своим умом. Правду сказать, решались на него редко, так как послать Темный Зов могли лишь обладающие Силой (порой сами того не ведающие) и доведенные до такой грани отчаяния, за которой становится безразлична не только жизнь, но и посмертие. Это даже не мольба. Это – сделка: я добровольно отдаю свою жизнь и свою душу и ухожу в небытие, а вы исполняете мое последнее желание. Отомстите или спасите.

Как правило, Зов обращают к так называемым «Темным», разочаровавшись в добрых и милостивых богах. «Светлых» умоляют, и чаще всего бесполезно, почитаемых «Злом» не просят, их помощь покупают, не зная, что энергия добровольно отдаваемой жизни нужна лишь для того, чтобы в нужное время и в нужном месте создать кратковременный Проход, через который и приходит помощь. В своих похождениях я с подобным не сталкивалась, но уверена: воззови кто-то на тех же условиях к кому-то «Светлому» – эффект был бы тот же. В том смысле, что призываемый получит возможность появиться и исполнить просьбу. Другое дело, что он скорее всего ее «не заметит»… А вот «Темные», чаще всего сами побывавшие в шкуре изгоев, загнанных зверей, уважают чужое отчаяние и чужую боль. И приходят, и исполняют последнюю волю, после чего в мире становится одной легендой больше.

Так было и сейчас. Кто-то воззвал к Проклятому, проторив обходной путь в нашу башню, которым мы не преминули воспользоваться. Это и был тот случай, которого дожидался Эрасти. По Тропе Отчаяния мы проскользнули в Тарру незамеченными. Разумеется, Цэрна намеревался выполнить договор, но затем нам предстояла собственная охота.

Когда к нашим ногам словно бы упала тропа золотисто-зеленого пламени, мы, не колеблясь и не оглядываясь, бросились вперед. Нужно было спешить, чтобы пройти Врата, пока у открывшего их достает сил удерживать Проход. Нас было двое, и времени у нас было в два раза меньше, но начались неожиданности. Дрожащее зеленое марево, бежавшее перед нами призрачной речкой, раздвоилось. Одна Тропа, золотисто-зеленого цвета, шла вперед, другая, отливавшая оттенками старого вина, сворачивала налево. Мы ни о чем подобном не слышали, но нужно было решать, и быстро, и мы решили. Эрасти пошел зеленой дорожкой, а я ступила на красную, которая и привела меня на этот холм. Оставалось надеяться, что Проклятый все же

нашел того, кто к нему воззвал, а мне предстояло искать его самого, ну да нам не привыкать! Где бы сейчас ни был Эрасти, я его найду. Чуть позже…

Мне не хотелось сразу же бросаться вниз головой в очередное безумие, уж больно я истосковалась по желтым листьям и птичьим прощальным крикам. Я мечтательно (нашла время!) смотрела вверх, когда блаженную тишину разорвал отдаленный топот. Приглядевшись, я увидела великолепного коня, белого и черногривого, мчавшегося в мою сторону. На его шее бессильно поник всадник, но благородное животное продолжало безумный бег в никуда. Не успела я удивиться, как из-за поворота вылетело еще десятка три конных, видимо, преследовавших первого. Уж не из-за этого ли я оказалась в это время и в этом месте? Но чего хотел Воззвавший? Спасти или же наоборот? Спасти, потому что без вмешательства «Тьмы» рыцарь на белом коне был обречен.

То, что Врата нам с Эрасти открыл другой, я не сомневалась. Всадник был или мертв, или без сознания, а воззвать по плечу лишь человеку, исполненному жизненных сил. Конечно, он мог это сделать до того, как был ранен, но в подобное верилось с трудом. Судя по всему, здесь была битва, а в битве люди, даже терпящие поражение, испытывают ярость, азарт, надежду, а никак не холодное, безнадежное отчаяние, да и сосредоточиться на призыве к Врагу в таком положении сложновато…

Черногривый все еще опережал преследователей, нещадно понукавших своих лошадей, и я решилась. Мне никогда не нравилось, когда на одного набрасывается тридцать. В свое время Рене пришлось сражаться против двух дюжин убийц, я об этом не забыла. Что ж, если я не правильно поняла Воззвавшего, жаль, но иначе я не могла.

Белый конь, услышав эльфийский зов, свернул с дороги и наметом помчался к лесу. Погоня устремилась за ним. Не знаю, возможно, среди них и были достойные люди, исполняющие данную сюзерену клятву. Если так, им не повезло, но мне почему-то казалось, что передо мной холуи, стремящиеся выслужиться перед господином, причем господин этот оставляет желать много лучшего. Когда я ударила, мне не было их жаль.

Я все еще была скрыта заклятием Призыва, а потому могла действовать, не опасаясь чужих глаз, и я спустила с цепи Дикий Ветер. Это было первым смертным заклятием, которым я овладела по наитию, когда на моих глазах подло убили друга. И, скажу без ложной скромности, я отточила свою находку до совершенства. Бешеный вихрь, поднявшись из ниоткуда, налетел на преследователей, валя наземь и всадников, и коней. Последних я пощадила – лошади не виноваты, в отличие от

людей они не выбирают, кого везти на своей спине. Раньше мне пришлось бы уничтожить и их, но сейчас я действовала тоньше. Несчастные животные, отряхиваясь, а некоторые и прихрамывая, потащились назад, а их наездники нашли малоприятный конец в болотистой речонке. Валяющиеся на дороге переломанные тела не самое приятное зрелище, а исчезновение пугает сильнее, чем смерть, даже самая отвратительная.

Покончив с погоней, я обернулась. Белая лошадь смирно стояла на опушке. Всадник все еще висел у нее на шее, не подавая признаков жизни. Интересно, что я сейчас содеяла: спасла или отомстила? В любом случае дальше придется обходиться без высшей магии. Заклятие Тропы исчерпало себя в тот момент, когда я совершила первое магическое деяние, и теперь это будет моя волшба, волшба Эстель Оскоры, которую почует любой синяк, если они водятся в этих богоспасаемых землях; нам же с Эрасти нельзя до поры до времени обнаруживать свое присутствие. Конечно, я могу использовать эльфийскую магию, но с ее помощью армию не остановишь… Впрочем, сейчас это вряд ли понадобится. Если рыцарь мертв, я похороню его, расседлаю и отпущу коня и отправлюсь на поиски Эрасти.

Кто бы ни был этот одинокий всадник, он честно сражался и уж могилу-то себе заслужил, хотя с тех, кто за ним гнался, вполне бы сталось поглумиться над мертвым. Но вышло иначе. Они мертвы, а вот мой рыцарь оказался жив, хотя ему изрядно досталось. Я это поняла, едва лишь с помощью нехитрого заклинания уложила раненого на траву и сняла залитые кровью и покрытые вмятинами доспехи и шлем. Передо мной лежал калека. Горбун! И ему как-то удалось взнуздать собственное увечье и стать воином, и, судя по всему, не последнего разбора. Что ж, помочь тому, кто бросил вызов судьбе, – дело достойное…

Я склонилась над лежащим. Он был довольно молод. Бледный, что и немудрено; темноволосый, с хорошим лицом. Бедняга потерял много крови, был оглушен, у него была сломана нога и несколько ребер, но с этим, даже с ранами в боку и предплечье, я вполне могла справиться. Будь со мной Эрасти, он сделал бы больше, избавив неизвестного рыцаря от горба, но какие наши годы! Эрасти мы еще отыщем, а пока ограничимся посильным, неотложным и тайным. Кровь я уняла быстро, а вот остальное… Воистину, легче прикончить тысячу, чем исцелить одного. У меня не было зеркала, но, закончив одно из заклятий Астени, я вряд ли выглядела лучше, чем рыцарь, которого лечила. И, между прочим, довольно успешно!

Раненый зашевелился, и я положила руку ему на лоб. Пока я не решу, что мне с ним делать, пусть спит и… И видит во сне что-

то хорошее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
AUT VIAM INVENIAM AUT FACIAM [14]

Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Г. Иванов

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Девятилетний Шарль-Роман-Аларик, виконт Тагрэ, любил всех своих кузенов, но больше всех Филиппа, но тот, будучи старше на шесть лет, давно прекратил брать уроки у зануды Карпуса. Старший сын Филиппа Четвертого и Элеоноры Гризье нисколько не печалился, что оказался бастардом. Отец сделал его графом Рунским, и Филипп страшно гордился своим титулом. Еще бы, ведь его носил легендарный Эдмон Тагэре, а кузен если не фехтовал и не упражнялся в верховой езде, то читал о прошлых подвигах и победах. Счастливчик, он уже вырвался из лап наставников и вот-вот станет оруженосцем отца. Ларрэну такое вряд ли светит, он и на лошади толком сидеть не умеет! Его братец Леон Ро поживее, но в голове у него – сплошные каверзы.

Шарло не имел ничего против сыновей Жоффруа Ларрэна, которых отец восстановил во всех правах, но уж больно толстяк Этьен не походит на будущего короля, хотя его и объявили наследником. Что поделать, если Эдмон умер, а Филипп с Алеком и они с Кати – бастарды. Все знают, что на троне Арции им не место, ну и пусть… Скорей бы вернулись отец и сигнор Рито, без них во дворце пусто, да и наставник начинает полагать о себе больше, чем нужно, и затягивать занятия.

Вообще-то виконт Тагрэ любил уроки по землеописанию, но сегодня слушать учителя было невмоготу. Господин Карпус, размахивая указкой, рассказывал о природе Черного Сура. Это было как сказка – непроходимые вечнозеленые леса, под покровом которых живут странные звери; растения, состоящие из одного, но огромного цветка и присоски, лианы с длинными,

похожими на белых змей воздушными корнями, бабочки размером с летучую мышь и летучие мыши размером с бабочку, питающиеся нектаром.

«Рассказывают, в самом сердце черных лесов лежат озера с зеленой водой, – читал Наставник, – среди которых в незапамятные времена исчезнувшие ныне народы соорудили святилище своим несуществующим богам. Сейчас никто не помнит, кому они поклонялись, откуда пришли и куда ушли, но здание по-прежнему стоит среди буйной тропической зелени…»

В любой другой день заброшенный храм в сердце непроходимой чащи надолго бы завладел воображением виконта, но сегодня ему было не до дальних стран. Никогда еще за всю свою девятилетнюю жизнь незаконный сын короля Арции не чувствовал себя таким одиноким и растерянным. Шарло честно пытался взять себя в руки – отец говорил, что победа над врагами и судьбой начинается с победы над собой, но в ушах бился короткий, словно бы захлебнувшийся женский крик, полный неизбывного отчаяния. Мальчик не сомневался, что неизвестная женщина умерла. Умерла в тот миг, когда он с младшими кузенами входил в комнату для занятий, но никто ничего не слышал. Шарло не удержался и спросил Алека, но брат Филиппа только широко раскрыл глаза. Неужели почудилось?

– Шарль, виконт Тагрэ, какие животные встречаются на берегах Зеленых озер? – Наставник навис над ним неожиданно, но Шарло не растерялся:

– Полосатые хирафы, господин Карпус, затем пятнистые, низкорослые дикие лошади, именуемые также цебриллами, серые элефанты, леопарды, пегие дикие свиньи, у которых, в отличие от наших кабанов, две пары клыков…

– Хорошо, виконт, вы, как всегда, усвоили урок. Но правильнее говорить не «в отличие от наших», а «в отличие от встречающихся в Арции кабанов». Алек, виконт Ланже, продолжайте…

Усвоил урок? Просто летом несколько раз перечитал подаренную отцом книжку о дальних странах. Это пригодилось, но удовольствия от того, как ловко он провел нудного Карпуса, не было. Равно как и от того, что старательный, но не шибко умный Алек не смог ответить на вопрос. Младший брат Филиппа, которого, чтоб не путать с отцом, никогда не называли Александром или Сандером, а только Алеком, «брал» задом, а не головой и, если не мог вспомнить урок, путался и, как птица папагалло, повторял любую чушь, которую ему подсказывали. Он так и не привык к шуточкам кузенов и воспринимал все за чистую монету. Вот и сейчас брякнул, что подсказал Леон. Дескать, в

Суре живут летучие кокодриллы, а потом пошел красными пятнами и разревелся.

И это в без малого десять лет! Тоже мне беда! Беда – это совсем другое. Когда умерли Эдмон и Жаклин, это была беда, и сегодня… А что сегодня?! Никто ничего не слышал, наверное, ему просто почудилось.

– Мои сигноры, можете быть свободны до завтра.

Учитель важно выплыл из комнаты, подметая пол длинным зеленым одеянием и не заметив подсунутую Леоном под воротник бумажку с намалеванной рожей. Время книги кончилось, наступило время меча, которое обожали все, кроме толстяка Этьена. Единственным оружием, с которым наследник престола ладил, были столовый нож и ложка. Шарло, хоть и был моложе на пять лет, справлялся с кузеном меньше чем за десятинку, чего уж говорить о красивом и ловком Филиппе.

Когда отец решил, что мальчики Тагэре должны расти вместе, капитан гвардии Артур Бэррот взялся учить их военным премудростям. Рыцарь обещал Шарло, что со временем он станет драться не хуже Руна, но пока шестилетняя разница дает себя знать. Артур говорит, что возлагает на них с Филиппом большие надежды, и Шарло ему верит. Бэррот никогда и никому не лжет, так говорит отец, да и сам Шарло видит, что капитан – человек слова. Он сказал, что научит их всему, что знает сам, значит, научит, а Рито Кэрна сделает его байланте и покажет атэвские конные трюки… Когда отец вернется, нужно попробовать сесть на Садана, и будь что будет!

На учебную площадку Шарло прибежал первым. И это было странно, обычно Артур Бэррот их уже ждал. Капитан гвардии никогда не позволял себе опоздать, но прошла десятинка, другая, третья, а Бэррота все не было. Подошли Филипп с Этьеном и тоже удивились. Обрадованный Ларрэн уселся прямо на сухую траву у разогретой каменной стены, вытащив какой-то свиток, Алек с Леоном затеяли шуточный поединок, а Филипп приветливо улыбнулся младшему кузену:

– Попробуем на шпагах?

Еще бы! Странный крик был забыт, продержаться против графа Рунского хотя бы десятинку – уже победа! Шарло весь отдался бою и понял, что что-то не так, лишь когда Филипп резко отступил назад, повернулся и опустил вниз шпагу, прекращая сражение. Виконт Тагрэ убрал клинок в ножны и, обернувшись, увидел лейтенанта Паже, замещавшего Артура Бэррота, когда тот отсутствовал.

– Мои сигноры, – обычно веселый офицер выглядел прямо-таки убитым, – я должен вам сообщить… Случилось несчастье.

Монсигнор Артур умер.

– Когда? – Шарло сам не понял, как у него вырвались эти слова, тем более ответ он уже знал.

– Около двух ор назад.

Так и есть! Но почему кричала женщина?

– Сигнор Паже, – Филипп уже справился с собой, – как это произошло?

– Неизвестно, – отрезал лейтенант и с явным отвращением добавил:

– Там медикусы, городская стража и синяки…

– Убийство? – предположил всезнайка Леон.

– Ерунда… Не знаю… Да, Проклятый меня побери! – рявкнул дипломатичный вояка. – Все умерли.,. Капитан, его сигнора и канцлер в придачу… Короче, плохо дело. Так что до возвращения Его Величества и с завтрашнего дня с вами заниматься буду я, а сегодня не получится, да и гроза собирается…

Гроза и вправду собиралась. Небо стало черным, низким и хмурым, зато стены дворца сверкали прямо-таки ядовитой белизной. Сочетание клубящейся, давящей тьмы и нестерпимого света пугало, а может, дело было в жутком известии. Артур Бэррот мертв. Убит, как сказал лейтенант Паже, но у Артура не было собственных врагов. Только враги короля и королевства. Шарло растерянно посмотрел на Филиппа.

– Плохо, – кузен был не на шутку расстроен, – мне это не нравится…

Закончить ему не дали. На оружейном дворе появилась Элеонора Вилльо со старшим сыном, и мальчику захотелось оказаться где-то в другом месте. Нет, робким виконт Тагрэ не был, но в присутствии этой женщины ему было мучительно неловко, причем не за себя, а за нее. Бывшая королева была лживой во всем, начиная с краски на лице и кончая улыбкой. Говорят, когда-то она была красавицей. Наверное, если ее дочери похожи на нее; но если они через сорок лет станут такими, как мать, лучше бы им походить на кого-то другого. Элеонора медово улыбалась, она была даже более ласкова, чем обычно.

– Мои дорогие, как я рада видеть вас всех! Филипп, Алек, я приехала за вами. Его Величество разрешил мне провести оставшиеся до его возвращения дни вместе с вами в летней резиденции.

– Но, матушка, – Филипп отнюдь не казался обрадованным, – дядя Александр нам ничего не сказал, а у нас занятия…

– Ваш брат Жорес поможет вам овладеть рыцарской наукой не хуже, чем Артур Бэррот, – возразила Элеонора, – а мое письмо Его Величество получил, уже покинув Мунт. Я могу показать

ответ, но если сын не верит матери…

– Я верю вам, матушка, просто это несколько неожиданно. Может быть, мы с братом приедем к вам завтра или послезавтра?

– Неужели мое общество вам в тягость?

На это мог быть лишь один ответ. Бедный Филипп свято исполнял данное отцу обещание уважать и поддерживать мать, хотя давалось это ему непросто, а единоутробных братьев он откровенно ненавидел, особенно Жореса Аганнского. Кузен хмуро кивнул и вместе с Алеком последовал за Элеонорой, но с полдороги вернулся.

– Шарло, знал бы ты, как мне ехать не хочется, но я должен. Ты… Ты проводишь Артура?

– Если меня пустят, но до приезда отца его не похоронят, ты же знаешь. Они были друзьями, а сигнора – сестра Рафаэля.

– Знаю. Скажи, ну почему я должен врать?! Я не хочу ехать к матери, а братцев Гризье терпеть не могу. Хорошо тебе…

– Филипп! – Бывшая королева с нетерпением смотрела на сына, тот вздохнул и сжал плечо Шарля:

– Когда я вернусь, закончим наш поединок.

– Конечно.

Кузены ушли, лейтенант Паже тоже. Леон задирал Этьена, тот, не обращая на младшего братца никакого внимания, продолжал читать, а Шарло никак не мог оторвать взгляда от обитой медью калитки, за которой скрылся Филипп. На душе было мерзко, и он сам не понимал почему. Сверкнуло, оглушительно ударил гром. Виконт Тагрэ поднял голову. Небо стало совсем жутким, солнце скрылось, ветер взметнул тучи пыли и листьев, чуть ли не вдвое согнув молодой тополек, но дождя, дождя еще не было.

2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки ЧЕРНЫЙ СУР

Пестрая птица с длинным хвостом и горбатым черным носом громко заорала над самой головой. Отвратительная птица, большая, сварливая и нелепая, так не похожая на арцийских соловьев. Хотя дело не в птице, а в ожидании и в месте, насквозь пропитанном древней бедой…

Пущенный меткой рукой орех угодил черноносой в бок, и та, напоследок испустив особенно мерзкий вопль, соизволила улететь. Рене Аррой проводил разобиженный комок перьев взглядом и повернулся к спутнику.

– Ждать больше нечего. Я пошел.

– Это слишком большой риск. Мы знаем, что здесь что-то не

так.

– Мы знали об этом и раньше, – пожал плечами Скиталец, – потому и пришли. Другое дело, стоит ли тебе меня ждать; в таких норах может быть все, что угодно, в том числе и нелады со временем. Я бы не хотел, чтобы ты надолго оставлял Арцию.

– Я буду ждать кварту, потом уйду, – не стал спорить эльф.

– В Арцию? – В голубых глазах Рене Арроя мелькнуло подозрение. – Обещай, что внутрь не пойдешь, что бы ни случилось.

– Обещаю.

– Вот и хорошо. Гиб, не позволяй этому эльфу делать глупости. – Рене мимоходом потрепал своего скакуна по шее и, не оглядываясь, пошел вперед.

Клэр, держа стрелу на тетиве, смотрел, как Счастливчик, легко ступая, пересекает пустошь, направляясь к развалинам. Эльф был готов поклясться, что Аррой полез в старый храм не только по необходимости, но и из-за своего неуемного любопытства, от которого бывшего маринера не излечило ничто.

Рене нынешнего, по крайней мере на первый взгляд, не отличить от сумасшедшего императора-адмирала, с которым рыцарь Осени познакомился много весен назад. Если не знать, что случилось, ничего не заподозришь. Тот же смех, та же манера встряхивать головой, решаясь на очередное безумство, та же отвага и то же умение видеть недоступное другим. О том, что творится у Скитальца на душе, Клэр не знал – они были соратниками, и не более того, да и нет у него права читать в чужом сердце. У каждого своя боль и свои тайны, а тайны Рене не из тех, что можно перекладывать на чужие плечи.

Адмирал был уже у самых руин. Причудливая колонна казалась высеченной из порфировой глыбы совсем недавно, но подпирала она не своды храма, а равнодушное ядовито-синее небо. Рене остановился, тронул узкой, как у эльфа, рукой багровый камень – то ли задумался о чем-то, то ли готовился к последнему шагу.

Они провели у здешних развалин не меньше кварты. И за это время оттуда никто не появился и туда, кроме удиравшего от хищника «кабана», никто не вошел. Скиталец еще немного помедлил, словно бы прислушиваясь, выхватил отточенным жестом шпагу и бросился в темный проход. Эльф напрягся, как струна, ожидая сам не зная чего, но со стороны храма не донеслось ни звука. Жаркий липкий зной заливал и сами развалины, и окрестный лес, было тихо, пока не вернулась черноносая птица и, словно издеваясь, не повисла на цветущей ветке вниз головой, щелкая клювом и время от времени испуская

хриплые вопли.

2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Дальний раскат грома вывел Шарлотту из задумчивости. Мунтская бланкиссима никогда не любила гроз, к тому же ее в последнее время раздражало все. Сестра Аквилина шпионила в пользу Анастазии, Леона после Заклятия Нежизни ударилась в покаяние, Тереза со своей вечной услужливостью вот-вот предаст, и вообще, что сейчас творится в Гразе? Элеонора Вилльо по уши в заговоре. Если «подруге» не повезет, то она, Шарлотта Мунтская, разделит участь кардинала Клавдия, которого Александр третий год не пускает в Арцию. Конечно, в то, что бланкиссима подбила Элеонору на убийство Жаклин и наследника, никто не поверит, да бывшая королева и не признается, и все-таки не стоило доверять покойному канцлеру! В смерти семьи Бэрротов многое настораживает, теперь нужно затаиться и выждать, чем кончится. С Анастазии станется, если что не так, свалить все на мунтских сестер. Эта змея всегда выкрутится.

– Сестры ждут свою бланкиссиму. – Голос Терезы источал мед, и Шарлотте захотелось убить любезную сестру или, по крайней мере, послать к Проклятому. Но вечерняя служба – это вечерняя служба. Те, кто ею пренебрегает, очень быстро оказываются на задворках. Равноапостольная велела своим последовательницам собираться за час до заката и читать по три раза четыре Великие молитвы и по разу семь Малых. Обычно бланкиссима любила это действо с проходом по белой ковровой дорожке от тканой иконы с оленем над главным входом к Возвышению, торжественным запиранием дверей и поочередным покаянием сестер друг перед другом и перед бланкиссимой, но приближающаяся гроза и неизвестность выбивали из колеи. Шарлотта спокойно посмотрела на Терезу.

– Во имя Равноапостольной будь благословенна. Я иду.

Они вышли из кельи и проследовали к храму ордена, стоявшему посреди примыкающей к обители обширной площади. Вдали вновь заворчало, но причуды погоды службе помешать не могут. Горожане, среди которых были и прихожанки храма Святой Циалы, торопливо разбегались по домам. Тем, кто живет далеко, придется помокнуть, переждать ненастье в Храме она не позволит никому, это запрещено Уставом. Вечерняя служба лишь для сестер. Как душно… Шарлотта украдкой глянула вверх. Небо затянула плотная свинцовая пелена, ветра не было. Над городом повисло тяжкое безмолвие. Странное дело, кажется, что над

храмом тучи темнее всего…

Легкий порыв ветра настиг бланкиссиму и ее спутницу на самом пороге, они успели заметить лиловую вспышку, но гром догнал их уже внутри здания. Заполненные лучшим маслом светильники, колонны, резной алтарь, лики святых, ковровые дорожки, запах курений, золотистый свет… Привычная обстановка отогнала непрошеные мысли, Шарлотта, слегка наклонив голову, приветствовала сестер. Почему нет Анны и Корделии, понятно. Ежемесячное недомогание, во время которого посещать храм – грех, но где же Юнна? Завтра она с нее спросит, а Леона стоит как наказанная. Если так пойдет и дальше, от нее придется избавиться. Дюз или серая лихорадка? Нет, не стоит пускать к себе ищеек Анастазии, пусть сестра с миром уйдет в мир иной.

Опять гром, и как близко! Бланкиссима уверенным голосом начала первую из Великих молитв, благословляющую испытания, посылаемые свыше. Слова привычно лились, сплетаясь в витиеватые и, по мнению Шарлотты, не самые умные фразы, но чувство тревоги вернулось и больше не проходило. Наоборот, понемногу – очень медленно – усиливалось, становясь чем-то осязаемым, сдавливая виски. Возраст или волнение? Что бы ни было, после службы надо выпить отвар зеленушки и полежать с закрытыми глазами. Не сегодня-завтра в Гразе все решится, с горбуном будет покончено, а с Тартю они с Элеонорой при помощи малышки Норы управятся. Внешностью девочка удалась в мать, но ума не больше, чем у курицы, и это радует…

«Мы полны скверны, омывающей нас, как море омывает остров. Нет нам прощения, ибо несем мы на себе печать Первого греха и являемся сосудами Последнего…»

Все шло как и подобает. Произнося вторую из молитв, бланкиссима возвела очи горе, вперив взгляд в цветные витражи под самым потолком. Золотистые стекла не могли скрыть нависших над храмом мрачных туч, которые, казалось, чего-то ждали. Как душно…

Сильный порыв ветра ударил во все окна одновременно, что-то сверкнуло, и тут же оглушительно проревел гром. Языки пламени в светильниках дрогнули, витражи жалобно задребезжали. Гром прервал молитву, заглушив пение, но Шарлотта справилась с собой и как ни в чем не бывало продолжила: «Нет кары, аще как от Триединого, ибо нет ни того, ни той, кто не был бы виновен в глазах Кастигатора».

До завершения третьей Молитвы оставалось четыре строфы. Сестры пели, и бесстрастные, хорошо поставленные голоса поднимались вверх, к разноцветным стеклянным картинам, за

которыми затаились облачные звери.

Шарлотта уже собралась произнести последнюю фразу, но не успела. В купол храма, развалив его на куски, ударила молния, а громовая волна превратила витражи в кучу осколков и стеклянного крошева. Обломки камня, балки, разноцветные, режущие не хуже ножей стекла, тяжелые светильники – все это рухнуло внутрь, раня, убивая, калеча…

В образовавшемся провале бешено вращались раздираемые молниями черно-серые тучи. Гром неистовствовал, перекрывая шум от падения обломков. Вряд ли те, кто был застигнут несчастьем, успели понять, что произошло, а сверху из самого центра облачного вихря ударила вторая молния. Ветвистый олений рог ворвался внутрь прогневившего небо здания, пламенеющие отростки пропахали по стенам, обрушив несколько колонн, и выплеснувшееся из светильников пылающее масло подожгло то, что пощадил небесный огонь. Деревянные панели, пол, ковры, тканые и рисованные на драгоценных палисандровых досках иконы – «пищи» для пламени хватало, а ураганный ветер с хохотом врывался через проемы выбитых окон и дыру в потолке, раздувая пожар.

Шарлотта пришла в себя первой, успев отскочить от обезумевшей Фернанды, чьи волосы и одеяние горели. Леона умудрилась швырнуть живой факел вниз и сбить огонь; лучше б позаботилась о себе, Фернанде все равно не жить… Сестры бестолково метались среди рухнувших колонн. Новый удар потряс храм до основания, обрушив чудом державшийся на обломке потолочной балки центральный светильник. Четыре женщины – Теона, Эльвира и кто-то – еще упали там, где уже вовсю полыхало. Одна из сестер так и осталась лежать, трое, кое-как поднявшись, слепо бросились в стороны. Теона на бегу столкнулась с другой сестрой, сбила ее с ног, свалилась сама и принялась кататься по ковру, пытаясь сбить пламя. Две или три дурищи бросились на колени, пытаясь молиться, но заслужили удар потолочной балки. Хотя, возможно, это и было милосердием, так как смерть молельщиц была быстрой. А пламя разгоралось, черный дым рвался вверх к пляшущим в проломе тучам, трещало, шипело, в сумраке вспыхивали и гасли багровые искры, словно изображенный на одной из тканых икон ад выплеснулся за пределы картины.

2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Капитан городской стражи Жозеф Клеман с удовольствием

смотрел на хлеставший за окнами дождь, представляя, как ругаются те, кому выпал вечерний обход. Короля в городе не было, но заведенный еще Обеном Трюэлем обычай неукоснительно соблюдался – в любую погоду городская стража утром и вечером проходила по главным улицам, дабы жители доброго города Мунта чувствовали себя под защитой короны и знали, за что платят налоги. Конечно, от злоумышленников это не спасало, но порядок есть порядок, и стражники в синих плащах с нарциссами честно топали по городу, гремя оружием и подмигивая хорошеньким служанкам. Но в такую погоду добрый хозяин собаку на улицу не выгонит, а кошка и сама не пойдет.

Клеман прикидывал, не перебежать ли через улицу в «Синюю овцу» или лучше дождаться с обхода этих мокрых куриц, и тут в дверь – нет, не постучали, а забарабанили. Жозеф кивнул своему помощнику, которого в подражание гвардейцам называл аюдантом, и тот исчез в коридоре.

– Кто идет? – Голос юноши ломался, но он старался казаться бравым воякой. Не будь здесь начальника, наверняка бы брякнул что-то вроде: «Кого нелегкая принесла, Проклятый побери!»

Что ему ответили, капитан не слышал, но по звуку торопливо отодвигаемого засова понял – дело и впрямь спешное. Накинув кожаный плащ – никогда не помешает показать, что ты готов к любым неожиданностям, – Клеман вышел навстречу вечернему гостю, буквально ввалившемуся внутрь. Жозеф всегда гордился своей памятью на лица и сразу узнал краснорожего никодимианца, собиравшего пожертвования перед вечерними службами. Кажется, его звали брат Жан, но в каком он был виде! Мокрый, как мышь, и задыхался, как новобранец на плацу. Видать, бежал всю дорогу, обокрали его, что ли? Не иначе! Из-за чего еще клирик станет бегать под дождем?

– Заходите, брат Жан. Вот сюда, к огню, Поль, согрей гостю вина…

Но монах – небывалое дело – отказался от дармовой выпивки. Выкатив и без того рачьи глаза, он набрал в грудь побольше воздуха и проблеял:

– М-м-молния! П-п-потом еще од-д-дна!… б-б-быстрей!

– Молния? Какая, к Проклятому, молния? Пожар, что ли?

– Ск-к-корее!… Г-г-горит-т!!!

При необходимости Клеман умел действовать решительно. Схватив гостя за шиворот и как следует встряхнув, чтоб пришел в себя, он гаркнул:

– Где горит?!

Встряска помогла, во всяком случае дар речи к брату Жану вернулся. Вместе с жаждой.

– Циалианское подворье горит. – Монах умильно глянул на кувшин в руках аюданта. – Как вдарило, так купол и рухнул… Полыхает – страсть, а двери завалило.

Дальше капитан не слушал. Пожары – дело городской стражи. Король третий год ежегодно приплачивает каждому стражнику по три аура, а Клеман не терпел, когда его и его подчиненных обзывали тунеядцами, и потом, в храме остались люди… Хорошо, хоть капустницы, а не кто другой. Эти по вечерам к себе никого не пускают, а вот у эрастианцев сейчас яблоку и тому упасть негде – кто молится, кто от дождя прячется.

Впрочем, где бы ни горело, его дело – тушить. Клеман, приказав трубить сбор, бросился на конюшню. Управились быстро: ребята знали, когда надо спешить. Несколько запряжек вылетели из широко распахнутых ворот и галопом помчались по Синей улице, разбрызгивая возомнившие себя озерами лужи. Хорошо, что дождь, – поможет гасить или, по крайности, не даст огню перекинуться на другие дома. Впереди тревожно загудел Черный Колокол [15], ему откликнулись городские звонницы. Да, похоже, полыхает не на шутку.

Был ранний вечер, но из-за дождя и низких облаков не было видно ни зги, а шум ливня глушил все звуки, кроме раскатов грома и несущегося над городом набата. Стражники пронеслись по Синей, свернули на Кривую, вылетели на площадь Всех Скорбящих, и Клеман невольно осенил себя знаком. Дома на дальнем краю поливало как из ведра, но центр площади, посредине которой высился обезглавленный храм, был сух, как пустыня Гидал. Капитан с ужасом уставился на выбитые окна и разбросанные тут и там обломки купола, самый большой из которых подпирал главный вход. Изнутри слышались частые глухие удары и вопли о помощи. Верхняя часть строения была вся в дыму, а выше… От такого и атэв себя Знаком осенит! Обезумевший ветер вопреки тому, что ему положено от века, дул с разных сторон, его бешеные порывы были нацелены на храм, и только на храм, отчего тучи над развороченным куполом крутились, словно их размешивали чудовищной ложкой.

Жозеф Клеман был смелым человеком, но тут ему захотелось оказаться подальше от полыхающего здания. Хотя бы и на поле боя или с кухонным ножом против осеннего кабана, все безопаснее. Но дело есть дело, и капитан заорал:

– Фертье, кошачий хвост, чего пялишься? Пожара не видел?! А ну, бери десятерых и дуй ко второму входу! Люваль, ты что, с кобылой справиться не можешь?! Симон, живо за подмогой, гони всех сюда! – Душераздирающий вопль прервал капитана на полуслове, и удары прекратились…

В свалке у заваленного входа первой погибла толстенькая Маурициия, следом затоптали еще шестерых. Шарлотта попыталась призвать к спокойствию, но ее перестали слушать. Сестры больше не верили бланкиссиме и не боялись ее, на смену покорности пришла ненависть и животное желание выжить, все равно как, но выжить! Циалианки бросались на резные створки, лупили по ним кулаками, орали, визжали, отпихивали и оттаскивали друг друга за волосы. Пламя приближалось, а проклятые двери оставались безгласными и недвижимыми, как небеса, к которым столь часто взывают гибнущие.

Бланкиссима вовремя поняла, что ее власть рухнула, и ловко вынырнула из толпы перед самым началом свалки. У Леоны и Терезы хватило ума последовать ее примеру. В их положении единственным спасением было не потерять головы и держаться друг друга, ненависть – это потом…

Языки пламени, летящие искры, рассыпающиеся в прах изображения святых, которые не только не спасали себя и своих служительниц, но и подкармливали беспощадный огонь. А тот, словно морской лилион, выпускал все новые и новые щупальца. Сколь многое может гореть в храме! Прав был отлученный от Церкви Комморий, призывавший Церковь отказаться от бархата, шелка и раскрашенных промасленных досок.

Огненный спрут дотянулся до огромного гобелена с оленем, висевшего над парадным входом. Тканые иконы были гордостью арцийских сестер, но Триединый не одобряет гордыни. Пестрая ткань занялась сразу, пламя наступало справа и сверху, неотвратимо приближаясь к толстому витому шнуру. Первой опасность заметила Шарлотта, но промолчала. Ломящихся в заваленные двери безумиц было не остановить, но Леона все же попробовала, изо всех сил закричав:

– Назад! Гобелен! Сейчас упадет гобелен!! Назад!

Какая-то из сестер (неужели эта волчица в растерзанной одежде кроткая Люсилла?!) обернулась и дико захохотала. Леона попятилась, пылающее полотнище рухнуло, и немногие уцелевшие с ужасающим воплем отхлынули от главного входа. От паствы Шарлотты осталось десятка полтора сестер, не более…

Бланкиссима затравленно оглянулась. Центр храма завален, но сверху больше ничего не сыплется, видимо, все, что могло упасть, уже упало.

– К Покаянной двери, быстро!! – прохрипела Шарлотта, но ее, как ни странно, услышали. Сестры, на бегу обходя пламя, бросились к проходу за алтарем. Двум добежать не удалось, но

остальные прорвались. Пожар, по счастью, сюда еще не добрался…

Засов был тяжелым, но страх удесятеряет силы. Дверь открыли в считанные мгновения, и Шарлотта, стараясь придать лицу благочестивое выражение праведницы, спасенной вмешательством святой, толкнула резные створки. Они не шелохнулись.

2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

– Сигнор капитан, там-от тоже завалено, но каменюка поменьше, – доложил Фертье. – Ребята ее пихают, но пока, растудыть ее через хвост в ухо, никак.

– Ясно. Если кто и жив, то с той стороны. Ага! Заорали, слава Эрасти. А ну, кидай веревки! Обвяжем эту проклятущую глыбу. Люваль, нашел время дрыхнуть! Давай Ночку с Парнем ко второму входу, шевелись, Проклятый вас побери!

Люваль шевелился, как мог, но все равно получалось медленно, вернее, медленней, чем хотелось. Тем не менее телегу, запряженную самыми сильными лошадьми, поставили напротив второго выхода. Угрюмые стражники столпились вокруг, засучив рукава, готовые толкать и тянуть.

За завалом закричали с новой силой; пронзительные, воющие голоса не могли принадлежать надменным, холодным сестрам. Видимо, это пришло в голову не только Клеману, так как Люваль пробормотал:

– Словно будто и не капустницы.

– А когда горит, все бабы – просто бабы, – согласился Фертье, закрепляя последнюю веревку, – помогла им их святая, держи карман шире. А ну, милые, пшшли!!!

Кони напряглись, но не сдвинулись ни на шаг, к ним присоединились люди. Жозеф подумал, что, когда все кончится, напьется, чтобы забыть о проклятых воплях и сбесившихся тучах над головой.

– Спаси-и-и-ите!!

– Откройте!!!

– Будь ты проклята! Проклята! Проклята!

Кого это? Товарку по несчастью, оказавшуюся ближе к выходу? Бланкиссиму? Святую? Судьбу, загнавшую неизвестную монахиню в эту мышеловку?

Дверь мелко задрожала от ударов изнутри, Ночка, Парень и три десятка стражников навалились изо всех сил, и камень слегка подался. Между створками появилась щель, потянуло дымом,

сразу же защипало в горле, на глаза навернулись слезы.

– Скорее! Во имя всего святого!

Неужто сама Шарлотта? Хотя все кричат одинаково…

– И-и-и-и раз! И-и-и-и-и раз!! – в унисон кряхтели стражники, изо всех сил толкая телегу…

– Держитесь, сестры! – на всякий случай заорал Клеман. – И святая Циала поможет вам! А ну, черти пегие, наддайте!

Послышался стук копыт. Так… Первыми подоспели гвардейцы, а народишко-то не спешит помогать, по домам сидит. То ли тучи этой клятой боится, то ли капустниц не жаль никому.

– Плохо? – осведомился лейтенант Паже, хватаясь за пеньку.

– Сами видите… Надо б хуже, да некуда…

Они тянули и толкали, не зная, что там внутри. Щель стала шире, а валивший из нее дым – чернее и едче. Как же там внутри, Проклятый побери?!

– Похоже, пламя приближается, – пропыхтел Паже. Клеман не ответил. Зачем? И так все ясно.

Стражники и гвардейцы, к счастью для себя, не видели, как обезумевшие женщины в когда-то белых, а теперь пятнистых серо-черных одеяниях одна за другой задыхались и падали. Погибших за что попало оттаскивали в сторону, бросали и вновь обезумевшими кошками кидались на заваленную дверь. Судьбе было угодно, чтобы последними оказались Шарлотта, Тереза и Леона. Они молча смотрели на дразнящую спасением щель, которая не желала становиться шире. Затем Тереза упала, и сразу же за ней – Леона… Бланкиссима взвыла и замолотила кулаками по окованному металлом дереву. Подол платья на ней тлел, женщина с силой рванула тонкую материю и, не удержавшись на ногах, свалилась на тело Терезы, и почти сразу же сверху обрушилась полыхающая балка. Вопль бланкиссимы Шарлотты, более приличествующий терзаемой демонами грешной душе, был последним криком, услышанным стражниками.

Проклятый

Возбуждение понемногу улеглось, наползла усталость. Как же давно он не уставал, разве что от ожидания и тоски, но это совсем другое. Эрасти почти равнодушно взглянул на потухающий костер, в котором заживо сгорели какие-то женщины, которых он никогда не видел, но которые заслужили свою участь. По крайней мере, некоторые из них. Та, что его призвала, просила отомстить мунтской бланкиссиме. Завещание Воззвавшего свято, Проклятый не мог его не исполнить, но испытанное при этом наслаждение

удивило его самого. Удивило и испугало – он не должен ненавидеть, не должен вниз головой бросаться в жизнь Тарры, только тогда он сможет что-то сделать, Карать и спасать направо и налево – значит не только не предотвратить обвал, но вызвать его раньше срока. Нужно держать себя в руках, как бы он ни ненавидел то, что скрывалось под увенчанными оленями белыми куполами.

Он нанес первый удар с Тропы Отчаянья. Теперь нужно подождать и посмотреть, чем и как он отзовется, тем более у Эрасти есть дела более неотложные, чем уничтожение обители. Церна задумчиво тронул сапогом тлеющий обломок. Никем не узнанный и не замеченный Проклятый смотрел, но огонь и падающие обломки не могли причинить вреда сильнейшему магу Тарры. Сильнейшему ли? Это-то и предстояло выяснить.

В разрушенной обители была Сила, не похожая на ту, с которой он имел дело. Безликая, холодная, вязкая, словно жидкая грязь, глядя на нее не скажешь: то ли перед тобой грозящая страшной смертью бездна, то ли жалкая лужа, опасная лишь обладателю новых башмаков. Сила эта, однако, циалианкам не помогла, правда, Эрасти ударил неожиданно и сильнее, чем требовалось. Но получилось отменно! Бьющие в одно и то же место молнии, ливень, гасящий искры на расстоянии вытянутой руки от пожара, над которым не пролилось ни капли. Пусть теперь гадают, что это – случайность, божья кара или черное колдовство. Гадают и принимают меры, а он посмотрит. Хотя нет, некогда ему смотреть. У него дела и Геро, Геро, ушедшая по алой закатной тропе…

Пройти в один Проход вдвоем невозможно, он знал это и решил слить со слабеющей силой Воззвавшей свою собственную. Это было рискованно, но необходимо. Проклятый был готов удержать закрывающуюся дверь, но Тропа Отчаянья внезапно раздвоилась. Выбирая дорогу, они с Геро не колебались, и теперь он понимает почему. Голос крови звучит громко, а воззвавшая к Проклятому женщина приходилась ему родней, мужчина же был как-то связан с Геро… Жаль, он не успел понять и его: воин слишком быстро ушел за Пределы.

Эрасти надеялся, что Эстель Оскора догадалась, во имя чего отдал жизнь арцийский рыцарь, а последние мысли женщины были ясны и яростны, как горная река. Дариоло из рода Кэрна жила столько, сколько любила, и это была истинная любовь, поднявшаяся выше смерти, выше страха, выше древних запретов, выше всего. Дариоло любила короля… Геро тоже умеет любить, ведь она прошла всеми кругами ада во имя своего Рене. А ему, ему просто не повезло, он влюбился в Циалу… Почему? Что он в

ней нашел? Бессердечная, красивая дрянь. Красивая? Или она лишь казалась такой? Странно, он больше не помнит ни ее лица, ни ее голоса… Каким же дураком он был!

Угасший было огонь вновь поднял рыжую гриву, и к темному небу взметнулась туча искр… Это отсвет его ярости? Да, именно так. Нужно успокоиться, мстить некому, Циала давно мертва. Но где же Геро? Куда завела ее темно-алая тропа? Что она делает? Тоже убивает или уже убила? И кого?

У Дариоло был брат – лучший друг ее короля, они оба погибли, так сказал спесивый болван, который тоже был виновен и умер первым. Женщина хотела отомстить – и отомстила, а мужчина? Мысли Эрасти вернулись в светлую комнату с золотистым атэвским ковром, на котором лежали два тела. Они были красивой парой, чернокудрая мирийка и арцийский рыцарь, но она его не любила, вернее, она любила не его. Эрасти было жаль человека, которого, как он теперь знал, звали Артуром Бэрротом. Его любили все, а он любил короля, жену и свою честь.

«Смерть – ничто, честь – все» – так, кажется, говорил Альбер Малве, погибший в одном из первых боев с солдатами Пурины. Сколько веков прошло, но честь остается честью, а смерть – смертью… Только вот Альбер вряд ли бы догадался и сумел воззвать к Проклятому, слишком уж он был простодушен, но жизни ему было не жаль. Как и Артуру. Да и Проклятого тогда еще не было.

Эрасти вздохнул, подняв глаза к звездному небу, на фоне которого обглоданный череп бывшего храма казался особенно жутким. Отчего-то ему казалось очень важным разгадать загадку погибшего рыцаря. Итак, Артур Бэррот узнал, что его король предан, и предан его, Артура, отцом. Но король – воин, он будет сражаться до конца. Право на последний бой, пусть отчаянный и безнадежный, у воина не отнять. Артур вряд ли отдавал себе отчет в своих чувствах, но всем существом рвался туда, где погибал его друг и сюзерен. Душу и жизнь в обмен за возможность встать с ним спина к спине! Душу, жизнь и посмертие… И так уж вышло, что в Бэрротах течет кровь Арроев, а значит, и Ямборов, и Годоев. Старая Кровь, кровь Эстель Оскоры.

Налицо все. Сила. Отчаяние. Страстное, неистовое желание. Готовность к жертве. Не хватает лишь одного – Зова! И тут Дариоло воззвала к Проклятому. Остальное вышло само собой, и Тропа Отчаянья раздвоилась… Значит, Геро сейчас там, куда рвался умерший рыцарь. Рядом с мертвым королем и не менее мертвыми победителями. Эстель Оскора способна разнести в клочья любую армию, если же она это не сделала, значит…

Чувство опасности заставило Эрасти отступить, словно бы сливаясь с дымящимися развалинами. На пожарище пожаловали те, кого он ждал. Церна со странной смесью любопытства, отвращения и благоговения смотрел на высокого клирика, чье аскетическое лицо, освещенное багровыми сполохами, казалось старой иконой, где из тьмы выступает золотистый лик, отрешенный, жестокий и столь совершенный, что кажется чудовищным.

Да, дело зашло очень, очень далеко. Тот, кто стоит за пришедшим на пожарище, опасней Тьмы, Света и Хаоса, вместе взятых, потому что лишен всего и вместе с тем преисполнен уверенности в своей полной и окончательной правоте. Такого врага нельзя ни убедить, ни уничтожить, ни испугать, только вынудить уйти, но сделать это непросто.

Клирик на развалинах что-то говорил окружавшим его людям, те кивали и суетились, ничего не понимая и полагая, что главной угрозой являются непрогоревшие деревяшки. Проклятый стиснул зубы, борясь с искушением прямо сейчас подойти и сказать: «Уходи. Тарра не твоя. Я тебе ее не отдам. Мы тебе ее не отдадим!»

И он бы сказал, но говорить было некому. Клирик был лишь предтечей, зеркалом, отражающим чужие лучи, правда, с помощью зеркала можно поджечь поленницу, дом или целый мир. Да, в непростые времена ты вернулся, Эрасти Церна. Но ты вернулся, и ты должен удержать на плечах небо, если это потребуется! Если здесь умеют любить, как Геро и Дариоло, и помнят о чести и долге, как Артур, Тарра будет жить. Мы справимся со своими бедами сами и не пустим чужаков, какими бы сильными они ни были и какими бы благостными ни прикидывались!

– Арде! – Губы Эрасти шевельнулись, повторяя пришедшее из тьмы веков слово. Проклятый и святой, он принимает бой со всеми и за всех. Он и Геро. И все остальные, кому не наплевать на Тарру и кто судит себя строже, чем других, и не склоняет головы ни перед судьбой, ни перед силой, даже если та мнит себя высшей.

2895 год от В.И. Утро 11-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАЗА

Покойная Эмильенна Рогге принадлежала к тому редкому типу женщин, которые терпеть не могут кошек. Баронесса частенько говаривала, что эти твари бывают либо бедными кисками, либо наглыми котярами, третьего не дано. Селестин не

столь часто имел дело с хвостатым племенем, чтобы составить о нем собственное мнение, но Пьер Тартю подтвердил правоту матушки, за несколько ор превратившись из бедного изгнанника в наглого узурпатора. Кошачье отродье! Новоиспеченный маршал Стэнье-Рогге знал своего пасынка четырнадцать лет, но не предполагал, что худосочный тихоня поднимет хвост на тех, перед кем еще вчера расстилался. Что же будет, когда он и впрямь станет королем? Заведет атэвские порядки с ползанием на брюхе и лобызанием пола, по которому ступают сапоги повелителя?

Пьер Шестой был слабоумным, но ни Филипп Тагэре, ни Рауль ре Фло, не говоря уж об Александре, не унижали своих соратников, тем более оказавших им услуги, а этот же… Селестин не сомневался, что хлебнет горя и с пасынком, и с женой. Да и ифранцы с циалианками своего не упустят. Теперь граф жалел о горбуне, но отступать было поздно. Если Тагэре вернутся, он, Селестин Стэнье-Рогге, не жилец, поэтому, как это ни печально, он привязан к обнаглевшему ублюдку.

Александра так и не нашли, пропал и Робер со своими людьми. Предали? Не может быть. Единокровному братцу Селестин верил, как самому себе… В том смысле, что, пока Роберу выгодно, он сделает все и больше, а когда ветер подует в другую сторону, ударит в спину и скажет, что так и было. Но пока бастарду расположение и благодарность знатного родича нужны как воздух, вот он и рыщет по окрестным деревням в поисках горбуна. Да уж, хороший подарочек сделал братцу покойный Филипп. Говорят, жеребец из конюшни калифа может таскать на себе покойника квартами, не позволяя к нему приблизиться ближе чем на полет стрелы. Роберу придется побегать за своим титулом, а Тартю – поволноваться. Любопытно, что будет в Мунте, сумеют ли Вилльо исполнить свои обещания?

Рогге так, для собственного удовольствия, проследил, как по мунтской дороге друг за другом ускакало три гонца. Первым умчался один из Белых рыцарей. Вице-командор Нерюж сообщал в Фей-Вэйю об исходе битвы. Затем ускакал красавчик Гризье, а следом за ним с охраной в два десятка человек отправился какой-то ифранец в цветах Тартю. Надо полагать, в его сумке было три письма – Ее Иносенсии, Жоселин и все тем же Вилльо-Гризье, которые должны провернуть дельце в столице. Любопытно, кошкин сын пишет о смерти короля или о его исчезновении? Первое дальновиднее, хотя никогда не стоит кукарекать до рассвета. Будем надеяться, что горбуна отыщет именно Робер…

– Монсигнор! – Аюдант был бледен и возбужден. Видимо, родственничек заработал свою консигну.

– В чем дело, Гилле?
– Монсигнор, лошади сигнора Робера…
– Лошади? Что с ними? Волки их, что ли, съели?
– Не их… Сигнор Робер…
– Где он?! – рявкнул новоиспеченный маршал.
– Его нет… Никого нет… Лошади…
– Что «лошади»?
– Их нашли. Всех. А всадники пропали.
– Бред! Где кони?
– В двух весах от оврага.
– Хорошо, едем.

Нет, бредом это не было. Три десятка оседланных коней бестолково топтались на убранном поле. Два или три слегка прихрамывали, словно бы провалившись в кроличью нору. Больше никаких повреждений цевские жеребцы не получили, но вот наездники куда-то подевались. Ничего не понимая, Стэнье-Рогге попытался разобраться в следах и понял только, что сначала всадники шли галопом, словно кого-то преследуя, потом что-то произошло: то ли лошади взбесились, то ли наездники враз упились, то ли из лесу вышел бука и всех сожрал. Селестин был человеком дошлым, и у него был Кристалл Поиска, но, судя по нему, ничего запретного и нехорошего в здешних краях не творилось. Объяснить, куда делись король, его конь и тридцать два здоровых, хорошо вооруженных мужика, магический инструмент не мог.

– Монсигнор, – ифранский лейтенант вскинул руку в приветствии, – вас срочно требует Его Величество. Я вас едва нашел.

– Хорошо, что нашли, – буркнул Селестин. – Я вот своих людей найти не могу.

– Дезертировали? – посочувствовал ифранец.

– Не похоже. Преследовали горбуна, и как корова языком… Лошади здесь, а сами пропали. Чего угодно Его Величеству?

– Узнать, как идут поиски. Велено искать хоть до Темной Звезды…

2895 год от В.И. Ночь с 11-го на 12-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. МУНТ

Шарло оделся, сел на кровать и задумался. Обычно он засыпал сразу же, едва голова касалась подушки, но ни в прошлую ночь, ни в эту сон не шел. Мальчик сам не мог понять, что его тревожило. Смерть Артура? Странный крик? Отъезд

Филиппа с Алеком, вчерашний пожар или что-то еще? Шарль Тагрэ рос среди рыцарей, а не среди плаксивых теток и презирал суеверия и трусость, но каждый воин слышал о чувстве опасности, от которого нельзя отмахиваться.

Отцу, Рито, Луи, Штефану, даже Артуру можно было объяснить, что что-то не так, но напыщенные дворцовые павлины ничего не понимают, а кузенов, как назло, увела нагрянувшая Элеонора. Сигнор Карпус, конечно, знает много, но при этом глуп, как бубен, и верит только в то, что написано в его книжках.

Что же делать? Отец говорил – если ты уверен в своем решении, делай, что решил, и ни на кого не оглядывайся, а он уверен, что им с Катрин нужно бежать. Куда и почему, мальчик не думал, захватившее его ощущение тревоги властно толкало на то, что воспитатели, без сомнения, назовут безобразной выходкой, а отец… Отец поймет. Скорей бы только он разбил этого Тартю и вернулся! Тогда все сразу наладится, а так все плохо… Артура убили, а он был замечательным человеком. И очень, очень добрым.

Во дворце шепчутся, что капитана гвардии отравили. В столицах часто травят, граф Трюэль говорит, что это называется политикой, но почему Артура? Неужели за то, что он любил отца? Лейтенант Паже тоже любит короля, но Артур Бэррот был готов за него умереть, Шарло слышал, как об этом говорили Рито с Луи, и был с ними согласен.

Скорей бы они вернулись… Конечно, все очень расстроятся из-за Артура, а Рито… Жена капитана была его сестрой, но он с ней из-за чего-то рассорился. Этого Шарло не понимал. Катрин иногда бывает ужасной дурой, но он никогда не махнет на нее рукой, что бы та ни натворила. Однажды он спросил у отца, почему Рито не разговаривает с сигнорой Дариоло, тот долго молчал, а потом обещал рассказать позже. Значит, расскажет. Он никогда не врет – не то что наставники. Если будет больно или горько, все равно скажет как есть. И правильно, мужчина должен знать, что его ждет, и идти навстречу будущему с открытыми глазами. Хоть бы отец и Рито вернулись поскорее, но раньше чем через полторы кварты не получится. Гонец, конечно, появится раньше, дней через пять. А может, отец прискачет вместе с ним? Ему же сообщили и про пожар, и про Артура с канцлером…

Странно, как у такого противного человека, как граф Бэррот; сын вырос настоящим рыцарем, хотя случается всякое. Родители могут быть хуже детей, а дети – хуже родителей. Дядя Жоффруа был мерзким человеком, это все знают, а его сыновья очень даже хорошие, особенно Этьен. Только вот стесняется Филиппа. Конечно, из Этьена король как из Садана клирик, но, может, отец

еще женится…

То, что он сам родился бастардом, Шарло не мучило никогда. Сколько он себя помнил, рядом были отец и его друзья, не делавшие никакой разницы между ним с Кати и маленьким Эдмоном, сыном Жаклин. Да и сама Жаклин… Отец и Рафаэль объяснили, что жена отца – слабая и несчастная и ее надо защищать. И Эдмона тоже. Шарло это делал, причем с удовольствием, а когда брат и мачеха умерли, переживал их смерть вместе с отцом, к которому привязался еще сильнее. Виконту Тагрэ и в голову не приходило пенять на судьбу, он не нуждался в слюнявой жалости, которой допекали его служанки, когда он был совсем маленьким. То, что у него нет и никогда не было матери, мальчик принимал как данность. Зато у него был отец. Самый лучший. Самый сильный. Самый добрый. И был Рито Кэрна, которого и в голову не могло прийти называть сигнором. Мириец все время пел, смеялся и потихоньку учил их с Филиппом байле.

Кузенам было хуже, потому что их родичей никто не любил. Шарло искренне сочувствовал Филиппу и Алеку, когда им приходилось навещать мать. Филипп никогда не рассказывал об этих посещениях, но воспринимал их как наказание. Не в чем было завидовать и Ларрэнам! Сыновья дяди Жоффруа не имели кошачьих лап, но они были круглыми сиротами.

Шарль немного подумал о том, чем бастарды отличаются от небастардов, но мысли упрямо возвращались к побегу. Умом мальчик понимал, что делать этого нельзя, а внутренний голос твердил, что не только можно, но и необходимо. Шарло вздохнул, закрыл глаза, просчитал до тридцати двух (именно столько лет сейчас отцу) и решительно встал. Будь что будет, но они с Катрин убегут.

Юный виконт все делал с умом. Помогли бесконечные игры «в Мирию». Когда-то Жаклин рассказала, как Рито с сестрой убежали от капустниц в горы, а потом их подобрал корсарский корабль. Эта история поразила воображение шестилетнего Шарло, и он не отстал от Рафаэля, пока тот, сначала с неохотой, а потом – все больше увлекаясь, не рассказал о своих приключениях. Гор и моря в Мунте не было, но окна, карнизы и столетний дикий виноград имелись. Этого хватило, остальное доделало воображение. Кати нравилось, когда он ее спасал. Правда, не от циалианок, а от злого жениха или дракона. Шарло соглашался – девчонка, чего взять!

Правильно говорит господин Игельберг, что никакой опыт не бывает лишним. То есть он говорит не совсем так, а с какими-то дарнийскими вывертами, но смысл именно такой. Шарло столько

раз «убегал» по ночам, что, когда игра перестала быть игрой, совершенно не волновался, действуя чуть ли не по привычке.

Мальчик зажег свечу, поставил ее на пол (свет есть, а загляни кто в окно, не увидит) и начал одеваться. Дни стояли теплыми, но осенняя ночь – это осенняя ночь, тем более от ночевки под открытым небом зарекаться нельзя. Из своих одежек Шарло давно отобрал те, что потемнее, потеплее и попроще. Плащ, сапоги и берет он наденет, когда выберется из дворца. Так… Огненный камень, кинжал, запасная рубашка… Жаль, подаренная отцом книжка по военному искусству слишком тяжелая, да ничего с ней Не случится, а вот фигурку тигра он возьмет с собой и обломок мирийского коралла тоже. Написать записку? Да ну его… Лучше от этого не будет, а отцу он все объяснит. Что «все», мальчик не задумывался, занятый куда более важным вопросом.

Свои пожитки Шарль сложил в подаренный господином Игельбергом настоящий заплечный мешок (дарнийские наемники молодцы, придумали много нужного!), открыл окно и легко пошел по Широкому карнизу, слегка придерживаясь за оплетающий стену дикий виноград.

Комната сестры была через два окна, в которых мерцал свет. Мальчик осторожно заглянул в щель между занавесками. Так и есть! Онорина болтает с гвардейцами, а на столе гора всякой снеди и два кувшина. Значит, на лестницу ход заказан, придется выбираться через отцовские покои, но как же это некстати!

Хорошо, хоть он приучил сестрицу открывать на ночь окно. Шарло слегка толкнул раму и проскользнул внутрь. Кати дрыхла, завернувшись с головой в одеяло и, разумеется, при свете. Ну это-то как раз пригодится. Только б не развизжалась спросонья. Мальчик осторожно присел на краешек кровати и положил руку на розовый мягкий холм.

– Кати!

Сопение и дрыганье ногой, ну чистый сурок!

– Кати! Просыпайся! Кому говорят!

– М-м-м-м-м, не хочу… Поздно.

– Кати!

Одеяло было безжалостно сорвано, и девочка, моргая, уставилась на брата.

– Шарло! Ты чего?

– Того, – находчиво ответил виконт Тагрэ, – вставай, мы уходим.

– Куда?

– Туда. Вставай и одевайся. Так надо!

Кати зевнула и уселась, замотавшись в одеяло.

– Мы сегодня не договаривались, и вообще, завтра вставать

рано…

– Кати, я серьезно. Нужно удирать.

– Не понарошку? – Светлые глаза сестрицы широко распахнулись. – А зачем? И папы нету…

– Если б он был, мы бы не убегали.

– Лучше подождем, – не согласилась девочка, – когда он дома, ругать нас или не ругать, решает он. Ему нравится, когда ты в окна лазаешь. А когда его нет, нас заедят.

– Нас не поймают. Ты что, не понимаешь? Мы в самом деле убегаем. Мы пойдем навстречу отцу.

– Ладно, – решилась Кати, – я по нему соскучилась. И по Рито тоже, и, раз нас не будет, мы в храм к Иллариону не пойдем, я туда не хочу. Только мог бы раньше сказать, а то Онорина вчера летние вещи убрала.

Кати, все еще зевая, встала и начала собираться. Разумеется, она копалась, как стая куриц. Хуже всего было с волосами, которые могли бы быть и покороче, и пожиже. Сама Катрин отродясь кос себе не заплетала, и за дело пришлось взяться брату, обладавшему немалым опытом по части приведения в порядок лошадиных грив и хвостов. Несколько раз сильно дернув и трижды переплетя косу (первый раз вышло слишком туго, второй – слишком слабо), Шарло довел дело до конца и взялся за одежду. Разумеется, лезть в окно сестре было не в чем. В комнате были только дурацкие девчоночьи тряпки. Пришлось, велев ей собирать самое нужное, вернуться за штанами, курткой и плащом, а заодно еще раз убедиться, что Онорина и ее кавалеры и не думают ложиться.

Пока он ходил, Кати свалила на кровать целую гору хлама вроде лент, туфелек, заячьих хвостиков, кукол и прочей дребедени, но Шарло был неумолим. Несмотря на дрожащие губы сестрицы, из кучи были выдернуты расческа, зеркало, несколько лент, жемчужное ожерелье (подарок Рито, надо взять с собой) и платье попроще, а все остальное безжалостно засунуто в сундук. Не прошло и оры, как Катрин была готова, теперь оставалось самое трудное – добраться по карнизу до отцовского балкона. Друг к другу они ходили запросто, но здесь придется прыгать. Для него это пара пустяков, но Катрин…

Шарло лихорадочно соображал, с чего начать урок по скалолазанию, когда его что-то толкнуло в ногу. Кошка! Ну надо же! И какая Славная! Большая, черная, остромордая. Наверняка крысоловка.

– Киса! – соизволила заметить и Кати. – Хорошая киса, иди сюда… кис-кис-кис…

Киса подошла, деловито и коротко потерлась о коленки и

направилась к стене. Вспрыгнула на сундук, встала на задние лапы и, уцепившись передней за балдахин кровати, потянулась второй к резной гирлянде, шедшей поверх деревянной панели.

– Киса, – вопросила Кати, – глупая, ты чего? Кис-кис-кис…

Кошка обернулась, как показалось Шарло, досадливо глянула на них и вновь взялась за свое. Мальчик, сам не зная почему, подошел. Кошка пыталась дотянуться до изящной розетки слева, хотя прямо над ней была точно такая же. Шарль машинально тронул резное дерево, но кошка неожиданно сиганула вниз, с силой ударив его под колено. Стараясь удержаться на ногах, мальчик оперся о стену, и… панель поехала вниз. Кошка довольно мяукнула. Ну надо же!

– Умница, – от души поблагодарил Шарло ночную охотницу, а та, еще раз приглушенно мявкнув, юркнула в щель.

– Пошли и мы. – Кати кивнула и улыбнулась. Она совсем проснулась, и ночное приключение начинало ей нравиться. Шарло вынул из настольного шандала три свечи и сунул в карман. Затем взял одной рукой стоящий у кровати ночничок, а другой – теплую ладошку сестры и первым протиснулся в потайной ход. Наверное, они задели какую-то пружинку, потому что дверца тут же захлопнулась, и они оказались в кромешной темноте, в которой сверкали золотистые кошачьи глаза. Ночная гостья была не одна, в проходе ее поджидало по меньшей мере полдюжины товарок, что вызвало у кошколюбивой Катрин приступ восторга. Но надо было идти. Звери, похоже, придерживались того же мнения, так как двинулись первыми, то и дело оглядываясь и испуская дружелюбное урчание.

– А кисы нас зовут, – восторженно прошептала расхрабрившаяся Катрин.

– Ну и правильно, – согласился Шарло. Дорога была долгой, изобиловавшей множеством лесенок, развилок и переходов. Без кошек они бы десять раз заблудились, но звери уверенно вели их за собой. Наконец повороты и спуски кончились, и брат с сестрой оказались в длиннющем сводчатом коридоре. Он тянулся и тянулся; Шарло начало казаться, что они никогда не выберутся, но дорога пошла вверх, потянуло свежестью и горьковатым запахом осенних костров. Кошки вежливо потерлись о ноги и исчезли.

– Вылезаем.

– А где киски?

– Пошли домой. Нам сюда.

Катрин не спорила, сюда так сюда. Они оказались в каком-то садике, под ногами была мягкая, недавно вскопанная земля.

– Наконец-то! – Знакомая фигура шагнула навстречу, и

только теперь Шарло понял, что на самом деле ему было очень страшно.

2895 год от В.И. Утро 12-го дня месяца Собаки АРЦИЯ. ФЕЙ-ВЭЙЯ

Белый плащ вошедшего казался серым от дорожной пыли, глаза же были красными и слезились. Гонец гнал коня всю ночь.

– Ваша Иносенсия! [16] Срочные известия из Мунта.

– Как вас зовут? – Анастазия протянула руку для поцелуя.

– Гийом, Ваша Иносенсия!

– Говори, Гийом! Что погнало тебя в дорогу?

– Да пребудет Ее Иносенсия в радости! Мунтский храм Равноапостольной сожжен грозой! Бланкиссима Шарлотта и большинство сестер погибли.

– Как это произошло?

– Гроза пришла вечером и бушевала всю ночь.

– Дальше.

– Ваша Иносенсия! Над храмом не было дождя. Был черный вихрь, пронизанный молниями. Он прошел по улице Анхеля и обрушился на обитель. Теперь там борозда, как от плуга, запряженного драконом.

– Не стоит упоминать драконов, сын мой. Это отголоски эландской ереси, за которую нечестивцы были наказаны, – голос Ее Иносенсии оставался тихим и мелодичным, – так ты говоришь, что дождя не было?

– Над храмом не было, – уточнил Гийом. – Если мне будет позволено заметить, то он шел рядом с горящей обителью, но не над ней.

– Ты наблюдательный человек. Что еще? Надеюсь, ты начал с худшей из вестей.

– Станет ли Ее Иносенсия слушать о скоропостижной смерти семейства Бэррот?

– Семейства? Они погибли все?

– Отец, старший сын и его супруга.

– Подробнее.

– С разрешения Ее Иносенсии. Я не был допущен в дом Бэрротов.

– Но что-то ты должен был слышать.

– Рассказывают, канцлер покончил с собой, бросившись в открытое окно. Внизу была решетка в виде перевитых лозой копий. Они очень ею гордились…

– Ты хочешь сказать…

– Да! Копья прошли насквозь.

– А что супруги?

– Их нашли мертвыми в той комнате, откуда выпал старик.

– Виконтесса могла умереть от ужаса, – предположила Анастазия. – Она не отличалась крепким здоровьем. Отчего ты молчишь?

– Ее Иносенсия не может ошибиться, но я сказал не все. Тот, кто мне рассказал, видел покойных. У обоих были счастливые лица, словно они спали и видели чудесный сон. Мой человек, да простятся мне эти слова, сравнил умерших со святой Евлалией [17]. По Мунту идет слух, что капитана гвардии отравили враги короны, его жена оказалась случайной жертвой, а канцлер не мог перенести смерть сына и наследника. Говорят, в древние времена был яд, именуемый «счастливой смертью».

– Хорошо, – кивнула Анастазия, – можешь идти. Я довольна твоей преданностью и твоим благонравием. Сейчас тебя накормят и проведут в комнату для отдыха. Завтра у тебя будет новое поручение.

2895 год от В.И. 18-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

В том, что капитана отравили, Андре Паже не сомневался, равно как и в том, кто это сделал. Вилльо. Больше некому, но поди докажи! Бывшую королеву и ее многочисленную родню лейтенант терпеть не мог, но, будучи сыном небогатого нобиля из Ларрэна, своих чувств не выказывал. Элеонора была злопамятна и дружила с бланкиссимой. На месте короля Паже запер бы вредную бабу вместе с братьями и сыновьями от первого брака в Речном Замке. Если уж нельзя их передушить, пусть хоть за решеткой будут, но Александр или был полностью уверен в себе, или же, прости, Святой Эрасти, слеп. Гвардеец надеялся на первое, но боялся второго.

Король офицеру нравился. Тагэре был хорошим воином и славным человеком, не драл три шкуры с провинций, заплатил долги Филиппа, ввел пошлины на ифранские и эллские товары, отчего арцийские ремесленники и мелкопоместное дворянство вздохнули с облегчением, навел порядок на дорогах. За три года Арция подняла голову, но Александр ничуть не возгордился. Он по-прежнему знал в лицо и по имени всех выборных и, что с точки зрения Паже было важнее, всех гвардейцев, был доступен и не делал различия между «своими» и выходцами из провинций, почитавшихся лумэновскими.

При Филиппе Паже вряд ли мог рассчитывать на титул, а при

Александре – вполне. Лет семь безупречной службы – и ты барон! Стал же бароном здоровенный дарниец без роду и племени. Лейтенант надеялся на хорошую карьеру, и все равно привезенный Базилем Гризье приказ его удивил. Его, Андре Паже, назначали командором городской стражи. Это было повышение, о котором он и мечтать не смел, но Андре предпочел бы получить его из рук самого короля или хотя бы когда тот был в городе.

Хорошо, хоть на этот раз Гризье обошелся без своего обычного ерничанья, зубы, что ли, у него болят? Базиль был самым пустым местом из всех «пуделей», но это ничтожество чуть ли не в шестнадцать лет стало графом Мо, и все потому, что его матери удалось подцепить покойного короля. Паже охотно признавал первенство Тагэре, Мальвани, Бэрротов, Гартажей, Фло, но Вилльо-Гризье были и останутся выскочками, каких бы титулов и поместий ни нахватали. И вот теперь один из них, Жорес Аганнский, сменял его на посту лейтенанта гвардии! Александр, похоже, рехнулся, неужели он думал, что этот ублюдок уживется с Артуром? Король, может, и думал, а вот Вилльо – нет и принял собственные меры.

Паже разрывался от злости, но пришлось вести себя сообразно обстоятельствам. Наступив на горло собственной песне, новоиспеченный командор предложил «любезному гостю» вина. Тот отказался, и это было странно – выпить Базиль любил. Видимо, этот, с позволения сказать, «граф» не считал честного дворянина себе ровней, ну да пес с ним! Гризье убрался, и Андре с нежностью перечитал приказ о своем назначении. Конечно, неудобно перед Клеманом, но тот должен понять. Они поладят, они уже поладили на пожаре, вот уж нет худа без добра! А дел в городе море разливанное. Король и так затянул с назначением командора, хотя это-то как раз понятно. Обен Трюэль отошел от дел лет двадцать назад, но умер только в прошлом году, а звание ему было дано пожизненно. Конечно, вторым Трюэлем не стать никому, но можно стать первым Паже!

Командор Мунта смотрел на написанные знакомым быстрым почерком строки. Его Величество разрешает сигнору Паже съездить на родину и награждает его тысячей ауров. Неужели знает, в каком состоянии их несчастный замок? Может, и так – королю на людей не плевать, а вот на себя… Жениться б ему – сколько можно одному, да и наследник нужен.

Так ехать или не ехать? С одной стороны – приказ есть приказ; когда все произошло, он уже не был гвардейцем. С другой стороны, король не знает, что Артур мертв, циалианскую обитель сожгла гроза, а Шарль и Катрин отправились путешествовать. Паже не сомневался, что беглецы найдутся, но гвардейцы и

городская стража облазили дворец и его окрестности и так и не поняли, как брат с сестрой выбрались наружу. Было ясно, что Шарло с Кати ушли добровольно, прихватив с собой нужные, по их мнению, вещи. С Шарло станется отправиться навстречу отцу. Может, их напугали пожар или смерть Артура? За ребят отвечали другие, но бывший лейтенант чувствовал и свою вину – прежде всего потому, что из, казалось бы, прекрасно охраняемого дворца можно спокойно выбраться.

Выходит, остаться до возвращения Александра и не подпускать Аганна к гвардии? При необходимости Паже пошел бы на это без колебаний, но после бегства детей охранять стало некого, обитель так и так сгорела, а старый замок на берегу Ирпеи отчаянно нуждался в ремонте. Отец так обрадуется успехам сына и свалившимся на голову аурам! Андре Паже решился. Он отправится, как только получит в казначействе деньги, а отпуск сократит так, чтобы появиться в Мунте сразу же за королем. Тогда и начнется новая служба, и первое, что сделает новый командор, – это расскажет Александру о своих подозрениях насчет Аганна.

2895 год от В.И. 18-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

В этот день наконец зацвела белая фуксия, и Клотильда ре Даннэ, с детства наделявшая самые незначительные события глубоким смыслом, задумалась, к чему бы это. В последние дни мысли женщины были заняты бароном Фарни, имевшим насчет добродетельной вдовы, сохранившей почти девическую свежесть, самые серьезные намерения.

Славный барон был далеко не первым, кто заглядывался на статную светловолосую женщину с добрыми глазами, но Клотильда запретила себе даже думать о мужчинах. Пусть ее тайну не знал никто, кроме священника и Филиппа, она не могла впасть в грех двоемужества. Случилось, однако, так, что король Арции Филипп Четвертый Тагэре умер. Умер, так и не вспомнив ни о ней, ни о дочери, которой она не в добрый час открыла правду. Маргарита возненавидела отца, а через него и всех Тагэре. Потом встреча с циалианками – и все… Клотильда осталась совсем одна. Дочь в последний раз она видела несколько лет назад: перед тем как принять постриг, согласно уставу ордена, Маргарита должна была две кварты провести дома, дабы удостовериться в правильности избранного решения. Мать попыталась образумить девушку, но не смогла.

Если бы Марго решила посвятить себя богу, Клотильда могла

бы с этим смириться, но веры в дочери было не больше, чем в котенке жалости к пойманному воробью. Маргарита хотела занять место, с которого можно бросить вызов отцу и его новой семье. Девушка пылала местью, и Клотильду это пугало. Хорошо, хоть дочь не раскрыла тайну своего происхождения, желая добиться всего своим умом… А вот секрет Клотильды все равно выплыл наружу.

Старик-священник не смог взять на душу грех и рассказал все. К счастью, предъявленные им доказательства видели немногие, а в Гран-Гийо так и не узнали, кто двадцать пять лет прожил рядом. Во вдове обедневшего нобиля никто не угадал молоденькую Клотильду Лагар, законную жену графа Марцийского. И она предпочла остаться тем, кем была все эти годы, хотя брат Филиппа ее нашел, и она была ему за это благодарна, особенно за то, как новый король это сделал. Александр Тагэре предполагал, что она могла за эти годы связать с кем-то свою судьбу, и, не желая разрушить еще две жизни, разыскал ее тайно.

Когда Тильда влюбилась в красавца Филиппа, его горбатому братишке было лет шесть, теперь перед ней стоял бесконечно усталый молодой мужчина с ясными серыми глазами, смотревшими с неподдельным уважением и теплотой. Король предложил невестке титул герцогини, владения в той части Арции, в которой она захочет, и признание при дворе. Александр очень сожалел о решении Маргариты, но Тильда отговорила его от встречи с девушкой, не желая, чтобы та выплеснула свою ярость и обиду на невиновного. Самое удивительное, что король понял ее совершенно правильно. Он ни на чем не настаивал, лишь оставил письмо, предписывавшее допустить подательницу сего к Его Величеству в любое время дня и ночи, где бы тот ни находился, и (это особенно тронуло женщину) отдал ей кольцо Филиппа, с которым тот никогда не расставался.

На прощание Александр сказал, что, если Клотильда изменит свое решение, любая ее просьба будет исполнена. Больше она короля не видела, ему было не до вдовы брата, не желавшей покидать провинцию. А потом умерла баронесса Фарни, и сегодня у барона истек срок вдовства. Завтра он, несомненно, придет с визитом, и ей предстоит решать…

Эгон Фарни заслуженно считался очень славным человеком, а ей следовало подумать и о себе. Первый раз Клотильда встретила барона в иглеции десять лет назад, когда тот вернулся с войны и зажил жизнью провинциального нобиля. Эгон был серьезен и надежен, с женщинами не путался, дебошей и гулянок не устраивал. С Клотильдой он заговорил лишь спустя полгода

после возвращения. Потом барон каждую кварту провожал ее от иглеция до дому. Женщина не протестовала, Эгон вызывал у нее симпатию и доверие, он же, похоже, влюбился не на шутку.

Жена барона была больна, и все в округе решили, что, когда баронесса покинет бренный мир, тот женится на Клотильде ре Даннэ. Соседки искренне желали обоим скорейшего счастья. Тильда, по их мнению, засиделась во вдовах, несмотря на очевидную красоту. В ней были уверены – белокурая красавица никогда не посягала на чужих сыновей, братьев и тем более мужей, окружив себя мягкой, но непреодолимой стеной. Вдову ре Даннэ уважали, а после того, как ее единственная дочь, наделенная дерзкой, неистовой красотой, вместо того чтоб кружить головы окрестным парням, ушла в монастырь, стали восхищаться. Эгон Фарни тоже был всеобщим любимцем, как же было не пожелать двум хорошим людям счастья?

Чувства барона, как это часто бывает с сильными и простодушными людьми, лежали на поверхности, и Клотильда изо всех сил пыталась разобраться, как она к нему относится. То, что она чувствовала, ничем не напоминало ее первую любовь, но в присутствии Эгона было легко и спокойно, а что еще нужно в ее возрасте и положении? Он, несомненно, придет просить ее руки, и она скажет «да». Недаром белый цветок распустился именно в этот вечер, это добрый знак. Женщина улыбнулась и поправила и без того безупречные занавески… В конце концов, нужно на что-то решаться. Но что это? Почему постучали в окно, а не в дверь? Наверное, потому, что здесь горит свет.

Гран-Гийо был спокойным городком, и Клотильда, выглядывая в окно, не испытывала никакого страха. Внизу стоял человек в плаще; лица ночного гостя было не рассмотреть, но блеснувшая в свете луны рыцарская цепь показала, что к ней явился не простой посетитель. Знатных знакомых, кроме короля, у Клотильды не осталось, может быть, ей прислал весточку Александр? Тогда понятно, почему ночью и не с парадного входа, он же обещал сохранить ее секрет. Женщина кивнула незнакомцу, накинула шаль, взяла свечу и, спустившись к черному ходу, открыла символический замок.

– Входите, сигнор. Кто вы? Я вас знаю?

– Склонен думать, что вы меня видели, хотя не уверен, что узнаете, – голос рыцаря звучал глухо и устало, – простите, что я вас потревожил, но у меня не было другого выхода.

– Не нужно извиняться, – она уже поняла, что случилась беда, – заходите же!

– Благодарю вас, но я не один. Со мной двое детей, мальчик и девочка. Им грозит опасность, и я подумал…

– Где они? – перебила Клотильда.

– Здесь. Я оставил их с конем недалеко отсюда. Мальчик понимает почти все, а девочка боится и плачет.

– Я приготовлю все, что нужно, – Клотильда не колебалась ни минуты, – ведите их сюда.

– Вы одна в доме?

– Разумеется, – усмехнулась женщина, – кто здесь может быть в такую пору? Служанка придет только утром.

Незнакомец вернулся быстро, она едва успела зажечь свет в бывшей комнате Марго и расстелить постель. Девочку рыцарь внес на руках, мальчик шел сам. Им было лет по девять. Близнецы?

– Она спит или больна?

– Просто устала… Ее зовут Катрин, а это Шарло.

– Я думаю, вы устали не меньше, – вздохнула Клотильда, – я их уложу, а вы позаботьтесь о себе сами. В доме есть все необходимое, поговорим потом.

2895 год от В.И. Ночь с 18-го на 19-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ОКРЕСТНОСТИ МУНТА

Вечер тянулся и тянулся. Погода и та решила предаться унынию. Монотонный дождь и низкие, угрюмые тучи лишили единственной радости – прогулок по окрестным лесам. Приходилось сидеть под крышей в обществе родичей, от которых, за исключением Алека, Филипп предпочел бы оказаться подальше. Если б не слово, данное сначала отцу, а потом дяде Сандеру, он ни за что бы не поехал, но он обещал не огорчать мать и старался изо всех сил исполнить обещанное. Это было непросто, так как матушка была человеком тяжелым и ненавидела дядю Александра.

Разговоры в ее доме так или иначе сводились к потерям, которые понесли Вилльо в последние годы, и все попытки Филиппа объяснить матери, дядьям и старшим братьям, что они сами виноваты, приводили к ссорам и обидам. Правильнее было вообще не разговаривать, но это было невозможно. Этот же их приезд оказался еще хуже предыдущих – Жорес на всех рычал, Базиль куда-то уехал, мать была раздражена, ее брат Фернан Реви, которого приходилось называть дядей, если не смотрел в окно, то ругался со старшим племянником и зло шутил с младшими, а сестры еще больше поглупели. Особенно Элеонора. Филипп испытывал жгучий стыд за эту грудастую дурищу с куриными мозгами, которую мать и Жорес второй год

подсовывали дяде Александру, а тот от нее шарахался, как кошка от апельсина. Хотя королю и впрямь стоит жениться. Филипп Рунский ничуть не жалел об утраченной короне, но видеть наследником толстяка Этьена было обидно. Молодой Ларрэн – славный малый, только вот король из него как из свиньи конь, и это понимают все…

Нора тоненько захихикала над очередной шуткой Аганна. Нет, точно рехнулась – воображает, что будет королевой, а Жорес тоже хорош, подначивает эту дуру. Да ей мужа нужно не в Мунте искать, а за Проливом. Для атэвов чем глупее женщина, тем лучше. Филипп с тоской посмотрел в окно. Дождь и не думал переставать. Пойти почитать, что ли? В Летней резиденции оставалось довольно много отцовских книг, некоторые из них были интересными. Воровато глянув на перешептывающуюся с дядюшкой мать, Филипп выскользнул из-за стола. Его не остановили, и на том спасибо. Второй удачей был список «Повести о доблестном герцоге Леонарде» [18], о которой граф. Рунский много слышал, но в руках не держал.

Раскрыв книгу, юноша утонул в подвигах и приключениях легендарного Леонарда. Судьба была к нему несправедлива, но он неизменно отвечал на подлость благородством.

Ора летела за орой, но Филипп ничего не замечал. Летняя резиденция уснула, дождь прекратился, сквозь прорехи в облаках выглянула ущербная луна, но юноша был далеко и от осени, и от надоевших родственников. Он еще никогда не читал подобного. Сердце Филиппа было с герцогом, по приказу злодейки-императрицы заключенным в тюрьму. Когда хитрый, самоуверенный интриган, заправлявший во дворце, предложил узнику свободу и жизнь в обмен на смирение и признание несуществующей вины, тот отказался, хоть и был изранен и измучен, но это оказалось не самым страшным. Леонарду пришлось выбирать между своей честью и жизнью сына… Филипп забыл, что минуло чуть ли не две тысячи лет: люди, которых давным-давно не было на свете, были для него куда более живыми и близкими, чем те, что шептались за стеной. Кулаки бывшего принца сжались: если б только он мог вломиться в темницу, проткнуть мечом брюхо уверенного в себе мерзавца, спасти обреченного герцога или хотя бы умереть вместе с ним. Ну почему, почему он тут, в глупой, сытой безопасности, когда на свете есть такая несправедливость?!

2895 год от В.И. Ночь с 18-го на 19-й день месяца Собаки
ЧЕРНЫЙ СУР

Клэр честно намеревался исполнить просьбу Рене, но у Гиба было свое мнение. Водяной Конь и не подумал уйти, и эльф охотно смирился. Ждать так ждать. Роскошный сурианский лес успокаивал, заставлял забыть и о прошлых потерях, и о нынешних заботах, и Клэр взялся за кисть. В последнее время это ему удавалось редко, да и рисовал он все больше по необходимости. Фрески, гадальные карты, миниатюры в книгах были прикрытием для волшбы, а свесившуюся с дерева золотисто-багровую орхидею он писал просто потому, что ему этого хотелось.

С каждым днем лес манил все сильнее и все дальше уходила странная война, затопившая Тарру. Что он делал все эти годы среди людей, как мог променять кисть на меч и лук? Убивать просто, создавать труднее; он художник, а не разведчик, и тем более не убийца. Рене рожден для скитаний и схваток, а Рамиэрль… Да, он поклялся заменить сгинувшего в Ночной Обители Нэо, но это смешно. Ему никогда не стать вторым Романом, потому что тот рос среди людей и ощущал себя человеком. Клэр Утренний Ветер взглянул на распустившийся под его рукой роскошный цветок. Как бы он хотел всю жизнь рисовать гроздья рябин и листья наисских кленов. И чтобы рядом была Тина, чтоб она заглядывала ему через плечо и, стесняясь, говорила, что на самом деле листья не такие красные…

– Ты не должен был бросать это ради призраков и крови.

Звездный Лебедь! Он так замечтался, что не заметил возвращения Рене.

– Прости, задумался.

– Не беда, пока рядом Гиб, по сторонам можно не смотреть. – Рене опустился на землю. – Красивый цветок. Не знаю, как зовут их здесь, но те, кто живет на западе Сура, дали им имя «Золото, окропленное кровью богов».

– Ты что-то нашел?

– Нашел. Надо было наведаться сюда раньше.

– Что там было?

– Древняя беда и еще кое-кто. Их я убил, впрочем, это было нетрудно. Ни разума, ни воли, только голод и злоба. Помнишь тварей, которые чуть не погубили Шандера Гардани? Они отсюда. Были.

– И что ты с ними сделал?

– Ничего, – пожал плечами Аррой, – просто позволил им заняться привычным делом. Да не смотри ты на меня так, для меня финусы опасности не представляли, а вот я для них, и не только для них, – смерть, если не хуже. Раньше это меня расстраивало, а теперь я сам себе оружие, чем и горжусь, хотя побеждать шпагой мне все равно нравится больше.

– «Нравится», – пробормотал словно бы про себя Клэр и повторил еще раз:

– «Нравится…»

– Да, – твердо сказал Скиталец, – я создан для того, чтобы идти вперед и побеждать. Ты – для того, чтобы рисовать. И я не хочу врать и делать вид, что «так вышло», а так бы я жил с любимой в хижине среди цветущих яблонь.

– Геро это знает?

– Думаю, да. Я ей никогда не лгал, она меня приняла таким, какой я есть, а я принял ее. Эстель Оскора и Скиталец… Мы отражение друг друга, до тихой гавани нам не добраться, да и не нужна нам тихая гавань. Но хватит об этом, пора возвращаться. Нужно заехать в Кер-Рене, вот уж учудили мои землячки с названием… Потом – в Мунт и в Варху.

– Да, конечно, – Клэр с сожалением взглянул на золотой цветок, – ты прав, мы слишком задержались. Но ты видел больше, чем рассказал.

– С чего ты взял? – поднял бровь Рене.

– Ты заговорил о вещах, никак не связанных с этими мерзкими развалинами, но ты был со мной слишком откровенен. Значит, что-то произошло.

– Вот и скрывай что-то от художника, – Рене тряхнул серебряными волосами и улыбнулся, – да, я там кое-что понял – вернее, кое о чем догадался, но эти догадки пока останутся при мне. А тебе лучше остаться с Эмзаром. Мы прогоним тех, кто точит зубы на Тарру, но мы не сможем вернуть ей красоту, а ты сможешь. Я следил за тобой довольно долго – заставлять тебя шпионить глупее, чем возить на Гибе дрова или колоть орехи об Жана-Флорентина.

– Когда мы победим, тогда я с радостью…

– Никакого «когда мы». Это твое последнее путешествие, Клэри. Дальше каждый будет делать то, для чего он родился. Я убивать, а ты спасать Красоту.

– Спасать Красоту?

– Ну, наш каменный друг как-то брякнул, что мир спасет Красота. Что-то в этом есть, но, чтобы Красота спасла нас, мы должны спасти Красоту…

– И все же, Рене, что ты там нашел?

– Я нашел то, что нашел, и большего не скажу ни тебе, ни Эмзару…

2895 год от В.И. Ночь с 18-го на 19-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ОКРЕСТНОСТИ МУНТА

Дождь кончился, но похолодало. В такую погоду днем лучше всего сидеть у камина, попивая подогретое вино, а ночью спать под меховыми одеялами и видеть сны о лете. Только безумцам могло прийти в голову в такой холод ночевать на открытой террасе, довольствуясь лунным светом, но изнеженная Элеонора Вилльо упрямо дрожала в кресле у засыпанных листьями ступенек, наблюдая, как ее брат мечется по мраморному полу. Наконец сигнора не выдержала:

– Фернан, прекрати бегать.

– Если я сяду, ничего не изменится. Твой сын должен был объявиться еще прошлой ночью.

– Дождь, – подал голос Жорес, оседлавший балюстраду, – развезло дороги, ничего страшного.

– Ты сам не веришь в то, что говоришь.

– Если ты будешь бегать, а мать на всех бросаться, Базиль не появится. Мы в любом случае уже или выиграли, или проиграли. Нужно ждать.

– А больше ты ничего не посоветуешь? – огрызнулся граф.

– Больше? – Жорес засмеялся. – Могу и больше. Выпей вина с мяуном [19] и ложись спать. Даже если Тартю разбит, ну и что? Мы-то здесь при чем? Что мы сделали дурного? Приехали, не сказавшись, повидать мальчишек, так это еще не измена. Да, мать обманула Филиппа, но горбун знает, что без его драгоценного приказа племянники никуда не поедут, а бедная вдова надеялась, что, проведя с ней пару кварт, сыновья станут к ней добрее…

– Ага. Горбун прослезится, глядя на ее горести, а потом спросит о Бэрротах.

– Ну тут сам Проклятый ногу сломит, – огрызнулся Аганн, – хотя я за них рад, хорошо, что сдохли! Жаль, не раньше, но я тут ни при чем, чтоб вы это знали. Может, Рогге постарался или святые сестрицы… С них станется.

– Рано, они не могли получить никаких известий.

– А я мог?! Почему я, а не какая-нибудь дура, от несчастной любви травануvшая красавчика Артура и его жену? Бывают же совпадения…

Ответить Реви не успел: послышались торопливые шаги и голос Базиля. Граф Мо никогда не умел разговаривать тихо, особенно если был взволнован или пьян.

– Можете возрадоваться, – вместо приветствия прокричал младший из братьев Гризье, – Тартю будет здесь дня через четыре, я заезжал в Мунт, потому и задержался! Что у вас тут, Проклятый побери, творится?! Пожары, похищения, убийства…

– Сначала расскажи, что в Гразе! – прикрикнул Жорес. – Мы его ждем, а он…

– А он выполняет приказы Их Величеств. Новых, разумеется. Да и не мог я позволить Трюэлю себя опередить, если его понесло в Мунт.

– Трюэль жив? – быстро переспросила королева. – Который? И кто еще?

– Больше, чем вам хотелось бы, матушка. – Базиль поцеловал Элеоноре руку, взял из рук дядюшки кубок с вином и залпом выпил. – Устал… Холод, грязь, спать хочу, пропадаю.

– Хватит паясничать, – велел Аганн, – говори.

– Все получилось, хотя был момент, когда Тартю небо с овчинку показалось. Фронтерцы не довели дело до конца и бросились грабить обоз из Гартажа, Рогге колебался, а король собрал всех, кого мог, и бросился в атаку. Клянусь, Тартю обгадился! Вообще-то наша Нора заслуживает супруга покрасивее; я уж не говорю о том, что сомневаюсь в его мужественности, – борода у него почти не растет, и…

– Базиль!

– Оттого, что вы будете на меня орать, Тартю не перестанет вонять. Видели бы вы, что творили покойные «волчата», жаль, я не менестрель. Половины циалианцев как не бывало, да и ифранцев потрепали. Если б Рогге мог спокойно видеть чью-то спину и не ударить в нее, нам был бы конец.

– Значит, Стэнье…

– В последний момент вступился за пасынка.

– А что король?

– Узурпатор, матушка, узурпатор. Упаси вас святая Циала ошибиться, ваш будущий зять ужасно разгневаются. Ведь король – это они. По крайней мере, им хочется так думать…

– Базиль, да что с тобой? – прикрикнул Жорес.

– Со мной? Ничего… Просто я видел, как умирают рыцари… И видел победителей. И знаю, как и почему они победили. Не бойтесь, матушка, я достаточно подл, чтобы промолчать и получить причитающийся мне кусок. Мы, «пудели», не гордые!

– Ты пьян!

– Трезв, к сожалению. Но напьюсь.

– Ты будешь рассказывать или нет?

– Буду, – ровным голосом сказал Базиль, – Тартю победил. Командора циалианских рыцарей убили. Александр Тагэре пропал без вести. Маркиз Гаэтано и Луи Трюэль тоже. Их ищут, но без толку. Остальные «волчата» мертвы, кроме Эжена Трюэля. Он тяжело ранен и в плену, вряд ли дотянет до Мунта. Дарнийские наемники перебиты. Они, видите ли, сочли уместным хранить верность тем, кто их нанял. Эти дарнийцы так сентиментальны. Но передовой отряд под командованием

племянника барона Игельберга, бившийся отдельно от остальных, вырвался. Они двинули в Гвару, а Лось не похож на труса и предателя. Все.

– «Без вести»? – повторила Элеонора. – Но так не должно быть.

– Ах да, – все тем же ровным голосом произнес Базиль, – я и забыл. «Принесите мне голову горбуна, я съем его глаза…»

– Щенок, – граф Реви навис над племянником, – как ты с нами разговариваешь?

– Как «пудель» с «пуделями». Мы победили, можете радоваться, а мне нужны ванна и постель.

– Шут, – прошипел вслед брату Жорес, – утром я с ним поговорю.

– Утром он придет в себя, – возразила сыну Элеонора, – а твое дело – исполнить нашу часть договора.

– Вы правы, матушка. Я немедленно еду в столицу, с вами остаются дядя и Базиль. Постарайтесь, чтоб он говорил поменьше, нам достаточно Филиппа…

2895 год от В.И. Утро 19-го дня месяца Собаки ФЕЙ-ВЭЙЯ

Новый командор рыцарей Оленя ожидал неприятного разговора, но действительность превзошла самые худшие опасения. Предстоятельница была вне себя и все недовольство выплеснула на голову преемника убитого Бавэ, хоть и знала, что Нерюж к происшедшему не имеет никакого отношения. Переговоры вели кардинал Клавдий и покойный командор, сражением командовали ифранский маршал и опять же Бавэ, у которого хватило глупости схватиться с арцийским королем. После смерти командора Нерюж, как мог, исполнял его обязанности, но полномочий у него не было. Теперь же ему приходится отдуваться за всех, начиная от размяукавшегося Пьера и кончая преставившимся Бавэ.

– Ее Иносенсия недовольна, но ведь дом Тагэре пал.

– Вы безмерно преувеличиваете свои достижения, граф…

– Но, Ваша Иносенсия!

– Какие могут быть «но», – Анастазия презрительно махнула рукой, и рубиновый перстень, знак ее сана, полыхнул закатным солнцем, – вы упустили горбуна.

– Он погиб!

– В таком случае где тело? Насколько мне известно, исчезли не только он и его лошадь, но и три десятка воинов. Их кони вернулись без седоков, и вот они-то погибли наверняка.

– Даже если Тагэре жив, – новоиспеченный Белый командор пожал плечами, – с ним покончено. Горбун, без сомнения, ранен, и ранен тяжело, иначе он не покинул бы поле боя. Мы бы взяли его, но атэвы так выезжают своих коней, что те скачут с раненым или мертвым всадником, пока не упадут от усталости. Тагэре повезло заполучить атэвского жеребца; к сожалению, наши лошади не столь быстры и умны.

– Мы говорим не о лошадях, сигнор. – В глазах Анастазии плескалось холодное бешенство, и известному своей храбростью и жестокостью Нерюжу захотелось оказаться подальше от этой утонченной красавицы в белом. Честное слово, на поле боя куда уютнее… Граф отвел глаза, а его собеседница продолжала как бы про себя:

– Этот урод мне не нравится. Начнем с того, что он вообще не должен был появиться на свет, но он родился и выжил. Астрологи обещали, что он умрет в младенчестве, и что же? Он вырос и прикончил в поединке Мулана, почитавшегося непобедимым. Возможно, тот недооценил своего противника, но дело было сделано. Александр Тагэре сначала стал героем, потом – полководцем, затем – протектором и, наконец, королем. Вы знаете, скольких усилий нам стоило вернуть корону Лумэнам, и что я слышу? Горбун исчезает без следа…

– Ваша Иносенсия!

– Вы мало знаете, Нерюж. – Предстоятельница покачала головой. – Раньше это казалось разумным, но сейчас я переменила свое решение. Белый командор не должен делать ошибок, а для этого ему нужно понимать, что происходит. Если вы хотите носить фибулу с Оленем, вам придется не только драться, но и думать.

2895 год от В.И. 19-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Мариетта – неслыханное дело – присела в подобии реверанса, лукаво глядя на свою госпожу. И чего та так волнуется? С бароном все понятно, никуда не денется…

– Сигнора, к вам господин барон Фарни.

– Проси…

Служанка исчезла, и тут же свет заслонила внушительная фигура. Эгон Фарни был мужчиной солидным во всех отношениях. Не красавец, но с приятным мужественным лицом, русоволосый и сероглазый, он ничем не напоминал украшающий его сигну странный цветок. Ему бы скорей подошло изображение дуба или быка. Видно было, что барон взволнован, а парадный

костюм и дорогое оружие красноречиво свидетельствовали как об окончании срока траура, так и о серьезности его намерений.

Клотильда, бледная и встревоженная, смотрела на ставшего столь нежеланным гостя. Пока дети спят, но что будет, если они проснутся и выйдут? И Мариетту нужно сплавить… Сколько же вокруг любопытных глаз, а ей всегда казалось, что она совершенно одна.

– Я рада вас видеть, сосед, – голос женщины звучал ровно и приветливо, – не желаете вина?

– Я… с удовольствием, – выпалил барон, схватившись за стакан, как за спасение, – хорошее вино. Очень хорошее.

– Я его купила прошлой осенью, это атэвский сорт, но выращен в Южной Чинте.

– Почти не отличишь, – заметил барон и, помолчав, добавил:

– В этом году удивительно теплая осень.

– Да, – охотно подтвердила Клотильда, прикидывая, не разбудит ли баронский рык детей, хотя Шарло кажется разумным – возможно, догадается не показываться на глаза нежданному гостю и сестренку успокоит.

– Но скоро похолодает, – выдавил из себя Фарни, – в Мунте наверняка идут дожди…

– Думаю, что да, а в Тагэре скоро выпадет снег. Вы бывали на севере, барон?

– В Тагэре? Нет… – Великан вздохнул, набрав полную грудь воздуха, и выпалил:

– Сигнора! Я… Я прошу вас стать моей женой.

Вот оно. Сейчас она ему откажет, и все будет кончено. Но другого выхода у нее нет. Только теряя Фарни, Клотильда поняла, как он ей нужен, но Эгон всегда служил Лумэнам и считал Тагэре узурпаторами. Она не может рисковать…

– Барон, – голос женщины не дрогнул, – выраженные вами чувства чрезвычайно лестны для меня, но принять ваше предложение не могу, по причине, которая вас не касается. Я бы была рада предложить вам свою дружбу, но в создавшихся обстоятельствах это вряд ли возможно.

Святая Циала, как же трудно смотреть ему в лицо. Он ее любит, это совершенно ясно. И он ничего не понимает, а она не может объяснить. Не имеет права.

– Сигнора… Клотильда, но почему? Я свободен, вы свободны… Я думал… Мне казалось…

– Мне жаль, что я причинила вам боль. Вы, к сожалению, не правильно истолковали мое поведение, я… Я видела в вас друга, но я не могу выйти замуж ни за вас, ни за кого другого.

Барон озадаченно и грустно посмотрел ей в глаза. Из-за

гигантских размеров и спокойствия его полагали тугодумом, но он ни в коем случае не был глупцом. Клотильда убедилась в этом еще раз.

– Я не уйду отсюда, сигнора, – Эгон Фарни грузно опустился в кресло, – пока вы не объясните произошедшую с вами перемену. Когда вы вчера разрешили мне нанести вам визит, вы вели себя совершенно иначе. У вас что-то произошло. Произошло за то время, пока мы не виделись. Да, теперь я ясно вижу: вы бледны, у вас заплаканы глаза… – Голос барона потеплел:

– Клотильда, дорогая моя, доверьтесь мне, я постараюсь вам помочь.

Если бы она могла ему довериться! Но он сторонник Лумэнов.

– Благодарю вас, барон. У меня все в порядке, я дурно спала ночь и немного нездорова.

– Что ж, – он грузно поднялся и наклонил голову, – в таком случае разрешите откланяться. Уверяю вас, что по-прежнему остаюсь вашим преданнейшим слугой. С вашего позволения, я как-нибудь навещу вас.

– Буду рада, барон. Мне, право, очень жаль…

– Не стоит. – Фарни неловко поцеловал протянутую ему ледяную руку и вышел, задев головой дверную перекладину.

Все было кончено, но сейчас ей нужно думать о другом. Детей нельзя скрывать до бесконечности… Что же делать? Просто так их появление не объяснишь. Значит, придется продать дом и уехать из Гран-Гийо. Она еще достаточно молода, чтобы выдать себя за вдову с двумя детьми. Да, именно так она и поступит. Ее отказ от замужества – веский повод для скоропалительного отъезда, на все про все уйдет дней пять. Хорошо, Шарло и Катрин уже достаточно большие, на мальчика можно положиться, он уже сейчас во всем похож на отца. Кроме увечья, разумеется.

Это хорошо, так как с ним не будет никаких трудностей, и плохо, потому что его могут узнать. А может, его покрасить? Серые глаза и белокурые волосы, как у нее. Да, это выход. Краску она купит у здешнего «печатника», скажет, что хочет закрасить седину, благо она у нее есть. Дети – погодки, а она скажет, что близнецы. И все, их никто не узнает!

Клотильда отпустила изнывающую от любопытства Мариетту и поднялась наверх. Шарло и Катрин не спали. Девочка смотрела на нее, надув губы и прикидывая, плакать или нет, мальчик ласково улыбнулся, и у Клотильды сжалось сердце. Именно так ей улыбнулся на прощание король во время их первой и последней встречи. Будь что будет, но детей Александра она спасет. У нее все получится, не зря же именно вчера расцвела белая фуксия.

2895 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Собаки ФЕЙ-ВЭЙЯ

Горбуна нужно отыскать, где бы он ни был. Отыскать и уничтожить. Тартю не справился, Бавэ и Нерюж тоже, да и чего еще ждать от этих самодовольных мужланов? Меч – вещь полезная, но Последнего из Королей с эрметной доски интригами и войной не смахнешь. Она попыталась, и неудачно. Слишком много совпадений, так что пора взглянуть правде в глаза, какой бы неприятной та ни была. А правда заключается в том, что Александр Тагэре выходит целым и невредимым из всех передряг, всякий раз поднимаясь на одну ступеньку выше.

Она должна была забить тревогу шестнадцать лет назад, но пропавший Гуго убедил ее в том, что Мулан погиб по собственной глупости. И пошло-поехало. Она объясняла удачи горбуна сначала совпадением, потом вмешательством вернувшегося из-за Грани отца и, наконец, покровительством седого хаонгского колдуна, как сквозь землю провалившегося после учиненного им в Лиарэ переполоха. А вдруг дело в самом Александре, появившемся на свет благодаря ее собственной магии? Конечно, тогда сестра Анастазия была слабее и глупее, но заклятие Нежизни – второе по силе в арсенале ордена.

Рожденный при его помощи за счет жизни её собственного ребенка горбун мог оказаться неуязвим для магии Оленя – особенно если унаследовал отцовские способности. Александр пару раз чудом избегал покушений… Чудом? Или же дело в том, что яд на него не действует? Но железо его ранит, с эскотской войны герцог Эстре вернулся хромым. Он смертен, но и она пока смертна, и покойный Орест не сподобился вечной жизни. А кони, вернувшиеся без седоков, – плохой знак, очень плохой…

Итак, что мы имеем? Горбун разгадал интригу, бросился в бой и чуть было не одолел судьбу, но Рогге все-таки сдержал слово. Большинство рыцарей Александра погибли, а сам он исчез. Бежал? Бросил своих? На него не похоже, он помешан на чести и дружбе, как и его отец, к тому же он король. Нет, бежать Тагэре не мог! Но среди мертвых его нет, нет и двоих его дружков, по странному стечению обстоятельств – самых опасных. Кэрна – брат Дариоло. Сумасшедший байланте или нечто большее? Граф Трюэль – внук своего деда. Как боец он поплоше Александра и Рафаэля, но с головой у Луи, в отличие от них, более чем в порядке.

Кэрна и Трюэль могли вытащить раненого короля из боя, не спрося его согласия, но смогли бы они справиться с погоней? Нет! Вернее, нет, если речь идет об уничтожении ВСЕХ

преследователей. Предположим, Александр без сознания, с ним Кэрна и Трюэль, а сзади люди Рогге. Что предпримут беглецы? Луи укроет раненого в безопасном месте, а Кэрна встанет у какого-нибудь моста и остановит погоню. О, этот запросто уложит десяток обычных воинов. Может, и полтора десятка, но никоим образом не всех, а тут вернулись только кони, и на них не было ни кровинки. Магия? Но чья?! Кто мог сотворить такое? А если сюда добавить Мунт…

Сгоревший храм, уничтоженные Бэрроты, пропавшие дети. Как все это увязать друг с другом? Предположим, это дело рук Седого, но зачем? Если тому не нравится Пьер Тартю, он свернет его в бараний рог и не заметит! Или пожар – предупреждение? Тогда оно адресовано ей. Дариоло Кэрну она берегла для своих заклятий, а мирийка ускользнула туда, откуда не возвращаются…

На пожарище видели Илларионa… Илларионa, после смерти Ореста ставшего Предстоятелем антонианцев и перенесшего главную резиденцию ордена в Духов Замок. Конечно, было б странно, если бы клирик такого ранга не обратил внимание на несчастье, случившееся с храмом столь почитаемой святой, но все же связь антонианца с Седым более чем вероятна, а пущенные в ход в Гразе и Мунте заклятия при всем своем различии отличаются силой и точностью. Невредимые кони и исчезнувшие без следа всадники, невредимые окрестные дома, уничтоженная обитель и пропавшие дети… Кому они понадобились? Они исчезли, когда о Гразском разгроме не знала даже она. Заговорщики не стали бы действовать столь опрометчиво – значит, Вилльо, Рогге и ифранцы здесь ни при чем. Сколько вопросов – и ни одного ответа. Но главное – где Александр? Его смертью, смертью Последнего из Королей, открывается новая эпоха. Прежде чем действовать, Анастазия должна знать, что с ним.

Пьер и Рогге ищут, но пока не преуспели. Говорят, когда-то маги могли создавать зеркала, в которых отражалось все, что нужно, но ей такое не под силу. Пока. Нет у нее и возможности пустить по следу Гончих, так как нет нужной крови. Что ж, придется положиться на ищеек Тартю и Рогге, по крайней мере в этом мире. Пусть рыщут по болотам, предлагают крестьянам награду, берут заложников, а она попробует достать Последнего из Королей иным способом.

Итак, исходим из того, что горбун мертв или тяжело ранен и вынесен с поля боя Трюэлем и Кэрной. Если он мертв, остается возрадоваться и заняться делом. Если без сознания или спит, она до него доберется и сделает Так, чтобы он никогда не проснулся. Это трудно, но возможно…

Ее Иносенсия задумчиво тронула роскошные черные волосы. Нельзя сказать, чтобы она любила мир Оленя, но его дороги вели к цели. Главное – получить Дозволение и помнить, ГДЕ ты, КТО ты и ЧТО тебе нужно, и ты получишь, что хочешь. Год назад Святая не разрешила ей начать охоту, но, возможно, сегодня у нее будет другое мнение.

Анастазия, как всегда, с наслаждением, распустила и расчесала волосы, надела свежее белое платье и рубины и вынула из резного ларца вырезанную с необычайным искусством фигурку Оленя, привычно подивившись ее холоду и тяжести. Интересно, кто из сестер утром не проснется, если святая сочтет нужным открыть Предстоятельнице призрачные тропы? Прошлый раз это были Юстиния и Ларина. Бланкиссима и послушница, старуха и девчонка. Ее Иносенсия пыталась понять, кого избирает Олень, но, похоже, это было делом случая. Анастазия с удовольствием взглянула на свое отражение и взялась за дело. Три пары Рогов [20] по углам начертанной на полу гексаграммы, два зеркала, глядящих друг в друга, и в центре магической фигуры – она в рубинах Циалы с крохотным белым Оленем на протянутой ладони. И больше ничего. Ни крови, ни длинных, путаных заклятий. Стой и жди, Святая ответит. Если сочтет нужным.

Свечи вспыхнули одновременно, неподвижные языки пламени сами напоминали темно-алые драгоценные камни. Стало холодно, но неприятных ощущений это не вызывало, скорее наоборот. Разве больно воде, когда она становится льдом? Она обретает форму и силу, способную разрывать сталь и камень, это радость, а не страдание. Анастазия любила это ощущение, хотя первый раз немного испугалась: тогда прошлое в ней еще поднимало голову. Женщина напряженно вглядывалось в зеркало, но видела лишь себя, прекрасную и холодную, несмотря на обливавшее ее алое сияние. А потом появилась Она.

Анастазия видела происходящее чужими глазами, глазами, которые к утру погаснут. Видела себя, стоящую внутри рубиновой шестилучевой звезды, видела свое отражение в зеркалах. Ее Иносенсия ждала, когда заднее зеркало заживет собственной жизнью. Каждый раз это происходило иначе. Предстоятельница полагала, что все зависит от сестры, чья жизнь, истекая, открывала дорогу Святой.

Свершилось! Исчезла женская фигура, стало меркнуть изображение комнаты, а с краев надвинулось странное радужное мерцание, из которого проступило изображение красавицы в струящемся алом платье, положившей точеную руку на шею белого Оленя. Женщина, в сравнении с которой красивая Анастазия была не более чем блеклой тенью, улыбнулась

вишневыми губами и отпустила своего спутника. Олень исчез, и в тот же миг у ног отражения Предстоятельницы во втором зеркале опустился на колени мерцающий рогатый зверь. Анастазия по-прежнему неподвижно стояла в центре магической фигуры, но ее отражение оседлало Оленя, и призрачная всадница исчезла в зеркальной глубине. Пропала и Циала, и Ее Иносенсия осталась одна, замерев между двух ослепших стекол. Это было последним сном инокини Ирэны, чье тело медленно остывало, пока Предстоятельница верхом на белом Олене мчалась по мерцающей тропе к дальнему лесу.

Ее Иносенсия не раз проходила тропами Оленя, но так и не поняла, подчиняется ли ей великолепное создание, следует ли за ней по приказу святой или же во имя собственных целей. Олень приходил тогда, когда позволяла Циала, но шел туда, куда хотела всадница, при этом Ее Иносенсия чувствовала в своем белорогом спутнике собственную волю и стремление. Если не раб, то союзник? Или… хозяин? Могло быть и так, но он поможет отыскать Тагэре.

Они благополучно перешли Барьер, и странное существо замерло, словно бы принюхиваясь. Все это было иллюзией, мороком, сном. Ее Иносенсия прекрасно помнила, что стоит в своей комнате перед зеркалом, грезя наяву. Главные события происходят в настоящем мире, но и то, что творится здесь, тоже очень важно. Слабых людей легче всего ломать во сне или в бреду, а сильных… Тут нужна осторожность и умение. В другое время она бы трижды подумала, прежде чем посягнуть на разум и душу Последнего из Королей, но после поражения и гибели друзей он уязвим. Его душа тоже ранена – даже сильнее, чем тело, а значит, он не сможет сопротивляться.

Олень нашел след. Как он это делал, Анастазия не понимала, да и призывала его, чтобы отыскать тех, кто ей мешал, лишь дважды. Первый раз это было просто. Жертва, потеряв голову от страха, бежала от преследовательницы, пока не пересекла ту черту, из-за которой не возвращаются. Второй раз было труднее: следовало не просто убить, но и допросить, а Елена оказалась крепким орешком, кое-чего она так и не рассказала. Но с Александром ей говорить не о чем. Пусть отправляется прямиком на Серые Равнины. Кэрна и Трюэль без него опасны разве что для Рогге или Тартю, а если эти ничтожества также отбудут к праотцам, она плакать не станет.

Анастазия оглянулась по сторонам. Олень уверенно бежал среди странных деревьев с черными раскоряченными ветвями. Шел дождь, и одновременно светило солнце, под копытами ломались сочные стебли, но было тихо. Здесь листья не шепчутся,

ручьи не звенят, а птицы и звери немы; здесь не скажешь, близко дерево, река, гора или далеко и там ли они, где их видишь. Здесь трава кажется то огненной, то туманно-белой, то черной, то лиловой, иногда она шевелится без ветра, а иногда неподвижна, какая бы буря ни бушевала, здесь растения и камни могут ходить и даже летать, а животные – неподвижно стоять, врастая в камень. Здесь никогда не знаешь, что есть небо, а что – земля, здесь нет дорог, и вернуться назад можно, лишь идя вперед. Кто знает, каким видели этот мир другие, но Анастазии он казался миражом, возжелавшим обернуться истиной, а для этого нужно убедить истинное, что его на самом деле не существует.

Если хочешь убраться отсюда живым, нужно не смотреть на чёрные облака и мокрые звезды под ногами, а сосредоточиться на своей цели. Неважно, что Олень выследит добычу не хуже своры гончих, думай об охоте, чтобы не дать себя заморочить, запутать, чтобы не потерять голову, не спрыгнуть в ставшие вдруг бледно-лиловыми травы, навеки оставаясь между сном и бредом.

Эстель Оскора

Я играла со своим найденышем, он был десятилетним мальчиком, немного мечтательным, но счастливым. А я была кошкой. Маленькой серой кошкой, почти котенком, серой, с белыми лапками. Я гонялась за солнечными зайчиками и рыжими бабочками, а мальчик смотрел на меня и смеялся. Я не знала и не хотела знать, кто он. Нельзя лезть в обнаженную чужую душу. Кто знает, какую боль пережил спасенный мной рыцарь, прежде чем потерять сознание, кого потерял, что проиграл. Он не должен об этом помнить, не должен об этом думать, тогда он вернется в нашу жестокую, подлую жизнь, не потеряв себя и не возненавидев. Я могла увести его в радость – и увела.

Не будь бедняга горбуном, я бы оставила его среди деревьев, которые кажутся большими, в мире самой зеленой травы, самого яркого солнца и самого высокого неба, но детство калеки редко бывает счастливым. Нельзя позволить вернуться старой боли, обидам, неуверенности в себе, и я пошла за ним в сотворенный мною же сон. Я давно научилась гулять по призрачным дорогам – это не так уж и трудно, а на этот раз мне было хорошо и легко. Кем бы ни был темноволосый рыцарь, в нем не было ни следа зависти, злобы, ненависти. Светлая душа, такие редко встречаются… Хорошо, что я его спасла. Вернее, почти спасла, потому что ему еще предстояло пробуждение и осознание горькой правды.

Это будет больно, и, чтобы он пережил эту боль и не сломался, я обливала его душу радостью, не забывая и о себе. Нам было хорошо среди высоких зрелых трав, в которых алели красные ягоды. Здесь не оставалось места сомнениям, грусти, плачам по несбывшемуся, как в саду Адены, несмотря на всю его красоту. Я правильно сделала, что привела своего нового друга на Поляну. Не знаю, откуда и как я узнала дорогу, ведь неизбывная радость этого места принадлежала какой-то другой жизни, бесконечно далекой и от Тарры, и от прочих миров, которых я повидала немало. Возможно, я была родом именно отсюда, но было это так давно, что забылось все, кроме счастья. Если так, то это была тень моего детства, радостного и беззаботного. Или не моего? Какая разница, если моему гостю здесь было хорошо.

Желтый мотылек пролетел над малиновыми шишечками клевера, я подскочила высоко вверх, пытаясь его поймать, но не поймала, хотя могла бы, а, перекувыркнувшись в воздухе, свалилась на спину, дрыгая лапами и ловя свой собственный, не так чтобы роскошный полосатый хвост. Мальчик весело рассмеялся, блестя серыми глазами, которые я уже где-то видела… Видела? Не сметь вспоминать! Память – это тревога, тоска, сожаление, забудь о них. Моя память, если проснется раньше времени, разбудит и его боль.

Пока мы здесь носимся за бабочками, в домишке посредине Гразских топей спит раненый рыцарь. И чем лучше нам здесь, тем быстрее заживают раны. Придет время, и я его разбужу, а пока пусть валяется на траве и смеется над моими проделками. Здесь нет боли и беды, а только радость, только солнце, только тепло… Тепло? А это еще откуда?! Я ощутила холодную струйку, не просто холодную, но словно бы затхлую. Как будто я в раскаленный летний день спустилась в темный, сырой подвал. Вроде бы и прохладно, но не свежо, а тяжко… Случайность? Нет!

Я повернулась к моему спутнику. Худенькое лицо стало серьезным и напряженным, он зябко поежился. Ему было холодно, и объяснение было лишь одно. За ним шла охота! Разбудить? Это просто, но он проснется с ощущением кошмара, сны для него станут пыткой, а мне придется сидеть рядом и держать его за руку, и все равно рано или поздно до него доберутся. Охотники знали, что делали. Проигравший сражение, раненый, в снах и бреду не менее уязвим, чем в настоящей жизни. Там его убил бы и ребенок, здесь… Здесь это сложнее, хоть и возможно, но эти умники не приняли в расчет меня!

Мальчик вздохнул, решительно запахнул темную куртку, пригладил волосы, проверил кинжал в кожаных ножнах и двинулся вперед, в зеленеющие заросли. Не испугался – или

испугался, но решил проверить. Рене говорил, что лучший способ справиться со страхом – пойти и заглянуть ему в глаза. Похоже, мой новый друг крепче, чем кажется, а мое место в любом случае рядом с ним. Мы быстро шли по узкой тропинке, не глядя на радостных стрекоз и пахучие метелки трав, которые никогда не росли в Тарре. Вот и Берег. Там, за медленной черной водой раскинулся мир Обмана, зыбкий и переменчивый, в котором можно встретить все, кроме истины. Я ходила его тропами, и не раз, иногда это пьянило, чаще отталкивало. Там не было ничего и было все, и за нами, вернее, за моим рыцарем пришли именно оттуда. Что поделать, сон всегда смыкается с Обманом, поэтому спящие так уязвимы.

Охотников было двое. Женщина, от которой веяло холодом небытия, и огромный белый олень. Не Ройгу, это я поняла сразу. Не Ройгу, но его двойник, полный силы, злобы и коварства. Они глядели на нас, а мы – на них. Десятилетний мальчик и серая кошка на берегу, заросшем золотистыми ирисами, и женщина с оленем среди бледно-лиловой извивающейся травы, мертвой и чужой. Между нами была темная река, и преграда эта была непреодолимой. Мы не боялись, мы были сильнее и смелее, мы любили жизнь и хотели жить… В темных глубинах вспыхнула синяя искра, погасла и вновь вспыхнула. Мальчик не отрывал взгляда от гнусной парочки на дальнем берегу, а я смотрела в воду, которая становилась все темнее, и все ярче были прорезавшие ее синие сполохи. Черное и Синее, две верные мне силы, Непокорство и Любовь, ветер и облако, отражение звезд в ночном море, отражение моря в небесах…

Желтые ирисы по-прежнему кивали головками, но милая, мирная речка превратилась в застывший обсидиановый поток, охваченный пламенем. Синий огонь и черный камень. Первый раз я поставила такой Барьер в… Где же это было? Тогда я спасала каких-то влюбленных, все получилось случайно, но я запомнила.

Я могла пройти сквозь зажженный мной костер. Я могла, наши враги – нет. Злоба старит, бессилие убивает, всадница на олене стремительно обретала сходство с тем пугалом, которое малюют во всех мирах, называя Смертью, хотя истинная Смерть – отнюдь не старуха с косой верхом на понуром четвероногом скелете.

Как же мне хотелось свернуть голову этим мерзким тварям, но мое время еще не пришло. Сейчас я должна защитить своего рыцаря. Ох, не случайно пересеклись наши пути! Я не знала, какими нас видят враги, это дело воображения, но немного вранья не помешает. Силу не скрыть, но пусть с того берега главной опасностью кажусь не я, а мой товарищ.

Я посмотрела на напряженную стройную фигурку у пылающей воды. Мальчик не видел, не мог видеть ту бучу, которую я подняла, защищая его. Для него река оставалась просто рекой. Мой найденыш проводил глазами исчезнувшую в лиловой чаще наездницу и повернулся ко мне. Его лицо было бледным и очень серьезным.

– Кошка, нам пора возвращаться. Мы нужны дома.

Он решил вернуться, и я не стала его удерживать, тем более он был прав. Его раны заживают хорошо, а душа… Он выдержит, он все выдержит, в этом я теперь не сомневалась.

2895 год от В.И. 20-й день месяца Собаки ГРАЗСКИЕ БОЛОТА

Что-то мягкое и пушистое коснулось щеки, и Александр проснулся. А он и не думал, что спит, ему казалось, что он умирает. На всякий случай – а вдруг он в плену? – король не стал открывать глаз. Сквозь ресницы он видел свет – значит, на улице день. Ноздри щекотал горьковатый запах вянущей травы, под ухом что-то умиротворяюще урчало. Кошка! Вряд ли, окажись он в руках Тартю, его бы оставили в тишине, которую нарушает лишь кошачье мурлыканье. Выходит, он у друзей? Но где и с кем?

Последнее, что он помнил, был воин в желтом и резкая боль, взорвавшаяся снопом белых, нестерпимо сияющих искр. Тогда он был в доспехах и верхом, а рядом дрался прорвавшийся к нему Рито. Он и вытащил его из самой гущи проигранного (в этом Александр не сомневался) боя, снял изломанные доспехи, перевязал, спрятал в каком-то укромном уголке. Рафаэль, больше некому! Но где он и где они оба?

Последний из Тагэре попробовал пошевелиться. Нога, к которой были привязаны какие-то палки, не действовала. Похоже, опять сломана. Тело пронзила мучительная, ноющая боль, но Александр был воином и знал, что в этом как раз нет ничего страшного. Ушибы и две раны, не считая ноги. Не смертельно. Он быстро открыл глаза. Над ним нависал низкий потемневший потолок из кое-как обработанных бревен, между которыми белел высохший мох. В распахнутое оконце, на котором стоял глиняный кувшин с ветками рябины, лился яркий солнечный свет.

Мягкий удар вызвал новый приступ боли, но, поняв его причину, Сандер рассмеялся. Кошке надоело лежать на подушке, она перепрыгнула человеку на грудь и подползла к самому лицу, сосредоточенно обнюхивая нового знакомца. Кошка (он сразу понял, что это кошка, а не кот) была маленькая, короткошерстная, с неожиданно роскошными усищами. Наверное,

она все время была с ним, оттого ему и снились кошки. Кошки и что-то еще, очень хорошее… Правда, потом что-то произошло, но он забыл.

Король нерешительно тронул зверушку, ты ответила дружелюбным урчанием, загадочно глянула человеку в глаза и спрыгнула с кровати. Александр остался один, но ненадолго. Кошка вернулась, и с ней вошла молодая светловолосая женщина в платье из грубого холста.

– Вам лучше, сигнор?

– Где я?

– В Гразских болотах. У меня. А зовут меня Ликия.

– Ликия?

– Это имя не дают при Приятии, – женщина улыбнулась, но серые глаза остались оценивающими и непроницаемыми, как и у ее кошки, – я ведьма. Лесная ведьма, и живу там, куда у святош не дотягиваются лапы.

– А… – Александр помедлил, но решил пока не расспрашивать подробнее. – А как я здесь оказался? И где… мой друг?

– Я не видела вашего друга, – в глазах ведьмы мелькнуло что-то похожее на сочувствие, – я ходила в село. Иногда я выхожу из леса. У меня есть что предложить крестьянкам, а они взамен дают то, что здесь не найдешь. – Ликия поправила волосы, и Александр невольно удивился тому, какие у нее красивые кисти рук… Слишком красивые для лесной ведьмы, да и говорит чисто и правильно. – На опушке я увидела коня, а на нем потерявшего сознание рыцаря. Я не знала, что мне делать, но почти сразу услышала голоса и поняла, что сигнора ищут, и отнюдь не друзья. С ними был, – лицо женщины передернулось от отвращения, – циалианец. Я решила спрятать сигнора. Назло Белым и потому, что нельзя бросить того, кто не может себя защитить. Я знаю тайную тропу через топь и могу заставить слушаться самую норовистую лошадь.

– Спасибо. Вы меня спасли…

– Не стоит благодарности. Сигнор что-то хочет?

– Какой сегодня день?

– Не знаю. Я забыла и месяцы, и годы, но нашла я вас кварту назад.

– Значит, сегодня семнадцатый или восемнадцатый день месяца Собаки… Что со мной, Ликия?

– О, ничего страшного. Если бы не нога, сигнор через несколько дней встал бы. Вас сильно ударили по голове, но шлем выдержал. Раны не опасные, вытекло много крови, но у меня есть хорошие травы.

– А нога?

– Нога? Она срастется к зиме, перелом нехороший…

– Но что…

– Что вы будете делать? Лежать и ждать, когда сможете встать. Здесь вас никто не найдет.

– Но я ДОЛЖЕН знать, что произошло.

– Что ж, – Ликия не стала спорить, – послезавтра я дойду до деревни и, что смогу, узнаю. А друг ваш, я уверена, жив. Поводья коня обрезаны нарочно, чтобы их не могли схватить. Тот, кто это сделал, хотел вас спасти, но за вашим черногривым другим лошадям не угнаться. Тот, кто отпустил коня, на это и рассчитывал, а сам скорее всего укрылся в овраге. Теперь выпейте это и постарайтесь уснуть.

У Александра не было сил сопротивляться, когда Ликия обняла его за плечи и поднесла к губам какое-то терпкое варево. Сразу стало тепло и спокойно. Последнее, что он заметил, засыпая, были раскосые кошачьи глаза, всезнающие и равнодушные.

2895 год от В.И. 20-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ФЕЙ-ВЭЙЯ

Такого она не ожидала! Мир Оленя путает и сбивает с толку, но сильный в нем остается сильным, а слабый – слабым. Можно обманывать смертных и даже магов, но не этот переменчивый и капризный поток, в котором купаются души, пока спит разум. Анастазия не хотела верить самой себе, но не верить не могла. Она нашла Александра, но не растерянного, не побежденного, не слабого, а готового к бою. И он был не один! Ее Иносенсия ощутила страх и ярость Оленя при виде воина в вороненых доспехах и синем плаще, у ног которого скалилась серебристая рысь с черными пятнами на шкуре и серыми женскими глазами.

В мире Оленя Александр не был горбат, а это значит – он победил свое увечье и оно для него не существует. Последний из Королей уверен в себе, он не только не сломлен, но исполнен неистовой жажды жизни, радости и любви. Ее Иносенсия рассчитывала найти раненого, быть может, умирающего, а встретила победителя, и еще эта Рысь… Кто она? Откуда? Что это за ревущая черная вода, разделившая их, вода, через которую им не перейти, хотя серебряную кошку эта преграда не остановила бы. Что же стоит за Последним из Королей? И кто он на самом деле? Где искать разгадку? В древних рукописях, в храме Триединого, в хаонгских обсерваториях?

Олень уныло плелся по шевелящейся траве, он казался

старым и облезлым; Ее Иносенсия глянула на свою руку и не узнала ее. Сморщенная, сухая, старческая лапка. Проклятая река высосала их силы, медлить нельзя. Нужно возвращаться – и немедленно, иначе она из охотницы превратится в добычу. В этом мире Тагэре недоступен, придется действовать земными способами, не забывая следить за всем необычным, которое случилось или случится. В мире Оленя горбун силен, но в жизни он не смог одолеть Тартю – значит, он ничего не знает ни о своей истинной Силе, ни о ее природе. Так же как и отец. Лучший способ борьбы с ним – не магия, а сталь и предательство, а уж в этом на Рогге и Тартю можно положиться.

2895 год от В.И. 20-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Над особняком Бэрротов развевался траурный лиловый флаг. Этого еще не хватало! Кто? Пусть это будет Антуан, хотя все равно не вовремя. Артур маркизу Гаэтано нужен живым. Ему и Сандеру. Столица потеряна, это Кэрна понял уже на Ближней Заставе. Вилльо времени даром не теряли…

Рафаэль с растущим беспокойством вглядывался в наглухо закрытые, несмотря на белый день, окна и двери. Проклятый, что же там произошло? А может, хитрый канцлер вывесил флаг, а сам подхватил сынка с невесткой и – вон из города? С него станется. Старый лис наверняка узнал о Гразской битве до того, как предатели сделали свое дело и здесь, а Антуану с Тартю не по пути. В любом случае торчать у запертого дома и привлекать внимание незачем. Дарнийцы говорят, что месть – это не огонь, а лед, и Кэрна в кои-то веки решил прислушаться к умному совету. Шарло и Кати куда важнее поганых «пуделей». Он рассчитывал на Артура, но, видимо, недооценил Аганна.

Маркиз Гаэтано проехал мимо дома с лиловым флагом и остановился у небольшого кабачка, из окон которого был виден и особняк Бэрротов, и часть улицы. Денег он не считал – кошель Штефана был полон, да и у него самого имелось золотишко. Простой плащ с капюшоном и дорожные доспехи делали Рафаэля похожим на мелкопоместного нобиля, сорванного с места войной и странными слухами. Дородный хозяин внимательно посмотрел на гостя, но этим и ограничился. Спросил только, будет ли монсигнор ужинать в общем зале или в своей комнате. И то и другое имело свои преимущества. Внизу можно прислушиваться к чужим разговорам и следить за входом в дом, наверху порасспросить того, кто принесет еду. Немного подумав, Рито выбрал второе. Весть о поражении по городу и так разнеслась, так что пол-оры никого и ничего не спасут.

Поднос с едой притащил сам хозяин. Молча поставил на стол миску с дымящимся, вкусно пахнущим мясом, кувшинчик с подливкой, нарезанный толстыми ломтями хлеб, тарелочки с сыром и приправами и бутыль вина.

– Монсигнор доволен или что-нибудь еще?

– Все в порядке. Я давно не был в столице, ты не знаешь, – Рито решил быть подипломатичнее, – что случилось в доме напротив? Почему там траур?

– Ой, монсигнор, – толстяк колыхнулся всем своим внушительным телом, – тут такое было… Как раз в день, когда

битва была. Старый граф из окна вывалился прямехонько на копья, а виконт с сигнорой в одночасье померли. Видать, отравили, в Бэрротах ведь кровь Арроев есть, и законная, без кошатины. А может, боялись, что Артур «пуделям» помешает, вот и порешили их, а старик увидел, что с сыном и невесткой, и с собой кончил.

– Отравили?

– Говорят, так. Синяков было немерено, лейтенант Паже приезжал, да кого тут только не болталось.

– Похороны были?

– Простите, монсигнор, чьи?

– Бэрротов.

– Нет, – удивился трактирщик.

Разумеется, никаких похорон не было и быть не могло, ведь не прошло и десяти дней. Какой же он все-таки дурак, знает же арцийские обычаи. Даро сейчас в домовом иглеции вместе с мужем и свекром. При желании он может ее увидеть. Мертвую.

– Графа, того не жалко, гордый больно был и себе на уме, – продолжал трактирщик, – а про виконта и сигнору слова плохого не скажу. Он – рыцарь лучше не придумаешь. А сестра ваша, уж вы простите, монсигнор, вроде звездочки была. Хоть и высоко, не дотянешься, а посмотришь – душа радуется. Так что сочувствуем мы вам…

– Ты меня узнал?

– Да, но я никому не скажу. Мне кошачье дерьмо не нужно, я за законного короля.

– Тогда расскажи мне то, что знаешь. Садись…

– Благодарю, монсигнор, – трактирщик с готовностью уселся на один из тяжелых стульев, – но что я могу сказать? Я человек маленький, вы знаете больше меня… Наступают поганющие времена, монсигнор! Видать, крепко мы Триединого прогневали, что он оставил нас без короля. Говорят, когда последний из Волингов падет в битве, Проклятый вырвется на свободу и взойдет Темная Звезда…

Толстяк рассказывал еще что-то про грозу, которая сожгла циалианский храм, про то, как в полночь на западе зажглась заря, про крыс, ушедших поутру из города и запрудивших все улицы, ведущие к реке, про то, как пропал лейтенант Паже, а Жорес Аганнский хитростью разоружил гвардию и привел в город своих людей, но Рито не слушал. Ему казалось, что он вычеркнул сестру из своей жизни, и вот она умерла, умерла, и он больше никогда ее не увидит. Он так и не выслушал ее, а теперь поздно. А раз поздно, нужно думать о том, что еще можно спасти.

– Я оставлю здесь коня и доспехи?

– Разумеется, монсигнор… Но, может, вам лучше уехать? Домой или, уж простите, к Лосю… Времена сейчас нехорошие, прямо скажем… А вы были на стороне Тагэре.

– Я и сейчас на стороне Тагэре, – сверкнул глазами Рито, – потому и приехал. Я должен сделать одну вещь.

– Да хранит вас Святой Эрасти, монсигнор, – вздохнул толстяк, – вас и короля, а на дядюшку Клода можете положиться, живите хоть до Темной Звезды. И деньги уберите, не возьму я их, не упырь…

2895 год от В.И. 20-й день месяца Собаки ФЕЙ-ВЭЙЯ

– Сестра, – девчонка-послушница почтительно наклонила голову, – вас просит бланкиссима.

– Спасибо, Алина, – сестра Мария приветливо кивнула вестнице. Девушка хотела, чтобы ей доверяли все – от Ее Иносенсии до последней прислужницы, не говоря уж о рыцарях Оленя. Когда-нибудь она соберет урожай любви, который столь старательно сеяла. Мария понимала, что великие цели достигаются неустанным трудом. Конечно, если повезет и судьба даст шанс, его нельзя упускать, но рассчитывать на везение и тем более лезть напролом нельзя. Молодая монахиня знала, что нужно казаться проще, чем ты есть, пусть каждый видит в тебе то, что хочет.

В свои двадцать пять Мария достигла немалого, но поручения Анастазии не мешали ей исправно заниматься повседневной работой. Она по вечерам читала в храме перед вечерней службой, а по утрам занималась с девочками, только-только вступившими под крышу обители. Большинство из них вернется к своим семьям, обученные хорошим манерам, древним языкам, музыке и домоводству. И никто, в том числе и они сами, не будут знать, что кроме благонравия они вынесут из монастыря кое-что еще.

Некоторые останутся и примут обряд послушания, а потом и вступят в сестринство. У них будут свои наставницы, в большинстве своем холодные и жестокие, и память о доброте и внимании сестры Марии не только их поддержит, но и сделает верными сторонницами, когда она начнет действовать. Правда, будет это лет через десять. Девушка понимала, что слишком рано себя обнаружить – значит проиграть. Но и медлить нельзя. Ее красота должна сыграть немалую роль в осуществлении задуманного, а значит, к сорока годам она должна получить рубины Циалы.

Сделать это можно, опираясь на рыцарей Оленя, которые,

хоть и дали обряд безбрачия, остаются мужчинами. Пусть каждый из них думает, что именно он владеет ее душой, а если они победят, будет владеть и телом. И Мария научилась смотреть мимо мужчин в белых плащах, но так, что каждому казалось, что она только что смотрела именно на него и в смущении опустила глаза. А глаза Марии достались от отца – огромные, опушенные длинными загнутыми ресницами, синие и спокойные, как речной омут в месяце Лебедя. Тот самый омут, в котором водятся черти.

Однако сейчас, спеша на встречу с Ее Иносенсией, сестра Мария постаралась выглядеть как можно безмятежнее и холодней. Анастазия ей доверяла так, как женщина может доверять женщине, а потерять такое доверие очень просто. Наскоро затянув волосы, чтобы золотые локоны, упаси святая Циала, не вылезли из-под покрывала, циалианка постучала в дверь Предстоятельницы. Та ее ждала.

– Входи и садись.

Девушка очень прямо села на краешек жесткого стула, положив руки с коротко остриженными ногтями на колени.

– Ты, вероятно, уже слышала о том, что произошло в миру. – Анастазия, однажды с ней объяснившись, предпочитала не ходить вокруг до около. – Мы достигли поставленной цели, хотя не обошлось без ошибок и потерь. До сих пор неизвестна судьба свергнутого короля и его детей. Не удалось найти и нескольких приближенных к нему рыцарей, из которых особенно опасен Луи Трюэль. Кроме того, в Мунте сгорел храм ордена. Несчастье произошло во время вечернего чтения, и бланкиссима Шарлотта и приближенные к ней сестры погибли.

Без сомнения, кто-то из Рыцарей поспешил с тобой поделиться новостями. Впрочем, ты права. Мужчины часто узнают важные новости первыми, и очень хорошо, если сообщают их тому, кому нужно. Но кое-чего ты не знаешь. Я переношу главную резиденцию ордена в столицу Арции. В Мунте больше не будет бланкиссимы, но это – мое дело. А твое – новая королева, наперсницей которой ты будешь.

Мария чуть шире раскрыла глаза, что у нее означало удивление, и Анастазия сочла уместным пояснить:

– Пьер Тартю скоро женится на дочери Филиппа Тагэре и Элеоноры Вилльо. Королевская шлюха и ее выводок оказали ублюдку услугу, а женитьба была частью сговора.

– Но Ее Иносенсия знает, – только многолетняя дрессировка позволила девушке выглядеть равнодушной, – что брак Филиппа Четвертого признан незаконным.

– Об этом забудут. Ублюдок возьмет в жены девицу, отмеченную кошачьей лапой. Два сапога пара. Тартю полагает,

что это сделает его трон крепче, особенно если уничтожить принятую Генеральными Штатами и Советом Нобилей нотацию о вступлении на престол Александра Тагэре.

– Тогда королем становится не Пьер, а брат его жены, хотя он несовершеннолетний…

– Вот потому я тебя и выбрала из всех, – довольно улыбнулась Анастазия, – Пьер не самый умный человек, но и глупцом его не назовешь. За три года он успеет «позаботиться» о братьях супруги, но это его дело. Ты станешь наперсницей молодой королевы. Слушай, сочувствуй и запоминай. Не думаю, что ее общество будет тебе приятно. То, что я знаю о семействе Вилльо, заставляет преклоняться перед долготерпением горбуна.

2895 год от В.И. 23-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Граф Мо с усмешкой смотрел на сестру. Элеонора выросла потрясающей красавицей и непробиваемой дурой, что отчасти скрадывалось добрым нравом и покладистостью. Лучшей жены для Тартю не придумать, равно как и худшего мужа для сестрицы. Королева из нее никакая, но сидеть на троне и потрясать воображение иноземных послов Нора сможет, а говорить Пьер ей, надо полагать, не позволит. В этом крысеныше много такого, о чем вряд ли родная мать знает. Базиль с усмешкой поклонился.

– Матушка, сестрица, я готов сопровождать вас.

Бывшая королева, разряженная, как в лучшие времена, церемонно протянула сыну руку. Она была в восторге от совершенной сделки и готовилась занять почетное место тещи Его Величества. На красивом личике Норы читался естественный для девушки интерес к венценосному жениху. Пьера Тартю она еще не видела, и граф Мо искренне посочувствовал сестре. Конечно, сердце женщины – вещь малопонятная, но Тартю вряд ли может вдохновить девичьи грезы. Нельзя сказать, что Базиль так уж сильно любил единоутробных братьев и сестер, но представить Нору в постели с этой вонючкой было унизительно. Хорошо, хоть она ни в кого не влюблена.

– Не скрою, сестрица, ты прелестна. Боюсь, про твоего суженого такого не скажешь.

– Базиль!

– Что «Базиль»?

Пусть знает, кого увидит, а то расплачется еще или рожицу скорчит, а Тартю такого не любит.

– Дочь моя, Базиль шутит. Ваш будущий супруг, по крайней мере, не горбун.

– Матушка, вы великолепны. В таком случае у жениха масса достоинств. Он не только не горбун, он не кривой, не хромой, у него, видимо, нет хвоста, и он не чернокожий.

– Ты становишься невозможным.

– Разве? – поднял бровь младший из Гризье. – В Арции нашу семейку полагают невозможной уже лет двадцать. Я в сравнении с дядюшками и Аганном – щеночек.

– Ты неблагодарная дрянь, – холодно сказала мать, – кем бы ты был, если б не был моим сыном?

– Не знаю, – пожал плечами Базиль, – но «пуделем» бы не был, это точно. После коронации и свадьбы я уеду.

– Это лучшее, что ты можешь сделать. Я хочу, чтобы ты взял с собой Филиппа.

– Матушка боится, что ее сын убьет ее зятя? А она не боится, что я ему помогу?

– Твои шутки перешли всякие границы.

– Как говаривал в юности нынешний герцог Оргонды, а есть ли границы, которые уже не переступило наше милое семейство? Хорошо, я заберу Филиппа в Аганн и уговорю его не делать глупостей, а не удастся – посажу на цепь. Плетью обуха не перешибешь. Так мы едем?

– Базиль, – пискнула Элеонора, – а разве Пьер такой уж противный? Дядю Александра я видела, он был ничего, а матушка вот сказала, что Пьер лучше.

– Нора, – прикрикнула Элеонора Вилльо, – ты не должна вспоминать при ком бы то ни было о брате твоего отца, и особенно о наших планах! Поняла?

– Поняла, но…

– Никаких «но», сестричка, – серьезно сказал Базиль, – время шуток кончилось. Это даже я понимаю. Забудь об Александре, это лучшее, что ты можешь сделать, а Пьер… Внешне он просто никакой. Больше на лакея похож или на лавочника, чем на нобиля. У него, как у всех Лумэнов, слабый желудок и скверный характер. Но он умный и, сдается мне, хитрый и жестокий. Недаром его пригрел Паук, а потом и Жоселин. Так что готовься слушаться и молчать, а если будет противно, закрывай глаза.

– Что ты говоришь сестре?!

– Правду, которая ей, может, пригодится, а может, и нет. Все. Нас ждут.

Базиль подсадил женщин в карету, закрыл дверцу, проследил, как заняли свои места кучер и лакеи, и вскочил на загарцевавшую лошадь. Ненастье сменилось теплом, Летняя резиденция тонула в многоцветной осенней роскоши, солнце старалось вовсю, но граф Мо предпочел бы дождь и ветер в лицо. Проклятый, как же ему

все надоело!

2895 год от В.И. 23-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Дядюшка Клод только что на колени не падал, уговаривая своего постояльца подождать, пока все уляжется. Когда толстяк пошел по третьему кругу, маркиз Гаэтано просто положил руку ему на плечо, и бедняга осекся на полуслове.

– Мне нужно идти. Не бойся, ничего со мной не случится. Я, если нужно, бываю терпеливым. Сегодня не мой день, но я должен его запомнить.

Огорченный трактирщик принялся призывать на голову мирийца благословение всех известных ему святых. Когда дошло до святого Эпоминонда, Рафаэль уже завернул за угол, смешавшись с не столь уж и многочисленной толпой. Он старался быть неприметным, и его усилия увенчались успехом. Проклятое везение, не оставлявшее мирийца с раннего детства, в последние дни отзывалось в сердце горечью. Он жив и даже не ранен, но все, кого он любил, погибли или исчезли.

Выбраться из ада, вернуться в Мунт за сестрой с детьми и Артуром – и найти два трупа и плачущую Онорину, это ли не насмешка! Из слов бывшей камеристки Жаклин стало ясно, что на следующую ночь после Гразы Шарло с Кати сбежали. Лейтенант Паже, на помощь которого рассчитывал Кэрна, получив подложный приказ, уехал и не вернулся, после чего Аганну ничего не стоило с помощью еще одной фальшивки разоружить гвардию и городскую стражу. Мунт упал в лапы Вилльо, как созревшая груша. Рафаэлю повезло, что его никто не узнал, и он сразу же проехал к Бэрротам, а потом заглянул в харчевню.

Мириец сам не знал, почему ему так хочется увидеть Тартю со всей его сворой. То, что заговор много шире, чем ему казалось в Гразе, Рафаэль понял, едва лишь обрел способность соображать, изменившую ему при виде траурного флага у особняка Бэрротов. Более того, никогда еще голова байланте не была такой ясной. Новая боль задушила старую, уступив место холодным, четким мыслям. Добряк Клод мог не беспокоиться, маркиз Гаэтано не бросится с мечом на армию Лумэнов, его ненависть слишком сильна для подобных глупостей. Кэрна в неприметном темном плаще спокойным шагом добрался до перекрестка улицы Святого Мишеля и Цветочной и, чтобы лучше видеть, оседлал каменную ограду, оказавшись рядом со стайкой уличных мальчишек, не обративших на него не малейшего внимания.

Чутье времени маркиза не подводило никогда, не подвело и

на этот раз. Не прошло и трех десятинок, как звук фанфар возвестил о приближении победителей. Рафаэль стиснул зубы, но сдержался. В самом деле, он спокоен, спокоен, как перед байлой.

Пьер Тартю, а вернее, его мунтские приспешники и ифранские толстосумы постарались на славу. Подобного королевского выезда Мунт не видел со времен Пьера Четвертого – впрочем, тот то, же был узурпатором. Перед глазами Рито, извиваясь, ползло многоцветное, длинное, блестящее чудище. Герольды, трубачи, сигноносцы, пажи, менестрели, девицы с корзинками астр и поздних роз и гвоздик, засыпающие путь победителей цветами. Циалианские рыцари с ожерельями из кахалонга поверх туник, ифранцы в серо-красном, рыцари Лумэнов в алом и золотом, какие-то придурки с невозможной консигной, где на алом поле странное золотое животное, одновременно похожее на льва, коня и крылатого змея, попирало поверженного волка, изрыгая огонь, распадающийся на три золотых нарцисса… Рито не сразу сообразил, что такова консигна свежеиспеченного короля, а с ним, надо полагать, новая гвардия, которой командует подонок Жорес.

Сам Тартю – верхом на белой лошади, в алом одеянии и алом же, подбитом золотом плаще – походил на помершего своей смертью, но зачем-то освежеванного кролика. Рафаэль не помнил, видел ли он раньше виконта Эмразского, но вид нового короля его потряс. И это – победитель Александра Тагэре?! Человека, который в двадцать с небольшим победил Короля Королей, с дюжиной воинов взял казавшуюся неприступной крепость, швырнул на колени Джакомо и фронтерцев и добился дружбы гварского Лося? Будь Пьер хотя бы таким, как ехавший со своими молодчиками Жорес Аганнский, Кэрна еще мог бы поверить в случившееся, но эта дохлятина?! Выражение, с которым Тартю взирал на толпу, по его мнению, может, и было королевским, но сидевшие рядом с Рито сорванцы решили, что король опился уксуса. Зато Вилльо светились, как новенькие монетки.

Элеонора-младшая сияла юностью и красотой, а старшая – драгоценностями. Рядом с очаровательной невестой жених выглядел еще непригляднее, а Нора с глуповатой улыбкой глазела то по сторонам, то на своего убогого кавалера. Рито никогда бы не поверил, что ему может не понравиться красивая блондинка, но Нора ему была не нужна и через порог, так же как и обе ее сестры. А вот с ее матерью и «пуделями» он еще поговорит.

Рафаэль смотрел и запоминал все. Фернан Реви повернулся к брату и улыбнулся во всю пасть, а тот поправил шитую золотом перевязь и засмеялся, сверкнув белоснежными зубами. Жорес

взмахнул рукой, и новые гвардейцы завопили здравицу в честь нового короля, а Аганн уверенным жестом удержал коня, дожидаясь, пока девы в белом кончат разбрасывать цветы. Нужно было его убить прямо на турнире или в Оргонде. И его, и его братца…

Кэрну передернуло от отвращения, когда младший из Гризье послал воздушный поцелуй стайке разряженных дур с корзинками и те засуетились, наклоняясь друг к другу и глупо хихикая.

– О, – конопатый пацаненок явно повторил чьи-то слова, – кому и кобель за льва сгодится.

– Кому-кому, – хмыкнул паренек постарше, – сучкам, вестимо.

– А если сучку с котом случить, что будет: щенки али котята?

– Сукины коты будут, – со знанием дела объявил конопатый. Его приятели засмеялись. Им было весело. Рито не сомневался, что завтра на улицах будут распевать о «пуделихе» и сукином коте. У Луи когда-то были ученые собачки, потешавшие полстолицы… Как же все «волчата» тогда были счастливы, не понимая этого. Как они были счастливы, проходя вот по этой самой улице полтора месяца назад. Правда, тогда народу было больше, и приветствовали их от души, а не за ифранские деньги. Сандера любили, но Тартю Мунт проглотил, это Рито видел ясно… Да, они будут сочинять фривольные песенки, будут за ужином со вздохом вспоминать пропавшего короля и ругать нового и, разумеется, «пуделей», капустниц и ифранцев. Кто-то что-то напишет на стенке, кто-то спьяну в кабаке даст в морду какому-нибудь стражнику или новому гвардейцу, если те, разумеется, будут ходить по простым кабакам. И все. Арция была слишком сыта и довольна жизнью, чтобы взбунтоваться.

Кэрна сам не знал, был бы он рад, увидев горящий город, баррикады на улицах, горожан под копытами ифранских коней, головы Вилльо на Новом Мосту и головы бунтовщиков на площади святого Мишеля. Сила и внезапность были на стороне Тартю и его сообщников, Мунт было не удержать, но вот так, по-коровьи принять навязанного исконными врагами ублюдка?! Посетовать, почесать в затылке и с кукишем в кармане глазеть, как его осыпают цветами, прикидывая, сколько завтра будет стоить пиво?

В этот миг маркиз Гаэтано ненавидел арцийцев чуть ли не больше, чем Вилльо и Тартю с капустницами. Даже дядюшку Клода, не взявшего с него денег. Милейший трактирщик откупался от своей совести, потому что в глубине души готов жить при ком угодно, лишь бы сытно было и тихо. Рито с детства ненавидел как клириков, собиравших деньги на спасение души,

так и тех, кто эти деньги платил, покупая прощение и место в Свете. Как просто: заплатил – и ты праведник. Не взял денег за постой, не донес – и спишь спокойно, да еще гордишься своей смелостью и бескорыстием.

Короли Тагэре отучили арцийцев от страха. Каким бы ни был Филипп, при нем не хватали кого ни попадя и не тащили в Духов Замок, про Александра и говорить не приходится. В Мунте забыли время первых Лумэнов, когда сосед доносил на соседа и, желая друг другу доброй ночи, никто не был уверен, что встретит утро в своем доме, а не в лапах у синяков по обвинению в заговоре или оскорблении величества. Рито почти хотел, чтобы Тартю тряхнул как следует самодовольных, уверенных в себе горожан, чтобы они, Проклятый их побери, поняли, кого потеряли!

…"Король" с приспешниками давно скрылся за поворотом, прополз и хвост процессии. О торжестве победителей напоминали лишь изломанные астры и гвоздики да кучи свежего конского навоза. Толпа разбрелась очень быстро, дольше всех на улице толкались синяки и переодетые стражники, и как же их было много! Пьер Тартю и посадившие его на трон были не из тех, кто рискует своей шкурой, надеясь на любовь подданных. Кэрна еще раз взглянул вслед победителям и соскочил со стены. Мимо, громко разговаривая, прошло несколько новых гвардейцев, до молодого человека в плаще с капюшоном им дела не было, что их и спасло.

2895 год от В.И. 23-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Теперь дворец Анхеля принадлежал ему! Пьер Тартю с чувством собственного достоинства поднялся по покрытой коврами парадной лестнице мимо мраморных воинов с поднятыми мечами на второй этаж. Он здесь не был более семи лет! Отсюда ушел, почти бежал бедный родственник, которого или терпели, или не замечали, а вернулся король! Это все его: его трон, его корона, его залы, оружие на стенах, ковры, зеркала, статуи, лакеи… Он может делать все, что пожелает. Для начала синее и серебро нужно заменить на красное с золотом. Никаких Тагэре! Хотя это и дорого. Выбрасывать столько денег на какую-то обивку?! Но не ходить же ему среди серебряных нарциссов! Король медленно шел по дворцу, заглядывая во все углы. Это был его дворец. Здесь все его. Все! А почему чехлы на этих стульях натянуты криво? И шнуры на занавесях слабо подвязаны, бархат касается пола, это не правильно!

Семенящий рядом с Его Величеством гофмейстер истово

кивал, пытаясь запомнить все распоряжения. Он был глуп, толст, краснолиц и вспотел от усердия и страха. Он боялся, это было очевидным. Зрелище чужого страха бальзамом проливалось на избоявшуюся душу Пьера. Отныне он – хозяин не только занавесей и кресел, но и жизней и судеб всех этих людей, и они знают это. Он заставит их даже во сне называть его только Его Величество Пьер Седьмой Лумэн. Все, кто когда-то хихикал ему в спину или не замечал его и мать, свое получат. И эти выскочки Вилльо тоже, но не сразу. Ему нужна свадьба с молодой Элеонорой и клан Вилльо, чтобы расправиться со сторонниками Тагэре, по крайней мере, с теми, кто не смирился.

Конечно, Ифрана, Фей-Вэйя и Кантиска его не оставят, но удачное начало – это только начало. Мунт брали все, кому не лень. Усидеть на троне труднее, чем на него забраться, уж это-то он понимает.

Пьер Тартю прошествовал через Зал Знамен, в котором через три дня устроит большой прием, и вошел в Зал Нарциссов, примыкающий к Тронному. Здесь стены украшало старинное оружие и портреты Арроев, начиная с Рене Второго, и здесь он повесит и свое изображение, как только ему найдут подходящего художника. Тартю с достоинством шел по паркету из черного дерева, инкрустированного пластинами янтаря, старательно поддерживая на лице выражение, долженствующее показать, что он законный преемник арцийских властителей. Там, в конце галереи, были и портреты Лумэнов. Тагэре их не вынесли, и зря! Победители должны уничтожать прошлое, если не хотят, чтобы оно их настигло сзади.

А, вот они… Пьер и Агнеса. Оба в ало-золотых одеяниях, он с мечом и в короне, высокий и суровый, она без усов, в роскошном бархатном платье, с золотыми нарциссами на настоящей, пышной груди. Нужно узнать, жив ли художник… Хорошо нарисовано, очень хорошо. Взгляд Пьера метнулся вперед и остановился, прикованный последним портретом.

Александр, в боевых доспехах, но без шлема, опирался на меч, глядя не вперед, не в глаза подданным и потомкам, как другие монархи, а куда-то мимо и вдаль, словно видел нечто, недоступное посторонним. Не было ни мантии, ни короны, ни прочих символов королевской власти. Сталь, а не золото. Единственная роскошь – пожалованный братом за Эскоту орден Подковы да зеленый камень в рукояти меча. Слегка растрепанные темные волосы, сжатые губы, серые, очень спокойные глаза… Вроде бы ничего страшного, но Пьеру стало холодно, словно он вновь оказался на холме за спинами ифранских наемников и к нему рвался всадник на белом черногривом коне, рвался, чтобы

убить. Это его, Пьера Тартю, смерть смотрела мимо него со странного портрета. Пока мимо.

– Гофмейстер! – И без того высокий голос Пьера прозвучал вовсе по-бабьи. – Немедленно снять и вынести узурпатора. Немедленно!

Толстяк, дрожа хомячьими щеками, выкатился из зала, но, прежде чем притащили лестницу и двое дюжих слуг принялись снимать картину, Пьер невольно рассмотрел и навсегда запомнил руки в латных перчатках, уверенно лежащие на черной рукояти, витражи с волчьими головами за спиной короля, синий плащ с консигной и лицо, лицо, от которого при всем желании невозможно оторваться. Проклятый горбун, он же мертв! Мертв, иначе его бы уже нашли. Отчего же так жутко?

Слуги делали свое дело умело и споро, им было все равно, что снимать или вешать – шпалеру, картину или же люстру. Портрет был убран в считанные десятинки, осталась лишь затянутая синим бархатом пустая стена.

– Ваше Величество, портрет Филиппа Тагэре также убрать?

Филипп… Стройный, золотоволосый красавец, любимец женщин, отважный воин, двоеженец и убийца…

– Филипп Четвертый имел определенное право на трон, и он сделал для Арции достаточно, чтобы заслужить право остаться в Зале Нарциссов.

То, что он получил корону благодаря поддержке клана Вилльо, а дочь Филиппа и Элеоноры скоро будет его королевой, Тартю не сказал. Это никого не касается, на людях он будет произносить лишь те слова, которые можно записывать для потомства.

– Ваше Величество, – на этот раз побледневший гофмейстер задал терзавший его вопрос, – будут ли какие-то распоряжения насчет портрета узурпатора?

– Сжечь. И немедленно.

Пьер с трудом удержался от искушения посмотреть, как горит проклятая картина. Отчего-то казалась, что, увидев это, он освободится от противного, леденящего ощущения, не покидавшего свежеиспеченного короля, несмотря на победу. Увы, смотреть, как уничтожают изображение предшественника, недостойно государя. Тартю прочел достаточно исторических книг и философских трактатов, чтобы это понять. Он и так поступил необдуманно и недальновидно, но видеть эти серые глаза было выше его сил.

2895 год от В.И. Ночь с 24-го на 25-й день месяца Собаки
ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Единственным недостатком Марты аре Ги ре Мальвани была привычка спать до полудня. Правда, в пользу герцогини говорило то, что ложилась она далеко за полночь и лишь переделав все намеченные дела. Привыкший не только рано вскакивать, но и засыпать в относительно пристойное время, Сезар смирился с неизбежностью, благо венценосным супругам по оргондскому этикету полагались разные спальни. Когда муж вставал, жена еще спала, но это никому не мешало.

Сезар с Мартой умудрялись любить и при этом не портить друг другу жизнь. Никто не старался никого переделать, может быть, поэтому за почти два года супружества они ни разу не поссорились. В семейной жизни оргондские владыки пошли в Мальвани, а не в Тагэре. «Тигры» женились поздно, но зато удачно. Отец был счастлив с матерью, он был бы рад за сына… Маршал Анри погиб, пытаясь защитить Марту, но истинным спасителем оказался легендарный Скиталец. Мальвани сам не понимал, почему нынешним утром его мысли то и дело возвращаются к загадочному капитану, дважды оказавшемуся на его пути. Первый раз Скиталец спас Филиппа Тагэре и его рыцарей от дарнийских сторожевиков, второй раз уничтожил Ореста.

Став мужем Марты и герцогом Оргонды, Сезар пытался разузнать хоть что-то про их спасителя, но не услышал ничего нового в сравнении с тем, что одиннадцать лет назад рассказали дарнийские моряки. Как же их звали? Здоровенного северянина – Отто, а вот южанина… Он был эллец, но имя…

– Монсигнор, – дежурный аюдант выглядел раздосадованным, – к вам рвется какой-то моряк. Говорит, вы его знаете и должны принять. У него важные известия.

При Марке подобная наглость была бы немедленно наказана, но Сезар Мальвани завел новые порядки. Гвардеец допускал, что монсигнор и впрямь примет настырного капитана, и, хоть и кипя от негодования, доложил о визитере.

– Он назвался?

– Да, он сказал, его зовут Жозе Влозу…

Конечно же! Жозе Влозу. Худой, смуглый, быстрый, как удар шпаги… Колдун он, что ли? Иначе чем объяснить, что именно его имя герцог пытался вспомнить все утро. Или мы чувствуем, когда кому-то очень нужны?

– Я приму его.

– Слушаюсь, монсигнор.

Жозе Влозу почти не изменился, разве что у висков заблестела седина да складки у тонких губ обозначились четче.

– Мои приветствия монсигнору герцогу. Вы сняли камень с

моей души.

– Камень?

– Если б к вам пришлось прорываться силой, я мог бы причинить кому-то вред.

– То есть? – улыбнулся Сезар. – Вина хотите?

– Не откажусь, только лучше бы монсигнор налил себе. Некоторые новости лучше запить.

– Что-то случилось?

– Вот письмо. Кое-что мне передали и на словах, но это потом.

Почерк – если эти жуткие каракули можно было назвать почерком – Сезар узнал сразу, равно как и печатку с пылающим сердцем. Рито Кэрна, он же маркиз Гаэтано! Мальвани видел мирийца последний раз на своей свадьбе. Рафаэль влюбил в себя половину двора и сбежал с какой-то служанкой в портовую таверну, где всю ночь пел под гитару мирийские песни, к вящей радости простонародья. Писать письма Кэрна терпеть не мог, да и незачем ему было это делать. И все-таки написал. Сезар медленно поднял глаза на моряка. Жозе Влозу пристально изучал надпись, выбитую по краю полного кубка, но не пил…

Барон Обен тоже не пил, когда рассказал отцу про Эльтскую резню. Проклятый, что за бред в голову лезет! Сезар решительно впился взглядом в скачущие буквы.

"Сезар, – Рито никогда не ходил вокруг да около, – нас предали, продали и разбили. Фронтерцы и Рогге. В Арции хозяйничает Тартю с циалианками и всей сволочью, которую они смогли собрать. Сандер пропал. Надеюсь, он жив и в безопасности, но где и с кем – не представляю. Уцелевшие прорываются в Гвару, а я пока в Мунте. У меня дела, которые за меня сделать некому. Мне повезло встретить капитана Жозе, он обещал помощь, и я ему верю. На всякий случай – твой подарок еще у меня, и я не изменил свое мнение. Это был Изар, и никто другой. И не смешите меня!

Как и что сказать Марте, думай сам, но я бы сказал правду. Если услышишь, что я мертв, не верь. Раньше Тартю и Рогге я умирать не намерен. Р.".

Будь проклят этот мир, в котором все повторяется. Все подлости. Все жестокости, все предательства. Мальвани избрали своим девизом «Придут лучшие времена». Избрали чуть ли не тысячу лет назад, но лучшие времена так и не пришли. Ни боли, ни горя не становится меньше. Сезар тихо положил бумагу на стол.

– Где вы видели маркиза Гаэтано?

Это – правда. Правда, Проклятый побери! Можно подделать

подпись. Можно украсть печать, но не их безумный ночной разговор о подаренном кинжале, который слышали только звезды, одну из которых атэвы называют Изар…

– В Мунте, в речном порту. Мне сказали, что какой-то парень ищет капитана. Я маркиза в лицо не знал, но сразу понял – мириец. Он спросил, помню ли я встречу со Скитальцем и Александра Тагэре. Про Гразу в Мунте уже знали, хоть и не все. Я решил, что он хочет бежать, и предложил взять его на борт, но он задумал другое.

– Что именно? – Разумеется, какое-то безумие. Байланте остается байланте.

– Этого он не сказал. Думаю, поговорить кое с кем по душам.

Похоже на Рафаэля. Один за всех, против всех! Кто же будет его быком? Тартю? Рогге? Аганн с братцем? Или он начнет с корешков, а не с вершков и схватится с Фей-Вэйей? Сумасшедший, он ничего не добьется, ничегошеньки!

– Жозе, что он сказал о битве?

– Почти все «волчата» и большая часть дарнийцев погибли, а король исчез. Его, Кэрну и Луи Трюэля ищут, но безуспешно.

Еще бы, кому бы пришло в голову после того, что случилось, полезть в пасть к гаенне, а Рито полез! Но где Луи? И что теперь делать ему? Осенью «паучата» начать войну не рискнут, но весной Оргонде не поздоровится.

– Что маркиз Гаэтано просил передать на словах?

– Что его отец должен встать рядом с Оргондой, что у каждого своя война, а Берег Бивней – еще и берег чести.

2895 год от В.И. 25-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Рыночная площадь оставалась рыночной площадью, кто бы ни сидел во дворце Анхеля. Люди продавали, покупали, глазели, толкались, галдели, ссорились, били друг друга по рукам, на ходу перекусывали. Все как всегда, а может, и не как всегда. Маркиз Гаэтано раньше не болтался в чужом плаще среди простонародья. Если ему и случалось бродить по городским тавернам, то под своим именем, но сейчас это было бы глупо. Кэрна купил у булочника пирожок с курицей и, ловко лавируя, выбрался из толпы. Хватит, пора заканчивать поиски, он в Мунте чуть ли не кварту, но не нашел и следа племянников, разве что на Тартю полюбовался да на предателей вроде капитана Клемана, с легкостью необыкновенной сменившего синий плащ на алый.

Луи, тот, может, и разыскал бы в многотысячном городе удравших детей или хотя бы их след, но из байланте ищейки не

выйдет, а спросить некого, он один. Так что, милый, решай. Или ты убиваешь Тартю и прощаешься с бренной жизнью, или выбираешься из города и ищешь Сандера. Ему здорово досталось – надо думать, лежит пластом в каком-нибудь лесном домишке. Нет, бросать Александра нельзя. Решено, он возвращается в Гразу.

Что будет потом, Кэрна представлял довольно смутно, но в его голове последние дни крутились безумные мысли о Береге Бивней и спасшем их с Даро капитане, о котором он не думал лет десять. Нет, мириец не забыл ни бегство, ни появившийся словно бы из ниоткуда корабль, ни седого ясноглазого моряка, но и не вспоминал о нем, а теперь в мозгу колоколом бились слова Аларика. «Молодость кончается быстро, а у тебя, боюсь, кончится еще быстрее, чем у твоих сверстников, так что постарайся быть посчастливее и повеселее… Пока сможешь».

Свою молодость Рито Кэрна зарыл в овраге у Гразского поля в одной могиле со светловолосым мальчишкой, имени которого так и не узнал. Аларик обещал найти его, когда придет время, неужели оно еще не пришло?

«Слушайте, слушайте, слушайте! И не говорите, что не слышали!»

Троекратный вопль герольдов, которым наплевать, о чем кричать, оторвал мирийца от размышлений о седом капитане. Любопытно, что собрался поведать народу ублюдок Тартю? Повысит награду за их с Сандером головы? Чтобы лучше видеть, Рафаэль вскочил на основание решетки, окружавшей ратушу. В одежде наемника он был неузнаваем, а искать в Мунте его никому и в голову не приходило. Устроился Кэрна удачно: с облюбованного им места открывался прекрасный вид не только на Коронный помост с ведущими к нему пологими ступенями, но и на саму площадь и вливающуюся в нее улицу, по которой двигалась какая-то процессия.

Первыми шли герольды и с десяток городских стражников, затем в окружении ифранских тяжеловооруженных воинов кардинал Клавдий – Проклятый бы побрал эту свиньищу – и Жорес Аганнский. Сзади ползла какая-то упряжка, но Рафаэль не мог отвести взгляда от сынка Элеоноры. Гнусь! Тварь! Иго денна Подра! [21] Чтобы не Наброситься на одного из главных виновников беды, маркизу Гаэтано пришлось собрать в кулак всю свою волю. Не дождетесь! Он поклялся не умереть, а отомстить, причем всем. Сегодня придется отпустить этих подонков, он еще сдерет с них их паршивые шкуры. Герольды завопили что-то еще, и привычная ко всему столичная торговая площадь подозрительно затихла, словно с нее хлыстом согнали привычный дневной шум.

Не будь Рито занят поединком с самим собой, он бы заметил опущенные глаза горожан, налившийся красным нос у продававшей упитанных уток крестьянки, побелевшее лицо однорукого торгового пристава, в память бывших воинских заслуг направленного приглядывать за порядком на рынке. Люди уже поняли, ЧТО произошло, а Кэрна все еще был занят своей ненавистью, и только одинокий, горестный женский вопль заставил его перевести взгляд на въехавшую на площадь телегу. Сандер! Он все-таки не смог его спасти…

Маркиз Гаэтано закрыл глаза и быстро открыл. Ничего не изменилось. Замершая площадь, герольды и трубачи, крестьянская телега у помоста, два одра, отгоняющие облезлыми хвостами последних осенних мух, тело на грязной соломе… Ифранцы равнодушно подхватили Александра Тагэре за руки и ноги и поволокли на помост. Темноволосая голова безвольно болталась; победители сорвали с убитого короля не только латы, но и одежду, и Рито видел запекшиеся раны.

Еще раз страшно закричала женщина. Другая. Тело бросили на помост, на голый камень. Трубачи трижды протрубили, и герольд радостно проорал, что жители доброго города Мунта видят труп узурпатора, скрывавшегося на болотах у некоей беспечатной ведьмы и выданного истинным сыном церкви Единой и Единственной, преисполненным рвения, усердия и чего-то там еще… Рафаэль мало что расслышал, не в силах оторвать взгляда от воскового лица. Проклятый, он ведь был уверен, что Сандер в безопасности; глупое сердце твердило об этом, и он поверил и подался в Мунт на поиски детей, вместо того чтобы облазить все Гразские овраги, но найти. А Сандера продали еще раз. Продали и убили вместе с приютившей его женщиной, и теперь эти мерзавцы торжествуют. Рафаэль видел благостное и довольное лицо Клавдия, если это рыло, конечно, можно назвать лицом. Видел, как Аганн щегольским сапогом повернул голову мертвого короля и что-то сказал ифранскому нобилю.

Церемония закончилась. Александр Тагэре три дня останется на Коронном помосте, чтобы все желающие убедились в его смерти, после чего его закопают, как узурпатора и еретика, за внешней оградой кладбища. Восемь ифранцев остались сторожить – арцийцам не доверяли. Клавдий влез в подъехавший кардинальский возок, а Аганн под руку с ифранцем зачем-то отправился в ратушу. Он шел, и люди расступались, как расступаются перед палачами или прокаженными. Тишина стояла кладбищенская, и красивый голос Жореса был слышен далеко. «Право же, любезный маркиз, горбун должен нас благодарить, лучше быть мертвецом, чем уродом!» Граф громко и вкусно

рассмеялся собственной шутке, которая ему так понравилось, что он повторил ее трижды. Он был совсем близко, и Рито забыл обо всем на свете, кроме сына Элеоноры и его подлых слов.

Рядом стояла карета эркарда, на козлах которой восседал кучер, как и все, слишком пораженный увиденным, чтоб смотреть по сторонам. Рафаэль Кэрна отбросил ненужный плащ и, сиганув с каменного выступа на подножку, вырвал у обалдевшего возницы кнутовище. Новый прыжок – и вот он, Жорес, граф Аганнский! Но сначала его спутник, он – враг, не более того. Пусть умрет. Удар был стремителен и точен – оставшийся безымянным маркиз вряд ли понял, что видит свою смерть. Вогнав окровавленный кинжал Сезара обратно в ножны, Рито взялся за кнут.

– «Лучше быть мертвецом, чем уродом?!!» – орал Рафаэль, нанося удары. – Ты будешь жить, паскуда! Долго жить! Долго! Долго!

То, что вытворял с кнутом Кэрна, было чудовищным. Мирийцы и атэвы могут снять кнутом муху с уха лошади, разбить десяток выстроенных в ряд кувшинов, выбить оружие. Рито задался целью изуродовать. Первый удар располосовал холеную щеку, этого было мало, мириец целил по глазам. Под взглядами сотен арцийцев маркиз Гаэтано полосовал корчащегося графа Аганнского эллским хлыстом, как заведенный повторяя одно слово: «Долго!»

«Долго!» И сквозь прореху в дорогой золотистой ткани хлынула кровь. «Долго!» Лопнула кожа на руке, Жорес попробовал откатиться назад, но возможности защищаться или бежать Рито ему не оставил. «Долго!» Хлыст раз за разом обрушивался на руки, плечи, голову извивающегося в пыли рыцаря. Оставшиеся возле тела Александра ифранцы бросились на помощь, но продираться сквозь толпу, то ли перепуганную, то ли намеренно мешавшую, было непросто. Дикий вопль ослепленного Жореса застал ифранцей на полпути. Пнув напоследок ногой окровавленное лицо, осатаневший Кэрна отшвырнул хлыст, бесполезный против закованных в латы воинов, и взялся за меч.

2895 год от В.И. 25-й день месяца Собаки ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Марта выдержала. Не заплакала, не упала в обморок, не разразилась бессильными проклятиями. Просто надолго замолчала, рассматривая фамильное кольцо.

Их было четверо. Они с Мартой, мать и Жозе. Моряк рассказал все, что знал, и замолчал, разглядывая загорелые руки.

Первой опомнилась Миранда.

– Капитан, что с детьми Александра?

– С детьми? Не знаю… Надеюсь, живы… Даже Тартю не поднимет хвост на детей, они ведь даже не наследники.

– Они НЕ БЫЛИ наследниками, Сандер – человек чести, он не запятнал бы корону кошачьими лапами. – Миранда нервно теребила подол серебристо-серого платья. Половина души матери умерла вместе с отцом, но она не носила траур. Есть горе, которое не нуждается в фиолетовых тряпках. – Но Пьер не Аррой, ЕМУ они соперники.

– Тогда и дети Филиппа тоже…

– У них есть мать, которая спуталась с Тартю. Вот пусть и защищает своих щенков, – нехорошо засмеялся эллец.

– Я помню Пьера Тартю, – вдова маршала вздохнула, – как мужчина – полное ничтожество, но глаза у него неглупые, а подлость у него в крови. Боюсь, Элеонора перемудрила. Сандер ей ни в чем не отказывал, а Эмраз – это кукушонок. Если усидит на троне, то возьмется за тех, кто его на этот трон посадил. Вилльо еще наплачутся…

– И…,… с ними! – выразил свое мнение моряк и осекся, глядя на двух сигнор. Миранду слова капитана не оскорбили, а Марта, казалось, их не расслышала.

– Рафаэль должен вытащить детей, – тихо сказала Миранда.

– Ну, – пожал плечами Жозе, – может, он и впрямь об этом думал. Моя шебека и я, многогрешный, вам нужны или…

– Капитан Влозу, – Марта внезапно подалась вперед, – вы готовы нам помочь?

– Да, – просто сказал моряк, – не люблю подлостей, да и судьба моя такая. Нас Скиталец повенчал прямо-таки.

– Вы согласны стать послом Оргонды?

– Послом? – Влозу был ошарашен. – Да какой из меня, к кэргорам, посол? Этикета не знаю, ляпну что-нибудь не то, а то и за нож схвачусь.

– Там, куда я попрошу вас отправиться, нужны именно вы. Рафаэль Кэрна прав. Я поняла, что он хотел сказать. Мы попросим помощи у Берега Бивней.

– Марта, – Миранда с тревогой взглянула на невестку, – захотят ли они нас слушать? Маринеры прокляты; если мы обратимся к ним, на нас бросятся все.

– На нас все и так бросятся, – подал голос Сезар, – после переворота в Арции мы остались одни. Дарнийцам вступаться за Оргонду не резон, Наджед о клятве Майхуба забыл. На кого мы можем рассчитывать? На Энрике Мирийского, если он очнется от спячки? Но мы не продержимся даже вместе с ним.

– Если маринеры придут, игра стоит свеч, но просить их о помощи нужно тайно. Так что скажете, капитан?

– Я не ходил за Запретную Черту, но начать никогда не поздно, – спокойно сказал Жозе Влозу.

2895 год от В.И. 25-й день месяца Собаки АРЦИЯ. МУНТ

Странный воющий клич перекрыл шум драки, Рито инстинктивно отскочил в сторону, и, как оказалось, более чем вовремя. Птицей перелетев через прилавок, защищавший Кэрну со спины, в самом центре схватки приземлился всадник на белой тонконогой лошади, ловко сбив самого рослого из нападающих. Взметнулась рука со странным изогнутым мечом, под ноги ошалевшему ифранцу скатилась голова его товарища, а обезглавленное тело отчего-то не упало, а село, привалившись к решетке.

– Эгей! – Всадник, рубанув еще одного ифранца, оборотил смуглое лицо к Рафаэлю. – Прыгай назад… Быстрей!

Это было бредом, нелепой сказкой, из разряда тех, что рассказывают вечерами у походных костров, но Рито было некогда думать, откуда взялся его спаситель и кто он. Отшвырнув с дороги растерявшегося ифранца и заехав эфесом в чью-то перекошенную физиономию, мириец, ухватившись за протянутую ему руку, взлетел на коня и уцепился за пояс всадника – по всему самого настоящего атэва! Тот что-то вскрикнул, конь вскинулся на дыбы и обрушил передние копыта на замешкавшегося стражника, отпрянул назад и развернулся. Они перелетели через пару прилавков, пронеслись краем замершей площади и выскочили на улицу Старейшин.

Спаситель знал, что делал, – прямо перед ними растерянные слуги в ливреях Аганна держали лошадей покойного маркиза и Жореса. Рито прекрасно знал серого жеребца с подрезанным хвостом, он был хорош – быстр и вынослив, но на нем ездила аганнская падаль, и мириец с крупа белого атэвского скакуна перескочил на каракового ифранца. Удивленный жеребец присел на задние ноги. Рито рисковал, но конь подчинился сразу, а ошалевший лакей покорно выпустил поводья.

Странный атэв обернулся.

– Я здесь чужой! – крикнул он на чистейшем арцийском. – Мне нужно забрать товарища, он сейчас в главном храме. Ты знаешь короткую дорогу?

– Давай за мной, – кивнул мириец, и они очертя голову полетели к Эрастианской площади.

– Глупцы, – прошипел Пьер. Новый командор городской стражи Жозеф Клеман поморщился, но сдержался. Новый король не производил впечатления человека, способного прощать, и к тому же был прав. По-своему.

Мириец Тартю опасен, а то, что Кэрна сотворил с Жоресом Аганнским, с точки зрения новой власти было безусловным преступлением. Беда была в том, что в глубине души Клеман симпатизировал Рафаэлю, хоть и прельстился новой должностью. Ублюдок не доверял нобилям и искал помощников попроще. При Арроях Жозефу командорство не светило, но дело свое он делал неплохо, будет делать и дальше. Воры при любой власти – воры, и их надо ловить. И пожары нужно тушить. Совесть, правда, ворчала, но не очень сильно. По крайней мере, пока не пришлось ловить маркиза Гаэтано.

Вольно ж было «пуделю» пинать мертвого волка. Теперь мерзавец остался без глаз, и поделом.

– Кто этот атэв?

– Не могу знать, Ваше Величество. – А какое оно, к хаонгским демонам, величество! Кошачья задница [22] – она и есть кошачья задница! – Городская стража, Ваше Величество, ловит грабителей, защищает честных горожан и тушит пожары. Я не силен в чужеземцах, вот если б они ворами были…

– Они не воры, – буркнул Тартю, – однако их нужно поймать. Почему стража их упустила?

– Никто не ждал нападения, Ваше Величество. У помоста стояли ифранцы, мои люди были далеко, – Клеман изобразил на лице напряженную работу мысли, – я не думаю, чтобы атэв собирался встретиться с маркизом Гаэтано.

– Бывшим маркизом, – поправил король, – я лишаю Кэрну его титула.

Жозеф мог возразить, что лишить сына мирийского герцога титула может только отец, да и то за доказанное преступление, но зачем объяснять кошке, что лучше ходить на двух ногах?

– Я жду приказания, – в голосе командора звучало рвение усердного, но ограниченного служаки.

– Разыскать эту троицу, – Пьер сжал кулаки, – Кэрна – предатель, и сам Проклятый не знает, что он наговорит атэву, который вряд ли объявился в Мунте случайно.

«А в уме ублюдку не откажешь, – подумал Клеман, – атэв непростой, один конь чего стоит. Калиф Наджед спит и видит разорвать договор с Арцией. Майхуб клялся в дружбе Арроям, но последний Аррой убит, престол захватило кошачье отродье.

Наджед не будет Наджедом, если не воспользуется этим, чтоб расторгнуть надоевший договор и спустить с цепи своих корсаров, а брат Клемана сейчас как раз в Старом море. Да, атэва нужно… уговорить. А Рафаэля он и пальцем не тронет, если удастся, конечно…»

– Будет исполнено, – командор отдал честь.

– Возьмите собак, – бросил король, – дождя не было, они могут взять след… С вами пойдут пять десятков ифранцев и все свободные от караула гвардейцы. Их поведут младший брат графа Аганнского и лейтенант Эсташ.

Проклятый, только «пуделей» ему не хватало, но поганец понимает, что без присмотра охотиться на Кэрну ни городская стража, ни старые гвардейцы не станут.

2895 год от В.И. 25-й день месяца Собаки ОКРЕСТНОСТИ МУНТА

– Лошади устали, – атэв придержал своего скакуна, – лучше сойти с дороги. Если дети свиньи за нами гонятся, то на два наших меча придется в десять раз больше.

– Как бы не в сто, – согласился Рафаэль. – Но я еще не поблагодарил тебя.

– Мне суждено было тебя спасти, – пожал плечами спаситель, – и я спас.

– Ты мог этого не делать.

– Не мог, – атэв с удивлением взглянул на мирийца, – нигде не сказано, что многие могут безнаказанно нападать на одного, если рядом есть еще мужчины. А избить сына собаки, поднявшего хвост на повелителя, угодно Всеотцу и Пророку Его.

– Ты видел?

– Мои глаза радовались, и мое сердце пело.

– Мы говорим не о том, – худощавый юноша с ореховыми глазами немного задыхался после безумной скачки, – возблагодарим господа за спасение и назовемся друг другу.

– Я готов, – наклонил голову Рито. – Мое имя Хосе Рафаэль Николас Мартинес Кэрна ре Вальдец, маркиз Гаэтано. Я сын мирийского герцога Энрике и друг короля Александра. Можешь звать меня Рафаэль.

– Я смиренный инок братства Святого Эрасти Гидалского, зовут меня Николай. Я благодарю тебя, что ты показал Яфе дорогу, а потом вывел нас из города.

Рафаэлю было дико видеть гидалского инока, сидящего на одной лошади с атэвом, но он ничего не спросил. Захотят – сами

расскажут, что они делают в Мунте. Эрастианец не заставил себя долго ждать.

– Я пришел вернуть Арции истину, – сообщил он, – узурпатора же покарает тот, кто выше нас всех.

– Покарает, как же, – пожал плечами Рито, – если Он допустил, что эта тварь погубила человека, который жил скорее по вашим небесным законам, чем по земным, то надеяться, что он изведет эту плесень, глупее, чем стегать дохлую лошадь.

– Баадук говорил, что Владыка Небес делает лишь то, что не могут сделать те, кто призван им. То, что он молчит, значит, что месть и справедливость в наших руках. Он связал наши судьбы. Для начала этого довольно. – Черные глаза атэва неистово сверкнули. – Я – Яфе, сын калифа Усмана и чернокосой Гулузар. Баадук в великой мудрости своей сохранил мне жизнь, чтобы я исполнил клятву, данную Майхубом пропавшему дею Арраджу. Отныне моя жизнь – твоя жизнь, а твоя месть – моя месть. Ублюдок шакала и крысы недолго просидит там, где ему не место, но нам следует укрыться хотя бы в тех развалинах, – Яфе указал на стоявший у дороги разрушенный дом, – когда-то здесь жили люди. Что с ними сталось? Война или черная болезнь?

– Война, – мириец повернулся к заросшим крапивой руинам, – десять лет назад граф ре Фло поднял восстание против Филиппа Тагэре, его многие поддержали. Восставших разбили, и их земли достались родичам королевы, а те предпочли обдирать крестьян, а не отстраивать разрушенное.

Разрушенный дом казался на удивление бесприютным, Рито подъехал поближе и остановился.

– Проклятый, ну и крапива, отродясь такой не видел… И жжется, как весной.

– Ты не знаешь, что значит одиннадцать созвездий в году любоваться на желтый цвет, – улыбнулся атэв, – эта трава дарит глазам радость, а жалит, как пчела. Красота и немного яда – такой должна быть женщина!

– Лучше б здесь росло что-нибудь другое. Внутрь, не поломав стеблей, не попасть, нас выследит даже слепой.

– Другого укрытия все равно нет, – заметил Яфе, направляя жеребца в арку то ли двери, то ли достигавшего до пола окна.

Рафаэль и Николай послали коней вслед за атэвом. Крапива царила и внутри оставшегося без крыши дома.

– Проклятый, жжется, стерва, – ругнулся Рафаэль и тут же добавил:

– Извини, родная, это мы у тебя в гостях, позволь переночевать. Мы хорошие…

– Ты говоришь с травой, как с человеком, – поднял бровь

Николай.

– Лючо (он учил меня байле) говорил, что деревья все понимают, а крапивища эта с пятилетнюю сливу вымахала.

– Он прав. – Атэв сноровисто расседлал свою лошадь. – Слышите?

– Псы, – кивнул мириец, – идут по следу. Мы слишком долго выбирались из города, а они пустили погоню по всем дорогам, не иначе… Что ж, не повезло. Ускакать все равно не получится, а тут хоть какое-то прикрытие. Брат Николай, ты сможешь драться?

– Мой меч – молитва, – вздохнул инок, – на корабле Яфе пытался обучить меня земному оружию, но я оказался плохим учеником.

– Тогда молись, – мириец проверил, как ходит меч в ножнах, – а мы сейчас потанцуем.

– Все в руках Владыки всех судеб, – пожал плечами атэв, – мы должны сделать все, что можем, и даже более… О раб семи и семнадцати! [23] Что это?!

Примятая копытами крапива стремительно поднималась. Мало того, из земли стремительно лезли новые побеги, занимая место сломанных. Через пол – десятинки беглецов и преследователей разделила непролазная зеленая стена, и даже самый опытный следопыт не мог предположить, что через нее кто-то проходил.

Погоня приближалась, и трое в развалинах затаились. Губы Николая шевелились, вознося молитву, а Рито с Яфе успокаивали лошадей, чтоб не вздумали выдать себя ржанием. Свора завывала совсем рядом, но вскоре уверенный лай сменился жалким, потерянным поскуливанием. Псы уперлись в крапивную чащу и остановились. Было слышно, как подскакали охотники и кто-то прорычал проклятия в адрес преследуемых, спутников, собак, лошадей и треклятой крапивы, жалящей, как десяток гадюк.

– Что вы так разволновались, – ленивый, с легкой картавинкой голос, без сомнения, принадлежал Базилю Гризье, – здесь никого нет и быть не может…

– Следы ведут сюда, – вмешался кто-то, исполненный рвения.

– Если сигнор желает, он может проверить, – огрызнулся грубый, в котором Рафаэль узнал капитана Клемана, – но, клянусь святой Циалой и ее непорочными подштанниками, граф Мо прав. Эту мерзость никто не трогал с весны.

– А собаки?

– Проклятый их знает, за кем они шли. Мы же не знаем, кого гнали – на дороге уйма следов, а башмаков беглецы нам оставить не удосужились.

Последовало молчание, затем раздался шорох – кто-то

спрыгнул с лошади и, видимо, сунулся в заросли, так как раздалась отборная ругань.

– Убедились? – хмыкнул Базиль. – Милый Эсташ, Его Величество, без сомнения, оценит вашу преданность и готовность жертвовать собой, но здесь нет даже кошек. Если вы намерены ловить преступников, вернемся на дорогу.

Названный Эсташем буркнул что-то невразумительное, послышался удаляющийся шум копыт. Рафаэль снял руку с эфеса.

– Если бы у меня не было сигны, я бы поместил на нее крапиву.

– Возблагодарим Творца за спасение, – подал голос Николай

– А на хрена? – Раздавшийся голос был низким, скрипучим и словно бы обжигал. – Помог он тебе, что ли? Творца он благодарит, может, ты его возблагодаришь и за то, что твой папаша твоей мамаше тебя сотворил?

– Кто здесь? – Атэв схватился за саблю.

– Ну, я, – сказал голос, – живу я здесь…

– Мы тебя не видим.

– Достаточно того, что я битую ору любуюсь на ваши глупости… Творца они, видите ли, благодарят, да что б вы делали, если б я вас не прикрыл?

– Так это ты?

– Слава гусеницам, доперло! Я – Хозяин Крапивы и Всего Сопредельного.

– Благодарим тебя за помощь, – вежливо ответил Николай, в то время как Яфе и Рито ошалело уставились друг на друга.

– Пустячок, а приятно, – Крапивник громко расхохотался, – теперь они получат от своего короля. А правильно, нечего лезть туда, куда не положено. Я за вами от самого города слежу. Хорошо, до вас доперло тут спрятаться, а то б вас даже я не спас. А куда вы теперь?

– Я в Гвару, – пожал плечами Рафаэль, – Александр мертв, но война только начинается. А как вы?

– Мы с тобой, – быстро сказал Яфе, – наши дороги связаны нитью Судьбы.

– Воистину, – подтвердил Николай. – Служение ведет нас.

– Что ж, – хмыкнул голос, – ехать так ехать.

– Ты с нами?

– А то нет? Во-первых, вы без меня пропадете, во-вторых, мне одному скучно, а в-третьих… Ну, почему сие важно в-третьих – неважно.

– С нами так с нами, – согласился Кэрна. – Ты где? Или ты невидимка?

– Вот бред! – Крапивник был искренне возмущен. – Я же не

привидение, чтоб обходиться без материальной оболочки. Это все и есть я.

– Ты и есть крапива?

– Я Хозяин всея Крапивы, – огрызнулся голос, – но если вам приспичило, будет вам человек, только лошадь сперва добудьте, а пока я и на вас доеду.

По траве прокатилась дрожь, и с самого высокого куста на плечо Яфе шлепнулась здоровенная волосатая гусеница.

– Ну, – сказала она склочным голосом, – поехали.

Проклятый

Так он и думал. Пусто, холодно и равнодушно… Ни ненависти, ни любви, ни хотя бы зависти или любопытства. Ларэн говорил, что каждое создание, наделенное самой малой искоркой разума и воли, строит себе дом. Для мышонка это норка, для крестьянина – хата с огородом, для короля – страна, для высших сил – мир или миры… Тогда Эрасти рассмеялся, представив себе бога-сороку, который все тащит в свое гнездо, и бога-гиену, лежащего на куче костей; теперь ему было не до смеха. Тот, кто вперил свой взгляд в Тарру, окажись он земным властителем, настроил бы тюрем, мастерских, приютов, школ и храмов, которые отличались бы разве что размерами и отделкой. Но те, кому на самом деле принадлежал храм Триединого, не были королями.

Эрасти Церна стоял на паперти, никем не замеченный и не узнанный. Паломник, каких много, с благоговейным любопытством взирающий на чудо. Над ним возносились серые, возведенные невесть когда стены, стены храма, знавшие иные времена и иных богов, знавшие, но не забывшие. Проклятый смотрел на широко распахнутые двери, за которыми мелькали огоньки свечей и лампад и слышалось строгое, стройное пение.

Жаль, внутрь ему без приглашения не пройти – невидимая людскому глазу завеса, окружавшая здание, надежно защищала от любых сил, превышающих дозволенные. Эрасти усмехнулся, представив ров, через который проложен мостик. Курица перейдет и не заметит. Кролик, ягненок, даже человеческое дитя лет пяти тоже пройдут, а те, кто тяжелее, или провалятся, или должны прыгать.

Прыгать было рано – Эрасти еще не разобрался в том, что происходит. В Башне ему казалось, что он понял все. В известном смысле так и было – ту Тарру, которую он некогда покинул, Церна постиг, но он слишком долго отсутствовал. Проклятый

вернулся в мир, казавшийся чужим: прежние силы исчезли или уснули, зато появились другие, и эти другие ему не нравились.

Знакомое неприятное чувство заставило оглянуться. Так и есть, давешний клирик. Вышел на крыльцо, кого-то ждет, а за его спиной стоит, скорбно опустив голову, невысокая сутуловатая тень, оплакивающая несовершенство сего мира и порочность его обитателей. Пока оплакивающая, но вскоре она возжелает судить, а затем и карать, и ей придется сказать «нет»! Святой ли, Проклятый ли, но он отдаст все свои долги – Ларэну, Герике, Ангесу…

Одержимый серой тенью что-то почуял, и Церна, не желая раньше времени привлекать внимание, медленно пошел вокруг Духова Замка, все больше и больше убеждаясь, что его стены знали лучшие времена. Эрасти чувствовал сплетение трех сил. Одна принадлежала Тарре, две были чужими. Угрозу несли именно они: уже знакомая серая тень и вторая, туманная и зыбкая. Ложь, обман, сны, видения, туманы… Ройгу был одной из нитей, из которых ткался узор Тарры, но другие нити сгорели, а эта осталась… Но это не Ройгу! Похож, но не он!

2895 год от В.И. 25-й день месяца Собаки ГРАЗСКАЯ ПУЩА

Александр машинально погладил кошку, и та завела свою монотонную песню. Было тихо и тепло, вкусно пахло сушеными травами. Король дотянулся до оставленной Ликией миски с холодным мясом и ржаной лепешки. Хозяйка отсутствовала третий день и, уходя, позаботилась, чтобы они с кошкой ни в чем не нуждались. Лесная ведьма честно выполнила свое обещание отправиться к людям и разузнать, что произошло. Впрочем, Тагэре не сомневался, что битва проиграна и Пьер Тартю, если только дарнийцы или Рито до него не добрались, сейчас распоряжается в Арции, а если так, его друзья и… Шарло и Катрин в страшной опасности, а он никому не может помочь.

Что-то сунулось под руку, Александр инстинктивно оттолкнул от миски кошачью морду, а потом, устыдившись, отдал зверушке самый большой кусок мяса. Если Пьер в Мунте, что с Шарло и Катрин? Что с племянниками? Не было бы счастья, да несчастье помогло – его дети, равно как и потомство Элеоноры, в глазах Церкви и народа – незаконнорожденные, а вот сыновья Жоффруа… Надо было отослать их в Эльту или, еще лучше, в Набот, но кто же знал, что Рогге предаст?! Кто знал? А ты, голубчик, и должен был знать. Тебе может быть недорога собственная жизнь, но о детях ты должен был позаботиться. У

Пьера нет ни чести, ни сострадания. Он – ничтожество, а ничтожества всегда мелочны и жестоки… И где Рафаэль? Александр очень надеялся, что Кэрна выжил, но мириец слишком горяч. С него станется в одиночку броситься на целую армию… Уж лучше б он был ранен и лишен возможности умереть, спасая безнадежное дело. За Артура Сандер тоже боялся. Если отец его не уймет, он может наделать глупостей и погибнуть.

А что теперь делать ему? Калеке? Королю без королевства, из милости подобранному болотной ведьмой. Ликия не знает, кто он. Нужно сказать, она должна знать, чем рискует. Как же эта женщина оказалась на болотах? Наверняка без циалианок не обошлось и тут, уж слишком много горечи и вызова звучало в ее словах. Да, хорошенькая парочка: потерявший корону горбун и ведьма, у которой нет церковного имени…

Кошка, управившаяся со своим куском и собиравшаяся завалиться спать, подскочила и бросилась к закрытой двери. Александр прислушался: тихо, но Серая вряд ли ошиблась. Действительно, послышался шум отодвигаемых подпорок. Кошка приветствовала хозяйку, выписывая вокруг нее причудливые петли и становясь на задние лапы, но женщина на нее даже не взглянула. Она молча сняла подбитую рыжим мехом накидку и теплый платок. Александр ждал, боясь услышать то, о чем и так догадался. Наконец Ликия заговорила:

– Ты сражался против Пьера Тартю?

Александр молча кивнул.

– Он победил. Все очень плохо. Окрестности кишат ифранцами, синяками и циалианскими рыцарями. Ищут короля или его тело. Сторонники Тагэре объявлены изменниками, пленных взяли очень мало, но во всех деревнях у старост и клириков есть приметы тех, за чью голову назначена награда. Дороже всех, не считая короля, оценили Рафаэля Кэрну и Луи Трюэля. Среди мертвых их не нашли, думают, что они ушли с уцелевшими дарнийцами в Набот.

– А что слышно из Мунта?

– Только то, что болтают ищейки. Пьер должен короноваться, но когда и как, неизвестно. Вроде бы в ночь после битвы молнии сожгли циалианский храм в Мунте, а бланкиссима и сестры погибли.

– А о… родственниках побежденных что-то известно?

– Насколько я поняла, угодили в заложники. Все, кроме детей Александра, – ведьма наклонилась к печке и стала разжигать огонь. – Ночи холодные, зря я оставила тебя так надолго.

– Ты что-то говорила о детях?

– Мальчик и девочка исчезли, их тоже ищут… Люди жалеют

об Александре, очень жалеют… Пока об этом говорят вслух, но скоро замолчат. В Арцию вошли Ортодоксы. – Ликия пошевелила поленья. – Вот теперь хорошо… Пусть прогорают, а я пойду покормлю коня.

Она вышла, и хвала Святому Эрасти – Александру не хотелось никого видеть. Никого!

Эстель Оскора

Теперь я знала, кто он. Горбун на белом черногривом коне мог быть только пропавшим королем, и звали его Александр Тагэре. Сын Шарля и той девчонки, которую я спасла, как выяснилось, сорок с лишним лет назад. Могла бы и сама догадаться – глаза у рыцаря были отцовские, и, похоже, не только глаза. Король мне нравился, и жаль было его до безумия. Вечная история – благородство и честь проигрывают подлости и предательству. Сейчас Александр ест себя поедом, и не из-за короны, а из-за погибших друзей. Такое я тоже не раз видела.

Чем больше я узнавала сына Шарля, тем больше понимала, что наша с ним встреча – удача и для меня, и для Тарры. Я почти не сомневалась, что спасла Последнего из Королей, но и без Пророчества Эрика было ясно, что Тагэре – один из мечей, откованных Таррой.

Ликия не зря болталась по окрестным деревням, люди рассказали достаточно, чтобы можно было сделать выводы. Передышка, которую добыли мы с Рене, закончилась, наш непонятный противник зализал раны и начал действовать. Ему пришлось здорово потрудиться головой (или что там у него), чтобы додуматься, как обойтись без Воплощения Ройгу, но, похоже, он справился и сделал свой ход. Разумеется, чужими руками.

Все начинается снова, и на эрметной доске стоят другие фигуры. Что нужно нашему врагу или врагам, мы не знаем, но это Зло и для Тарры, и для других миров… Вряд ли силы, проведшие меня Звездным кругом, заботились лишь о нашем мире, скорее всего, готовя меня к схватке, они защищали себя. Я так и не узнала, кто мне помог, но он свое дело сделал, дальше я должна действовать сама, а покровители или не хотят, или не могут встать рядом. Эрасти тоже куда-то запропастился, хотя светопреставление в Мунте вряд ли обошлось без него, а мне достался Александр Тагэре и ожидание.

Я могла лишь гадать, что происходит в других местах. Хотелось верить, что Рамиэрль по-прежнему скитается по Тарре, а

Эмзар правит детьми Лебедя и, если станет совсем плохо, вновь поведет их в бой. Я надеялась на встречу с Прашинко, Кэриуном, Гибом, Лупе и старалась не думать о Рене. Получалось плохо, но я старалась, потому что Рене жил ради Тарры, а я живу для него, вот и ломаю голову над тем, как удержать этот мир на краю пропасти, в которую он собрался свалиться. Было от чего сойти с ума; хорошо, хоть я была не одна!

Я не знала, чем занят вернувшийся в мир Проклятый, но то, что делает он, за него не сделает никто. В Эрасти я не сомневалась, равно как и в том, что он найдет меня, как только сможет или сочтет нужным. Церна был сильнее меня, но и задача перед ним стояла чуть ли не сказочная – пойти туда, не знаю куда, найти и уничтожить то, не знаю что. А это «не знаю что» можно выудить только через цепочку его прихвостней, самый мелкий из которых – нынешний узурпатор.

Видимо, во мне сохранилось слишком много человеческого. Я, не видев Пьера Тартю, успела возненавидеть его холодной, тяжелой ненавистью. Не будь Тартю частью чудовищной паутины, опутавшей Тарру, я бы не задумываясь покончила с этой поганью. Иногда приятно осуществлять то, что люди имеют обыкновение называть «справедливым возмездием». Я знала достаточно, чтобы с чистой совестью отправить Эмраза и иже с ним на Серые Равнины, да еще медленно и с удовольствием.

Можно было превратить Тартю и его прихвостней в свиней или чурбаки, не убив при этом их сознания, сжечь или утопить, заодно покончив и с циалианской заразой, но это означало выдать себя. Наш противник снова затаится, переждет и придумает что-то новенькое, еще гаже. Нет, подбираться к нему придется постепенно, причем каждый из нас должен сделать только то, что за него никто другой не сделает.

Александру Тагэре придется схватиться с узурпатором, а когда Арция заполыхает и военная сила окажется бессильной, циалианки пустят в ход свою магию, с которой придется разбираться эльфам и хранителям, если они где-то есть, или мне, но очень осторожно, не обнаруживая в себе Эстель Оскору. Если «сестры» проиграют, тот, кто их натравил на Арцию, спустит с цепи кого-нибудь покрупнее, и тогда придет мой черед. Именно для этого меня протащили теми кругами, по которым не пожелаю пройти даже злейшему врагу. Я должна схватить эту тварь за глотку и найти дорогу к ее истинному хозяину, а дальше – дело Эрасти. Интересно все же, кто к нему воззвал.

Циалианское гнездо он сжег для собственного удовольствия или это предсмертная просьба того, кто вызвал нас в этот лучший из миров? Как бы то ни было, сестрам дали понять, что в ход

пошла очень сильная магия. Догадаться, в чем дело, они не догадаются, ведь от Темной Звезды и Проклятого ждут жутких знамений, кровавых дождей, туч саранчи, конных скелетов, трубящих крылатых олухов и прочих кошмаров, но искать они будут и могут найти то, о чем им знать необязательно.

Мне бы следовало наведаться в Мунт и Фей-Вэйю, но я не могла оставить Александра и не могла тащить его с собой. Как бы я хотела помочь ему, но увы… Справедливость по отношению к одному человеку окажется предательством по отношению к целому миру. Я даже правду ему открыть не могу! Если Последний из Королей станет надеяться на помощь свыше, он не сделает то, что должен. Впрочем, Тагэре тоже не спешит назвать свое имя, и правильно, кстати, делает. Кто этих болотных ведьм разберет. Что ж, когда лгут обе стороны, легче, но как же хочется ему помочь! Нет, разумеется, убить я его не дам, он доживет до СВОЕЙ главной битвы, да и кое-какую магию, доступную болотной ведьме, мы используем, но это все. Александру придется выкарабкиваться из пропасти, обдираясь о камни и хватаясь за терновник, он должен жить, чтобы Тартю бросился за помощью к своим покровительницам и чтобы те до поры до времени не заподозрили ничего сверхъестественного.

Тагэре любили, он был смелым воином и отличным полководцем, значит, он поведет за собой тех, кто не хочет гнить под властью узурпатора и его жутковатых покровительниц. К воскресшему королю, без сомнения, примкнут лучшие, и, пока Пьер не опомнится, они одержат несколько побед. Затем Тартю струсит и… первая ловушка захлопнется.

2895 год от В.И. 29-й день месяца Собаки АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

– Почему вы покидаете Гран-Гийо? – Барон Фарни требовательно взглянул в глаза Клотильде – Я знаю, что вы продаете дом за полцены.

– Я решила перебраться поближе к дочери, – Клотильда едва успела прикрыть дверь, – к тому же здешний климат становится для меня слишком суровым, мне нужно переехать поближе к морю.

– И вам пришло это в голову на следующий день после того, как я просил вашей руки. Я не верю в такие совпадения.

– Вот как? – Она собрала все свои силы. – Впрочем, можете думать что хотите.

– Проклятый меня побери, – прорычал Фарни, – я не дам вам уехать!

– Выбирайте выражения, барон! – Так, спокойствие и холодность Главное – не сорваться, не начать объяснять свои поступки и оправдываться. Только бы Шарло и Кати не выдали своего присутствия! – Я всего лишь одинокая женщина, но я не подавала вам повода относиться ко мне с неуважением.

– Не подавали? – Великан начинал закипать. – Вы десять лет подавали мне надежду, а теперь пытаетесь от меня избавиться. Не выйдет!

– Довольно, – в голосе Клотильды зазвучал металл, – я не намерена и дольше терпеть ваше присутствие. Прошу вас меня оставить.

– Ну нет. – Барон захлопнул дверь и стал в проеме, полностью загородив его. – Я не уйду, пока вы, во-первых, не объяснитесь, а во-вторых, не возьмете разницу между истинной стоимостью вашего дома и теми грошами, которые вы за него получили.

– Я не намерена ничего вам объяснять, и мне от вас ничего не нужно. Уходите.

– Ха, – Фарни положил руки на бедра, – интересно, как это вы заставите меня уйти, если я этого не желаю?!

– Если вы нобиль, а не скотина, вы сейчас же извинитесь перед дамой и уйдете. – Звонкий мальчишеский голос заставил Клотильду вздрогнуть. Воистину Шарло был внуком своего деда! Мальчик стоял в дверях, сжимая в руках кинжал, и, похоже, прекрасно знал, как с ним обращаться.

– Шарло… – Клотильда повернулась к барону. – Сигнор, если в вас есть хоть капля благородства, вы уйдете и забудете то, что видели.

– Нет, – набычился барон, – я не уйду, пока не узнаю правду.

– Хорошо, – женщина вздохнула, – выбора вы мне не оставили. Я расскажу все, и будьте вовеки прокляты, если нас предадите.

– Я в своей жизни еще никого не предал, – пророкотал Фарни, – меня предавали, это случалось, а я нет. Клянусь, ваша тайна умрет со мной.

– Я верю вам. Шарль, прошу тебя, подожди в соседней комнате. Садитесь, Эгон. Вы уже знаете, чем закончилась Гразская битва и кто стал королем.

– Да, – барон наклонил большую голову, – но какое это имеет…

– Не перебивайте меня, мне и так непросто рассказать все коротко и ясно.

– Простите.

– Вам не кажется, что вы поздновато просите прощения? Это не моя тайна. Этот мальчик – сын Александра Тагэре. В комнате

Марго сейчас находится его сестра. Детей мне привезли, потому что… – Клотильда замешкалась, стараясь не сказать лишнего, – потому что когда-то знали моего мужа и меня и потому что я вне подозрений. Это было как раз накануне нашего прошлого разговора.

– И что вы собрались делать?

– Я не смогу объяснить соседям, откуда у меня двое детей. Конечно, сначала будут искать среди уцелевших сторонников Тагэре, но потом синяки начнут рыть глубже. Я не могу рисковать.

– А где те люди, которые их привезли?

– Они не могли остаться, их слишком легко узнать.,

– Это рыцари Александра?

– Один из них, – кивнула Клотильда, – причем самый заметный.

Вот и все. Теперь ее жизнь и смерть и, что самое главное, жизнь и смерть детей в руках этого человека. Если он их выдаст… А может, его убить? Но как? Она не сумеет.

– Сигнора, – барон говорил очень серьезно, почти торжественно, – я настоятельно вам советую одуматься и принять мое предложение.

– Но…

– Я вас выслушал, теперь выслушайте меня. Вы правы, что синяки перероют всю Арцию. Неужели вы думаете, что появление где бы то ни было женщины с двумя детьми подходящего возраста пройдет мимо их внимания? Вас найдут в любом другом месте куда быстрее, чем в Гран-Гийо. Даже если вы покрасите мальчишку или переоденете его в девочку. Они станут проверять всех чужаков, а с учетом норова Шарля, вам вряд ли удастся долго хранить инкогнито.

– Барон…

– Клотильда, ответьте мне, только честно, на два вопроса. Если бы вам не привезли детей, согласились бы вы стать моей женой и на что вы готовы пойти, чтобы их спасти?

– Отвечаю. – В глазах женщины сверкнул вызов. – Я бы с радостью приняла ваше предложение, и я готова пойти на все.

– Очень хорошо. Вы согласны поступиться своей репутацией ради того, чтобы дети были в полной безопасности?

– Да.

– Тогда мы сегодня же объявляем о нашей свадьбе и о том, что мы тайно сожительствуем со времени моего возвращения в Гран-Гийо. Я полюбил вас с первого взгляда – это, кстати говоря, правда, – и вы, не спорьте, ответили мне взаимностью. У нас родились сын и дочь, которых мы были вынуждены скрывать, но

теперь я свободен и готов исполнить свой долг перед любимой женщиной и детьми, которых признаю своими. Да, на их гербе будет кошачья лапа, но она у них и так была…

– Эгон, – она впервые за последние две кварты позволила себе так его назвать, – вы действительно готовы пойти на это? Почему? Ведь вы сторонник Лумэнов…

– Я вас люблю, Клотильда. Даже будь это ваши незаконные дети, я, ни мгновения не колеблясь, предложил бы вам то же самое. Мне нет дела до вашего прошлого, если настоящее и будущее принадлежит мне. Но, дорогая моя, какого же вы обо мне мнения, если могли подумать, что я способен выдать детей? Чьи бы они ни были! Ну и третье… Как вы думаете, почему я, сторонник Лумэнов, участник таригонской резни, до сих пор здесь? Только ли из-за вас? Нет.

Как бы я вас ни любил, я бы исполнил свой долг, но ублюдку Тартю и тем, кто его запихнул на престол, я не должен ничего. Александр был хорошим королем и настоящим рыцарем. Проклятый, – прорычал барон, – никогда себе не прощу, что при Гразе я не был рядом с королем!

– С королем?

– Да, – ноздри Фарни раздувались, – Александр вытащил Арцию из ямы, приструнил эту воронью стаю Вилльо… Это был король-воин и король-умница, а я, видите ли, не мог ему простить имени… А теперь к нам наползли ифранские ублюдки, да еще с капустницами! Ну нет… Мы еще поборемся! – Барон грозно расхохотался. – Мальчишка мне понравился. Очень понравился, на отца похож! Я буду не я, если не доделаю начатое. Шарль станет славным воином, а там посмотрим. Сын Александра – это сын Александра…

– Эгон!

– Мы еще увидим, как мальчишка вышвырнет эту нечисть из Арции. – Великан остановился и, глядя в глаза Клотильде, в упор спросил:

– Так сигнора выйдет за меня?

– Да, – ответила женщина и, рассмеявшись, добавила:

– Проклятый меня побери!

2895 год от В.И. 6-й день месяца Зеркала СРЕДИННАЯ АРЦИЯ

От преследования они оторвались. Так утверждал Крапивник, оказавшийся прекрасным, хоть и удивительно сварливым разведчиком, у которого имелась замечательная способность оборачиваться при необходимости рыжей бабочкой. Первая фраза

возвратившегося из очередного полета зануды была: «Что бы вы без меня делали», и в этом была доля правды. Трижды они успешно обходили королевские разъезды и, кажется, оставили их позади. Затем Крапивник потребовал обещанную лошадь – после дня Осеннего Равноденствия он должен был либо уснуть до весны, либо принять человеческий облик. Крапивник избрал последнее, и Рито купил для него и Николая лошадей и теплую одежду для всех, после чего денег почти не осталось: Яфе и Николай бросили свои пожитки в Мунте, а у Крапивника ничего не было и быть не могло.

Новые кони, крепенькие гнедые жеребчики, хоть и уступали скоростью и статью двоим своим собратьям, оказались неплохими ходоками, а Крапивник, ставший небритым молодым человеком с кислым выражением лица и неожиданно прекрасными темно-зелеными глазами, прятавшимися в ресницах такой длины, что любая девушка умерла бы от зависти, показал себя отменным наездником. Попутно выяснилось, что в человеческом обличье он еще болтливее. Несмотря на то что его никто ни о чем не спрашивал, Крапивник не замолкал ни на мгновение. К вечеру он пришел к выводу, что ему необходимо человеческое имя, и, перебрав множество арцийских и атэвских имен, так ни на чем и не остановился. В конце концов в разговор включились все, предлагая и вспоминая все новые и новые прозвища, которые отвергались один за другим. Наконец Николай, чья кротость и незлобие в последние дни подвергались сильнейшему испытанию, вопросил, что бы хотел выразить своим именем уважаемый Крапивник.

– Бум-бум-бум, – задумался тот, – ну, во-первых, оно должно быть только моим, потому что я неповторим и не хочу ни на кого походить, во-вторых, оно должно звучать красиво, в-третьих… Оно должно иметь смысл…

– Какой? – устало поинтересовался Рито. Происходившее казалось ему глупым сном, который никак не желал кончаться.

– Великий, – сообщил Крапивник, – все должны знать, что я опасен, мудр, хитер, мне нет ни до кого дела, и вообще, что хочу, то и ворочу…

– Может, что-нибудь кошачье? – предложил мириец; разговор с крапивным божком был всяко лучше молчания и мыслей о лежащем в пыли мертвом Сандере. – Кошкам на всех наплевать, они сами по себе.

– Не! годится. Кошек никто не боится, они мелкие. Кроме того, теперь на троне по вашей глупости уселся отмеченный кошачьей лапой бастард, свергать его придется мне, так как же я могу назваться кошачьем именем?

– А лев или барс? – внес свою лепту Яфе.

– Ну нет, все бараны и ослы их ляпают себе на сигны. А я не хочу зваться как какой-нибудь дубина-барон. Так что львы и прочие орлы не подходят…

– Может, Дракон?

– Драконов не бывает, – отрезал Крапивник, – а я есть. И я не хочу своим авторитетом поддерживать веру в существование не поймешь кого.

– Ну ты и змея, – вздохнул Кэрна.

– Змея? – быстро переспросил тот. – А ведь в этом что-то есть… Только не змея, а змей! Как там у вас называют змеев?

Рито и Яфе ответили одновременно.

– Серпьенте, – сказал мириец.

– Эр-кулеб, – произнес атэв.

Крапивник наморщил лоб.

– Придумал! Меня будут звать Серпьент Кулебрин!

2895 год от В.И. 9-й день месяца Зеркала АРЦИЯ. МУНТ

Базиль Гризье молча отхлебнул вина, ожидая продолжения, которое не заставило себя долго ждать. Мать явно намеревалась высказать сыну все, что думает обо всем вообще и о нем в частности. Ее можно было понять – висящая над головой свадьба, выходки Филиппа, раненый Жорес, но как же громко она кричит…

– Ты не должен был позволить прекратить погоню!

– Матушка, – поморщился Базиль, – у меня голова болит.

– Голова… Жорес ослеп, а ты… Ты позволил уйти этому предателю!

– Гаэтано не предатель. – Проклятый, ну зачем он с ней спорит? С женщинами вообще не нужно спорить, особенно когда они в ярости. – Это Рогге у нас предатель. Мириец – враг, но…

– Он изувечил твоего брата!

– Жорес мне брат, а Кэрне король был больше чем братом. Кстати, можно вас поздравить, если уж мириец не усомнился, что перед ним Тагэре, остальные и подавно поверят. Кажется, в Книге Книг пишут, что лжецы будут наказаны…

– Мерзавец…

– Не спорю, это у нас семейное. – Базиль вытащил из кармана золотую монетку и подбросил. – Решка… К чему бы это?

– Ты проморгал мирийского ублюдка!

– Матушка, вы опять путаете. Ублюдок – это Тартю, но даже он уже не ублюдок. Пока я гонялся по крапиве за мирийцем,

Генеральные Штаты решили, что кошачьи следы Пьеру не идут. И Норе тоже. Вы скоро будете вдовой короля, а Нора – принцессой… Интересно, станет ли Филипп королем?

– Твой брат такое же чудовище, как и ты! У меня только один сын – Жорес!

– А про Александра вы, как всегда, забыли, – золотой кружок сверкнул в воздухе, – или он вам не сын, потому что отец назвал его в честь брата? Глупый у него, кстати говоря, девиз был… Я говорю про горбуна Тагэре. Ну что такое «Верность меня обязывает»? Надо было «Пригреваю змей на груди».

– Ты… Ты…

– «Пудель», – услужливо подсказал сын, отпив вина, – «пудель», которого попробовали превратить в гончую, но увы… Не сподобил Творец.

– Тут особого ума не надо. У вас было три сотни человек, а вы их упустили…

– Я уже говорил, мы облазили всю округу. Клеман считает, собаки ошиблись с самого начала, и вообще мы выбрали не ту дорогу. Кэрна поехал не на север, к Лосю, а на юг, к Тигру. Не страдайте, матушка. Байланте ищут и будут искать, Тартю не успокоится. Вы думаете о мести, а он о своей шкуре, которой отчего-то очень дорожит. Хотя она даже на башмаки для отхожего места не годится…

– Шут! Жаль, что на месте Жореса не оказался ты.

– А вот на этом месте, матушка, – граф поставил пустой кубок на стол, – я оказаться как раз и не мог. Мне ваша затея не нравилась с самого начала, и я это говорил. И вам, и Жоресу. Он сам туда пошел, по доброй воле, никто его на веревке не тащил. Ифранцы и Клавдий и без него бы управились, но ему захотелось пнуть мертвого волка, хотя бы понарошку, как выражается Алек. Вот и пнул.

– Ты всегда завидовал Жоресу! – выкрикнула Элеонора.

– Хуже, – очень спокойно ответил Базиль, – я ему подражал.

Мать повернулась и ушла, не потрудившись хотя бы притворить дверь. Надо было встать и закрыть, а еще лучше запереть на сорок засовов, но граф Мо продолжал сидеть за столом, как был, в сапогах для верховой езды и запыленной тунике, прихлебывая вино и подбрасывая и ловя золотой кружок.

– Что это у тебя?

Алек! Единственный в этом доме, кто не рехнулся и разговаривает со всеми родичами.

– Сухайль.

– Сухайль?

– Монетка. Атэвская.

– Покажи. А почему тут дырка?

– У атэвов принято вплетать лошадям в гривы монеты.

– Откуда она у тебя?

– Нашел. В крапиве…

2895 год от В.И. Вечер 11-го дня месяца Зеркала АРЦИЯ. ГРАЗСКИЕ БОЛОТА

Стемнело, и Ликия, засветив тоненькую свечку, присела с шитьем на край постели. Александр, стараясь не потревожить развалившуюся у него на груди кошку, привстал на локте, чтобы видеть лицо женщины. Больше лгать он не мог.

– Ликия, я должен тебе кое-что сказать. Я должен был сделать это раньше…

Она внимательно посмотрела на него.

– Зачем? Я о себе не рассказывала и не расскажу, почему это должен делать ты?

– Потому что, спасая меня, ты подвергаешь себя опасности.

– Ничего подобного, – ведьма отложила рубашку Александра, которую пыталась привести в человеческий вид, – если те, кому нужна я, меня найдут и смогут взять, они меня убьют, кого бы я ни прятала. А те, кто охотится за тобой… Я им не по зубам, тем более здесь. Людям сюда не пройти, разве что в самую лютую зиму, но и тогда искать этот дом что иголку в стоге сена. Нет, – она еще раз покачала головой, – укрывая тебя, я ничем не рискую, можешь оставить свою тайну при себе.

– И все же я тебе скажу, кто я. Позволь мне это сделать хотя бы из остатков уважения к себе.

– Если хочешь, – в серых глазах мелькнуло участие, – но я и так знаю, кто ты. Тебя зовут Александр Тагэре, ты и есть пропавший король…

– Да, – Сандер горько усмехнулся, – король-горбун! С моей стороны было глупо думать, что Пьер Тартю умолчал о такой примете.

– Если душа прямая, горб на спине – ерунда.

– Мне уже говорили это… Я старался забыть, а ты напомнила…

– Нельзя забыть то, что не забывается, а потом, тот, кто сказал тебе это, сказал правду.

– Это была… девушка. – Заговорив, он не мог остановиться. Какое дело этой колдунье с ее тайнами до него и Даро? Какое дело ему до того, что она о нем подумает, но он слишком долго молчал.

– Я отчего-то так и подумала. Вы любили друг друга?

– Я любил и сейчас люблю, а она… Я спас ее однажды, она была мне благодарна, потом она меня увидела, когда я об этом не знал… Было место, где я прятался от всех, она случайно открыла мое убежище. Я вел себя глупо, ей стало меня жаль, дальше все вышло само собой. Она искренне думала, что любит меня, этой уверенности у меня никто не отберет.

– А потом? – Александр понял, что ведьма спросила для того, чтобы облегчить ему рассказ.

– Потом? Потом она встретила прекрасного рыцаря – стройного, отважного, благородного. Я не осуждаю ее, ведь я был счастлив с ней два года…

– Твои сын и дочь, они от нее?

– Да, я надеюсь, что она их спрятала, а может, отдала своему брату, он уцелел, раз его ищут…

– А ее муж?

– Ее муж… Я боюсь за него. Он меня любит и никогда не умел врать и отступать. Проклятый, я говорю о нем как о мертвом. Сколько же из-за меня погибло… Мать мне сказала… после смерти Жоффруа, что вокруг меня всегда Смерть…

– Сандер, можно мне тебя так называть? – Рука Ликии ласково коснулась темных волос. – Я уверена, что твои дети в безопасности, а жизнь, она ведь не кончена. Все еще случится и получится, а смерть… Мы все рано или поздно заглядываем ей в глаза, и иногда Старуха отводит взгляд. Не оплакивай тех, кто погиб за тебя. Умереть за того, кого любишь и кому веришь, лучше, чем жить, никого не любя и ничему не веря…

– Спасибо тебе, – Александр поднял глаза, – ты меня утешаешь, хоть я и получил, что заслужил. Я не должен был тебе плакаться, но на меня иногда находит. Знаешь, когда лежишь, ничего не зная, даже встать не можешь, чего только в голову не лезет. Да еще под день рождения.

– Вот как? Значит, ты родился осенью? Я так и думала. Сколько же тебе исполнится? Двадцать девять? Тридцать?

– Тридцать три…

– Самое время начать сначала. Все, что с тобой было раньше, – это утро, твой день только наступает.

– День? Прости, я не понимаю.

– Очень давно – сейчас от тех времен не осталось ничего, разве что черные цветы в дальних горах – мужчину признавали мужчиной, когда ему исполнялось тридцать три. Нынче в Тарре живут быстрее…

– Черные цветы? Я слышал песню о них, когда был в Эскоте. Неужели все так и было?

– Откуда мне знать, – ведьма словно бы проснулась, – но нельзя, чтобы ты оставил Арцию этой падали… Ты не знаешь, что такое циалианки и что они творят с людьми!

– Наверное, я знаю не все, но своим поражением я обязан им. И еще собственной глупости. Нельзя миловать предателей… Врагов – тех можно, дураков тоже, а предателей – нет. Если бы я вовремя казнил Рогге, если бы не нянчился с родичами Элеоноры… Да, я виноват, можно прощать своих врагов, но не чужих, а они, предавая меня, предали Арцию, отдали ее капустницам и ифранцам.

– Никогда не любила Книгу Книг, но иногда там попадаются дельные мысли. «Не оплакивай вины прошлые, но искупи их кровью и потом, и тебе простится содеянное».

– Я не отказываюсь от своего долга, Ликия. Когда я смогу встать?

– Еще кварты три-четыре. Кости должны срастись как следует. Но зимой отсюда не выбраться…

2895 год от В.И. Ночь с 11-го на 12-й день месяца Зеркала
АРЦИЯ. МУНТ

Нельзя сказать, что Пьер Тартю спал спокойно. Про горбуна не было ни слуху ни духу, а окаянный мириец как сквозь землю провалился. Может, убрался из Арции, а может, что-то затевает? То, во что байланте превратил красавца Жореса, впечатляло. Тартю знал, что Александр Тагэре не мстил, но это не означает, что не станут мстить за него. Рогге теперь шарахается от собственной тени, Жорес Аганнский – калека, в городе опять нашли ифранца с ножом в спине, а добрая половина южной армии под командованием Эжена Гартажа ушла в Оргонду.

Новоявленный король никогда не был храбрецом, хотя за спинами ифранских воинов и Белых рыцарей чувствовал себя не то что вовсе в безопасности, но достаточно спокойно, к тому же его охраняли судебные маги с Кристаллами. Если Кэрна рискнет пробраться во Дворец Анхеля, его схватят, должны схватить! Он – байланте, но он не Проклятый, ему не пройти сквозь стену и не справиться с пятью сотнями воинов. А вдруг предательство или потайной ход, про который Кэрна знает, а охрана – нет?! Этот бешеный был ближайшим другом короля, дворец ему – родной дом. Мирийцы – почти атэвы, а атэвы говорят, что нет радости в мести, если она коротка.

Рафаэль средь бела дня изуродовал, но НЕ УБИЛ сына Элеоноры и вырвался из города с какими-то странными людьми.

Сначала атэв на белой лошади, потом – монах… Кто они? Маги? Воины? Бродяги? Как нашли друг друга, куда делись, когда вернутся? В том, что Кэрна вернется, Пьер не сомневался, а вдруг он уже тут? Вдруг охрана спит или подкуплена?

Король почувствовал противную тошноту. Нельзя так распускаться. В собственной спальне ему ничего не грозит. В собственной?! Дворец Анхеля пугает… Столько комнат, переходов, тайников.

Король протянул руку к шнуру звонка и яростно его затряс, однако призыв пропал втуне. Ни дежурный лакей, ни охранник не появились. Король дернул шнур еще раз, но тот, видимо, перетерся (не забыть наказать старшего лакея!) и оказался в руках. Отшвырнув бархатную змею, Пьер Тартю встал, натянул поверх шелковой золотистой рубахи парчовый халат и, как был, в ночном колпаке распахнул дверь спальни.

В тускло освещенной прихожей, опираясь на алебарды, клевали носами ифранцы, а в креслах у стены вальяжно развалились циалианский рыцарь и синяк с Кристаллом. Все спали непробудным сном! Горло Пьера перехватило сначала от возмущения (негодяи!), потом от страха (опоили!). Король трясущейся рукой толкнул спящего гвардейца из новых и, как ему говорила мать, надежных, но тот, не открывая глаз, отмахнулся, как отмахивается корова от надоевшей мухи. Тычок вышел внушительным, Пьер отлетел к противоположной стене, а стражник продолжил дрыхнуть как ни в чем не бывало.

– Стража! – довольно-таки громко крикнул король, но ответа не последовало, а потом внизу раздались шаги, тяжелые и уверенные. Тартю показалось, что он умрет прямо сейчас, не сходя с этого места; он бестолково подскочил к спящему циалианцу, затем отпрыгнул к противоположной стене и наконец решил укрыться в спальне, но та оказалась заперта изнутри. Ничего не соображая (тот, кто пробрался внутрь, мог быть и врагом!), Пьер начал колотить в дверь кулаками и ногами. Шаги приближались. Чужак шел неспешно, но не таясь. Словно у себя дома. Пьер закричал еще раз. Ничего, только страшные шаги. Ближе, ближе…

Ноги Тартю приросли к полу, по хребту тек холодный пот, сердце провалилось вниз, у него даже не хватило сил закрыть глаза, и он видел, как в глубине ярко освещенной анфилады появились две фигуры в доспехах. Рыцари шли спокойно и устало, и Пьер вдруг понял, КТО это. Король жив, король вернулся, нужно бежать, но ноги не слушались. Упасть на колени? Умолять о прощении? Александр простит, он такой, но слова застряли в горле, удалось выдавить лишь какое-то жалкое

хрюканье, а Тагэре, не глядя, прошел мимо. Мелькнул четкий профиль, спутанные темные волосы, синий плащ. Александру не было дела до сжавшегося в комок сына Анжелики Фарбье, но маркиз Гаэтано остановился.

Взгляд зеленовато-золотистых глаз, казалось, прожигал насквозь. В мирийце не осталось и следа прежней дурашливости, он стал старше, жестче и сильнее. Будь Кэрна вне себя от ярости, и то Пьеру не было бы так жутко. Так боги разговаривают с букашками, желая соблюсти какие-то одним им ведомые законы.

– Тебе нечего делать на троне, Пьер Тартю. Арция не для тебя. Уходи, пока не поздно. Если ты наденешь краденую корону, то кончишь плохо. Это я тебе обещаю. Слово Кэрны.

Не дожидаясь ответа, Рафаэль повернулся и пошел за своим королем.

Шаги стали удаляться, Пьер понял, что рыцари прошли к лестнице Анхеля и поднимаются наверх.

Эстель Оскора

То, что я затеяла, было величайшей глупостью. От Эстель Оскоры в Тарре ожидали злодейств, а я расчувствовалась, как последняя идиотка… Мало мне прошлых ошибок, я опять взялась за старое. Да какое мне дело до того, что на душе у свалившегося мне на голову горбуна? Мало ли что он наговорил приютившей его лесной ведьме, я-то тут при чем?! Я сама по себе, и у меня свои заботы. Нам с Эрасти предстоит ни много ни мало спасти этот спятивший мир от гибели, а может быть, и не только его.

Александр Тагэре нам нужен, это так. Раз против него играют циалианки, он наш союзник; вылечить его, помочь вернуть корону – это да, это необходимо. Хотя бы для того, чтобы заставить эту бледную погань сделать ответный ход, но подарочки ко дню рождения? Я уже подарила арцийцу жизнь – другое дело, что она больше нужна нам, чем ему. Нет, сын Шарля не сдастся, не опустит оружие, сделает то, что должен, но ему плохо, и даже не потому, что он проиграл битву. Он устал, изверился, потерял многих, кого любил, не находит себе места из-за страха за детей и какого-то Рафаэля. А я, дура, идиотка несчастная, сентиментальное чудовище, хочу, чтоб этот человек был счастлив. Хочу, и все тут!

И еще эта безмозглая дрянь, которая его бросила! Хотела бы я на нее посмотреть, на нее и на ее прекрасного рыцаря! Наверняка какая-нибудь курица и смазливый, спесивый болван с голубыми глазками и губками бантиком. Ненавижу!

Я взглянула на арцийского короля. Спит, ну и славно, до рассвета времени хватит, заодно вспомню то, чему меня учил Астени. Осень, говорите? А у нас весна будет, и кошка не ходи! Задуманная мной выходка отливала всеми оттенками глупости и была никому не нужна, но я от своей затеи не отказалась бы ни за какие сокровища, хотя сокровища мне были без надобности. Пусть на них драконы сидят, как куры на яйцах, они без этой пошлятины никуда, а мои сокровища – это моя свобода. И еще моя память, моя любовь и мои друзья. Все остальное ничего не стоит, никому не нужно и всегда в избытке.

Рене меня бы понял, а Роман с Эрасти еще бы и помогли. Но я и сама справлюсь, должна справиться. Я сильна, я дочь Тарры, при мне талисман Астени – значит, цветы у нас будут, а Александр пусть гадает, как такое вышло. Ему полезно.

Я шла по болотам, вслушиваясь в затихающее, предзимнее бормотание растений и стараясь услышать нужный мне голосок. С непривычки это было трудно, но ужасно приятно, куда приятнее, чем убивать. Магия жизни, простая и незамутненная, как же она меня тянула. Как бы я хотела заняться именно ей, но путь Хозяйки, Хранительницы мне заказан, потому что я должна сделать то, что за меня не сделает никто. Но поразвлечься-то я могу? Поиграть в эльфийку? Нигде не сказано, что Эстель Оскора не может между убийствами вырастить пару цветочков…

Всяческой травы здесь было море разливанное – трехцветные фиалки, белые, нежные звездчатки, голубые и лиловые печеночницы (хотела бы я знать, какой осел так их обозвал), прорва разных колокольчиков, ландыши, лягушатники, ятрышники, рябчики, или как там они называются… Пройдя через десятки чужих миров, я частенько путала названия. Травы, деревья, зверье везде называли по-разному, хотя они чаще всего были одинаковыми. Те же кошки… Я их встречала везде, и везде они вертели своими хозяевами как хотели. Правда, иногда кошек ненавидели – особенно мужчины, которым не везло с женщинами, – но на общем процветании кошачьего племени сие никак не сказывалось, хоть и приносило несчастье, а то и смерть некоторым его представителям.

Сандер, впрочем, против кошек ничего не имел, и меня это устраивало. Конечно, будь моя воля, я бы предпочла рысь, но сейчас это излишняя роскошь, а вот ищу я, похоже, впустую. Что ж, прости меня, Тарра, но я своего все равно добьюсь!

Некогда в Арции имелась Академия, и тамошние ученые с полным основанием утверждали, что у коровы не может родиться жеребенок, а на ветке яблони вырасти слива. По-своему они были правы, но мне были нужны нарциссы, которые в здешних краях не

росли. И мне некогда было за ними тащиться за тридевять земель, а посему я остановилась на гусином луке, который был того же роду-племени, хоть и отличался от королевского цветка, как кошка от тигра.

Я достала кинжал Астени и уколола себе руку. Пролить мою кровь трудно, но я могла распоряжаться ею, как хотела. Этой капли хватило бы, чтобы сжечь какой-нибудь городок или прикончить небольшую армию, а я пустила ее на цветочки. В конце концов, это моя кровь, что хочу, то и делаю. Кстати, превратить человека в жабу или свинью намного проще, чем одно растение в другое. Растение легко убить, разбудить, заставить расти или цвести, но вот переделать… Эти зеленые создания такие упрямцы. Капелька крови в темноте начала светиться алым, раздуваясь в прозрачную алую сферу. Магия крови всегда завораживает… Любопытно, Роман смог бы превратить лук в лилию другим способом? Наверняка бы смог. Эльфы уговорят зеленую братию на что угодно. Может, попробовать? Но Астени мне не объяснил, как это делается, а гадать некогда.

Алая сфера достигла нужного размера, оторвалась от руки и повисла в воздухе, ожидая приказаний. Я произнесла нужное Слово, и светящийся шар опустился на землю. Сквозь прозрачные стенки я видела, что там происходит. Сначала исчезла, словно бы растаяла, и так почти полностью засохшая трава, затем из черной земли появились острые росточки, и это было замечательно. Чего я только в своей жизни не вытворяла, но вот цветы пока не воспитывала.

Гусиный лук рос как на дрожжах, вслед за листьями появились цветочные стрелки и раскрылись желтенькие звездочки. Извини, дорогой, но тебе придется побелеть. Кажется, я перестаралась, или растение оказалось на редкость жизнелюбивым, но под красной сферой шевелилась целая охапка весенних цветов. Ладно, пусть будет! Больше – не меньше. Я сосредоточилась, начиная трансформацию. На стебельках осталось по одному цветку. Лишние отпали, зато уцелевшие увеличились в размерах и посветлели. Вроде получилось! Это были именно нарциссы, возможно, неизвестный садовникам сорт, ну да не беда. Зато не тюльпаны, не маки, не гвоздики и не какие-то странные белые и красные штуки с непристойными серединками, которые очень ценятся в некоторых мирах.

Я устала, но была совершенно счастлива, глядя на выходцев из весны, казавшихся сквозь истончившуюся стенку розовыми. Может, их такими и оставить, ведь красиво… Нет, чего доброго, «новорожденный» углядит в этом кровь и прочие нехорошие вещи и в очередной раз обвинит себя во всех смертных грехах. Пусть

будут белыми. Когда мы победим, я всю Арцию засажу розовыми нарциссами, а также сиреневыми, голубыми, зелеными и черными. Всем назло! А пока белые, и только белые! Нарциссы Тагэре для короля Тагэре. Какая я все же умница! Если Александра не развлекут нарциссы, мне останется лишь с визгом броситься ему на шею, хотя еще вопрос, в его ли я вкусе. Впрочем, я женщина занятая…

Я хотела одного – быть рядом с Рене, а меня обманули, оторвали от него, заставили сначала превратиться в чудовище, потом вмешаться в дела, о которых, будь моя воля, я б и слышать не желала. Я вернулась домой. И что же? Развалившаяся Арция, спятивший Проклятый, какие-то Пророчества – и никаких известий о пропавшем императоре. Никаких… Не хочу, не могу думать о том, что все – и мой уход, и мое возвращение – окажется бессмысленным и мы так и останемся на разных берегах вечности. Я найду его, найду! Но сначала поставлю на ноги сероглазого короля, не могу же я его бросить…

2895 год от В.И. Утро 12-го дня месяца Зеркала АРЦИЯ. МУНТ

Какой мерзавец посмел поставить у его изголовья глиняную кошку-копилку?! Ярость, испытанная Пьером Тартю при виде омерзительного предмета, затмила даже ночные кошмары. Пьер благополучно проснулся в своей постели, и, разумеется, никакого маркиза Гаэтано он не видел, равно как и короля. Александр Тагэре мертв, а мириец бежал из Мунта, бежал и не возвращался, а за кошку слуги ответят. Он сегодня же сменит всех лакеев, имевших доступ в его комнату. Сегодня же!

Тартю схватил омерзительную игрушку и с силой швырнул об стену. Вместо ожидаемого треска раздалось гневное мяуканье, и король с недоумением уставился на стоящего у стены черного короткошерстного кота. Зверь был вне себя от ярости. Выгнув спину и прижав уши, он лупил себя по бокам хвостом и издавал хриплое шипение. Взбешенный не меньше кота, король схватил шнур звонка. На сей раз слуга появился немедленно.

– Убрать! – прорычал король, указывая в угол.

– Прошу прощения у Его Величества, что именно Его Величество хочет убрать?

Тартю со злостью глянул сначала на слугу, потом на кота и не поверил собственным глазам. Твари нигде не было, равно как и черепков от разбитой копилки. Неужели и это было сном?

– Мы желаем одеваться. – Пьер счел за благо не возвращаться к разговору о коте.

Лакей поклонился и вышел. Тартю услышал, как тот возгласил:

– Его Величество изволили проснуться…

Двери распахнулись, и толпа нобилей, допущенных к участию в утреннем королевском туалете, наполнила обширную спальню. Одним из первых указов Пьер возродил дворцовый этикет, бытовавший при дворе первого короля из династии Лумэнов. Чем быстрее подданные поймут, что король отнюдь не первый среди равных и уж тем более никакой не слуга Арции, а ее полноправный господин, тем лучше. Пусть Конклав еще не назначил дату коронации, он, Пьер Тартю, стал королем в тот день, когда одержал победу. И никто не посмеет оспаривать его права и тем паче над ним издеваться. Пусть стоят и смотрят, как одевается их повелитель, ожидая, как милости, возможности подать постельничему чулки или подвязки. Это быстро отучит видеть в сюзерене простого смертного, а гордецы, не желающие ожидать пробуждения государя, свое получат – и очень скоро. От рассуждений о собственном величии Тартю оторвало хриплое, надсадное мяуканье. Кошка в комнате все-таки была!

Пьер с раздражением оглядел лица придворных. Те, как могли, старались хранить невозмутимость, но король не сомневался, что мяуканье слышали все. Слышали и промолчали, потому что… Проклятый! Да потому что в доме повешенных не говорят о веревке, а в доме бастардов – о кошках… Следовало или рассмеяться, или приказать лакеям найти и вышвырнуть наглое животное, но Тартю, сам не понимая почему, сделал вид, что ничего не слышал, и подозвал старательно прячущего глаза гофмейстера.

– Граф, доложите мне новости.

– Ваше Величество… – И без того краснолицый гофмейстер побагровел, как вареная свекла. – Ваше Величество… ночью неизвестные злоумышленники проникли во дворец и…

– Что?! – подался вперед Тартю.

– Из комнат ко… Из комнат узурпатора исчезло принадлежавшее семейству Тагэре оружие.

Король не ответил – помешало наполнившее опочивальню торжествующее мяуканье.

2895 год от В.И. Утро 12-го дня месяца Зеркала ГРАЗСКИЕ БОЛОТА

Ему показалось, что он спит или бредит. Нарциссы – и не три, как бывало, а целая охапка белоснежных весенних цветов. Ликия?

Неужели она?! Или его друг нашел его и здесь? Александр Тагэре коснулся прохладных лепестков. Нет, это не бред, но почему их так много? Потому, что он все потерял? Или нарциссы знак того, что еще не все потеряно и в него верят…

Характерный короткий звук возвестил о появлении кошки, с бесцеремонностью старой знакомой сунувшей морду прямо в лицо короля.

– Здравствуй. – Сандер погладил свою приятельницу, которая немедленно извернулась, легонько цапнула его за руку, затем пару раз лизнула и разразилась мурлыканьем.

– Ты не знаешь, кто здесь был? – За время вынужденного заточения Александр привык разговаривать с кошкой.

– Мня! – ответила та, значительно взглянув на собеседника, немного подумала и добавила:

– Мр-р-ряу!

– Спасибо, объяснила, – король погладил бархатистую спинку, – если увидишь его еще раз, поблагодари от меня. Пожалуйста.

– Мня! – согласилась кошка и блаженно закрыла глаза.

Дверь отворилась, впуская осеннюю горьковатую прохладу и солнечный свет. Ликия с охапкой хвороста стояла на пороге.

– Поздравляю тебя, – волосы женщины, стоявшей в полосе света, казалось, светились, – пусть у тебя всё будет хорошо. Я очень этого хочу.

– Спасибо! А за… за цветы я должен благодарить тебя?

– За цветы? – Женщина замолчала, разглядывая нарциссы. – За них ты должен благодарить свою кровь. Они не растут в здешних краях и не цветут осенью, но для тебя выросли и расцвели.

– Значит, их принесла не ты?

– Лесным ведьмам не под силу превратить осень в весну, – Ликия покачала головой, – не думай о том, чего не можешь понять…

– Ликия, как они меня нашли?

– Они? Здесь нет никого, кроме меня и кошки.

– Наверное… Ликия, – Проклятый, почему он рассказывает ей даже то, что не знали Даро и Рито, – Ликэ, мне на день рождения приносят нарциссы, где бы я ни был. Уже шестнадцать лет, но столько еще не было никогда… Всегда три. Я пытался найти, кто, пытался понять, откуда и как, но не сумел. А теперь и здесь. Ты говоришь, что ты – ведьма, так ответь! Кто это делает, как и почему?

– Тарра, – пожала плечами Ликия, – кто же еще?

– Тарра?

– Она тебя любит и на тебя надеется. Королевские цветы… Последнему из Королей!

– Как ты меня назвала?

– Последний из Королей. Ты не можешь не знать Пророчество Эрика, неужели ты еще не понял, что оно про тебя?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
QUOUSQUE TANDEM! [24]

Мы, пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом
Приблизимся,
Но на этом далеком свидании
До былой слепоты не унизимся.

К. Симонов

2895 год от В.И. Ночь с 13-го на 14-й день месяца Зеркала
АРЦИЯ. МУНТ

Он напился, как свинья, как три свиньи, как целое стадо свиней… Нельзя сказать, что стало весело, но этот проклятый мир с его королями, интригами и родственниками завертелся волчком, исчезая в клубящейся зелени. Жаль, не навсегда – завтра он свое возьмет раскалывающейся головой, тошнотой и прочими прелестями.

Базиль прекрасно помнил, сколько выпил, и, пока пил, отдавал себе полный отчет, чем все закончится, но не останавливался. Не потому, что не мог, а потому, что не хотел. Предпоследний кубок расплескался, и красное вино залило дорогой инкрустированный столик. Лужа напоминала очертаниями капустный кочан, кочерыжкой примыкающий к краю столешницы. Темно-алые капли стекали на пол и на правое колено графа, но отодвигаться было лень. Тартю не сдохнет, если единоутробный брат его будущей жены зальет один несчастный ковер. Сам виноват, нечего было назначать его капитаном новой гвардии да еще навязывать ему в помощники какого-то Эсташа. Вот пусть Эсташ и караулит кошачье отродье, сожри его крысы.

Любопытно, во дворце Анхеля крысы водятся? Раньше вроде не было, ну а теперь наверняка заведутся. Уже завелись – правда, пока бесхвостые…

Граф Мо захохотал, старательно взял кувшин, на сей раз не пролив ни капли, вылил остатки вина в кубок и целеустремленно выпил. Все. Вино кончилось. Конечно, можно позвать слугу и потребовать еще, а можно и не звать. Голова внезапно прояснилась. Похоже, он дошел до той степени опьянения, когда

встать невозможно, но ум начинает работать четко и ясно, правда, недолго. Да и толку от этой ясности…

Базилю-Эммануэлю-Фредерику Гризье, графу Мо в двадцать восьмой день месяца Собаки стукнуло двадцать восемь, и всю предыдущую жизнь он был сыном своей матери и братом своего брата. Как и все Вилльо-Гризье, Базиль вырос красавцем, хоть и не столь ослепительным, как Жорес, – и волосы потемнее, и черты порезче. Гризье-младший был сносным воином и отличным охотником, признанным знатоком собак, лошадей и ловчих птиц. Впрочем, охотничьим двором интересы Базиля не ограничивались. Иногда он читал, иногда перебирал струны мандолы или гитары, порой слегка влюблялся и ни к чему и ни к кому не относился серьезно, даже к себе. Зачем, если для того, чтобы думать, интриговать, действовать, есть мать, брат и куча дядюшек и теток во главе с Реви?

Родичи занимались своими делами, не спрашивая мнения младшего из братьев Гризье, что того вполне устраивало. Неприязнь, которую испытывала старая арцийская аристократия к его клану, порой задевала, но Базиль был слишком ироничен, чтобы забивать себе голову чужими оскорблениями. Несколько дуэлей у него, разумеется, случилось, не без этого, но противники семейства Вилльо всю свою ненависть тратили на Жореса, Элеонору и Фернана Реви, которые платили им тем же, а граф Мо… Граф Мо был всего лишь «младшим пуделем»…

Когда мать потребовала от него поехать к Тартю, она так и сказала: «Если уедешь ты, никто не обратит внимания, особенно если ты обставишь все как охотничью вылазку. Если исчезнет Жорес или Фернан, это так не оставят». И он поехал, Проклятый его побери!

От него требовалось одно. Быть рядом с Тартю, хоть и не очень на виду, и, когда все кончится, немедленно дать знать, после чего можно возвращаться к соколам и гончим. Свое дело он сделал, и сделал успешно, но охотиться ему, похоже, расхотелось на всю оставшуюся жизнь. Базиль Гризье в бою не участвовал, равно как и Пьер Тартю, и новый командор рыцарей Оленя. Он только смотрел. Это была первая его война. Гризье, конечно, участвовал в турнирах, хоть и не числился в дюжине первых мечей Арции, слышал он и рассказы о настоящих сражениях, но то, что случилось на Гразском поле, не лезло ни в какие ворота. И дело было не в том, что они чуть не проиграли, а, казалось бы, точно выверенный план повис на волоске… Двинься Рогге на десятинку позже или будь у короля те пять сотен дарнийцев, что завязли во фланговой стычке, Тагэре остался бы королем, а Тартю – ублюдком. Впрочем, он им и так остался.

Граф Мо стоял рядом с Пьером, а его глаза, уши и, к несчастью, нос были в порядке. Базиль всегда гордился тем, что ему все все равно, но видеть на троне Арции обгадившегося при всем честном народе недоноска было унизительно. А уж знать, что ты к этому приложил руку… Граф с ненавистью оттолкнул пустой кубок; тот покатился по столу, превратив «капусту» в раздавленную улитку, и грохнулся на ковер. Базиль зачем-то решил его поднять, но пол издевательски пошатнулся, и Гризье оказался на ковре в обществе пустого кубка и невесть откуда взявшегося черного кота, с интересом уставившегося на свалившегося кавалера.

– Все дерьмо, – раздельно сообщил Базиль негаданному собеседнику, – дерьмо, и больше ничего. Надоело…

Кот выгнул спину, зевнул во всю пасть и прищурил глаза. Он все понимал и презирал род людской. И правильно делал.

– Хорошо тебе, – отчего-то смертельно обидевшись, но не рассердившись, пожаловался человек, – у тебя нет родственников. А если есть, то они к тебе не лезут. И короля у тебя нет… Зато есть хвост и девять жизней, а у меня одна, и та пропащая… Если я сегодня сдохну, никто и не заметит. Разве что порадуются, что одним «пуделем» меньше стало. Никто меня не любит, ну и Проклятый с ним! Мне тоже никто не нужен! Слышишь, ты, животное! Мне! Никто! Не! Нужен!

Кот сел столбиком, навострив уши, и поглядел в глаза пьяному собеседнику.

– Ты меня понимаешь, а говорят – кошки и собаки друг друга не выносят! Не, – Базиль затряс головой, – это люди друг другу гады, а звери, они что… Ну, съедят, если голодные, а чтоб в душу нагадить или предать, это нет! Эх, котяра, да пошло оно все к Проклятому. Не хочу быть капитаном гвардии и этого копленного сына сторожить. Извини, я не про тебя. Тебя б на трон я хоть сегодня посадил. Ты и смотришь по-королевски, и не трус, видать, а этот, этот… Устал я что-то, кот. А может, ты мне снишься, а? Дверь закрыта, окна тоже… Точно, снишься. Тебя нет, и меня нет… И хорошо, что нет. Не хочу быть. И не буду!

Кот потянулся, подошел и неторопливо взгромоздился к Базилю на колени. Тот удивленно тронул лоснящуюся спину.

– Жалеешь? Спасибо… Только нечего меня жалеть! А, гори оно все синим пламенем!

2895 год от В.И. 15-й день месяца Зеркала АРЦИЯ. МУНТ

Пьер оглядел собравшихся по его приказу нобилей. Отчим,

как всегда с поджатыми губами, казался недовольным, Вилльо даже в отсутствие Аганна было слишком много, вылезшие невесть откуда дальние родственники Батаров преданно таращились на нового короля, надеясь обрести графский титул, Койла разглядывал паркет, а Фло свои пальцы. И все равно слишком много пустых кресел! Ничего, скоро в присутствии Его Величества Пьера Седьмого сидеть не будут, и все-таки, все-таки нет ни Мальвани, ни Трюэлей, ни Гартажей, ни Крэсси… Да, на Совет Нобилей явно не тянет. А раз так…

– Сигноры. – Тартю говорил именно так, как, судя по книге, говорил Анхель Светлый, – короткими, рублеными фразами. – Мы пришли к выводу, что Совет Нобилей нам не нужен. Мы его распускаем. Отныне Арция – это мы. А теперь к делу. Мы обещали должность канцлера Арции Жоресу Аганнскому, но тот не может исполнять обязанности в связи с полученными ранами. Посему мы отменяем должность канцлера как таковую.

Все дела, связанные с казной, решает король. Генеральные Штаты могут быть созваны только по приказу короля. Мы намерены раз и навсегда покончить с изменой. Для этого мы учреждаем Красную Палату, в чем нам окажет помощь орден Святой Равноапостольной Циалы. Королевская гвардия будет разделена на две части. Первая сохранит старое имя и сигну, и у нее будет одна привилегия – первыми умереть за своего короля на поле боя. Ее капитаном по нашему решению остается граф Мо. Мы создаем личную королевскую охрану, которая станет новой гвардией. Ее младшие сигуранты будут получать жалованье деканов гвардии. Ее капитан обретает ранг вице-маршала и подчиняется только королю. Наши решения не обсуждаются, мы призвали вас лишь для того, чтобы довести их до вашего сведения.

Кроме того, мы желаем раз и навсегда решить вопрос с северными провинциями. Мы намерены послать своего представителя в Гвар-Набот, с тем чтобы принять присягу Рорика Ра-Гвара и потребовать от него выдачи укрывшихся там мятежников. В случае, если Ра-Гвар проявит неповиновение, он будет казнен.

Граф Мо, мы поручаем вам, как капитану старой гвардии, отвезти мой приказ в Гвару и повелеваем вам выехать завтра же, чтобы вернуться к коронации, назначенной нами на двадцать четвертый день месяца Волка.

Присутствующие замерли. Явиться к Лосю с такими требованиями означало лишиться головы, но Базиль не моргнул и глазом.

– Ваше Величество, – в фиалковых, как у матери, глазах

вспыхнула и погасла кошачья искра, – я отвезу высочайший указ Рорику Ра-Гвару и приложу все усилия к тому, чтобы ответ вышеупомянутого Рорика был доставлен в Мунт к коронации Вашего Величества. Если я не смогу присутствовать на сем великом событии, то лишь потому, что к тому будут веские и не зависящие от меня причины. Я не сомневаюсь, что новая гвардия исполнит свой долг безукоризненно.

Теперь же я прошу у моего короля разрешения удалиться. Мне нужно отдать несколько распоряжений и навестить моего духовника, а для этого я должен узнать у матушки, кто именно является таковым.

«А ведь он понимает, что его ждет, – подумал Тартю, – понимает и все равно издевается. Рорик посла прикончит, в этом не может быть никаких сомнений. После этого можно требовать отлучения Лося. Мальвани воспротивится, а это повод для Клавдия поднять на Конклаве вопрос об отзыве гварского кардинала и лишении его сана. Селестин к этому времени договорится с фронтерским господарем и Ноэлем о совместных действиях против мятежной Гвары. Повод все тот же – убийство посла, причем родственника будущей королевы. А Вилльо и так в Арции более чем достаточно, хотя вполне хватит Элеоноры и ослепшего, спасибо Кэрне, Аганна».

2895 год от В.И. Ночь с 15-го на 16-й день месяца Зеркала
НИЖНЯЯ АРЦИЯ

Осень выдалась сырой и хмурой, со слежавшейся бурой листвой под ногами и издевательски хлюпающей грязью. Пантана – она и есть Пантана, здесь даже в разгар лета воды больше, чем нужно. Луи Трюэль с сомнением посмотрел в низкое серенькое небо, по которому медленно ползла утиная стая. Хорошо, хоть лить перестало, только вот надолго ли? Еще пару кварт – и пойдет снег, в здешние края зима приходит рано, а они ползут, как черепахи.

Луи потрепал по шее Браво. Осиротевший жеребец соглашался возить лишь знакомого ему с детства Луи. Лошадей не хватало, и граф, уступив своего гнедого умудрившемуся подцепить лихорадку Морису Шаотану, пересел на атэва Рито, хотя это и было мучительно. Мучительным в этом походе было все, начиная от бытовых неурядиц и кончай ощущением поражения и невозвратности потерь.

Плохо было всем, но графу Трюэлю казалось, что ему хуже, чем остальным. Он оказался последним из «волчат», братья и

друзья погибли – это было страшно, но еще страшнее была ответственность за восемь сотен человек, которых он тащил через осень к сумасшедшему гварскому нобилю, некогда поклявшемуся в дружбе погибшему королю. Чего стоит присяга фронтерцев, они убедились на Гразском поле, но где сказано, что хозяин Приграничья поступит не так, как Жись Фронтерский? Трюэль смахнул упавшую на перчатку каплю. Проклятый, как же он устал изображать уверенность. Хорошо Хайнцу, у него есть тот, кто приказывает.

Дарниец, словно подслушав мысли Трюэля, возник среди облетевших кустов, унизанных белыми крупными ягодами. Лошадиная физиономия племянника господина Игельберга была еще более серьезной, чем обычно.

– Мой командор! – Луи вздохнул: после Гразы Хайнц, а с его подачи и другие упрямо называли его командором. – Мои люди обнаруживали присутствие фронтерских предателей. Мы их очень быстро догоняем.

Вот это да! Как бы медленно они ни двигались, отягощенные награбленным добром усачи тащились еще медленнее. Что же делать? Обойти по проселкам? Выждать? Отстать и идти с той же скоростью? Или напасть?

– Хайнц, что вы мне посоветуете?

– Я буду выполнять любой приказ, – заверил дарниец, словно Луи этого не знал, – их есть почти в восемь раз больше нас даже с теми, кто ранен. У нас имеется слишком мало стрел и не имеется столько, сколько нужно, лошадей. Но мы должны наказывать подлых изменников за непростительное предательство. Я бы предлагал нападать на них в ночное время. Я должный добавить, что мои люди и другие наши воины желают брать реванш за поражение и мстить за погибших. Вот.

– Я подумаю, Хайнц. Вы правы, но нужна осторожность. Что там, впереди?

– Командор хочет иметь знание о рельефе местности?

– Да. Чтобы драться, нужна хорошая позиция.

– Я считал главным доложить про обнаруживание подлых и недостойных свиней из Фронтеры, – извинился Хайнц, – но я незамедлительно буду распоряжаться о высылании новой разведки для разглядывания местности.

– Я должен знать обо всех передвижениях «подлых и недостойных свиней».

– Мы будем сообщать все прямые новости, – шутки командир наемников, разумеется, не понял, – разрешите мне убыть для выполнения собственных обязанностей.

– Разумеется, Хайнц. Спасибо вам.

Дарниец уехал, Луи проводил его взглядом, соскочил с коня и тронул надутую ягоду. Похоже, их не едят даже птицы. Дело во вкусе или в яде? А выглядят красиво… Если Хайнц найдет подходящий овраг или речку, надо драться. Подлость и впрямь нужно наказывать, а его людям нужна хоть какая-то победа.

– Монсигнор! – Арциец от неожиданности вздрогнул, а разглядев, кто его зовет, вздрогнул еще раз. Таких богатырей он не видел даже среди дарнийцев. Высоченный и коренастый, пришелец статью напоминал могучий дуб, чему немало способствовала грубая одежда из серо-коричневого сукна. Его лицо было неожиданно молодым и правильным, а огромным зеленым глазам, глядевшим из-под медно-коричневой челки, позавидовала бы любая красавица. Незнакомец смущенно переминался с ноги на ногу, сжав огромные бурые кулаки. Луи, обругав про себя тех, кто стоял на страже, вопросительно поднял бровь.

– День добрый. С кем имею честь?

– Местные мы, – голосок великана был ему под стать, – за болотом, стало быть, живем. Вы вроде как решили усатых поколотить?

– Откуда ты знаешь?

– Дык я разговор ваш слышал, я тут, в кусточках, ждал, когда вы посвободней будете. Не любим мы фронтерцев. Как я про вас прознал, так и решил, что вы тем поганцам покажете, как жабы целуются.

– Ты давно за нами идешь?

– Ага, – кивнул лохматой головой чужак, – как вы речку перешли, так мы вас и приметили. Так будете предателей бить? А то б мы подмогли.

– Подмогли? – быстро переспросил Луи.

– Да пугнули бы их… Они на ночь на Кривом лугу устроятся, больше негде. Там с одной стороны лес, с двух – болото да речонка. Вот из болота мы их и шуганем.

– Как?

– Тебе все скажи, господин хороший. Как надо, так и шуганем, главное, вы не оплошайте.

Луи с сомнением посмотрел в темно-зеленые глаза. Очень хотелось поверить, и все-таки…

– А тебе зачем нам помогать? Только из-за фронтерцев? Денег у нас нет.

– Да кому они нужны, деньги эти? Вот уж гадость бесполезная, а в нас ты не сомневайся. Мы спокон веку Арроям верные, а те кабаны правильную кровь предали. Так как?

– Хорошо, – решился Трюэль, – если только они станут на

лугу…

– Станут, дорогу размыло, им с их возами не проползти. Только вот что, – на губах богатыря мелькнула и пропала плутовская улыбка, – вы, главное, сами не спужайтесь.

2895 год от В.И. Ночь с 15-го на 16-й день месяца Зеркала
НИЖНЯЯ АРЦИЯ

Максим Долгозуб, невесть почему прозванный в юности Жисем, хмуро оглядел обширный луг, покрытый туманом. Делать нечего – придется ночевать здесь. Проклятую дорогу размыло, с эдаким грузом не проехать. Предводитель фронтерских наемников со злостью оглянулся на растянувшийся чуть ли не на целую весу обоз. Попадись ему тот ублюдок, что крикнул про налог из Гартажа, – все кости бы переломал.

Арция осточертела Жисю не меньше, чем его людям, но нынешний фронтерский господарь хуже всех арцийцев, вместе взятых. К несчастью, сукин сын крепко держал в руках господарскую булаву [25], соваться в родные края было опасно. Дан Долгозуб предпочел бы окончить свои дни арцийским бароном, но не тут-то было! Проклятый горбун вознамерился выставить фронтерцев, едва выйдет срок подписанной его братом нотации. Арцийского короля Жись и его люди не любили – деньги он платил исправно, но разойтись широкой фронтерской душе не давал. Надо же, додумался равнять расшалившихся ребят с разбойниками! Уж и погулять нельзя… И тут подвернулся Тартю, обещавший сделать войсковых старшин нобилями, а самого Жися – бароном.

Александр Тагэре не приходился фронтерцам ни кумом, ни сватом, стало быть, продать его – никакая не измена, лишь бы за голову короля дали хорошую цену. И ведь дали! А тут подвернулся этот клятый обоз, из-за которого пришлось все бросить и тащиться домой, а дома, забодай его комар, Тодор… Жись смачно сплюнул и приказал распрягать.

Ночь подступала быстро и неотвратимо. Костры разгорались с трудом, сырость пробирала до костей – близость болота давала о себе знать. Жись начал обход табора, щедро раздавая проклятия, пинки и оплеухи. Это было в порядке вещей – старшой должен драться; если не дерется – стало быть, ослаб, и его можно прогнать, а то и прикончить. Долгозуб гнул подковы, завязывал узлом кочерги и мог на ходу остановить быка; его уважали, боялись – и все равно, Проклятый побери этих жадюг, бросились на обоз, как кошка на рыбу… Фронтерец угрюмо глянул на

сгрудившиеся у берега речки возы с гартажским добром: тащить во Фронтеру жито и сладкие бураки было чушью собачьей, но запасливость его земляков могла сравниться лишь с их прожорливостью.

Жись медленно шел меж костров, заглядывая в кипящие котлы. Те, кто разжился на ужин чем-то вкусным, глотали добычу, давясь и обжигаясь. Сидевшие на одной крупе вовсю глядели по сторонам в надежде урвать кусок – от дальнего костра уже доносился чей-то рев: «… А ну геть звидсы! Повбиваю! То мое!»

Кто-то пел, кто-то смеялся, кто-то рассказывал страшные истории про ведьм и прочую нечистую силу, которой самое время и место появиться. Ведь всем известно, что сильней всего нечисть допекает добрых людей весной да поздней осенью, а излюбленные ею места – погосты да болота. Жись подсел к огню, отобрал ложку у угрюмого усача с перебитым носом и черпнул кулеша. Сидевшие в кружок у костра стерпели – и это был добрый знак. Во Фронтере не любили делиться ничем, а уж едой из своего котла – и подавно; раз смолчали, значит – боятся, значит – он снова держит свою вольницу в руках. Очень хорошо, он еще покажет Тодору, кто хозяин! Долгозуб утер усы тыльной стороной ладони и прислушался.

– …и ще кажуть, що жил себе такий дядька, звалы його Дарас. Богатый був да хитрый, як не знаю хто…

Жись узнал рассказчика – Сивый Панас, один из самых старых в отряде, помнит еще господаря Зенона. Жисю отчего-то казалось, что дед давно помер, ан нет, сидит да плетет свои байки, на которые всегда был большой мастак.

– Був у того Дараса сын Левко, – неспешно продолжал старик. – Добрый хлопец, видный, з лица гарный, руки з того места росли, да ще и розумом святый Хома не обидел, – словом, все в плепорции. И все б добре, да одна беда. Полюбил той Левко сироту, да ще и бедную. Та, ясно дило, за такого жениха руками-ногами зацепилась, а Дарасу з Дарасихою на ту Гандзю смотреть було що собакам на кошку. Боны сыну богату жинку хотели, дочку самого войта. И так вони, и эдак, – а Левко уперся. Або Гандзя, або з моста вниз головой. А жил в том селе знахарь один, Щуром прозывался. Пузатый такой, не в обиду дану сотнику будь сказано…

Сидевший тут же толстый сотник неопределенно хмыкнул, заслышав смешки. Панас продолжал:

– Казалы, що по ночам до Щура того в окно нечистый скачет, – собой як кошка, тильки з голым хвостом и здоровый. И от взяла Дарасиха царки, да сала доброго шмат (а сало у Дараса по всей округе славилось), да грошив трошки и пошла до Щура,

щоб вин, стало быть, Левка з Гандзей разлучил.

Знахарь-то царку высмоктал, салом закусил – и так йому то сало полюбылося, що вин и грошив не взял, а каже Дарасихе, що все зробить, но щоб воны, як свыней вырастят та забьют, – все сало, та мясо, та ковбасы несли Щуру.

Слушатели зашумели.

– Все сало? Все ковбасы? А чи ни дуже богато буде?

– Дарасиха, вона що. – Рассказчик сплюнул и внимательно оглядел слушателей. Кто-то понял намек и, вздохнув, протянул старику фляжку, тот сделал здоровенный глоток, вернул царку хозяину и повторил:

– Баба, вона що, – ничего не соображает, якщо дило о дитях заходит. На все и согласилась. Пришла домой и каже чоловику: так, мол, и так, ходила до Щура, вин посулил помочь, але наши свыни теперь – його. Дарасу свыней шкода стало, але ж вин смолчав. Нехай, думае, сначала Щур Левка от Гандзи отвадит. Не прошло и двух мисяцив, як Левко Гандзю побив, як ту козу, та и засватався до Одарки, що ему батьки приглядели. И все б добре, тильки все смурной ходил та пить почав.

– А Гандзя що? – подался вперед худой парень с прыщом на скуле, живо заинтересованный рассказом.

– Та що там Гандзя? З свынями як? – перебил сосунка бывалый воин. – Невжеж пришлось виддаты?

– Зачекайте. – Рассказчик снова строго глянул вокруг, дожидаясь угощения, которое и получил, хоть и не сразу. – З Гандзей так обернулось, що живот у нее в гору полез. Ну бабы, известное дело, пристали, хто та хто. Она всем казала, що от Левка, а вин божився, що не трогал ее, до свадьбы чекав. Ну, хто правду каже, хто бреше, а час идет. Пришла осень, пора кабанов колоть. От пишла Дарасиха по селу, а ей зустричь Щур – и каже, що пора ему сало та ковбасы нести. Баба кивнула – та к чоловику, а той и видповидае: «А чому ж мы НАШЕ сало тому Щуру виддамо, звидкы мы знаемо, що то вин нам спомог, а не сама Гандзя загуляла?»

– И не виддав? – с восхищением переспросил дядька с перебитым носом, у которого Жись отобрал ложку.

– Ни, – с явным одобрением подтвердил Сивый, – ну а в ночи до двери щось зашкрябало. От шкрябало воно, шкрябало, спать не давало. Пишов Дарас до двери подивитыся, а там – кот. Черный, здоровый, глаза – як плошки. Схватив Дарас лопату, щоб его прогнать, – а вин и каже: «Я за долгом пришел. Де сало, де ковбаса?»

– Виддав?

– Де там. Як зашумит: то мое сало, никому не дам! «Добре», –

сказав кот та и сгинул. На другу ночь то ж самое. Шкрябалось та мявкало. Мявкало да шкрябалось. Дарас чи спал, чи придурився, а Дарасиха не выдержала. Пишла до двери – а там черна кошка сидит. Здорова, як собака, але без хвоста. «Я, – каже, – за долгом пришла; де мое сало?»

Ну, Дарасиха хоть и спужалась зверюгу, но чоловика бильш боялася. «То наше сало, – каже, – никому не виддамо!» Кошка ничего не ответила, а десь подилася.

На третью ночь все спочатку. Дарас з Дарасихою лежат. Може, спят, може – ни, а у двери снова мявчат. Левко и так злой був, схватил топор и побиг ту кляту кошку вбиваты. Бачь – а кот там ростом з його самого, стоит, як людына, на задних ногах, та ще регоче. «Де, – каже, – мое сало? Де мое мясо? Де моя ковбаса? Твои батьки обещали!» Левко пьяный був, розмовляты не стал, а як вдарит, як закричит: «То наше сало, то наши свыни! Воны нам ридни!»

– И що? – снова не выдержал прыщавый.

– Та ничого. Топор як сквозь хмару прошел, а кот очами блеснул та каже: «Добре. Так тому и быть. И сало ваше, и свыни вам ридни». И сгинул. Тихо стало, как в могиле. Дарас з Дарасихой та Левко з Одаркой лежат, але не спят.

– Ясно дило, – кивнул толстый сотник.

– Ну лежали воны, лежали, а потом Дарас встал – та каже, що пойдет свыни посмотреть, мало ли що. И щоб Левко з ним шел.

– От дурной, – вздохнул сотник, – краще б утра дождался!

– А як бы хто украв? – не согласился перебитый нос. – Нельзя так свыни оставлять.

– А ну, цыц! – прикрикнул Жись: вожаку хотелось дослушать не меньше, чем его воинам. – Рассказуй, Панасе.

– А я що роблю? Тильки вот горло дерет.

– На. – Жись милостиво протянул ему свою фляжку.

– Дякуемо, дана. Так от Дарас з сыном пишлы до свыней, да и жинки з нымы увязалися. Пришли воны до хлева, а там вси три кошки – мала, да середня, да велыка, – да сам Щур. Вин и каже з ус-мишкою: «Бачу, бачу, що никто и николы вас з вашими свыньмы не розлучит. Ну, як вы казалы, так и буде. И сало ваше, и мясо, и щетина…» И тут щось як блымне, – и заместо четырех людын и двенадцати свыней стоять четыре тварюги. Здоровши за любого коня, товсты, як свыни, та й до того зелены, як чортяки. А Щур подивився на них, засмиявся та каже: «От до Темной Звезды вам со свынями в одной шкуре и бегать да тих, хто слова не держит, топтать. А ну, геть звидсы в болото!» Воны и побиглы.

– Ох, – вздохнул молоденький, – страсти какие. А з Гандзей-то що?

– А ничего з твоей Гандзей не зробылося. Взимку разродилась вона, та не людским дитем, а котячим. Шисть кошенят народила. Тут все и зрозумилы, що заморочил ее Нечистый. Перекинулся на Левка, вона йому и виддалася. Кошенят тих потопить хотели, да не успели. Пришел за ними з болота ихний батько да з собой забрав, та й Гандзю з нымы. Кажут, вона и доси в болотах з чоловиком да дитаками живе, а на Левке верхи ездить…

У костра замолчали, переваривая услышанное. Было тихо, облака рассеялись, явив взгляду почти полную луну, окруженную яркими осенними звездами. Очень захотелось выпить, а клятый Панас высосал всю царку! Жись поднялся, но не успел отойти от костра, как из тьмы высунулась жуткая образина, недоуменно обвела всех взглядом, как бы спрашивая: «А що вы тут робите, добры люди?» – втянула огромными, развороченными ноздрями воздух и сунулась в котел, где еще доставало горячего кулеша.

Рев обжегшейся зверюги заставил Жися выронить пустую флягу. Толстый сотник вскочил, оступился и рухнул на прыщавого юнца, хлопец не устоял на ногах и повалился на воина с перебитым носом. Тот оклемался быстро, стряхнул ошалевших товарищей и выхватил саблю – да куда там с железякой против такой твари! Опаленное чудовысько взревело еще раз, отшвырнуло перепончатой когтистой лапой незадачливого вояку, завопившего во всю глотку: «Дарас!!!» – и, сметая все на своем пути и жутко воя, устремилось в сторону речки. Это было только началом: со стороны болота к лагерю, по-утиному переваливаясь и глухо урча, неслось десятка три чудищ. К их топоту и реву обожженного предводителя присоединилось ржание перепуганных коней и людские крики и брань.

Паника разгоралась, как пожар. Отважные в бою, фронтерцы отчаянно боялись всяческой нечисти, а то, что лезло из болота, перепугало бы кого угодно. Уродливые твари, похожие сразу и на медведя и на свинью, но размером с лося и вдобавок покрытые свалявшейся шерстью, отливавшей в лунном свете темной зеленью, ломились к возам, от которых пахло чем-то упоительным. До людей дела им не было, но напуганные страшной сказкой фронтерцы этого не поняли. Поймешь тут, когда несколько болотников, умудрившись сунуться в котлы, метались по лагерю, круша все, что им попадалось на пути.

Самым умным было отойти в сторону дороги и дать незваным гостям слопать все, что они могут слопать. Жись это уразумел почти сразу. В отличие от своих вояк предводитель видел в зеленых уродах не нечистую силу, а оголодавших зверей, которые с рассветом уберутся в болота. Дан Жись кричал, ругался, раздавал тумаки, даже рубанул кого-то саблей – не помогло!

Слушатели Панаса, с воплями «Дарас!!!» и «Нечистый!!!», носились среди перевернутых котлов, ничего не видя, кроме страшных зеленых образин.

2895 год от В.И. Ночь с 15-го на 16-й день месяца Зеркала
НИЖНЯЯ АРЦИЯ

Долгожданный шум и топот со стороны лагеря заставил Луи перевести дух. Зеленоглазый богатырь не подвел: фронтерцам не до посторонних, самое время нанести им визит. Граф Трюэль повернулся к Хайнцу.

– Вперед, но осторожно. Туда, похоже, стадо пригнали.

– Мы будем отличать мирные коровы от подлые свиньи, – заверил дарниец, опуская забрало. Всадники на рысях пошли вперед. Луи вздохнул – он хотел быть в числе первых, но должен оставаться здесь, чтобы вместе с лучниками прикрывать неизбежное отступление. Правду сказать, Трюэль никогда не числился среди лучших бойцов, справиться с какой-нибудь дрянью вроде Базиля Гризье он мог, но уже с его братцем – вряд ли, а до Сандера, Артура или Рито ему и вовсе было как до неба. Ничего не изменилось и сейчас. Друзья, если клирики не врут, на небе, а он – на грешной земле. Луи положил руку на рукоять меча, вслушиваясь в то, что творилось впереди. Ясно было лишь одно: фронтерцам приходится несладко. Затем впереди послышался шорох и хриплые, злые голоса.

– От кляты зверюгы, николы таких не видал.

– Може, и вправду-то эти, как их? Дарас с Дарасихой!

– Ой и дурень же ты, то якась болотна нечисть. Стал бы тоби Дарас мордой в котел суваться.

Жабий хвост! Фронтерцы! Ушли из лагеря, по которому носятся какие-то твари. Ну что ж…

Луи схватил за плечо молоденького лучника.

– Передай по цепочке: как пройдут мимо, разворачивайтесь. Кого можем, берем живыми.

– Дане Жисю, шо робыты?

– А ничего, утром ти гады уйдут, шо сможем заберем та й вперед. Ну головы я кой-кому пооткручую. Шоб зналы…

Что именно должны были узнать фронтерцы, так и осталось загадкой. Луи Трюэль был легче Жися раза в два, но тот не ждал нападения, тем более сверху, а Луи с детства лазал по деревьям, как кошка, не уступая или почти не уступая в этом даже Кэрне. Взобраться на услужливо подставивший ему толстую ветвь дуб, выбрать момент и сигануть на плечи предателя труда не

составило. От неожиданности фронтерец рухнул ничком, а подняться ему граф не дал. Удар рукоятью меча – и огромное тело обмякло, Жись ткнулся лицом в палую листву. Луи завертел головой и вздохнул с облегчением, когда ему в руки сунули ремни, на ощупь достаточно прочные, чтобы связать хоть бы и быка.

Рядом свистнула стрела. За ней другая. Морис Шаотан свое дело знал, его люди били на звук, и, судя по крикам и глухим ударам, били успешно.

– Монсигнор, – Андре Вобан, как всегда, оказался в нужное время в нужном месте, – мы их окружили.

– Всех? – глупо спросил Луи, но Андре понял.

– Всех, то есть всех, кто вышел сюда. Остальные – не наше дело.

– Верно, остальные дело Хайнца. Надеюсь, он успеет отойти, когда запахнет жареным.

Хайнц успел. Он появился через ору или ору с четвертью, потеряв троих и взяв два десятка пленных. Честный дарниец был расстроен тем, что не захватил вожаков, а узнав о том, что Жись в руках Луи, слегка огорчился, хоть и постарался не показать виду.

– Я сожалею, Хайнц, – невольно улыбнулся Луи, – но судьбе было угодно, чтобы Жись достался мне. Молитесь святому Штефану, пусть он пошлет вам встречу с Рогге.

– Я молюсь, – совершенно серьезно сказал наемник, – и я испытываю большую надежду, что Селестин Стэнье-Рогге будет разрубленный на две половины вот этой самой рукой. Я имею доложить, что каждый из моих воинов убивал не менее десяти предателей. Я также имею доложить, что на них произвели нападения неизвестные мне животные, очень огромные и свирепые. Они произвели затоптание большого числа наших врагов и вызвали в их рядах очень ужасный страх. Кроме этого я слышал громкие и смертельные крики со стороны леса, где в беспорядке отступала большая часть фронтерских изменников, которых я не имел возможности преследовать.

– Вы поступили правильно. Там и так ждала засада.

О том, какой могла быть эта засада, Луи Трюэль постарался не думать. Стадо невиданных зверюг, на удивление вовремя вышедшее из своих болот, наводило на определенные размышления о тех, кто, по словам так и не разжавшего кулаков зеленоглазого великана, «хранил верность крови Арроев».

2895 год от В.И. Утро 16-го дня месяца Зеркала АРЦИЯ. ОКРЕСТНОСТИ ЛАГИ. ЛЕТНЯЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

Кто-то открыл дверь и вошел, но Филипп даже не повернул головы: презирать их всех – это единственное, что ему оставалось. Зря он, узнав о смерти дяди Сандера, набросился на Жореса. Тот лишь засмеялся, схватил его за руки и усадил на место. Теперь Жорес не смеется, Рито Кэрна отплатил ему за все… Только бы его не схватили, его и того атэва, что пришел на помощь!

– Сидишь? – Как же граф Рунский теперь ненавидел этот голос. Предатель и мерзавец, даже больший, чем Жорес и граф Реви. Те сидели и выжидали, чья возьмет, а Базиль сначала был с Тартю и Стэнье на Гразском поле, а потом вместе с ифранцами гонялся за Рафаэлем.

– Ты можешь сколько угодно делать вид, что меня нет, но я есть. – Базиль подошел к юноше, вынул книжку из рук, глянул на обложку и пожал плечами. – Разумеется, «Леонард». Я бы это безобразие сжег на площади.

– Предатели всегда ненавидели людей чести…

– Вот-вот, – Гризье захлопнул книгу и положил на стол, – Леонард был человеком чести, но угробил все, что можно и нельзя. Можешь обливать его слезами сколько твоей душе угодно, но покойник был дурак и погиб по-дурацки.

– Да что ты в этом понимаешь! – крикнул Филипп и осекся, почувствовав, что краснеет. Он ведет себя как мальчишка, позволяя этому подонку с собой играть.

– В чем? В дураках? – осведомился братец. – Очень даже понимаю. Но о них поговорим позже. Я завтра еду на север, наше новое величество изволило дать мне поручение.

Филипп промолчал. Какое ему дело до поездки Базиля, уберется отсюда, и ладно!

– Ты поедешь со мной, так что собирайся.

– Я с тобой никуда и никогда не поеду! Я не желаю тебя знать!

– Угу. А заодно ты меня ненавидишь, презираешь и считаешь мерзавцем, подонком и негодяем, предавшим короля.

– А что, не так?!

– Допустим, что так, – пожал плечами Базиль, – конечно, Арция знала негодяев и покрупнее, но я тоже ничего. Нет, решительно, попадись мне этот Леонард с его честью, я бы сам его убил. И он бы не мучился, и ты бы, глядишь, соображал получше.

– Ты бы с ним не справился, – вскинулся Филипп.

– А из-за угла? – улыбнулся граф Мо. – Мы, негодяи, полны коварства и всегда наносим удар ножом из-за угла. Твой дядя – я говорю не про Фернана, а про Тагэре – был лучшим воином Арции. Помогло ему это? Нет. Хотя так, как дрался ОН, твоим

леонардам и не снилось.

– Убирайся! – Филипп понимал, что ведет себя глупо, по-детски, но видеть кривоватую усмешку на красивом лице братца было выше его сил. – Вон! Убирайся… Или я тебя убью!

– Уберусь, – не стал спорить Базиль, – но убивать меня не надо. За тебя это сделают другие, и гораздо лучше. Я еду в Гвару.

– В Гвару?

– В нее, – подтвердил Базиль, – к Лосю. Везу письмо Тартю. Надо полагать, Рорик проявит меньшую изобретательность, чем твой кумир Кэрна, и просто оттяпает мне голову, но тебя он не обидит. Ты – сын Филиппа и любимый племянничек Александра, а с мозгами у вас не в порядке одинаково, так что споетесь.

– Я никуда с тобой не поеду!

– Даже чтобы посмотреть, как торжествует справедливость? Если хочешь знать мое мнение, а даже если и не хочешь… Тартю пришел надолго. Оргонде не до жиру, лишь бы отбиться. Если эта страна заполыхает, то только с севера. Так что, братец, собирайся. В Мунте тебе с твоим характером и положением делать нечего.

– Я не побегу. Тагэре не бегают!

– Нет, ты не племянник Александра, ты – его сын, а заодно – внук этого клятого Леонарда! Если хочешь что-то сделать, ты должен быть живым и свободным, осел ты эдакий!

– А тебе это зачем? – нахмурился Филипп. – Тебе, предателю…

– Для разнообразия. Захотелось предать еще и Тартю. Погоди…

Дверь распахнулась, пропустив Элеонору и незнакомого циалианского рыцаря. Базиль раздраженно посмотрел на мать, но та не удостоила его даже взглядом.

– Филипп, – пропела бывшая королева, – Его Величество дарит братьям своей невесты одну из королевских резиденций. Речной Замок принадлежит вам и Александру, равно как и провинции Эстре и Мальвани, во владение которыми вы вступите, достигнув совершеннолетия. Сигнор Арвэль прибыл, чтобы сопровождать вас.

– Матушка, – тихим голосом осведомился Базиль, – а вы также переезжаете в Речной Замок?

– Мое место рядом с тем из моих сыновей, кто более всего во мне нуждается, – надменно заявила Элеонора, – кроме того, я должна проследить за подготовкой приданого. Разумеется, я буду навещать Филиппа и Александра, но сейчас им нужнее воспитатели и наставники. Этот достойный рыцарь Оленя будет давать уроки воинской доблести, он же и проводит Филиппа и Александра в их новые владения.

– Я – бастард, – твердо сказал Филипп, – и не могу быть хозяином королевской резиденции. Я согласен сопровождать графа Мо в его поездке на север.

– Сожалею, – подал голос Белый, – но это невозможно. Монсигнор несовершеннолетний, его опекуном является Его Величество, а он определил, что братья Ее Высочества Элеоноры должны отправиться со мной. Миссия, порученная графу Мо, может быть исполнена лишь взрослым мужчиной и опытным бойцом. Его Величество не считает возможным подвергать опасности своих юных подопечных.

– Его Величество весьма заботлив, – с непроницаемым лицом заметил Базиль, – что ж, Филипп, поезжайте с ситнором. Вам и впрямь следует многому научиться. Я, разумеется, с разрешения августейшего опекуна, навещу вас по возвращении из Гвары, – Базиль задумчиво тронул книгу. – Говорят, если перед дальней дорогой откроешь наугад страницу, узнаешь свое будущее… Хм… Что бы это могло значить? «Леонард смотрел на людей, которых знал всю жизнь, и видел их словно бы впервые, а может быть, он впервые смотрел открытыми глазами на свою жизнь…»

2895 год от В.И. 19-й день месяца Зеркала ДОННАЯ КРЕПОСТЬ

На древней башне, такой же серой, как и осеннее небо, развевалось полосатое эскотское знамя – вернее, не знамя, а несколько широких разноцветных лент, прикрепленных к одному древку. Пришли! Пришли, Проклятый побери!

Луи Трюэль махнул рукой в перчатке своим – дескать, остановитесь – и послал коня вперед. Он поставил на карту все: жизнь людей, которые пошли за ним, месть, долг. Если Лось переметнется к победителю или, послав к Проклятому всех, решит прибрать к рукам Эстре и стать полным хозяином Приграничья, ему никто не помешает. Луи знал слишком многих предателей, чтобы верить до конца кому бы то ни было, кроме… кроме тех, с кем на этом свете он уже не свидится. Он не знал ничего ни о братьях, ни о Сандере, ни об остальных «волчатах», подгоняя своих людей и уводя все дальше и дальше на северо-восток. Ему поверили и за ним пошли, потому что, кроме него, никого не осталось. Хайнц привык подчиняться, Морис Шаотан был слишком подавлен, и граф Трюэль, стиснув зубы, изображал, что знает, как надо поступать.

Каждую ночь он спрашивал себя, правильно ли сделал, приказав отступать на Гвару, – может, стоило захватить корабли и попытаться уйти в Оргонду, как некогда Филипп? Нет, им не

дойти, ортодоксы наверняка постарались блокировать Лиарэ, да и время для морских походов неподходящее. Не лучше ли было отступить в Тагэре? И оказаться между Тартю и Ноэлем? Нет, если Лось не изменит договору, они выбрали правильное решение, а если изменит?

Тяжелая решетка дрогнула и со скрипом поползла вверх, затем опустился и мост. Луи ждал. Подленькая часть его сознания шептала: поверни коня и беги. Эскотцы – те же фронтерцы; пока вы были сильны, они с вами пили, вы проиграли – и они вас продадут с потрохами.

На мосту показался высокий парень в серо-черно-малиново-изумрудном плаще. Воин был без шлема, в ярком зимнем берете, из-под которого выбивались длинные соломенные волосы. Луи узнал его – один из тех, кто неимоверно давно сподличал на турнире, ударив по лошадям, а не по всадникам. Тогда в седлах удержались только Рито, Артур и господин Игельберг. Луи словно бы вживую услышал бесшабашный смех мирийца и значительные речи дарнийского наемника… Оба мертвы. Скорее всего мертв и Артур – Бэррот не из тех рыцарей, которые переживают своих королей, для этого он слишком предан и благороден, а он, Луи? Он пережил Сандера и даже удержал Хайнца и Мориса, готовых броситься на Тартю. Удержал и привел сюда, в Приграничье…

– Друг Луи, – желтоволосый эскотец с улыбкой коснулся прикрепленной к берету пряжки с серебряной лосиной головой. – Донная Крепость приветствует тебя. Желаешь отдохнуть или сменишь коня и продолжишь путь?

Сменить коня? А, понятно… Эскотец (как же его, Проклятый побери, зовут?) принял его за королевского посла. Они же еще ничего не знают, ничегошеньки…

– Я не один, друг. – Только друг ли он на самом деле? – Со мной около тысячи людей, в том числе полторы сотни пленных фронтерцев.

Зеленоватые глаза собеседника полыхнули варварской радостью.

– Арция взялась за тростниковых кабанов?! Друг Луи привел авангард? Не сомневайся, господарь выступит немедленно, до зимы мы пройдем до самой Тахены, не будь я Ласло Ра-Дан!

Точно! Ласло Ра-Дан, сын старшей сестры Лося, отменный наездник и рубака, и вроде бы без двойного дна.

– Я привез плохие новости, – четко произнес Луи, – очень плохие, по крайней мере для Арции. Александр Тагэре был предан фронтерцами и графом Рогге и погиб в битве. Мы вырвались, нагнали фронтерцев и разбили, а вожаков взяли в плен, но это ничего не меняет. В Мунте сидит Пьер Тартю.

Ласло молчал, над старой башней кружились какие-то птицы – то ли голуби, то ли вороны.

– А Гаэтано? – По тому, как дрогнул голос эскотца, Луи понял – Ра-Дан и правда друг.

– Мы поймали его коня, он был без всадника.

– Да, – согласился Ласло, – Рафаэль мог оставить седло только мертвым. Я знаю, сначала умер он, и лишь потом король. Вам надо отдохнуть, Донная Крепость в вашем распоряжении. А я поскачу в Гвару… Проклятый, ну как же это?!

2895 год от В.И. 1-й день месяца Волка НИЖНЯЯ АРЦИЯ

Серпьент в образе совершенно неуместной в осеннюю пору бабочки отправился на разведку, воспользовавшись отсутствием ветра и проглянувшим сквозь серые тучи солнышком. До Гвары оставалось не так уже и много, но Рито это не вдохновляло. То, что они, оторвавшись от погони, уходили на северо-восток, было мудрым и дальновидным, но мудрые и дальновидные поступки у мирийца с детства вызывали судороги. Более того, Кэрна был уверен, что, если он начнет задумываться о том, что творит, сумасшедшая удача байланте его оставит. Однако северо-восток ничуть не хуже юго-запада, а свалившихся на голову спутников нужно было куда-то девать.

Кэрна предпочел бы остаться один, хотя он спокойно выносил Крапивника, несмотря на его сварливость. С Яфе он тоже спелся, но эрастианский монах, весьма посредственно сидящий на лошади и то и дело осеняющий себя Знаком, – это было слишком. А Николай считал своим святым долгом утешать Рито и наставлять его на путь истинный.

Нет, в Гвару! В Гвару! Оставить молельщика Лосю и кардиналу, а самому… На этом мысли Кэрны обрывались, так как загадывать вперед он терпеть не мог. Раньше за него решал Сандер, отвечавший за всех и вся, теперь король и друг мертв. Рито сжал кулаки – в который раз захотелось завыть.

– Размышляющий о прошлом смотрит в небо, а видит ад. – Яфе в арцийской теплой одежде выглядел диковато, главным образом из-за бороды, с которой не желал расстаться.

– Я согласен взглянуть на ад, если захвачу туда несколько тварей.

– Кровь всегда пахнет кровью, – атэв опустился на корточки рядом с мирийцем, – твое сердце не успевает за ногами твоего коня. Ты остался рядом с телом Эссандера, послав с нами свою тень. У прошлого, как у скорпиона, на хвосте – жало, не нужно

держать его за хвост.

– Я не держу, – махнул рукой Рито, – это оно меня держит. И тебя, думаю, тоже, иначе ты давно бы побрился.

– Если судьба скажет мне – обнажи лицо, я это сделаю, но пока она лишь смеется нам в спину, как обокравшая гостя танцовщица. Но ты не хочешь ехать туда, куда мы едем.

– Не хочу, но это нужно. Господарь Гвары может что-то знать, хотя я больше надеюсь на кардинала.

– Зеленому калксу есть дело до земного? – Яфе невольно скосил глаза в сторону давшей им приют пастушеской хижины, у которой виднелась коленопреклоненная фигурка. – Воистину, говорящий с небом обладает терпением болотного льва в придорожных кустах.

– Жорж Мальвани был рыцарем. Не знаю, с чего он рехнулся и подался в эрастианцы, но гварский кардинал больше воин, чем монах, а при Беток он и его брат спасли Арцию.

– Тогда мои глаза будут рады видеть зеленый цвет. Ты хочешь оставить Николая в Гваре? Но четки судьбы нанизаны не нами, и там есть и его бусина, – смуглое лицо помрачнело, – мы были призваны спасти Эссандера, но шестихвостый садан рассудил по-своему. Если нет города, в который ты едешь, не миражом ли становится и сама дорога. Моя сабля готова ласкать шеи врагов, но куда пойдут наши кони, друг? Где сын Эссандера? Где чумной источник? Кто из него уже напился?

– Вы мне лучше вот что скажите, – Крапивник, как всегда, выскочил, будто прыгун из хаонгской шкатулки с секретом, – кому это пришло в голову приделать лошади рог, заставить ее прыгать по полосатой кошке размером с кабана и все это брякнуть на щит?

– Лошадь золотая или серебряная?

– Серебряная? Держи рот шире. Серая какая-то, хоть и с отливом…

– Серебряный единорог, попирающий тигра? – Лицо Рафаэля скривилось от отвращения. – Это же граф Мо, а вернее, Базиль Гризье! Подлый ублюдок… Где ты его видел?

– Где-где? – Серпьент был явно доволен собой. – Недалеко, хотя вашим клячам добираться оры две… Там их целый отряд. Я проводил их малость, а потом вижу, они надолго в каком-то селе застряли. Едут, не торопятся. Там выпьют, тут опохмелятся…

– Этот Гриж – враг? – перебил разведчика атэв.

– Да, – угрюмо кивнул Рито. – Он сын нашей бывшей королевы и предатель. Если б не сговор Вилльо, Тартю и Рогге, ничего бы не случилось.

– Он – тот сын свиньи, с которым ты обошелся так, как

обошелся? Я не думал, что он сможет встать с кровати.

– Его брат. Тот, что гнался за нами до владений Серпьента…

– Хо, – глаза атэва вспыхнули, – лисица думала, что охотится на тушканчика, а это сокол охотился за лисицей. Мы схватим презренного за хвост! Много с ним людей?

– Немало, – хмыкнул Серпьент, – сотня или около того, и все хотят жрать и спать.

– Исполнение их желаний ведет к исполнению наших, – ухмыльнулся Яфе, – пусть слуги видят сны, а господин увидит нас.

– Но ты ведь не убьешь спящего, не дав ему возможности покаяться? – заволновался подоспевший Николай.

– Трус должен видеть свою смерть, – успокоил инока атэв, – смерть предателя не должна быть легкой и милосердной…

– Нет, Яфе, – вмешался Рито, – мы его не убьем.

– Мы дали клятву мести. – Судя по всему, Яфе ничего не понимал.

– Да, – подтвердил Рито, – но сын Элеоноры нам нужен живым. Серпьент, как ты думаешь, мы сможем разлучить его с охраной?

2895 год от В.И. 1-й день месяца Волка НИЖНЯЯ АРЦИЯ

Если б Базиль мог убить лейтенанта Эсташа, он бы это сделал не задумываясь. Мелкий дворянчик, чей отец подался на службу еще к Орельену Тартю, не только метил в маршалы Арции, но и вел себя так, словно уже стал им. Наглец и подхалим, гнуснее не бывает, но приходилось терпеть. Базиль довольно быстро смекнул, что сопровождающий его эскорт, по сути, является конвоем. Пьер боялся, что посол в последний момент решит поберечь голову от гварского топора и вернется или сбежит, а ему нужен повод обвинить Лося и, самое важное, Жоржа Мальвани. Сначала Гризье удивляла жизнерадостность спутника-конвоира, так как тот отнюдь не походил на храбреца, а гварцы, казнив посла, вряд ли отпустят его свиту, но Эсташ проговорился, что его дело – проследить, как граф Мо перейдет границу, и ждать его на арцийском берегу речки Ароны. В том, что у переправы караулят разъезды Рорика, Базиль не сомневался. Стало быть, «охрана» полюбуется на то, как его схватят, и отбудет доложить. Ну и Проклятый с ними!

Странное дело. Поняв, что выбора у него нет и умирать придется, Базиль не то чтобы успокоился, но махнул на все рукой. Что будет, то и будет, до Ароны печалиться не о чем, а после –

поглядим. Возможную смерть Гризье из головы выкинул, но от Рубена Эсташа его тошнило. Особенно когда тот заводил светскую беседу.

Будь на месте Базиля кто-то из покойных «волчат», лейтенант бы отправился к праотцам раньше того, кого он вез, но граф Мо был братом и сыном. Как бы он ни препирался с родичами, он не мог поднять руку на доверенное лицо нового короля. Рубен и иже с ним повернут все так, что отдуваться придется покалеченному брату, матери и, что самое печальное, Норе, которую и так ждало мало хорошего.

Базиль слушал несмешные шутки, время от времени отвечая так, что другой на месте Эсташа схватился бы за меч, но лейтенант новой гвардии был мудрым человеком. Он немедленно «вспоминал» о важном деле и отъезжал в сторону, а потом появлялся как ни в чем не бывало. Через кварту Базиль стал считать дни до Ароны, полагая, что Рубен делает то же самое. Будь на то его воля, граф Мо и не подумал остановиться, но ранняя зима потребовала заменить лошадям подковы, а это требовало дневки.

Деревушка, в которой задержалось посольство, была небольшой, но довольно-таки зажиточной. О новом короле здесь уже слышали, и радости на селянских физиономиях это не вызывало. Люди угрюмо молчали, выполняя приказы и просьбы незваных гостей, и Гризье с неожиданным злорадством подумал, что север рано или поздно покажет зубы.

Стараясь не обращать внимания на неотвязно следующих за ним гвардейцев, Базиль прошелся по главной деревенской улице. Летом, когда стены и плетни обвивал зеленый хмель, а под окнами цвели мальвы и гирасолы, здесь, без сомнения, было весьма недурно, но на грани осени и зимы все казалось жалким и ненужным, как его собственная жизнь. И в довершение всего у колодца болтался Эсташ, которому тоже было нечего делать.

– Мои приветствия, граф. – Хоть бы кто-нибудь когда-нибудь этого гусака удавил! – Вы не находите, что слухи о красоте здешних девок малость преувеличены?

– Нахожу, что красота встреченных нами дам соответствует вашей доблести, лейтенант.

– Вы намекаете, что красота вашей сестры достойна доблести нашего государя? Жаль, если вы не сможете присутствовать на свадьбе…

– Нельзя успеть всюду, мой дорогой лейтенант, но уж вы-то наверняка увидите и эту церемонию, и множество других. Не сомневаюсь, вы проживете долго и про вас в Мунте сложат песни.

– Значит, вы думаете, что моя слава сравняется со славой

рода Вилльо?

– Что вы, сигнор Эсташ, вы затмите нашу семью. В этом я не сомневаюсь. Новая гвардия будет истинной опорой трона, а вы во всем будете брать пример с Его Величества и достигнете куда больших высот, чем я или мой несчастный брат. Возможно, вам удастся сделать то, чего не удалось мне и капитану Клеману, и вы встретите маркиза Гаэтано. Или же он вас встретит,…

Что с вами? Вы переменились в лице. Неужели сама мысль о Рафаэле Кэрне для вас столь неприятна? Воистину, вы во всем берете пример с государя. Когда-нибудь вы непременно станете последней преградой между грудью Его Величества и мечом безумного мирийца. – Базиль повернулся и быстро пошел прочь. У кузницы он увидел своего коня, которого держали двое гвардейцев.

– Готово?

– Да.

– Седлайте.

– Но, сигнор…

– Я сказал, седлайте. Если вам приспичило ехать за мной, езжайте, но не ближе чем за сотню ланов. Вы хотите что-то сказать?

– Н-н-нет, – протянул невысокий гвардеец с родинкой на виске, а его товарищ бросился за сбруей. Базиль, постегивая себя по голенищу выдернутым из плетня прутиком, молча ждал. Гвардейцы возились долго, но одного жеребца нельзя седлать бесконечно, а Эсташ не появился. Ухмыльнувшись, Базиль вскочил в седло и поехал прочь. Караульщики, без сомнения, тащились сзади, но Базиль уже привык о них не думать. Сначала он пустил коня по дороге, но затем его внимание привлекла запоздалая рыжая бабочка, сначала усевшаяся на рукав, потом перебравшаяся на ухо лошади и затем полетевшая впереди. Граф, сам не зная зачем, свернул с тракта в степь. Его словно бы что-то тянуло за помилованной осенью летуньей, а бабочка весело кружила вокруг, рисуя в воздухе замысловатые петли. Они проехали овраг, обогнули заросшую низкими деревьями длинную горку, на вершине которой красовались какие-то развалины, впереди показались вершины неизбежных в этих краях тополей. Бабочка снова присела на лошадиную шею, затем взмыла вверх и распластала крылышки, подражая парящему орлу.

Это было смешно, пока сзади не послышался какой-то свист и крики. Базиль обернулся и успел заметить, как два его непрошеных спутника валятся на землю со стрелами в груди, а затем в воздухе что-то свистнуло, но не стрела! Плечи Базиля сдавило, и неведомая сила вырвала графа из седла, швырнув его

на подмороженную землю. Перед глазами вихрем пронеслась стая рыжих бабочек, и все исчезло.

Пришел он в себя не сразу, а когда пришел, первым, кого он увидел, был маркиз Гаэтано, встречу с которым он столь навязчиво обещал Эсташу. На рукаве у мирийца сидела проклятая бабочка, а рядом стоял пресловутый атэв, державший в руках свернутый аркан. Вот, значит, как… Мысли разбегались, голова гудела, но Базиль заставил себя подняться. В глазах потемнело, а когда он снова смог видеть, бабочка куда-то исчезла, зато появился плотный зеленоглазый парень с удивительно неприятной физиономией.

– Вот мы и встретились, Базиль Гризье, – негромко произнес Кэрна. Базиль стиснул зубы, пытаясь собраться с мыслями. Дурацкое начало, да и сам разговор будет не лучше.

– Маркиз Гаэтано? – Проклятый, ну зачем все это… Ведь и так все ясно. – Я, признаться, думал, что вы уже в Оргонде…

2895 год от В.И. 1-й день месяца Волка НИЖНЯЯ АРЦИЯ

– Вот мы и встретились, Базиль Гризье. – Пошлая фраза, словно из романа, что вечно с собой таскает племянник Сандера. Но как прикажете говорить с этой тварью? Одна надежда на то, что Гризье – трус и сам выложит все, что знает.

– Маркиз Гаэтано? – Глаза графа Мо были все еще мутными. – Я, признаться, думал, что вы уже в Оргонде. А вот ваших спутников я не имею чести знать, хотя это не столь уж и важно. Вряд ли мы встретимся еще раз.

– Разве что в Преисподней, – огрызнулся Рафаэль, разглядывая пленника. Что он знает? Дети Сандера пропали в день битвы, но Вилльо замыслили предательство давно и продумали все до мелочей. Кэрна ненавидел всех Вилльо, но Базиля, пожалуй, больше остальных. Почти так же сильно, как Аганна, но одно дело – убить или искалечить в бою, и другое – прикончить пленника, какой бы тварью тот ни был.

– Нас четверо по желанию Баадука, и у нас четыре коня, – заметил Яфе, – предатель умрет так, как должно.

– Яфе, – Николай заметно побледнел, – этот ваш обычай… Церковь наша Единая и Единственная…

– Предатель должен умереть как собака, – пожал плечами атэв, – но, если твои глаза не могут этого видеть, достанет и трех лошадей или же двух, если Серпьент не пожелает.

– Пожелаю, пожелаю, – закивал Крапивник, – ох уж эти клирики. Как говорить, так они завсегда, а как работать, так их и

нет. Давай кончать с ним, что ли…

Базиль молчал, безуспешно пытаясь вытереть о плечо текущую из уголка рта струйку крови.

– Я не вправе остановить земной суд, ибо он справедлив, – словно бы извиняясь, подал голос Николай, – но я готов напутствовать вас в жизнь вечную.

– Не нужно, – пленник кривовато – мешала разбитая губа – усмехнулся, – в моем положении есть одно светлое пятно – я отправлюсь в преисподнюю собственным ходом, без провожатых. Не спорю, я бы предпочел, чтобы меня прикончили по-арцийски, но выбирать не приходится…

– Может, и приходится, если дети Александра у вас, – прервал его маркиз Гаэтано. – Ты знаешь, где они?

Фиалковые глаза вспыхнули и погасли. Гризье молчал, то и дело неуклюже отирая кровь о плечо. По виду пленника было не понять, то ли ему нечего сказать, то ли он не говорит из принципа. Пауза затягивалась. Крапивник в нетерпении переминался с ноги на ногу, Николай шептал какую-то молитву, стараясь глядеть в сторону, Яфе невозмутимо смотрел перед собой.

– Ты будешь говорить? – раздраженно спросил Кэрна. – Подумай хорошенько.

– Нет, – покачал головой граф Мо и пояснил:

– Вас четверо, я один и связан. Отвечать с моей стороны будет трусостью. Не хочу умереть совсем уж пошло.

– Аганна я не убил, – резко сказал Кэрна, – тебе есть из чего выбирать.

– Разве? Что-то незаметно…

– Да что вы с ним церемонитесь?! – Серпьент прямо-таки рвался в бой. – Отдайте его мне, он все выложит. Против хорошей крапивы все его фанаберии – чепуха.

– Какая крапива об эту пору, – отмахнулся Рафаэль.

– Какая, какая… – передразнил Серпьент и уставился в землю, словно намереваясь ее пробуравить взглядом. – А вот какая!

Сквозь палую листву прорвалось и полезло на волю нечто зеленое! Изумрудные ростки нагло перли ввысь, разворачивались зубчатые листья, в пазухах между ними появлялись сережки, не прошло и десятинки, как среди глухой осени красовался крапивный куст в человеческий рост.

– Ну, раз выросло, грех не использовать, – прервал молчание Рафаэль, – сам займешься?

– А то как же, – ответствовал Кулебрин, – зря я, что ли, старался?!

Серпьент вырвал здоровенный пучок крапивы, по всему не причинивший ему никаких неприятностей, и подмигнул остальным:

– А ну, давайте-ка эту ящерицу!

– Да не развяжется завязанное, – кивнул Яфе, – сын свиньи сам разденется или помочь?

– Я – Гризье, а не Изье, – пожал плечами пленник, – мне не понравится, если меня разденут мужчины. Развяжите руки, разденусь сам.

Ночь выдалась ясной и холодной, звездная Рысь, лениво щурясь, глядела вниз, на ожидавшую снега землю. В зеленоватых глазах не было ни сочувствия, ни злорадства, ни хотя бы любопытства.

Атэв одним ударом перерезал веревку, и граф Мо размял затекшие кисти. Драться было глупо, бежать еще глупее. От крапивы еще никто не умер, более того, Базиль смутно вспомнил, что его старуха-кормилица лечилась крапивой от ревматизма. Другое дело, что любой уважающий себя арцийский рыцарь предпочел бы порке крапивой удар мечом, впрочем, ему, похоже, выпало два горошка на ложку. Сначала – унижение, а потом – смерть. Что ж, он постарается не доставить своим врагам ожидаемого удовольствия.

С легкой улыбкой пленник расстегнул и бросил к ногам молчавшего Николая эллский кожаный пояс, следом полетела верхняя туника, подбитая стриженым мехом куртка, шерстяная верхняя рубашка, тонкая сорочка…

– Мало, – рявкнул Крапивник, – штаны снимай. Живо!

– У вас изумительные друзья, маркиз Гаэтано, – почти весело сказал Базиль, – атэв, клирик и нечто вовсе несусветное. Если мне положено последнее желание, скажите, кто это и где вы его откопали?

– Я? – задохнулся от негодования Серпьент Кулебрин. – Я-то крапивное семя, а вот ты кто такой?

И тут Базиль Гризье расхохотался, закинув красивую голову. Он не кривлялся, не фиглярствовал, а именно смеялся, безуспешно пытаясь стереть выступившие слезы.

– Не вижу ничего смешного, – надулся Крапивник, – я Хозяин Крапивы и всего сопредельного. Мне подвластна…

Базиль, дрожа то ли от смеха, то ли от холода, только махнул рукой, не в силах ничего сказать.

– Ты у меня сейчас смеяться перестанешь, – нахмурился вконец разобидевшийся Серпьент.

Рафаэль не так уж хорошо и знал Базиля, тот всегда был тенью своего сволочного братца, но Жорес, окажись он в такой

ситуации, вел бы себя иначе. Уж в этом-то Кэрна был уверен. Аганн мог угрожать, оправдываться, обещать выкуп, предлагать обменять его на кого-то из пленных или заложников, да мало ли что, но такой безнадежной дерзости ожидать от него не приходилось.

Если б граф Мо умолял, торговался или валил все на Тартю, Рогге и брата, Рито прикончил бы его не задумываясь, но пленник не умолял и даже ничего не предлагал. Это сбивало с толку.

– Где дети Александра?

– Где-то.

– Ты должен знать.

– Я никому и ничего не должен. Маркиз, давайте закончим этот дурацкий разговор. И вообще все закончим – холодно…

– Потерпишь… Куда и зачем ты ехал?

– По делам, – пожал плечами Гризье.

– Да в Гвару он едет, – доложил Крапивник.

– К Лосю?!

– Ага, что-то там про лосей было такое…

– Николай, обыщи его.

Эрастианец несколько смущенно перетряхнул ворох одежды, но, кроме атэвской монетки с пробитым отверстием, лежавшей отдельно от кошелька, не нашел ничего.

– Это носил в гриве Дженнах, – удивился Яфе, – откуда она у сына собаки?

– Нашел, – соизволил ответить пленник, – на дороге, взял на счастье.

– Сухейль-арад [26] верен своему коню, как конь всаднику. Он нашел Дженнаха, а ты нашел нас.

В лиловых глазах мелькнуло что-то малопонятное.

– Теперь буду знать. Впрочем, я так и думал, что эта штука неспроста, потому и поднял. Как бы то ни было, я вас догнал. Тартю и матушка могут быть довольны. Надеюсь, они узнают о нашей встрече, а то неудобно получится.

– Мы уж постараемся, – заверил Кулебрин.

– Брат мой, – Николай не оставлял попыток убедить пленника хотя бы осенить себя Знаком, – зачем так говорить на пороге Вечности? Сейчас надо думать о другом…

– А как же мне разговаривать? – перебил Базиль. – Дергать Творца за подол, когда прихватило? Пошло. Да и плевать ему и на меня, и на вас, и на все остальное.

– Раз уж ты заговорил, – быстро сказал Рито, – ответь, зачем тебе Лось?

– Я везу ему приказ признать Пьера Тартю своим сюзереном и заплатить налоги.

Так. Вот это новость! За такое Лось отвернет башку и не чихнет. Сандер и тот Рорику не приказывал, а это ничтожество Тартю! Но если так…

– Лось за такое убьет.

– Вряд ли, ведь меня убьете вы, так что у гварского графа ничего не получится.

– Рехнулся только ты или твои люди тоже?

– Нет, они в здравом рассудке. Отряд новой гвардии проводит меня до границы и станет лагерем, дальше я поеду один.

– Не обольщайся. Люди Лося тебя встретят. Про Гразу в Гваре знают, так что граница на замке.

– Значит, встретят. Прятаться не буду.

– Дай ему меч, – внезапно подал голос Яфе, – он враг и сын врага, но не гиена. Пусть умрет как мужчина.

– Попробую, – согласился Базиль, – если б со мной были мой братец, причем в надлежащем виде, и парочка дядюшек, у нас вышел бы прелестный бой, а так… Приложу все усилия, но очень удивлюсь, если маркиз Гаэтано не прикончит меня вторым выпадом. Я даже согреться не успею.

– Одевайся, – заорал Рафаэль, – и убирайся к Проклятому, чтобы духу твоего здесь не было!

– К Проклятому? – переспросил Базиль, наклоняясь за рубашкой. – А это мысль. Самая подходящая для меня компания.

2895 год от В.И. 1-й день месяца Волка МИРИЯ. КЕР-ЭРАСТИ

Если бы тридцать пять лет назад Энрике Кэрне сказали, что самым тяжким испытанием для него будет дотронуться до Эвфразии, он бы рассмеялся. Как часто нам кажется невозможным именно то, что сбывается. Герцог отточенным движением подал обернутую лиловым плащом руку закутанной в белое супруге. Траура по дочери Эвфразия не носила – не считала нужным, ведь, посвятив себя небу, нельзя скорбеть о земном. К тому же мать так и не простила Дариоло отказа от пострига и бегства, она вообще не умела прощать. Думать, впрочем, тоже.

Двери, ведущие в Тронный зал, распахнулись, церемониймейстер трижды ударил жезлом в пол, возвещая о появлении повелителя Мирии. Энрике, твердо ступая по черному мрамору и соразмеряя свой шаг с шажками Эвфразии, прошел к украшенному пылающим сердцем трону. Герцог представлял, что будет говорить Жорес Вилльо-старший, прибывший вчера вечером в качестве нового арцийского посла. Энрике знал, чего от него

ждут и что должен сделать, как владыка не столь уж и большого государства и верный сын Церкви Единой и Единственной.

Брат бывшей арцийской королевы и дядя будущей был все еще хорош собой. Высокий, светловолосый, в элегантном темно-красном костюме, оживленном орденскими цепями, он казался воплощением благородства и значимости. Энрике наклонил голову в ответ на прозвучавшее приветствие.

– Я готов выслушать послание Пьера Тартю. Говорите.

– Мой герцог, – если Вилльо и был ошарашен, то виду не показал, – я говорю от имени Его Величества короля Арции Пьера Седьмого Лумэна.

– Нет, граф, вы не представляете и не можете представлять короля Арции по причинам, которые знаете не хуже меня. Престол Мунта не может занимать бастард или потомок бастардов. Престол Мунта не может занимать узурпатор. В настоящее время по праву крови и по завещанию Александра Тагэре королем является старший сын герцога Ларрэна Этьен.

Энрике спокойно смотрел на посла Тартю, ожидая ответа. «Рафаэль, где бы ты ни был. Когда-то я предал и оскорбил и тебя, и Даро, но я больше никогда не предам ни тебя, ни память девочки. Никогда».

– Монсигнор, – Жорес все еще пытался уладить дело миром, – я понимаю, что вы скорбите о вашей дочери и ее супруге. Поверьте, Его Величество скорбит о них не меньше. Так же как и о юном герцоге Ларрэне и его брате, скончавшихся от скоротечной горячки.

– Я не желаю слышать под этими сводами о скорби Пьера Тартю, в которую я не верю, равно как и в причины смерти Этьена Ларрэна.

Я принял вас лишь для того, чтобы вы передали тем, кто вас послал, что Мирия не признаёт и никогда не признает королем Арции узурпатора и убийцу. Вы можете забрать с собой тех подданных арцийской короны, которые сочтут нужным вернуться на родину в вашем обществе. Граф Койла, – герцог повернулся к бывшему арцийскому послу, – я настоятельно советую вам и вашему семейству остаться в Кер-Эрасти под моей защитой.

– Я благодарен вам, монсигнор. – Граф преклонил колено, и Энрике заметил, что губы у него трясутся. У него, у бывалого дипломата! – Мы не смели и надеяться…

Конечно, не смели, ведь то, что он совершает, – безумие, но иначе он не может.

– Я с радостью оказываю эту услугу нобилю, не предавшему своего сюзерена. – Герцог поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. По дороге к двери он готовился к неизбежному, и оно

незамедлительно последовало.

– Вы поступили недопустимо, – огромные черные глаза Эвфразии яростно сверкнули, – Пьер Лумэн поддержан Церковью нашей Единой и Единственной, его права на престол неоспоримы.

– Как права мыши на сыр в буфете. – Энрике налил себе вина и выпил. Неужели это женщина, которую он когда-то так любил? Неужели это мать, потерявшая дочь и ничего не знающая о судьбе сына?

– Вы не смеете так говорить о решении конклава.

– В конклаве заседают люди, а не святые, и в душах у них не елей, а помои. Как у кардинала, взбунтовавшего Лиарэ. В любом случае князья Церкви пошли против ее столпов, признав королем узурпатора, потомка узурпаторов, да вдобавок еще и кошачье отродье. Это они совершили грех, не я.

– Вы будете наказаны за кощунство.

– Вы имеете в виду, что меня отравят? Может быть, и так.

– Монсигнор, – герцогиня выпрямилась во весь рост, – если вы не образумитесь, я буду вынуждена оставить вас и удалиться в обитель.

– Как вам будет угодно.

Если она и впрямь удалится, в его жизни мало что изменится, разве что не придется кривить душой. Вот если б она оставила его, когда была жива Рената…

Эвфразия, гордо вскинув голову, вышла, но ее сменил Антонио.

– Монсигнор, я не должен перечить своему сюзерену и отцу, но дальновидно ли вы поступаете…

– Нет.

– Я… Я приказал задержать сигнора Вилльо, он готов забыть ваши слова.

– Вот как? – Герцог нехорошо улыбнулся. – Я слишком долго ждал, когда мой наследник проявит самостоятельность, но, когда он это сделал, меня это не обрадовало. Отправляйтесь в свои покои, Антонио, и не выходите без моего приказа.

Сын вспыхнул до корней волос, но поклонился и вышел. Энрике налил себе еще, но пить раздумал. Вот так и сжигают корабли. Все еще сильная рука герцога дернула за шнур звонка, вбежал дежурный аюдант. Диего был племянником Ренаты, и это было хорошим предзнаменованием.

– Соберите в Тронном зале столько людей, сколько он может вместить. Я хочу говорить с мирийцами.

– Да, монсигнор. – По тому, как вспыхнули глаза молодого человека, герцог понял, что по крайней мере один союзник у него здесь есть.

Рито с удивлением смотрел на приближающегося всадника. Базиль Гризье галопом, словно за ним волки гнались, возвращался назад. Зачем?

– И чего это забыл наш красавец? – ворчливо осведомился Серпьент, чьи усилия, равно как и крапива, пропали впустую.

– Драться я с ним не буду, – отрезал Рафаэль, – он прав, я его убью… Пусть уж лучше этим Лось занимается.

– Воистину, мы должны прощать врагам своим, – согласился Николай, и его слова поставили точку в споре, так как Гризье уже осадил коня возле удивленной четверки.

– Прошу прощения, господа, – рыцарь слегка задыхался, – наш разговор получился несколько сумбурным, и я откланялся, не сказав вам главного. Тагэре жив.

– Базиль! – Рито бросился вперед, схватив коня за узду. – Что?! Что ты сказал?!

– Я… – Странное дело, графу Мо чуть ли не в первый раз в жизни не хватило слов. – Что с королем, я не знаю, но на площади был не он. Тартю не может короноваться при живом Тагэре. Немного магии – и поверил даже ты.

– Где Сандер?!

– Пропал вместе с конем и тремя десятками людей Рогге. Их лошади нашлись, но без всадников. Синяки, циалианцы и люди Тартю рыщут по всей Гразе, никаких следов. Теперь все. Прощайте!

– Постой, – мириец удержал лошадь под уздцы, – ты вернулся только за этим?

– Да, – пожал плечами Базиль, – иногда, знаешь ли, забываешь, что ты подлец по праву рождения.

– Прости…

– Не за что. Но мне и впрямь пора.

– Пора? Тебя никто не гонит! – Рито, как всегда, принял решение с налета. – Оставайся с нами. Нечего тебе в Гваре делать!

– Арде! В вашей компании не хватает только члена нашей семейки. Спасибо, маркиз, но, какими бы ни были мои родичи, мне будет обидно, если им свернут голову из-за того, что мне приятно ваше общество. И потом, вы разве забыли? Я же должен отправиться к Проклятому.

– Тогда отправляйся. И… постарайся не сломать свою башку.

– Проклятый меня побери, если я не желаю вам того же, – Базиль наклонился и, поморщившись, сорвал ветку крапивы, – а это возьму на память… Жжется, собака! Проклятый… – еще раз

зачем-то повторил Базиль и, закусив губу, повернул коня.

Четверо в степи молча смотрели на исчезающий в печи заката темный силуэт.

– Зря ты его отпустил, – наконец буркнул Крапивник.

– Глупости, он – неплохой парень. Базиль – брат Жореса, ну и что? Жоффруа был братом Александра, Наджед брат Яфе, да и меня самого Творец братцем наградил, отворотясь не насмотришься…

– Понял, не дурак, – Серпьент Кулебрин выглядел встревоженным, – вы же слепы, как кроты. Над этим болваном когти судьбы висят. Мы б за ним приглядели, а так он со своим языком влезет куда-нибудь. Пропадет ни за грош, жалко будет.

– Жалко? Тебе? – Рито показалось, что он ослышался.

– Жалко, – подтвердил Крапивник, – мы с ним чем-то похожи, только я вечный, а он – нет.

2895 год от В.И. 1-й день месяца Волка АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Подбитый куницей плащ со странным, похожим на выросшую в поле водяную лилию цветком был красив и шел ей, но баронесса Гран-Гийо не могла чувствовать себя счастливой и спокойной. Она любила мужа, а Эгон любил ее – если б еще вокруг было поменьше горя, а будущее не тонуло в кровавом тумане.

– Ты – королева! Ты больше чем королева. – Эгон Фарни поцеловал жене руку.

Королева… Она могла бы стать королевой и матерью короля, но дорогу ей перешла прекрасная Элеонора Гризье. Когда Гастон Койла привез письмо Филиппа, Клотильде Тагэре показалось, что жизнь кончена. Если б не Маргарита, она бы умерла, но она отвечала за дочь, у которой больше не было отца. Простить она не могла, но забыть постаралась. А теперь баронессе Фарни предстоит увидеть занявшую ее место женщину, женщину, принесшую беду не только ей, но и Арции, и двоим детям, которых они с Эгоном назвали своими.

– Эгон, – Клотильда нежно сжала огромную руку мужа, – может быть, я останусь?

– Нет, – покачал головой барон, – нельзя. Нас пригласили на коронацию, я старый сторонник Лумэнов. Было бы странно, если б я не поехал, и еще более странно, если б не взял с собой жену.

– Ты же сам говорил мне, что не поддерживаешь Тартю.

– Еще бы, Проклятый меня побери! Да будь я один, я б сказал гонцу пару ласковых, но мы должны сохранить ребят. Бунт на

ровном месте не поднимешь, нужно время, нужно оглядеться по сторонам. В Мунт не только воронье слетится, будут и люди. Мне надо перемолвиться со старыми друзьями, да и самого Тартю посмотреть. Мы должны знать, с кем сцепились.

– Сцепились? – в светлых глазах женщины мелькнул испуг.

– Да, Ильда, – Эгон нежно привлек к себе жену, – другим бы я соврал, тебе не буду. Мы свой выбор сделали, и ты даже раньше, чем я. Растить детей убитого короля – дело опасное.

– Я боюсь их оставлять, – призналась Клотильда, – мало ли что…

– Мы не можем взять их с собой, слишком мало времени прошло, Шарло могут узнать с любыми волосами, да и по этикету не положено брать на коронацию бастардов, пусть и признанных.

– Я понимаю, и все-таки…

– Проклятый! В моем замке МОИМ детям ничего не грозит. Два месяца без нас они как-нибудь проживут. Шар… Анри – молодец, он и сам не проговорится, и за сестрой присмотрит. Ну, дорогая, пора. Лошади ждут.

– Идем, – баронесса поправила выбившуюся из прически прядку, еще раз глянула в зеркало, отразившее пусть и не очень молодую, но все еще поразительно красивую женщину. Итак, она после многолетнего уединения едет в столицу, на коронацию, ей нужно быть спокойной, достойной и скромной. Она – жена провинциального барона. Она ничего не знает и не понимает в политике… Узнают ее вряд ли, хотя она не так уж сильно и переменилась, но все свидетели ее юности мертвы или в изгнании. Тагэре все-таки проиграли. От огромной могущественной семьи остались лишь оргондская герцогиня да двое незаконных детей в замке Гран-Гийо… А виновата во всем Элеонора Гризье и ее родичи. Во всем!

– Ильда, – в голосе Эгона зазвучала тревога, – да что с тобой такое?

– Ничего. Я готова, – она выдавила из себя улыбку, – Проклятый всех нас побери!

2895 год от В.И. 1-й день месяца Волка НИЖНЯЯ АРЦИЯ

– Да не развяжется завязанное. Если Эссандер жив, мы должны его искать.

– Я знаю где, – откликнулся Рафаэль, – в Гран-Гийо.

– Почему ты решил, что след копыт Садана ведет туда?

– В Гразе эти стервятники все овраги и все сеновалы облазили. Живого или мертвого, они бы его нашли. Нет, Сандер

не в Гразе…

– Я слышал, ты назвал место. Там живет друг? Но если это знаешь ты, могут знать и шакалы.

– Шакалы не знают. Там живет женщина, первая жена брата Александра.

– Он прогнал ее? За что? Это очень важно… у отвергнутой женщины не сердце, а клубок из сорока тысяч змей.

– В этом сердце нет ни одной, я видел ее… Филипп женился тайно, потом началась война… Короче, этот дурак снова влюбился и женился. На матери этого самого Базиля, которого мы поймали. Про первую семью короля никто не знал, пока клирик, который их венчал, во всем не признался.

– Баадук разрешил мужчине брать столько жен, сколько он может прокормить, и это правильно.

– «У мужа может быть только одна жена, как Луна на небе, а у жены только один муж, как Солнце», – процитировал Книгу Книг доселе молчавший Николай.

– Луна меняется каждый день и ходит в окружении звезд, – не согласился Яфе, – а жена с каждым восходом становится старше на один день. Одна не заменит многих. Зачем вы давите то, что дано Всеотцом? Ваши мужчины бреют лица и хотят брить души, хотя они не евнухи. Борода все равно растет, и вместо одной женщины вы все равно хотите многих. Проще открыто держать жен и наложниц, чем красть наслаждение, как садовые сони крадут абрикосы.

– Мне не пристало спорить с тобой, – с достоинством возразил Николай.

– Истина в твоих словах, ибо нигде не сказано, что можно спорить о том, в чем не понимаешь. Рафаэль, ты знаешь женщин, ответь, стоит ли держаться за одну, когда можно получить всех?

– Не стоит, – улыбнулся мириец – в первый раз с того дня, когда выбрался из-под тела убитого рыцаря, – сердце у нас одно, это так, друзей больше трех не бывает, а женщин нужно столько, сколько захочется.

– Я покидаю вас, – вздохнул эрастианец, – ибо разговор сей приличествует воинам, но не служителям Божиим.

– В разговоре с богом нет ничего дурного, – сверкнул зубами Яфе, провожая взглядом тщедушную фигурку в зеленом.

– Дурного – нет, умного – тоже, – откликнулся мириец, – молиться – все равно что стучаться в пустой дом. Никто не ответит… Слушай, а что наш Серпьент молчит? Не похоже на него.

Крапивник и впрямь молчал, и не от хорошей жизни. Скрючившись в три погибели у стены приютившего их домишки,

он трясся мелкой дрожью, а лицо и руки его побурели, как листья в ненастье.

– Эй, – Рафаэль схватил приятеля за плечо, – что с тобой?

– В-в-вяну, – пробормотал Серпьент Кулебрин. – Что?!

– То, – натура Крапивника брала свое, – зннаешь, скккольк сил нннужно, чтобббб тттттакой куст осссеннью поддддднять… И ввввсе зззззря.

– Это лечится?

– Сссссаммо пройдддет, – простучал зубами Крапивник, – холодддно, пррроешь его гуссссеница!

– Погоди, – осенило Рафаэля, – сейчас мы тебя подправим. – Мириец вытащил седельную фляжку и сунул ее к буро-зеленым губам. – Пей!

Крапивник глотнул, закашлялся и глотнул еще. Чутье Кэрну не обмануло – физиономия Серпьента начала приобретать обычный оттенок, дрожать он тоже перестал.

– Слушай, Серпьент, – Рафаэль не скрывал облегчения, – за каким лядом ты вылез со своей крапивой? Что бы мы, без нее не справились?

– С кем поведешься, от того и наберешься, – огрызнулся тот, – вы вечно собой жертвуете, чем я хуже?!

– Ну, вряд ли сегодняшнее стоило жертвы.

– Стоило, – не согласился Крапивник, – дай еще.

– А плохо не будет? – усомнился мириец. – Ты же в первый раз.

– В первый – не в последний. – Серпьент явно чувствовал себя лучше, и Рито со смешком плеснул ему царки в оловянную кружку. Крапивник лихо ее осушил, обалдело потряс головой и вальяжно развалился прямо на промерзшей земле, а затем тишину разорвал страшный, странный вопль, от которого Рито, Яфе и лошади вздрогнули. Оказалось, ничего непоправимого не произошло.

Царка оказала на Крапивника неожиданное действие – он запел, если только этот хриплый рев можно было назвать пением. Сосредоточенно глядя перед собой, Серпьент Кулебрин самозабвенно орал самую дикую песню из всех, которые доводилось слушать маркизу Гаэтано.

Бей писак крапивой по поганым харям.
Чтобы врали через раз и не так нахально!
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо!
Трусов бей крапивой да по голым пяткам,
Чтоб забыли, как с войны драпать без оглядки.

Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо!
Бей ханжу крапивой по умильной роже,
Чтобы не поганил впредь, сволочь, слово божье!
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо!

Ушедший в дом Николай пытался молиться, но рев Крапивника путал мысли и мешал сосредоточиться. Инок забился в самый отдаленный угол, стараясь не обращать внимания на проклятую песню.

– О Творец, – шептал эрастианец, – защити рабов своих, убереги их и просвети, ибо окружены мы врагами и темно вокруг. Разгони злодеев наших и вразуми их… крапивой. – Николай в ужасе осекся, но было поздно, слово сорвалось с его губ, превратив разговор с господом в отвратительный балаган, а с улицы неслось все громче:

Бей судью крапивой по гребучим лапам,
Чтоб, скотина, загрустил и поменьше хапал!
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили…

Прислушавшись, Николай понял, что к Крапивнику присоединились Рито и Яфе, чьи красивые и сильные голоса уверенно вели варварскую мелодию, а затем с ужасом осознал, что и сам подтягивает.

2895 год от В.И. 6-й день месяца Волка ГВАРА

Роскошные шпалеры с охотничьими сценами пузырились от сквозняков. Луи бы предпочел, чтоб в отведенных ему покоях было меньше роскоши и больше удобства, но в Гваре жили не так, как в Арции и даже в Эстре. Дымящие камины и незаделанные щели Лося не заботили, что ж, придется привыкать. Граф Трюэль сбросил одеяло из медвежьих шкур, поежился – за ночь спальня выстывала до безобразия, – торопливо оделся и подошел к окну. Зима, что и следовало доказать…

Только теперь, когда стало ясно, что он не ошибся в Рорике Ра-Гваре, Луи позволил себе затосковать, чему немало способствовало неподдельное сочувствие эскотцев. Они с Лосем и гварскими нобилями целую кварту пили за упокой душ погибших на Гразском поле. Остановили затянувшуюся тризну граф Лидда и кардинал, за которыми Рорик озаботился послать прежде, чем поднял первый поминальный рог. Луи вздохнул, вспоминая, как они с гварцами и Хайнцем чуть было не прикончили ночью Жися, помешало лишь отсутствие зрителей – Рорик был ярым сторонником прилюдного торжества справедливости.

Вода в кувшине для умывания только что льдом не подернулась, но Луи не стал беспокоить из-за такой мелочи слуг, более напоминавших воинов, и кое-как умылся и побрился. Он как раз вытирал лицо, когда в дверях появился Ласло.

– Друг Луи, пусть снег засыплет твое горе, господарь хочет тебя видеть.

– Что-то случилось? – А может, Лось собрался отметить первый снегопад очередным возлиянием, с него станется.

– Прибыл посол из Мунта.

– Жабий хвост! Что ты сказал?! – Трюэлю показалось, что он ослышался.

– Посол. Называет себя графом Мо. Перешел Арону, не таясь. Когда его спросили, кто он и зачем, сказал, что к монсигнору Ра-Гвару с письмом.

Граф Мо? То есть Базиль Гризье! Невероятно… «Пудель» ни за что не полезет в ловушку, не позаботившись о защите. Заложники, не иначе, но кто? Не Александр, его живым не возьмут… Рито мертв. Остаются дети и Артур. Да, видимо, так. И ведь мерзавцы правы, они ничего не сделают Базилю, чтобы не повредить заложникам. Ничегошеньки! Но чего хочет Пьер Тартю? Хорошо, что здесь Лидда и Мальвани, будет кому удержать Лося, если тот разойдется.

– Кто он, этот граф Мо?

– Подонок и предатель.

– Это понятно, но из какого он дома?

– Он из клана Вилльо. Сын нашей бывшей королевы от первого брака, хотя королевой она как раз не была. Базиль Гризье не воин, а шут. Впрочем, в этой семейке он еще из лучших. Потому что хуже Аганна, Реви и Элеоноры быть нельзя.

– Маленькая крыса – уже крыса, – ответил поговоркой Ра-Дан, – но этот Гризье корчит из себя горного кота.

– Жабий хвост! Похоже, у него что-то в запасе. Ладно, скоро узнаем.

Эскотец пожал плечами и вышел. Об этикете в Гваре не думали, здесь мир делили на друзей и врагов, а друзья могли быть либо гостями, либо хозяевами, либо союзниками – и всегда собутыльниками. Арциец с сомнением оглядел себя в мутном, хоть и большом зеркале. Не хотелось упасть перед Вилльо лицом в грязь. Ладно, была не была, сегодня он оденется по-эскотски, надо же когда-то начинать. Только плащ оставит прежний – с волчонком.

2895 год от В.И. 6-й день месяца Волка ГВАРА

Его Высокопреосвященство Георгий плохо помнил младшего брата Жореса Аганнского, так как ничего выдающегося за этим «пуделем» не числилось. Самым значительным его поступком был приезд в Гвару. Вилльо были мерзавцами, а не ищущими мученической смерти фанатиками – видимо, Базиль Гризье уверен, что его не тронут. Кардинал помянул всуе нескольких святых (услышь это кто-то из кантисских святош, Мальвани бы лишился своего сана) и спустился в главный зал. Лось был уже там, равно как и граф Лидда, а с Луи Трюэлем они подошли почти одновременно. Жорж Мальвани отнюдь не кардинальским жестом махнул рукой другу своего племянника. Луи ему нравился, хотя вождем он не был и никогда не будет. Замечательный спутник, тонкий политик, прекрасный советчик, но не король и не полководец. Их бы с Рориком перемешать и разделить пополам, цены бы не было!

– Монсигнор Мальвани. – Лось был верен себе: для гварского вожака кардинал сначала был другом и братом маршала и лишь потом клириком, впрочем, он сам так себя поставил и не жалел об этом.

– Добрый день, Рорик.

– Ну, добрый или нет, поглядим. Садись, сейчас этого скота

запустим.

– Рорик, – шепнул Жавер Лидда, – держите себя в руках, если позиция Мунта сильнее, это полезно, если нет – тем более. Вы – граф, а не буян из харчевни.

– Понял, – буркнул Лось, опускаясь в кресло, которое выдержало бы сурианского элефанта, – пускай заходит.

Как бы Жорж Мальвани ни относился к семейству Вилльо вообще и Базилю Гризье в частности, появился этот подлец красиво. Стремительно и легко пройдя сквозь строй воинов и нобилей, затянутый в черное арциец остановился, не доходя до возвышения, на котором устроился Лось и его приближенные, быстро наклонил и поднял голову в знак приветствия и замер, глядя в лицо повелителю Гвары.

Если Рорик и придумал загодя какую-то фразу подипломатичнее, то при виде подобной наглости она вылетела из его башки, и Лось хмуро рявкнул:

– Зачем приехал?

– Я привез указ Его Величества короля Арции Пьера Седьмого Лумэна его вассалу графу Рорику Гварскому, – не моргнув глазом, произнес Гризье.

– Что? – Лось начал приподниматься. – Что ты сказал?!

– Граф Мо привез письмо от Пьера Тартю, – нарочито спокойно произнес Жавер Лидда. Это возымело действие, и Ра-Гвар плюхнулся в кресло, буркнув:

– Давай письмо.

Посол отточенным жестом отцепил от пояса кожаный футляр и протянул Ласло Ра-Данну, передавшему послание дяде. Лось выдернул свиток и уставился на него. Жорж видел, как на скулах эскотца заходили желваки, но Рорик сдержался, сунув бумагу Жаверу. Тот внимательно прочитал написанное и с улыбкой передал Мальвани.

– Ваше Высокопреосвященство, что вы думаете об этих предложениях?

Что он мог думать? Предложения были наглыми и неприемлемыми, столь наглыми и неприемлемыми, что писавший должен был понимать, какой ответ получит. Даже ради всех заложников мира Лось не исполнит навязываемых ему требований, тогда зачем это представление? Глупость или расчет? Судя по тому, что Жорж знал о Пьере Тартю и его покровителях, расчет. Им нужна ссора как повод, но для чего?

– Что скажете? – осведомился Лось, обводя советчиков налитыми кровью глазами.

– Своеобразное письмо, – пожал плечами Лидда, – сразу видно, что его написал излишне уверенный в своих силах

человек, к тому же не очень грамотный. Две ошибки – это допустимо для провинциального барона, но не для того, кто называет себя королем.

– Мне кажется, – подхватил Жорж, – нам следует обсудить это послание в узком кругу.

– Обсудить? – Огромная ручища сжала подлокотник так, что кардиналу показалось, что из мореного дуба вот-вот брызнет сок. – Эта кошачья задница называет меня – меня! – своим вассалом и требует налоги за три года вперед! Да еще чтоб я выдал друзей?! И это «обсудить»! Ты, – взгляд Лося уперся в спокойно стоявшего Базиля Гризье, – ты знал, что везешь?

– Знал, – подтвердил тот, – почти все.

– Почти?!

– Его Величество зачитал указ вслух, но я не могу ничего сказать об ошибках, так как не видел написанного своими глазами.

– И ты посмел отвезти МНЕ такое?! И думаешь выйти сухим из воды? Да чтоб вы с вашим недоноском ни надумали, я тебя прикончу.

– Постойте, Рорик, – вмешался Жавер, – письмо и впрямь оскорбительное, но, возможно, граф Мо должен передать что-то на словах. Кроме того, он располагает свежими новостями.

– Ну, – бросил Лось, – что скажешь? За чью спину прячешься?

– Если вы о том, что моя казнь означает казнь заложников, то вы ошибаетесь. Заложников, которые бы вас интересовали, в руках Его Величества нет, иначе об этом было бы сказано в письме.

– Что с детьми короля? – не выдержал Луи Трюэль.

– Не знаю. – Что-то промелькнуло в фиалковых глазах. Усмешка? Горечь? Что угодно, но точно не страх. – Дети Александра Тагэре исчезли из города до того, как в него вошли войска Лумэнов. Предвосхищая ваш второй вопрос, скажу, что сыновья Жоффруа Ларэна скончались от скоротечной горячки.

– Убийцы! – Луи и Рорик произнесли это слово одновременно, но если Трюэль его почти прошептал, то от рева Лося задрожали стекла. – Взять его! Во двор! Обезглавить на первой же колоде!

Базиль Гризье коротко поклонился, не выразив ни малейшего желания спорить, бежать или драться.

– Монсигнор, – Жорж Мальвани сам удивился, услышав свой голос, – в Книге Книг сказано, что «Правосудию не пристало носить лохмотья и питаться сухим хлебом, да будут его одежды пышными, а пир богатым…»

– Что? – Лось всегда с трудом понимал витиеватые

изречения, видимо, поэтому они действовали на него как ушат холодной воды. Правда, лишь в тех случаях, когда он уважал тех, кто их произносил. Жоржа Мальвани Рорик Ра-Гвар уважал и как ученого человека, и как представителя знаменитого рода, и как воина, а посему осекся, пытаясь переварить услышанное.

– Рорик, – Лидда говорил мягко и вкрадчиво, словно пытался заставить больного ребенка выпить горькое лекарство, – Его Высокопреосвященство полагает, что мы не должны торопиться с казнью. Ее лучше провести по дедовским обычаям.

– Верно! – согласился Рорик. – Пусть все увидят! А этого в железа!

Двое воинов подскочили к арцийскому послу, еще четверо сделали шаг вперед на всякий случай, но Базиль Гризье и не думал сопротивляться.

2895 год от В.И. 14-й день месяца Волка АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Мальчик верхом на большой белой лошади оглянулся на старый замок, стоявший на холме, огибаемом веселой и быстрой речкой со смешным названием Куропаточная. Оставшийся в Мунте сигнор Карпус никогда не рассказывал ученику об этой речушке – она была слишком незначительной, а теперь его воспитанник живет на ее берегу, и зовут его не Шарло Тагрэ, а Анри Фредерик Фарни. У Анри светлые волосы, и человек, которого он должен называть отцом, утверждает, что его сын – одно лицо с дедом, чей портрет висит в оружейном зале над камином.

Барон Эгон нравился Шарло, он верил и ему, и Клотильде, но взять и отказаться от отцовского имени и от своего прошлого?! Как же это трудно и не правильно! «Анри» дал шпоры коню, и тот послушно перешел с шага на рысь. Эгон приказал слугам не лезть к молодому сигнору, пока тот не позовет, и капитан замка, хоть и со вздохами, отпускал «Анри» на ежедневную прогулку. Впрочем, в Гран-Гийо и окрестностях было спокойно, а умение хозяйского сына ездить верхом и управляться с оружием обитателей замка умиляло и служило неисчерпаемым источником для рассуждений на тему, что «мальчонка – вылитый сигнор в детстве».

Чужие похвалы должны были радовать, но огорчали и унижали, хотя Шарло старался не выказывать своих чувств. Отец часто говорил, что добрые люди по простоте душевной могут сделать больно, но нельзя на них за это злиться и тем более обижать. Сын Александра Тагэре так и поступал. С тех пор как ему рассказали про Гразу, мальчик еще усердней, чем раньше,

старался делать все так, как отец. Назло всем и всему! Пусть он лишен имени и живет в провинции, он остается сыном короля. Он будет исполнять свой долг и скрывать свою боль. «Ты не железный, но этого никто не знает», – как-то сказал отцу Рито, а тот ответил, что слабость украшает только женщину и ребенка. Шарль Тагрэ не ребенок, и он не будет слабым. Никогда не будет! Он не заплакал, когда Рито рассказал ему правду, он обещал мирийцу защищать сестру, и он исполнит и это.

А Кати ведет себя молодцом, разве что ноет, когда ей не хватает ее побрякушек, ее кукол, ее Онорины. Дурочка! Она вечно воображала себя златокудрой Матильдой [27] и, когда ей разрешили так называться, даже улыбнулась.

Матильдой звали мать барона Эгона, она ничуть не походила на Кати, зато сестрица походит на Клотильду – это все говорят, а чаще всех барон. Эгон – хороший человек, Шарло было стыдно, что он не может притворяться и называть его отцом хотя бы при слугах. Как он ни старался, не получалось. И все равно они стали друзьями, а Клотильда… Шарло казалось, что он знал ее всегда, и как только дядя Филипп мог променять ее на Элеонору с ее враньем, яркими тряпками и трясущимися щеками?!

Виконт был слишком мал, чтобы понять, что двадцать лет назад щеки у Элеоноры Гризье не тряслись, а яркие платья делали ее лишь красивее, но лгала она всегда.

– Шарло! – Негромкий окрик вернул мальчика к действительности, и он с радостным криком соскочил с коня в объятия вышедшего из зарослей можжевельника маркиза Гаэтано.

– Шарло, слава святому Эрасти! Глазам не верю, откуда ты?

– Ну, – мальчик был слишком рад, чтобы удивиться вопросу. – Как ты уехал, так Клотильда вышла замуж за барона Фарни… Ты не пугайся, барон очень славный, только его дома нет. Он сказал, что мы с Кати его дети, и взял в замок. Ты же уехал, мы не знали куда…

– Я уехал? – В глазах Рито мелькнуло удивление.

– Мы спали, – напомнил Шарло, – а ты уехал ночью. Клотильда сказала, что ты велел мне позаботиться о сестре.

– Я ездил в Мунт, – странным голосом откликнулся Кэрна.

– А сейчас ты вернулся? Ты подождешь Эгона?

– Видимо, придется, раз уж он знает все…

– Он за отца! Он его знал, хоть и мало. Эгон дрался с отцом на турнире и проиграл, а отец его отпустил и даже перевязал рану. Эгон говорит, что должен вернуть долг… Ты видел Филиппа и Этьена?

– Нет, – покачал головой Рафаэль, – я видел много всякой дряни, хотя и достойные люди попадались. Ты ничего не слышал

об отце?

– Об отце? – переспросил Шарло, и губы у него задрожали. – Ты же сказал, что он скорее всего… А потом приехал герольд и прокричал, что его… Его привозили в Мунт и всем показывали.

– Ладно, не будем об этом. – Рито привлек племянника к себе. – Как Кати? Как Клотильда?

– Кати хорошо. – Ему все же удалось не заплакать, хотя очень хотелось. – Сейчас ее учат вышивать, а я поехал промять Забияку. Клотильда с Эгоном уехали на… коронацию. Нас сейчас зовут Анри и Матильда, мы бастарды барона и Ильды, но привенчанные [28]… Рито, значит, Тартю сейчас король?

– Нет! Он победитель. Пока. Но он не король и никогда королем не будет, скорее крыса полетит. Ты знаешь здешние места? Где тут можно подождать твоего барона?

– Может, в лесной сторожке, там между осенней охотой и прилетом лебедей никто не живет, а еду я тебе привозить буду.

– Не мне, – улыбнулся Рафаэль, – а нам. Я не один.

2895 год от В.И. 24-й день месяца Волка ГВАРА

Жорж Мальвани задумчиво смотрел на Базиля Гризье, которому неподъемные старинные цепи придавали вид кого-то из ранних святых. То, что Тартю назначил его на убой, было очевидно. Удивляло, как граф на это согласился, ведь не понимать, что сделает Лось, прочитав письмо, было невозможно.

– Любуетесь? – Пленник тонко улыбнулся. – Ваше Высокопреосвященство, вы не находите, что я похож на святого Алексиса?

– Нахожу, что вы меньше похожи на Жореса, чем мне казалось.

– Верно, у него волосы золотистые, а у меня – скорее русые. Да и нос подгулял… Великоват, хотя форма фамильная. Нет, я не жалуюсь, по сравнению с Рогге или Тартю я красив, как эльф… Кстати, когда мне отрубят голову? Хотелось бы знать заранее.

– Завтра. Отец Флавиан утверждает, что вы отказались ему исповедоваться, но просили об этом меня.

– Я солгал, – не моргнув глазом, сообщил Базиль, – я хотел разговора, а не исповеди.

– Что ж, – спокойно произнес кардинал, – я так и думал.

– Видите ли, Ваше Высокопреосвященство, – счел уместным пояснить пленник, – я и раньше подозревал, что небесам на нас плевать, а после Гразы убедился в этом окончательно. Ну а в то, что, пошептавшись с клириком, можно списать все грехи, я

никогда не верил. Если кто и может нас простить, так это мы сами.

– А осудить?

– Ну, судят все, кому не лень. Тут большого ума не нужно.

– Граф Лидда пытался убедить Ра-Гвара оставить вам жизнь. Казнить вас – значит сделать то, что хочет Тартю.

В полутьме глаза Базиля казались лиловыми.

– Да, я новому величеству, похоже, успел надоесть.

– Ра-Гвар обещал подумать.

– Вот как? В таком случае Лидда заставил Лося обещать невозможное.

Жорж невольно улыбнулся.

– Рорик не так уж и глуп.

– Я и не говорю, что он глуп, – пожал плечами Гризье, – но думать он не умеет. Ваше Высокопреосвященство, у меня к вам есть одна просьба. Первая и последняя. Я хочу сообщить вам две вещи. Это, упаси Святой Эрасти, не исповедь, но… – Базиль задумался, – но я просил бы вас сохранить мои слова в тайне до казни. Лось и так обо мне невысокого мнения, не хотелось бы его усугублять.

– Я постараюсь исполнить вашу просьбу.

– Будет слишком большой наглостью, если я попрошу дать слово Мальвани?

– Вот даже как?

– Клирик может отказаться от данной клятвы, разумеется, к вящей славе божией, а Тигр – никогда.

– Хорошо, – чуть подумав, сказал кардинал Гварский, – я даю слово Мальвани, что не раскрою вашу тайну.

– Она не моя, а ваша. В том смысле, что касается всех, кто убрался из Арции в Гвару. Тартю вас обманывает. На самом деле о судьбе короля – разумеется, я говорю об Александре – ничего не известно. Тело, выставленное в Мунте, – это тело Эжена Трюэля, подправленное с помощью магии. Тагэре ищут, но безуспешно.

– Граф!

– Монсигнор. Дайте мне договорить. Рафаэль Кэрна тоже жив и здоров. Я встретил его в окружении весьма странной компании. Атэв, клирик-эрастианец и нечто вовсе несусветное, именующее себя хозяином всея крапивы. Я не сошел с ума, как это ни странно, и я, как вы понимаете, трезв.

– Это был именно Кэрна?

– Я видел его и говорил с ним.

– И вы оба остались живы?

– О, ему ничего не грозило, я был связан, хотя, правду сказать, я для байланте не противник. А что до меня, то мириец

никогда не был жадным. С него хватило глаз моего брата, меня он оставил на съедение Рорику и тем, кто отступил в Гвару.

– Вы могли вернуться в Мунт.

– В том-то и дело, что не мог. Я обещал.

– Во имя Проклятого! Зачем вам понадобилось мое слово?! Рорик, узнай он, что Александр может быть жив, вас наверняка отпустит.

– Потому я и прошу вас молчать. Мое признание вот с этим, – Базиль поднял скованные руки, – весьма смахивало бы на трусость, а я хочу умереть прилично. И хочу, чтоб вы знали правду о Гразе и о Кэрне. Хотя о нем вы скоро услышите. Маркиз не в состоянии долго хранить инкогнито, а его спутники – и вовсе как морковка на снегу. Но вы дали слово Мальвани…

– Да, – кивнул Жорж, – хотя приносить жизнь в жертву глупой фанаберии – преступление.

– А у меня, кроме этой фанаберии, ничего нет, – засмеялся Гризье, – так пусть хоть она останется. Вы – «тигр» по праву рождения и никогда не жили в шкуре «пуделя». Я не знаю, кому и что хочу доказать. Скорее всего себе самому, но никто не скажет, что я скулил и ползал на брюхе. Проклятый! Вы все-таки заставили меня исповедоваться.

– В таком случае придется вам услышать, что вам дадено отпущение.

– Арде! Умру с миром. А вы меня простили как кардинал Георгий Гварский или как Жорж Мальвани?

– Как Жорж Мальвани. Таких закоренелых ослов кардиналам прощать не положено. Слово я сдержу, хотя и глупо все это.

– Не спорю. Но мне надоело ваше проклятое презрение. Надоело, – почти выкрикнул Базиль, – если хотите, это моя месть. Всем! Вам! Тартю! Матери с братом! Судьбе, в конце концов…

2895 год от В.И. 24-й день месяца Волка АРЦИЯ. МУНТ

Обычно скупой, Пьер не пожалел денег, и город к коронации был разукрашен вдоль и поперек. Не забыли даже о фонтанах из пива и вина на площади ратуши – роскоши, от которой отказались даже Лумэны. Гирлянды из сосновых и еловых ветвей украшали яркие розы и лилии из вощеной бумаги, вдоль Льюферы горели тысячи факелов, а на перекрестках весело трещали костры, у которых можно было согреть озябшие руки, а заодно выпить и закусить. Жители Мунта и люди прибывших на коронацию нобилей, разрумянившись от холода и обильной выпивки, с утра толкались на улицах в ожидании кортежа. День

был по-осеннему хмурым, но Пьер Тартю, которому через ору с небольшим предстояло стать Пьером Седьмым, не стал дожидаться Светлого Рассвета.

Север волновался, Побережье безмолвствовало, а Юг с каждым днем оценивал свою помощь все дороже. Миропомазание должно заткнуть рот тем, кто болтает, что бастард не имеет права на корону. Не лучше и те, кто согласен на бастарда, но на бастарда Тагэре – сына Александра или сыновей Филиппа от Элеоноры Вилльо, у которых хотя бы отцы не вызывают сомнений.

Сама Элеонора с дочерьми сочла уместным появиться на церемонии, откровенно наслаждаясь подобострастным почетом, от которого за последние три года отвыкла. Сыновей рядом с бывшей королевой не было. Граф Аганнский после встречи с Рафаэлем Кэрной не покидал особняка Вилльо, Базиль ускакал в Гвару (Мунт надеялся, что Лось сдерет с «пуделя» шкуру), а Филиппа и Александра не видели уже давно.

Болтали, что бывший наследник ненавидит нового короля и будущего родича и потому его не выпускают на улицу. Зато остальная родня Элеоноры, принарядившаяся и довольная жизнью, крутилась у самого входа в храм, вызывая неприязненные взгляды горожан. Гостей из Оргонды и Мирии не было, зато в глаза бросалось обилие духовенства.

Колокол пробил тринадцать раз, и украшенная разноцветными флагами и гирляндами галерея запестрела причудливыми одеяниями иноземных послов. Протрубили фанфары, гвардейцы дружно ударили в землю древками алебард, и церемония началась. Тартю не забыл ничего Из арсенала древних королей, старательно воспроизведя каждую мелочь, известную по летописям и старинным миниатюрам. Из всех владык Пьера более всего вдохновлял Анхель Светлый, который, выйдя из храма под троекратный приветственный клич многотысячной армии, по алой ковровой дорожке, затканной геральдическими нарциссами, прошествовал к установленному на возвышении напротив ратуши трону, где и принял верительные грамоты иностранных послов. Затем перед императором прошествовала гвардия, после чего наступил черед горожан – каждый цех преподнес возлюбленному монарху приличествующие случаю подарки. Добрых обывателей сменили менестрели и мимы. После седьмого выступления Анхель в сопровождении самых близких, среди которых был Эрасти Церна, покинул площадь, предоставив простонародью веселиться до утра.

Подробное описание коронации, сохранившееся в житии святого великомученика Эрасти, было скопировано до мелочей,

однако недаром говорится, что войти в одну реку дважды еще никому не удавалось. Анхель короновался в ясный день, а тут, как назло, зарядил нудный, холодный дождь. Спехом собранные маги-погодники с грехом пополам остановили мерзкую морось, но разогнать тяжелые свинцовые тучи не смогли. И то сказать, бороться с ветрами Эландского моря, принесшими «волчьи дожди» на неделю раньше обычного, была задача не по их силенкам.

Отсыревшие флаги и плащи гвардейцев висели мокрыми тряпками, серое небо, казалось, вознамерилось опуститься на землю и удерживалось лишь рвущимися ввысь колокольнями и башнями. Зрители чихали и кашляли, дожидаясь конца церемонии. Только немногочисленные счастливцы, допущенные в теплый и светлый храм, получали удовольствие от изумительного зрелища.

Кардинал Клавдий, по правую руку которого стояла Ее Иносенсия Анастазия, произнес назидательное слово, в котором Церковь Единая и Единственная подтверждала царственное происхождение доблестного и богобоязненного Пьера и называла его «истым Волингом», карающим мечом для врагов Церкви и неоскудевающим кладезем для добрых людей. Всякий, имеющий уши и голову, понимал, что выступать против Пьера, даже смеяться над ним, означает навлечь на себя гнев Церкви как таковой и дополнительные беды со стороны всемогущих циалианок и Скорбящих. Даже одной из этих сил достаточно, чтоб сокрушить любого светского владыку – если он, конечно, имел счастье родиться и править в Благодатных землях.

Преклонив колено и положив руку на эфес меча, Пьер выслушал Назидание, облобызал Посох Его Высокопреосвященства и Кольцо Анастазии, после чего толстый перст Клавдия оставил на челе новоявленного Волинга блестящий след – миропомазание свершилось. Громко и торжественно задышал орган, невидимый хор запел «Славься, Свете», загудел Главный колокол, и сразу же откликнулись колокола со всего города. Кардинал торжественно возложил на редкие сероватые волосы корону Волингов, Анастазия вручила Пьеру золотой шар, увенчанный нарциссами, а нунций Архипастыря – короткий и широкий меч. Старательно и гордо вышагивая, сын сигноры Стэнье-Рогге направился к выходу. Тяжелые двери храма распахнулись, гул колоколов и стоны органа смолкли. Король ступил на ковровую дорожку. И тут раздался надсадный кошачий вопль.

Маленькая серая кошка (и как только ее не заметили!) сидела на алом, затканном золотыми нарциссами бархате, глядя на

приближающегося короля, и орала громко и нагло. В ритуальной тишине резкие, скрипучие крики казались издевательством. Прогнать нахалку никто не отваживался: для этого требовалось вступить на «королевскую тропу», что считалось оскорблением величества. Равно невозможным было чем-то бросить в поганую тварь или крикнуть нечто не имеющее отношение к обязательным здравицам.

Первым опомнился Пьер, решительно ступивший на ковер. Это было правильно – обойти вопящее животное, которое вряд ли станет дожидаться, когда на него наступят. Кошка и не стала, но, вместо того чтобы шмыгнуть в толпу, повернулась и, гордо подняв тоненький хвост, пошествовала впереди короля, немыслимым образом соразмеряя свой шаг с шагом Пьера. Более того, прежде чем пройтись по королевскому бархату, помойница умудрилась влезть в деготь или смолу, и за ней по алому цвету Волингов тянулась четкая цепочка следов, черная и блестящая.

В звенящей тишине кошка и король продолжали свое немыслимое шествие, и где-то на середине пути случилось неизбежное. Чей-то голос, звонкий и сильный, прокричал на всю площадь «кошачья лапа» и залился издевательским хохотом.

Кошка не повела и ухом, торжественно вышагивая по направлению к трону, а вот лицо Пьера стало медленно зеленеть. Темнобородый стражник, стоявший во втором ряду оцепления, наоборот, побагровел, в его глазах читался ужас от того, что сейчас свершится, но бедняга не мог ничего с собой поделать. Понимая, что самым легким наказанием для него станет ссылка в дальний гарнизон, он зашелся в приступе неистового хохота, заразив им соседей спереди и слева. И вновь прозвенел голос: «Смотрите, драный кот на троне Волингов», – и на это точно стоило посмотреть!

Серенькая киска была не одинока. На королевском седалище расселся облезлый черный кот. Половина его хвоста, равно как и ухо, была потеряны в битве, грудь и морду украшали многочисленные шрамы. Кот потянулся передом и задом и зевнул во всю пасть, обнажив внушительные клыки. Кто-то из придворных решился положить конец непристойному действу и попробовал схватить хвостатого узурпатора, но тут же с криком отскочил, прижимая руку к окровавленному лицу. А кот, выпрямившись, как изваяние, вперил желтые глаза в приближающегося короля, глядя на него сверху вниз.

«А у котяры-то шрамы честные, он – воин, хоть и не Волинг!» – выкрикнул все тот же голос, странным образом покрыв всю площадь. Синяки, присутствующие в толпе в немалом количестве, давным-давно должны были унять крикуна, но не уняли!

Кот на троне между тем совершил нечто вовсе непотребное, после чего спрыгнул на голову ошалевшему нобилю в цветах Тартю, мимоходом рванув его когтями, и исчез у основания помоста ровно в тот момент, когда красные сапоги Пьера ступили на последнюю из тринадцати ступеней, ведущих наверх. Увы, трон был безнадежно осквернен, и король встал перед непростой дилеммой: рискнуть парадным одеянием или же принимать поздравления стоя.

Будь на месте Пьера Анхель Светлый, Рене Счастливый или даже красавец Филипп, они бы обратили все в шутку. Но редкие короли не боятся уронить свое величие и, как правило, его роняют. Рене, весело махнув рукой, уселся бы на ступеньки. Анхель сказал бы что-то такое, от чего вся площадь зашлась бы в хохоте, а Филипп спрыгнул в толпу и обнял бы первую попавшуюся красотку. Пьер же бестолково замер перед загаженным троном, и тут с площади донеслось: «Да уберите же, в конце концов, с трона кошачье дерьмо!» Король, потеряв самообладание, со всей силы пнул золоченое кресло, которое оказалось прочным и устойчивым, а вот отличной выделки красная замша не смогла защитить ногу монарха от удара. Король сморщился, словно от зубной боли, а с площади донеслось: «Променяли волка на драную кошку», и Пьер, не выдержав, завопил: «Стража! Схватить! Очистить площадь!»

Люди, толкаясь, бросились в проулки, откуда и так напирала толпа, кто-то кричал, кто-то задыхался, кого-то чуть ли не вдавили в стену, кто-то свалился под ноги бегущим. К счастью, новый командор городской стражи оказался умнее и короля, и горожан. Изрыгая проклятия, он остановил расходившихся вояк, велев им не теснить людей в узкие улицы, а растаскивать толпу изнутри за счет пустовавшего во время церемонии центра площади. Давку остановили, но звонкоголосого нахала, разумеется, не нашли – да, правду сказать, и не искали.

Сделав свое дело, усталые и злые стражники, молча отправились в казармы, понимая, что они в любом случае окажутся виноватыми, а по городу кругами расходились истории одна нелепее Другой. Чаще всего поминалось «кошачье дерьмо на троне», а старики, видевшие уже четвертого короля, качали головами и бормотали: «Не будет толку от этого царствования, ой не будет!»

2895 год от В.И. 25-й день месяца Волка ГВАРА

Базиль Гризье, граф Мо, не считал себя великим храбрецом,

но страшно ему не было. Кончится все – и ладно. Еще накануне он старательно продумал, что говорить, но загодя приготовленные слова, призванные скрыть страх, не понадобилось, потому что не было страха. Не было вообще ничего, Базиль чувствовал себя не осужденным на казнь, а «странствующим во имя познания», которому удалось стать участником варварского обряда в чужой стране. Глаза видели все, но это не вызывало никаких чувств, кроме вялого удовлетворения, что умрет он все-таки по-человечески. Вот окажись на его месте Пьер Тартю, эскотцев ждало бы изумительное зрелище.

Воины в серо-черно-малиново-изумрудных плащах, сопровождавшие осужденного, хранили полную невозмутимость, но презрения на их лицах все-таки не было, презрения, с которым на него глазели жители родного города Мунта. Там казни любого из Вилльо радовались бы на полную катушку. Базиль поднял глаза к серенькому, унылому небу. Помолиться, что ли, для приличия? Да нет, зачем… Тем паче нужных молитв он не помнил, а обращение к покровителю охотников святому Юверу явно не годилось.

Процессия медленно миновала замковый двор и вышла на невысокую террасу, примыкавшую к крепостной стене. Ненавязчивый ветерок развевал странные полосатые флаги на высоких шестах, между ними на возвышении расположился Лось в окружении местных нобилей и гостей. Справа и слева от повелителя Гвары стояли тяжеловооруженные воины, среди которых Гризье заприметил и дарнийцев. У подножия помоста располагалась плаха, ниже, под террасой, толпился народ, а вверху над башнями кружили неизбежные голуби. Базиль заметил, как голова в рогатом шлеме (Рорик явился на казнь в полном боевом облачении, подчеркивая тем самым, что война для него уже идет) повернулась в его сторону и эскотец поднял руку. Стражники двинулись вперед, и Базиль последовал за ними, стараясь не споткнуться в своих скользких сапогах на утоптанном снегу.

Гризье хотел лишь одного – чтобы эскотцы управились поскорее, он по-прежнему не боялся, но на него накатилась одуряющая слабость. Не хватало только упасть в обморок на глазах у всей толпы и Луи Трюэля. Надо было все же заставить себя поесть, а он не смог ни вчера, ни сегодня. Скорей бы…

Проклятый, но почему он не боится? Наверное, потому, что умирают лишь раз. Он умер, когда попался в руки Кэрны и его приятелей. Когда атэв напомнил о сурианском обычае разрывать предателей лошадьми, Базиль едва удержался от крика, но его

отпустили. Маркиз Гаэтано не зря был лучшим другом горбуна, он не умел убивать пленников

Любопытно, что сталось с королем? Если он жив, Пьер еще напляшется; впрочем, если мертв, мир все равно наступит не скоро. В Арции слишком много нобилей, которые предпочтут смерть власти кошачьего ублюдка.

Проклятый! А эти еще откуда?! Граф Мо, не поверив собственным глазам, уставился на двух скованных пленников. Первого, с такими широкими плечами, что, несмотря на высоченный рост, он казался приземистым, волокли четверо дюжих «полосатиков», второй шел сам, но переставлял ноги, как марионетка, а на обычно наглом лице застыл животный ужас. Вот, значит, как… Новые гвардейцы оказались не такими умными, как им казалось. Лось воевать умел и любил – похоже, весельчак Эсташ свое отшутил.

Базиль вспомнил, как милейший лейтенант пообещал въехать в Мунт в трауре по погибшему во имя короля графу Мо. Нельзя сказать, чтоб Базиля расстроила эта шутка, но увидеть посеревшее лицо лейтенанта было приятно и вместе с тем противно. Базиль всегда смеялся над Артуром Бэрротом, носившимся с рыцарскими добродетелями, как курица с яйцом, но смотреть на перетрусившего арцийского лейтенанта было не менее мерзко, чем… на обгадившегося претендента на арцийскую корону. Воистину, Пьер подбирал офицеров по себе.

К помосту осужденных подвели одновременно, и Базиль, поравнявшись с Эсташем, прошипел: «Возьмите себя в руки. Вы – арцийский нобиль, а не подыхающая крыса!» Если б он дал трусу по морде, может, это и возымело бы действие, но слова до Эсташа не доходили. Зато их услышали «полосатики», и Базиль был готов поклясться, что в их глазах промелькнуло нечто очень похожее на одобрение. Лось еще раз поднял руку, хрипло протрубил старинный рог, ему откликнулся барабан и несколько волынок. Затем все стихло, от строя воинов отделилось двенадцать человек, все, как на подбор, высокие и плечистые. Откуда-то вышла девушка лет пятнадцати с толстыми льняными косами, неся в обеих руках нечто, покрытое полосатым полотнищем. Двенадцать воинов по очереди просовывали руку под покрывало, вытаскивая какие-то небольшие предметы. Девушка ушла, ее место занял глубокий старик, к нему протянулось двенадцать раскрытых ладоней, на которых лежало что-то похожее на монеты.

– Имре Ра-Борне, Дьердь Ра-Мелэ, Ласло Ра-Данн, – тонким срывающимся голоском провозгласил старец. Трое воинов разом преклонили колени, повернувшись к Рорику. Властитель Гвары и

Набота грузно поднялся, поднял забрало и проревел:

– Вы – рука судьбы. Помните: один удар – одна смерть.

И тут Базиль вспомнил. В Гваре придерживались старых эскотских обычаев и не держали палачей. Осужденных казнили воины, кто именно – определял жребий. Граф Мо проследил глазами за избранниками судьбы. Который же его? Высокий желтоволосый воин, вроде бы Ласло Ра-Данн, подошел и стал рядом. Гризье с отстраненным любопытством рассматривал своего будущего убийцу. Похоже, эскотец и впрямь в состоянии отрубить голову одним ударом, и слава Проклятому! Смерти Базиль все еще не боялся, но вот боли… Граф не сомневался, что пыток ему не вынести, но удар меча как-нибудь переживет. «Переживет?» Гризье невольно улыбнулся пришедшему в голову словечку.

– Жись, – громыхнул Рорик Ра-Гвар, – твоя подлая жизнь кончается. Можешь что сказать нам або Творцу?

– А пишов ты, Лось скаженный, – огрызнулся фронтерец, – як бы не был я в кандалах, я б тоби рога б повыдергал.

– То не будь бы ты в оковах, – не растерялся эскотец, – я б тебя напополам разорвал, шкура продажная! Тебя б не честной сталью казнить, а собакам отдать, да псов жалко. Потравятся еще от такой змеюки подколодной!

– Тоби добре гавкать, як шо вас на мене одного, як тих псов на кабана.

– Был бы ты кабаном, а не крысой, тебя б тут не было. По-перше, ты б слово не нарушил и короля б не продал. По-друге, тебя б не заловили. Вояки, Проклятый вас побрав бы, только сзаду да ночью да с кривым копьем!

– То ваши скаженные на нас ночью накинулися, да ще зверюг понатравили! Як бы не то…

– Як бы, як бы, – передразнил Рорик, – як бы в свиньи рога росли, была б она корова!

– И ростуть, тилькы та свыня лосем прозывается.

Базиль с непонятным восторгом слушал этот дикий разговор, он уже ничего не понимал. Гварский господарь и скованный пленник на глазах огромной толпы лаялись, как пьяные возчики в придорожной таверне, и, похоже, получали от взаимных оскорблений удовольствие. Пленника еще можно понять, но Рорик?!

– Ты, крысюга вонючая, – орал эскотец, – да за Александра ты еще не такое заслужил, я за него всех передавлю, а тебя первого.

– Да видел я того короля… – начал Жись, но договорить ему не позволили.

Рев Лося «Молчать!» накрыл притихшую площадь снежной

лавиной, Гризье показалось, что даже лошади и те присели на задние ноги. Пленник вскинулся что-то сказать, но два «полосатика» его умело скрутили и швырнули на колени.

– Ты не короля продал, ты все Благодатные земли загубил! – резко произнес Лось совсем другим голосом и, повернувшись к невозмутимо следившему за перебранкой и дракой Имре, добавил:

– Делай свое дело, воин. А мы, с помощью Святого Эрасти, весной сделаем свое.

Избранный жребием выхватил меч. Жись забился в цепях – не от страха, от ярости, но держали его крепко. Сверкнула сталь, что-то круглое покатилось в сторону, подпрыгивая, как кочан капусты. На утоптанный снег хлынула нестерпимо красная кровь, а обезглавленное туловище обмякло и повисло в своих цепях.

– Помни о смерти, – невольно прошептал Базиль и, столкнувшись с непонимающим взглядом своего палача, пояснил:

– Был такой мудрец, он сказал: «Помни о смерти в радости, тогда ты сможешь взглянуть ей в лицо».

Эскотец торжественно наклонил голову, явно запоминая понравившиеся слова. Тело Жися унесли, чтобы, как понял Базиль, таки скормить собакам, а голову подняли с окровавленного снега и положили в простую ивовую корзинку с крышкой. Следующим будет весельчак Эсташ, а затем настанет его черед…

2895 год от В.И. 25-й день месяца Волка ГВАРА

– Он неплохо умер, – бросил Рорик, принимая из рук сигуранта кубок с вином, – жаль, не годом раньше.

Да, Жись умер, и это было только началом. Умереть должны все предатели. Это не вернет ни Сандера, ни Рито, ни Ювера, ни Эжена, но это справедливо, и это нужно Арции. Раньше Луи Трюэль терпеть не мог разговоров о святом мщении и прочей чепухе – теперь он не успокоится, пока не увидит Тартю и Рогге на плахе. Хотя, говоря по чести, шансов на это немного, сила явно на стороне ублюдка и «паучат». Но первый из предавших уже поплатился… Граф Трюэль проследил взглядом, как воины в полосатых плащах за ноги волокли тело фронтерского вожака.

– Да, умер он сносно… Но я по-прежнему против казни Гризье, – негромко произнес сидевший рядом с гварским властителем граф Лидда, – Рорик, вы совершаете ошибку.

Лось не ответил, и Луи счел своим долгом вмешаться:

– Я ненавижу эту породу, монсигнор, но Тартю ненавижу еще

больше, а он хочет, чтобы посла казнили.

– Я тоже думаю, что Пьеру Тартю нужна смерть Гризье. – Граф Лидда задумчиво тронул цепь на груди. – Но чего хочет сам Гризье?

– Он не боится, – хмуро бросил Лось, – я такого от сукиного сына не ожидал, но надеяться ему не на что.

– Он и не надеется. Я был у него вчера, – заговорил кардинал, и Луи подумал, что Жоржу Мальвани не по себе. Вряд ли от вида крови, у Беток брат покойного маршала видел и не такое. Лицо Его Высокопреосвященства оставалось невозмутимым, но Луи слишком хорошо знал Сезара, а мужчины рода Мальвани похожи не только внешне. Ювер еще шутил, что на самом деле они все-таки разные, просто для людей все «тигры» на одно лицо. Жорж, почувствовав взгляд, обернулся. – Луи, вам не кажется, что иногда нарушить данное слово почетнее, чем сдержать? Ваш дед ничего на сей счет не говорил?

– Не припомню, – удивился Трюэль, – но мысль любопытная. Дед как-то сказал, что проще всего тупо следовать «Кодексу Розы». Самое худшее, что тогда может с тобой случиться, – это смерть.

– Не помнишь, к чему это он? – быстро переспросил Мальвани.

– Кажется, речь шла об Артуре… Нет, точно не помню.,

– Жаль…

– От, развели филозопию, – набычился Лось, – воину это ни до чего. Если слово дал по-глупому, нечего его держать! Вот как бы ты, – палец Рорика уперся в грудь Луи, – узнал про измену, а с тебя б обманом слово вытянули молчать, ты б молчал?

– Ну, я бы не дал такого слова никогда.

– Ой, не зарекайся. Вы, арцийцы, – путаники. Вот стану я с тобой говорить, скажем, о Гелене, да и попрошу поклясться. То бишь не говорить никому, что я тебе скажу. Ты ж пообещаешь, потому как будешь думать, что то про честь женщины. А я тебе про измену расскажу, га? – Рорик с довольным видом откинулся назад. – И что ты со мной делать будешь? И со словом тем дурным?

– Можно, не нарушая слова, убить изменника, – заметил Мальвани, – и все будет в порядке.

– Уел, Твое Высокопреосвященство, умный ты, за что и люблю. И еще за то, что с мечом на «ты»…

– А раз уел, так послушай. Если хочешь подложить Пьеру свинью, отпусти его посла.

– После того, что тот нес? Да за кого он меня держать станет? Нет, нельзя его отпускать…

– Не хочешь отпускать наглеца, – улыбнулся граф Лидда, – отпусти труса.

– Труса?! Еще чего? Червяков нужно давить. И хватит об этом! – Лось сунул пустой кубок кому-то из слуг и махнул рукой.

Наступил черед лейтенанта Эсташа. Этот не бранился, а умолял, каялся и доносил. Луи прикрыл глаза, чтобы не видеть перекошенного лица, но, к сожалению, заткнуть уши было невозможно.

Лейтенант новой гвардии Пьера Тартю очень хотел жить, но единственный довод, который он приводил в свое оправдание, – это то, что его заставили. Что именно заставили – было неясно, так как все прегрешения Эсташа перед Гварой и покойным Александром Тагэре состояли в том, что лейтенант со своим отрядом проводил графа Мо до границы, где и остановился. Эскотцы напали на них на арцийской земле и повязали, как овец, пленник должен был возмущаться, а он ползал на коленях.

Из нечленораздельных воплей следовало, что во всем виноват граф Мо и его родня, а сам Эсташ всегда ненавидел предателей Вилльо и готов собственной рукой покарать хотя бы одного из них. Арциец вопил бы долго, но Лось не был расположен слушать.

Все повторилось. Извивающийся, на сей раз от ужаса, осужденный, рассекающий воздух тяжелый двуручный меч, подпрыгивающая голова, алые пятна на подтаявшем снегу… Как просто, словно свинью закололи.

– И все же, Рорик, я должен в последний раз попросить вас подумать, – Лидда на удачу явно не надеялся, говоря лишь для очистки совести, – казнить посла Тартю – глупость.

– Да кто он мне, этот кошкин сын?! Пусть хоть лопнет со злости, мне-то что? От Церкви отлучат, дак мы свою учредим, и пошли те кантисские святоши жабе под хвост. – Рорик подмигнул Луи. – Война так война! Этот недоделанный поганец еще меня не знает.

– Боюсь, как раз знает, – вставил граф Лидда, – потому так и поступает. Он ублюдок и трус, но с головой у него все в порядке.

– А трусу голова – что курице крылья. Хоть есть, хоть нет, все одно не полетит. К вечеру снег будет, пора кончать. Давайте последнего.

– Рорик! – Луи подивился напряжению, звучавшему в голосе Мальвани.

– Ну, чего? Я Рориком родился, Рориком и помру.

Мальвани не ответил, глядя куда-то вдаль. Проклятый, да что с ним такое сегодня?! Ра-Гвар не прав, но это не смертельно. Гваре отлучение не так уж и страшно, а воевать в здешних горах можно до скончания века. Конечно, лучше б на месте Базиля

оказался его братец, если уж нельзя схватить за шиворот Рогге или самого Тартю, но на безрыбье и рак – рыба. Может, Лось поступает не столь уж и глупо. Его эскотцы, по крайней мере, будут довольны, а согласие подданных накануне войны важнее всего.

– Базиль Гризье, граф Мо, можешь ты что-то сказать нам, або Триединому, в свою защиту? – Лось придерживался раз и навсегда заведенного порядка, хотя за века существования эскотского правосудия вряд ли нашлась бы пара ответов, подаривших осужденным жизнь. Гризье видел, как умирали Жись и Эсташ, и на свой счет явно не обольщался. Сын Элеоноры был очень бледен, но совершенно спокоен.

Луи не терпел этого хлыща, но, надо отдать ему справедливость, держался тот достойно. Не трясся, не опускал глаз, не пытался оправдаться. Да и как бы он мог оправдаться, особенно после выкриков Эсташа? Базиль Гризье был на Гразском поле вместе с Тартю, именно он привез в Мунт известие о победе, после чего Аганн и Эж захватили столицу. Что он мог сказать «в свою защиту»?

– Ничего, монсигнор. – Базиль Гризье говорил негромко, но внятно. – Я тот, кто я есть, и я жил так, как я жил.

– Ты знал, что с тобой будет, если перейдешь Арону?

– Знал.

– И все-таки перешел?

– Все-таки перешел. Но Эсташ не переходил.

– Покойник дважды трус и предатель. Сначала предал короля, а потом и тебя.

– Пусть так, но перед Гварой его вины не было. Не было его и на Гразском поле.

– А ты был?

– Был.

– Ты предал короля!

– Да, – губы Базиля искривило что-то долженствующее изображать усмешку, – я предал короля.

– Ра-Данн, – возвысил голос Лось, и воин, которому предстояло отправить Базиля на Серые Равнины, шагнул вперед, и одновременно со своего места вскочил кардинал.

– Рорик, я должен сказать…

– Нет! – Базиль стал еще бледнее, хотя это было непросто. – Слово Мальвани!

Кардинал медленно опустился на свое место, безнадежно прошептав «проклятый дурень», а на лице Базиля отразилось неимоверное облегчение.

– Благодарю Его Высокопреосвященство. Монсигнор, я готов.

– Готов так готов, – хмыкнул Рорик и задумался.

Осужденный стоял неподвижно, глядя прямо перед собой, и Луи подивился, откуда у сынка Элеоноры такая выдержка. Граф Лидда о чем-то перешептывался с Мальвани, которого непонятно с чего обуял приступ милосердия, небо повисло совсем уж низко, на щеку Трюэля упала острая снежинка, холодная, как сама зима, и сразу же растаяла. Арциец механически стер каплю и вздрогнул от трубного хохота. Смеялся, вернее, ржал Лось, на лице которого был написан восторг от собственной персоны.

– Эй, Ра-Данн, – хозяина Гвары и Набота прямо-таки распирало, – сними-ка с этого молодчика цепи. Слушай, Гризье, или как тебя там. Мои гости правы. Ты – враг, Проклятый тебя побери, но ты – посол! Ты привез мне подлое письмо, я подумал и решил на него ответить. Ты отвезешь мой ответ и мой подарочек ублюдку, что имеет глупость называть себя королем?

– Я обещал привезти Пьеру Тартю ответ гварского господаря, если на то будет его воля. – Базиль не мог Скрыть, нет, не облегчения – удивления. – И я привезу его.

– Добре. Завтра получишь письмо и подарочек. – Лось кивнул на корзину с головами Жися и Эсташа. – У тебя хватило наглости заявиться ко мне, надеюсь, ты и перед кошкиным сыном юлить не станешь.

– Я отвезу ответ Рорика Ра-Гвара Пьеру Тартю, – твердо повторил Базиль Гризье.

Ра-Данн довольно ловко снял с пленника цепи, тот грациозно поклонился и, пошатнувшись, свалился на руки своего несостоявшегося палача.

– Проклятый! – буркнул властитель Гвары. – Держался, держался и спекся. Ласло, дай ему царки, что ли…

– Монсигнор, – крикнул воин, – тут царкой не обойтись! С ним неладное что-то. Похоже, горячка, и сильная.

– Ну так тащите его в тепло, если помрет, головы оторву! – рявкнул Рорик и, сияя, повернулся к Лидде. – Ну и рожа у кошкиного сына будет, как тот нахал ему мой подарочек передаст. Как представлю, чисто медом по душе!

2895 год от В.И. 27-й день месяца Волка ГРАЗСКАЯ ПУЩА

Зима наступила сразу – в один далеко не прекрасный вечер пошел снег и шел, не переставая, четыре дня. Хижину Ликии замело почти по крышу. Александр чувствовал себя подлецом и бездельником, валяясь на кровати в обществе кошки, дока женщина протаптывала тропинку к незамерзшему ручью, таскала

воду и хворост. Ему казалось, что он совсем здоров, но колдунья строго-настрого запретила вставать, пока кости не срастутся окончательно, а не срастались они куда дольше, чем Тагэре рассчитывал.

Ликию Сандер почти не видел, она все время где-то пропадала, оставляя его наедине со своими мыслями, в которых было мало веселого. В одном Тагэре был уверен – доживать свой век в болоте он не станет, все остальное было покрыто туманом. Самым разумным казалось пробраться в Тагэре или Эстре – не может быть, чтобы север покорился так быстро Лумэну, да еще незаконнорожденному. Но как горбун на белой лошади доберется до родных мест и что он там найдет? Если его ищут, то на север не проскочит и мышь…

Скрипнула дверь, и вошла Ликия. Обычно бледное лицо женщины было покрыто морозным румянцем, а огромная охапка хвороста, которую она втащила, наполнила душу короля чувством отвращения к собственной персоне. Очевидно, на его лице было все написано, потому что женщина улыбнулась:

– Хочешь спросить, когда сможешь встать? Почему бы и не сейчас, – она бросила дрова возле очага. – Подожди, руки сполосну. – Распутать и снять диковинное сооружение из палок и холстины оказалось не так уж и просто, возможно, потому, что Ликия, как всегда, сворачивала полоски ткани аккуратно и неспешно. Потом теплые пальцы быстро ощупали место перелома.

– Больно?

– Нет…

– И не должно быть. Вставай, но осторожно.

Александр, не вняв совету, торопливо вскочил, голова закружилась, но ожидавшая чего-то подобного ведьма его поддержала. Сандер виновато и растерянно улыбнулся и осторожно наступил на больную ногу, но ничего не почувствовал. Он знал, что первый шаг должен быть болезненным, и вопросительно посмотрел на Ликию.

– У тебя ничего болеть не будет, – успокоила женщина, – хватит с тебя другой боли, а эту я сняла. Иди к двери.

Он шагнул, и ему показалось, что он споткнулся.

– Иди, иди, – подбадривала ведьма, а кошка, ободряюще мявкнув, показала пример, спрыгнув с подушки на пол и прошествовав к выходу. Невольно улыбнувшись, Александр шагнул еще раз, и опять что-то было не так.

– Ты еще не понял? – засмеялась Ликия. – Вижу, что не понял. Ты больше не хромаешь.

Александр Тагэре ошалело уставился на ведьму, а та пожала

плечами.

– Ничего особенного, благодари свою рану. Она пришлась на старую, а я залечила как следует обе. Проклятый, как же мало хорошего ты видел…

2895 год от В.И. 5-й день месяца Звездного Вихря АРЦИЯ. МУНТ

Король в бешенстве накинулся на гофмейстера. Тот, часто моргая и трясясь всем телом, слушал королевские угрозы. Принятые меры результата не принесли, проклятые твари продолжали пробираться в королевские покои. Вечером гофмейстер готов был поклясться, что во дворце нет ни одной кошки, а все окна, окошечки и люки наглухо задраены, но они как-то пролезли и всю ночь как угорелые носились по коридорам, разбегаясь, бросались на стены, раздирали в клочья обивку, орали дурными голосами у дверей королевской опочивальни…

Раньше в поварнях держали котов – огромных, сытых, ленивых, – но никто из дворцовой прислуги не помнил, чтобы они покидали уютную кухню ради пустых высоких залов, да и неприятностей никаких от них не было, если не считать мелкого воровства. Сейчас бедные мурлыки были с позором изгнаны, а те, кто сдуру вернулся к когда-то родному очагу, выловлены и безжалостно утоплены. Не помогло. Дворец буквально провонял кошками, которых слышали все, но почти никто не видел.

Заколотив окна и двери, Пьер принялся за прислугу, полагая, что кто-то из сторонников прежнего короля по ночам запускает кошек через потайную дверь. Дворецкие были заменены, а те, на которых показали, что они любили Тагэре, брошены в тюрьму, по ночам дворец обходили гвардейцы и синяки. Они никого не встречали, но впереди и позади патрулей что-то мяукало, шипело, царапало, шуршало…

Судебные заклинатели разводили руками – они не чувствовали никакой магии. По мнению магов, во дворце Анхеля Светлого буянили обычные, хоть и плохо воспитанные кошки, только вот собаки, ненавидящие мявкающее племя, почему-то преспокойно спали в тех комнатах, из которых доносились кошачьи вопли.

– Если вы не справитесь с вонью, – махал пальцем Пьер, – окажетесь в тюремном замке. Я не потерплю, чтобы…

«А что я могу сделать? – с тоской подумал гофмейстер. – Что?!»

2895 год от В.И. 7-й день месяца Звездного Вихря АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Знакомый горбатый мостик, укутанный белым пушистым снегом, и вокруг него толпились знакомые разлапистые вязы, поднимавшие к желтому закатному небу опустевшие грачиные гнезда, и зеленые шары омелы. Куропаточная была слишком быстрой, чтобы сдаться в самом начале зимы, и среди белых берегов весело струилась темная, прозрачная вода.

– Вот мы и дома, Эгон. – Клотильда Гран-Гийо впервые за полтора месяца почувствовала себя спокойно. – Как хорошо!

– Гран-Гийо – лучшее место в мире, – со счастливой улыбкой согласился барон, поправляя сползший на глаза бархатный берет. – Правду сказать, я тоже места себе не находил. Все куда гаже, чем думалось, а уж этот ублюдок… Но кошки-то, кошки. – Эгон раскатисто захохотал, припоминая подробности коронации. – Ни один враг так бы Тартю не ущучил, как эти хвостатые. Не видел бы сам – не поверил!

– А если это были не просто кошки? – спросила жена.

– То есть? – Эгон выглядел удивленным. – Кошки как кошки… Или ты думаешь, кто-то их обучил, но эти твари людей не слушают.

– Я про то, что на арцийском троне не может сидеть бастард.

– А… Но сел же и сидит, Проклятый его побери. И будет сидеть, пока мы его не пнем. Я кое с кем говорил… Не бойся, никто ни о чем не догадывается, мы просто поболтали о том о сем, сколько лет не виделись! Тартю никому не нравится, а ифранцы и капустницы тем более, но пока дальше болтовни под атэвское не заходит… О, гляди-ка, – барон указал пальцем на небольшую фигурку, выскочившую на мост. – Проклятый меня побери, Шарло!

– Анри, Эгон, – мягко поправила женщина, – мы же решили…

– Это я от радости. – Барон пришпорил коня. Он и впрямь был рад видеть мальчишку, к которому успел привязаться, и, кроме того, не дело, если встречу «отца» с «сыном» подсмотрят хотя бы слуги. Фарни с Шарло поладили сразу же, но назвать барона отцом у парня не получалось, хотя он и понимал, что это необходимо. Эгон соскочил с лошади и подхватил подбежавшего Шарло на руки. Во-первых, ему этого хотелось, а во-вторых, пусть видят те, кто сзади!

– Здравствуйте, сигнор Эгон… Как хорошо, что вы вернулись. – А ведь он и вправду рад! Рад, Проклятый побери! Первая жена барона заболела сразу после свадьбы, детей у него не было, и в свалившихся с неба королевских бастардах Фарни

обрел долгожданных сына и дочь. Ум пытался с этим спорить, но большое сердце барона всякий раз брало верх.

– Здравствуй, Шарло… Ты не забыл, что ты Анри?

– Нет, я… – мальчик улыбнулся, – я все ном-ню… Никто не догадался и не догадается. Сигнор… Я вас ждал не только потому, что соскучился. У нас гости. Они в лесу пока, то есть не все в лесу, монах в замке…

– А маркиз Гаэтано и атэв?

– Сигнор Эгон!

– Я не колдун. – Проклятый, какой славный денек! – Мне в Мунте рассказали, как Кэрна разделался с Аганном и что с ним были атэв и эрастианец. Ну а раз маркиз привез вас в Гран-Гийо, он должен был вернуться.

– Он про Аганна не говорил, – просиял серыми глазами мальчик, – он его убил?

– Хуже. Но тот заслужил. Где Кэрна?

– Здесь, мы с ним вместе ждали за можжевельником.

– Я к нему, а ты давай к… – барон замялся, – только не забудь, что баронесса – твоя мать.

– Конечно. – Шарло кивнул. С Клотильдой ему было легче – своей матери мальчик не знал, и это слово для него ничего не значило. «Анри» спокойно называл Ильду матушкой.

Проводив «сына» взглядом, Фарни двинулся к зарослям можжевельника. Стройный человек в дарнийском плаще сидел на каком-то обрубке; услышав шорох, он стремительно вскочил, отбросив капюшон. Эгон не видел мирийца со ставшего теперь легендой турнира. Кэрна почти не изменился и вместе с тем изменился разительно.

– Рад вас видеть живым и здоровым, маркиз.

– А я еще больше рад видеть вас. Шарло убедил нас дождаться. Я привел в Гран-Гийо странную компанию.

– Атэва и клирика?

– Мунт по-прежнему болтлив…

– Если вас интересует мое мнение, то вы были правы, отделав Аганна. Я очень рад, что вам удалось выскочить из мышеловки.

– А уж как я рад, – Рито улыбнулся, напомнив себя прежнего, – но вряд ли вы знаете, что мой атэвский друг – младший сын калифа Усмана, собравшийся исполнить клятву Майхуба, а клирик – выходец из гидалского монастыря. Кроме того, с нами еще один… Его зовут Серпьент Кулебрин.

– Вижу, нам есть что друг другу рассказать. Проклятый, ну почему вы не можете просто постучаться у замковых ворот…

– Потому, что наступили подлые времена. Вы и так рискуете с Шарло и Кати, нельзя подливать масла в огонь. Но поговорить

нам нужно.

– В замок ведет потайной ход. Мои предки были предусмотрительными людьми. И не думайте, что мы с супругой отпустим вас до весны, а весной может случиться всякое.

2895 год от В.И. 13-й день месяца Звездного Вихря АРЦИЯ. МУНТ

Пьер сразу полюбил процедуру малого королевского выхода. Отобедав, он спускался в приемный зал, проходил мимо приглашенных, усаживался в глубокое кресло и удостаивал беседой избранных. Тартю изо всех сил старался не замечать, что представители многих знаменитых фамилий упорно сторонятся Мунта. Рано или поздно он доберется и до Гартажей, и до Крэсси, и даже до Мальвани, но пока рано. Сначала нужно жениться и… И сделать еще несколько дел. Черед строптивцев придет потом. Начнет он с этих проклятых «тигров», но не раньше, чем Ифрана и Святая Область сломают хребет Оргонде. Что бы ни думала Жоселин – легким тот поход не будет.

Король стремительной походкой вышел из кабинета и проследовал в Малую Приемную. Он учился вести себя по-королевски, в том числе и ходить, и в глубине души гордился своими успехами. Сев в обитое алым бархатом кресло, Его Величество подчеркнуто деловито бросил этиктору [29]:

– Докладывайте.

– Ваше Величество, сегодня вашей аудиенции испросило одиннадцать человек, и первым я осмелюсь назвать графа Мо.

Пьер не поверил своим ушам. Базиль Гризье пересек Арону, о чем доложил лейтенант Эсташ, но после этого известий с границы не поступало. Тартю со дня на день ожидал возвращения лейтенанта с донесением об убийстве посла и уже подготовил приличествующую случаю скорбную фразу о том, что он потерял верного подданного и доброго друга, а Базиль вернулся. Неужели Лось его отпустил? Не может быть! Скорее всего малому удалось бежать. Зря он это сделал, но придется изобразить радость по поводу возвращения будущего родича, Проклятый его побери!

– Мы рады видеть графа Мо. Он будет говорить первым. Пригласите всех ожидающих аудиенции, и начнем.

Возможно, Базиля Гризье и пригласили первым, но вошел он последним, когда остальные нобили уже выстроились у стены, взирая на Его Величество с должным благоговением. Пьер не обольщался: пришедшие изображают любовь, потому что надеются что-то получить, а те, кому от короля ничего не нужно,

все еще выжидают. Ничего страшного: приручим шакалов, потом придут лисы, а затем и медведи. Король истинно королевским жестом оперся о подлокотник, удостоив будущего шурина благосклонным взглядом.

Брат Норы был в дорожной одежде и высоких сапогах, а на руке графа, странное дело, висела плетеная деревенская корзинка. Базиль похудел, на скулах горел лихорадочный румянец, но в остальном он выглядел как всегда. Легкой походкой подойдя к подножию трона, граф Мо грациозным движением преклонил колено и поднял голову, ожидая слова сюзерена. На породистом лице не читалось ничего, кроме почтительности, но Пьеру отчего-то стало неуютно. Возможно, потому, что он не ожидал, что Гризье уцелеет, и видел, что тот, уезжая, не обольщался насчет собственной участи.

– Мы рады вашему возвращению, граф. Признаемся, что мы волновались. Как прошло путешествие? Вижу, вы прямо с коня.

– Да, Ваше Величество, на моих сапогах еще не высохла грязь Набота. Я проследовал прямо во дворец и нижайше прошу простить мне мой вид.

– Арцийского нобиля красит не одежда, а верность и доблесть, – выдержав эффектную паузу, изрек Пьер, – встаньте и расскажите нам о вашем путешествии. Вы передали наше послание Рорику Ра-Гвару, не так ли?

– Да, Ваше Величество, – наклонил голову Базиль.

– Что он ответил?

– Рорик Ра-Гвар не считает себя вассалом Вашего Величества.

– Вы так полагаете или же вы привезли ответ?

– Я привез ответ. Рорик Ра-Гвар счел уместным передать вам послание и то, что он называет подарком. Вот первое, – Базиль вытащил из-за пазухи зашитый в кожу свиток, – а вот и второе. – Он приподнял корзину.

– Откройте.

Граф Мо невозмутимо откинул крышку. Он, без сомнения, знал, что внутри, так как сохранил полное спокойствие, а вот Пьеру это не удалось. Лившийся сверху свет позволил рассмотреть дары Лося во всех подробностях. Жись Фронтерский и лейтенант Эсташ в последний раз удостоились королевской аудиенции.

– Что это? – квакнул Пьер, позабыв о королевском величии.

– Ответ Рорика Ра-Гвара. – Голос Базиля звучал бесстрастно и ровно.

– Вы… Вы привезли это… сюда?

– Я исполнил приказ моего короля, – в лиловых глазах Базиля мелькнула и погасла злая искра, – отвезти указ Его Величества

Рорику Ра-Гвару и доставить его ответ.

– Как вышло, что лейтенант Эсташ мертв, а вы живы? – Лицо короля все еще сохраняло утонченный бледно-зеленый оттенок, но он уже справился с собой.

– Лейтенант Эсташ и его люди видели свой долг в том, чтобы проводить меня до Ароны. Дальше я поехал один. На Гварском берегу меня ждали. Видимо, Рорик счел неприличным, что посол Арции прибыл без должного эскорта, и озаботился таковой обеспечить. Я и, – Базиль улыбнулся, – около трех десятков воинов Ра-Гвара направились к Рорику, с которым я имел… гм… непродолжительную беседу. С лейтенантом Эсташем я увиделся лишь во время казни.

– Вы просили Ра-Гвара о помиловании?

– Отнюдь нет. О помиловании просил Эсташ, но Рорик известен тем, что все делает наоборот. Он казнил не меня, а лейтенанта.

– Жись Фронтерский и его люди подверглись нападению Гвары?

– Нет, нападению Луи Трюэля и Мориса Шаотана.

– Они в Гваре?!

– Да, как я понял, всего около тысячи человек.

– Вы видели их?

– Во время казни граф Трюэль и барон Шаотан были вместе с Рориком и кардиналом Георгием, а Хайнц командовал дарнийским отрядом.

– Не было ли там Рафаэля Кэрны и… – Пьер осекся, но Базиль его прекрасно понял.

– Маркиза Гаэтано в Гваре я не видел.

– И все равно вы задержались.

– Прошу прощения у Его Величества. Меня задержали. Сначала Рорик, а потом – лихорадка. Я выехал сразу же, как смог сесть в седло.

– Вы честно, выполнили свой долг, граф, – на бледных губах Пьера появилась любезная улыбка, – и проявили не только недюжинную смелость, но и дипломатические способности. Мы полагаем, что ваше призвание – не военная служба, а дипломатическая, и назначаем вас нашим послом при ифранском дворе. Мы очень сожалеем, что у вас не будет времени для отдыха, но вам придется отправиться не позднее чем завтра к вечеру.

– Благодарю Его Величество за высокую оценку моей недостойной персоны. Я постараюсь оправдать оказанное мне доверие.

– Граф Мо, дайте нам письмо Рорика и можете идти. Мы вас

больше не задерживаем. Засвидетельствуете мое неизменное расположение вашему семейству, и особенно прелестной Элеоноре. Барон Эж, возьмите у графа Мо его ношу. Мы приказываем похоронить останки наших слуг и союзников должным образом. Гофмейстер, прикажите принести медный поднос и огненный камень.

Лакей, тенью скользнув в не успевшую захлопнуться за Базилем Гризье дверь, принес овальный эллский поднос и оправленный в серебро огненный камень. Король брезгливо, двумя пальцами взял послание, открыл футляр и, бросив желтоватый лист на узорчатую медь, поджег. Огонь загорелся не сразу – видимо, в пути бумага отсырела. Наконец по краям письма затанцевали огненные язычки.

– Мы не желаем знать, что нам пишет изменник и убийца, – изрек Пьер. Ответом ему было подобострастное мычание, сменившееся гнусным кошачьим воплем. Два огромных черных кота, сцепившись в смертельной схватке, рухнули откуда-то сверху прямо к ногам державшего поднос слуги. Тот от неожиданности разжал руки, раздался грохот, медный противень и охваченная огнем бумага упали на пол. Лакей, однако, не растерялся, стремительно затоптав пламя. Пахнуло дымком, очумевшие от собственной наглости коты куда-то юркнули и исчезли, а на гладкой мраморной стене под гербом Арроев, где вскоре должен был появиться портрет короля, проступили огненные буквы.

Его Величеству Пьеру Седьмому все же пришлось прочесть письмо Гварского Лося, и не только прочесть. Зал наполнил звон кубков, грубый многоголосый хохот и оскорбительные выкрики, а на черном эландском мраморе медленно остывали слова, которые могли прийти в голову лишь пьяным эскотским варварам.

2895 год от В.И. 13-й день месяца Звездного Вихря АРЦИЯ. МУНТ

Дома его не ждали, хотя сестры обрадовались, в отличие от дядюшек и брата. Кажется, Жорес привык утешать себя мыслью, что лучше быть слепым, но живым, чем потерять голову. Что думала мать, Базиль так и не понял. Зла сыну она, конечно же, не желала, но и радости от встречи он не заметил. Видимо, с его стороны было наглостью живым и здоровым вломиться во время ужина в особняк на улице Борзой.

Со стороны это, несомненно, выглядело забавно. Жаль, под рукой не оказалось мазилы, взявшегося написать картину

«Возвращение ненужного сына». Первой оправилась Нора. Просияв огромными голубыми глазами, сестрица выразила общее недоумение:

– Базиль, а как же Лось тебя отпустил?

– Нора, – улыбнулся он, – я тебя обожаю, но кончай говорить что в голову взбредет. В замужестве это вредно. А Лось меня отпустил, потому что Лидда его убедил подумать. Вот он и надумал, что лучше я отвезу Тартю башку Жися Фронтерского и письмо неприличного содержания, чем какой-нибудь отважный эскотец отвезет ему две башки. Тогда Пьеру пришлось бы искать нового дурака, чтобы отвезти башку гварского посла назад, чтобы Лось в обмен послал башку арцийца, чтобы… Короче, Рорик понял, что послов не напасешься, и решил использовать что под руку попалось, то бишь меня.

– И ты привез сюда мертвую голову? – побледнела Нора.

– Две. Но не сюда, а во дворец. Кстати, может, мне подадут прибор?

– Ты привез во дворец голову Жися? – подал голос молчавший до этого Жорес.

– Ну, я же обещал, и потом, не сюда же ее было тащить?! Нора бы испугалась, она еще не привыкла, хотя пора учиться.

– Я сыт, – Жорес резко отодвинул прибор, – помогите мне!

Мать, бросив раздраженный взгляд на Базиля, взяла старшего сына под руку, и они вместе вышли. Интересно, куда братец дел жену?

– Ты невозможен, Базиль, – заметил Реви, – «Черную Лозу» будешь?

– Пожалуй… Только в чем же моя невозможность? В том, что Лось меня отпустил? Извините, от меня это не зависело, я из кожи вон лез, чтобы мне оттяпали голову. Перестарался, видимо. Рорик сначала бесился, а потом вообразил на своем месте нашего обожаемого монарха и решил получить удовольствие.

– Удовольствие?

– Именно. Когда эскотцы сочиняли письмо Пьеру, они ржали на всю Гвару. Кстати, Нора, радость моя, никогда не спрашивай супруга, что ему написал гварский господарь.

– Почему? – Большие глаза стали еще больше.

– Потому, – Базиль чмокнул королевскую невесту в щечку, – что это неприлично. Это ужасно гадкое письмо с прорвой нехороших слов и грубых пожеланий.

– Мы будем воевать? – спросила Нора.

– Воевать? С кем и зачем?

– С Ра-Гваром. Ведь он оскорбил короля.

– У нас очень умный король, деточка. Он оскорбляется только

тогда, когда это полезно для здоровья. Оскорбляться на Лося сейчас вредно.

– Но он ведь нас обидел?

– О святой Эпоминонд и прочие святые! Нора, умоляю тебя, говори только об утятах.

– Об утятах? Почему?

– Потому что они желтые, маленькие и пищат. Я, пожалуй, еще раз возьму пример с Жореса и пойду к себе…

Базиль подмигнул сестрам, подхватил кувшин с «Черной лозой» и поднялся в свои комнаты. Разумеется, они были заперты, и дверь пришлось вышибать ногой. Внутри было чисто и опрятно, как в гробу. Куда-то исчезли все книги и безделушки, платье было сложено в сундуки, занавеси сняты. Не хватало только запаха атэвской смолы, чтобы вообразить, что тут лежит покойник. Родичи ждали лишь известия о его смерти, чтобы немного походить в трауре и забыть навеки. Любопытно, что сталось с его собаками и ловчими птицами? Проклятый, как холодно! Еще бы, зачем в пустых комнатах топить, а может, он все еще нездоров?

Глупо было уезжать, пока не прошла горячка, но оставаться в Гваре было вовсе тошно. Он, конечно, привык быть чужим и врагом, но одно дело, когда ненавидят тебя как тебя, и другое, когда ты считаешься послом захватившей трон пошлой сволочи. И никуда от этого не деться, Нора будет королевой, мать – королевской тещей, а он – шурином и дураком на посылках. И это на всю жизнь, потому что, если Тартю свалят, конец им всем…

Базиль сорвал с дивана чехол из небеленого холста и, не снимая сапог, устроился на подушках из хаонгской парчи. Тут и не захочешь, а напьешься. Ни жизнь его никому не нужна, ни смерть. Обидно вообще-то! Он два с половиной раза готовился умереть: когда оказался лицом к лицу с Рафаэлем Кэрной, затем в Гваре от меча и напоследок от горячки. Но не умер, а стал послом в Ифране… Ехать нужно завтра, но это-то как раз ничего. После нежной встречи в отчем доме не только к «паучатам» сбежишь, а куда подальше. В Черный Сур или к Проклятому, куда его Кэрна и послал.

Младший из братьев Гризье крупными глотками допил «Черную лозу» и зашвырнул кувшин в угол. Кувшин разбился, веселее не стало. Оставаться в фамильном особняке не просто не хотелось, не было сил! Граф на скорую руку переоделся, прицепил дорожный меч, подошел к зеркалу, кое-как пригладил растрепавшиеся волосы, набросил плащ и вышел. Как назло, в приемной торчала парочка троюродных дядюшек, задавших потрясающий в своей глупости вопрос, куда это он собрался на ночь глядя. Базиль с удовольствием сообщил дорогим

родственникам, что направляется к Жизели и вернется к утру, и шагнул в позднюю осень.

Сказать, что погода была мерзкой, значило не сказать ничего. Дорожка от парадной двери до конюшни была испятнана лужами, в которых мокли бурые листья, сорвавшийся с цепи ветер швырялся мокрым снегом, норовя залезть в любую щелочку между телом и одеждой. Гризье надвинул на самые глаза берет и вскочил в седло. Лучше слякоть, чем родственники, но куда же поехать? Деньги у него были, но меньше, чем к куртизанкам, графа Мо тянуло только в иглеций. Конечно, таверен в Мунте пруд пруди, он и раньше таскался по ним, переодеваясь то в студьозуса, то в провинциала. Тогда его забавляло, что горожане, не узнавая, кто перед ними, честили во все корки его семейку, но теперь слушать про «пуделей» было невмоготу.

Друзей у него, в отличие от пропавшего короля, не имелось, а приятели, приятели удивятся его появлению, примутся глупо шутить и расспрашивать про Лося… Проклятый, неужели все-таки к Жизели? Базиль поворотил коня в Хлебный переулок, миновал площадь святого Амброзия и выехал к еще не замерзшей Льюфере. Черная, холодная вода была словно бы подернута слоем сала, в котором исчезали большие рыхлые снежинки. У реки было еще холоднее, чем в городе, граф поплотнее запахнулся в плащ (лекарь Лося не советовал ему мерзнуть и был прав) и двинулся было к Новому Мосту, но глаза уперлись в громаду Речного Замка! Вот оно! Теперь он знал, куда поедет. К братьям, рады они ему или нет, но он их хочет видеть. Хочет, и все тут!

Краснорожий и усатый караул-декан попытался объяснить, что видеть принцев можно лишь с разрешения короля, но Базиль отступать не собирался. Холода и презрения в его голосе было не меньше, чем в волнах Льюферы.

– Я хочу видеть своих братьев, и я их увижу, даже если мне придется снести тебе башку, а с Пьером Тартю я как-нибудь разберусь.

Караул-декан рыпнулся было кого-то вызвать, но Базиль успел спешиться и железной хваткой взял беднягу за плечо.

– Хочешь жить, и жить хорошо – веди.

Пьянчуга оказался смышленым и, дав знак стражникам, повел строптивого гостя внутрь цитадели. Внутри Речной Замок выглядел сносно, но отчего-то Базилю ужасно не понравился. Все – узкие переходы, стрельчатые окна, забранные витражами, факелы в гнездах, выполненных в виде лап каких-то зверей, – казалось тревожным ц предательским, а может, он просто был пьян. На одной из лестниц они встретили высокого воина в молочно-белом. Граф догадался, что это «наставник» Филиппа и

Александра. Он его видел один раз и вряд ли узнал бы в другом месте и в другой одежде – лицо циалианского рыцаря не принадлежало к числу запоминающихся.

Белый был явно удивлен и раздосадован, но Базиль не дал ему даже рта раскрыть.

– Я пришел повидать моих братьев, сигнор, и я их увижу.

– Но…

– Никаких «но», – поднял бровь Базиль. – Вы меня не остановите. После Лося Олень – животное мелкое.

Если рыцарь и хотел помешать, то передумал.

– Я и не думаю вас останавливать, хоть вы и явились поздно, никого не предупредив, и пьяным. Но я понимаю ваше желание после того, что вы пережили, повидать родных, ведь вам завтра в путь.

– Вы прекрасно осведомлены, сигнор. А пьян я ровно настолько, насколько нужно, чтобы не бояться затеять ссору.

– Ссоры не будет, – резко ответил циалианец, – проходите.

Базилю не понравилось, что дверь в покои Филиппа и Александра запиралась снаружи, но выяснять отношения было не с кем. Циалианец повернул ключ и исчез, разговор был окончен. Граф Мо пожал плечами и толкнул дверь. Братьям будущей королевы отвели угловую башню. Из обширной приемной со стенами, увешанными допотопным оружием, и камином, в котором можно было зажарить целого кабана, виднелись три двери. Одна была распахнута, там горел огонь и слышался голос. Базиль еще раз пожал плечами – мать не раз выговаривала ему за эту привычку, – бросил мокрый плащ на пустующее, довольно-таки потертое кресло и пошел на свет.

Алек лежал на кровати и болтал ногами. Филипп читал ему вслух – разумеется, про Леонарда. Младший брат за прошедшие месяцы потолстел, старший – осунулся. Услышав шаги, он захлопнул книгу и резко обернулся. В больших синих глазах застыло удивление, сменившееся с трудом сдерживаемой яростью.

– Здравствуйте, братья, – граф отвесил нарочито церемониальный поклон, – неужели вам так противно меня видеть?

– Нет, – Алек, улыбаясь, вскочил и подбежал к гостю, – а как ты вернулся?

– Верхом, – сообщил Базиль, в горле которого отчего-то запершило.

– Хорошо, – обрадовался Алек, – я всем говорил, что тебя не убьют.

– И оказался прав.

– Почему тебя впустили? – резко спросил Филипп.

– Сначала я пригрозил пьянице мечом, а потом объяснил кое-кому разницу между Лосем и оленями. Как вы тут?

– Мне тут не нравится, – улыбка Алека погасла, – нас никуда не выпускают. Сигнор Арвэль говорит, что сначала мы должны закончить образование.

– Врет, – заявил Базиль и повернулся к Филиппу, – я понимаю, что ты разочаровался в Лосе, но он раздумал меня казнить. Я видел Луи Трюэля и Мориса Шаотана. Оба в Гваре…

Он не знал, о чем с ними говорить. По крайней мере, с обоими сразу. Филиппу следовало бы сказать про Кэрну и предостеречь от нападок на Тартю, но Алек мог проболтаться. С Алеком он бы пошутил и повалял дурака, но под настороженным, неприязненным взглядом Филиппа это не получалось. Зачем он сюда пришел, собственно говоря? Просто потому, что больше идти некуда, только и всего.

Базиль оживленно рассказывал о путешествии и эскотских обычаях и первый же смеялся своим шуткам. Потом расспросил братьев о житье в Речном Замке. Их прятали от людей – видимо, чтобы никто не вспомнил, что по закону, если Пьер уничтожит акт о вступлении Александра на престол и представленные священником доказательства женитьбы покойного короля на какой-то там Клотильде, королем становится Филипп. Да, пока кузен – несовершеннолетний, и Тартю с матушкой могут считаться регентами, но потом… Потом дурака придется спасать, а он, как назло, пользуется каждым удобным случаем, чтобы дразнить гусей.

– Все читаешь? – Базиль кивнул на книгу, не придумав ничего лучшего, чем вернуться к старому спору. – Сам с ума сошел и брата сводишь?

– Если я не научу Алека, что значит честь, это не сделает никто.

Проклятый, сначала надо выбраться отсюда, с честью ли, без нее ли… Свадьба в конце зимы. На нее он приедет, иначе это будет нарушением этикета, и к этому времени нужно что-то придумать. Как некстати, что мальчишки сейчас вместе!

– Так и сидите под одной крышей?

– Нет, уроки у нас в разное время и с разными учителями, – сообщил Алек. – Ты когда уезжаешь?

– Завтра, вернусь к Нориной свадьбе. Филипп, когда закончишь обсасывать Леонарда, почитай про Эжьера. Помнится, рассказ о нем в той же книжке.

– Про клятвопреступника я ничего не желаю знать!

– А ты все-таки почитай. Почитай и подумай. Иногда больше

чести – нарушить клятву, чем сохранить.

– Кто это сказал? – подозрительно осведомился Филипп.

– Луи Трюэль, хотя, возможно, он лишь повторил слова деда.

Больше говорить было не о чем. На смену возбуждению пришла усталость, Базиль, дивясь своей сентиментальности, чмокнул Алека в лоб и зачем-то подал руку Филиппу. Тот долго, очень долго смотрел на брата, потом медленно протянул руку. С чего бы это? Базиль делано засмеялся и вышел. Назад его провожал все тот же караул-декан. Убедившись, что в коридоре ни души, Базиль снял с пояса туго набитый золотом кошелек. Этой взятки хватило бы на два десятка пьяниц, но граф Мо никогда не был жадным.

– Это тебе, но чтоб мальчишки были в порядке. А то три шкуры сдеру.

– Монсигнор, – стражник аж застонал, то ли от страха, то ли от жадности, – жизнью клянусь! Все сделаю!

Эстель Оскора

Рене часто повторял, что не идти вперед – значит идти назад. И это было правдой. Мы сидели в болоте и не знали, что делать, причем каждый по-своему. Впрочем, Сандер хотя бы взялся за свои рыцарские штуковины.

Глазами кошки я видела, как мой приятель управляется с мечом. Даже после раны и трехмесячного безделья он оставался великолепным воином, чуть ли не лучшим из тех, кого я видела, а повидала я многое и многих. Воистину, с Последним из Королей нам повезло, но вот повезло ли ему с нами? Жизнь я ему, конечно, спасла, но для чего – это большой вопрос, не придет ли миг, когда он проклянет свое спасение, как проклинала, и не раз, я сама? В душу своему гостю я не лезла, но отношения между нами сложились очень славные. Он мне доверял, я ему тоже и несколько раз едва не проболталась о том, что ему знать не следовало.

Сандер тоже привык ко мне. Чем больше я его узнавала, тем больше он мне нравился, но хуже всего было, что я начала за него бояться. Это глупость, что боишься за слабых, – их всегда можно спрятать под юбкой, а вот сильные, сильные гибнут чаще, особенно если спят и видят принести себя чему-то или кому-то в жертву. Александр Тагэре был именно из таких.

Меня прямо-таки бесила его привычка обвинять во всем себя. Самокопание делает человека уязвимым для чужих укусов и чужой подлости, а в том, что подлость затопила Арцию, я не

сомневалась. В наши с Рене времена мерзавцы тоже попадались, но они были покрупнее и посмелее. Драться со львом опасно, но легче, чем со стаей шакалов или, того хуже, невидимой заразой, разлитой в воздухе.

Я оставила кошку, когда Сандер вбросил меч в ножны и занялся Саданом. У меня оставалась ора или чуть больше, за которые требовалось изобразить нечто съедобное. Готовить как положено мне было лень, да я и не умела, а показывать своему гостю, на что способна эльфийская магия, не хотелось. Александр Тагэре в волшбе не понимал ничего, но сообразить, что некоторые вещи обычной ведьме не под силу, мог даже он. Я не знала, рассказал ли ему отец о том, кто вытащил его из парочки передряг. На всякий случай я назвалась другим именем – впрочем, оно мне нравилось. Это было весело – поменять имя значит немного изменить свою сущность. Разумеется, на время.

Мне нравилось быть Ликией, а Сандеру нравилась жизнь простого охотника. Я взяла одного из добытых нами зайцев. Нами, потому что кошка искала съедобное зверье не носом, а при помощи моей магии, а заодно следила, нет ли рядом кого-то нам ненужного. Сандеру про это знать было не обязательно. Он и не знал.

Разделывать несчастного русака обычным ножом было лень, и я, на всякий случай проверив, где мой гость, пустила в ход то, чему научилась в Убежище. Астени как-то обмолвился, что был какой-то эльфийский клан, где ели только лепешки да сушеные фрукты, а на Лебедей и Лунных смотрели как на очеловечившихся варваров. Тогда меня поразило, что среди бессмертных есть фанатики и дураки. Теперь я уже ничему не удивлялась.

Заяц отправился в котелок вместе с какой-то травой; пробовать я не стала – все равно получится вкусно, а огонь погаснет вовремя… Можно было заняться делом. Или, наоборот, бездельем. Я еще раз глянула на будущий суп и отвернулась к окну. Белый снег, черные деревья, стайка красногрудых пичуг… В Исских горах таких не было.

Мои мысли вновь и вновь возвращались к Шарлю Тагэре и к Рене. Оба не имели себе равных, оба не хотели власти и были вождями по призванию и избранниками судьбы. Оба были непобедимы, и оба были побеждены. Кем? Почему? Как? О Шарло мне было думать легче, и я пыталась представить себе его жизнь и смерть.

Однажды я собралась с духом и расспросила Александра про отца. Далось мне это недешево. Я знала сероглазого герцога всего ничего, но он был первым из тех, кого я встретила, вернувшись и

став сама собой. Все было именно так, как я и думала. Все удары в лицо Тагэре отражал, и его ударили в спину. Сандер был тогда еще ребенком, но знал много – видимо, расспрашивал взрослых. Отца он обожал и мог рассказывать о нем часами, хотя порой мне казалось, что он говорит сам с собой. Что ж, меня это устраивало.

Сандер, сам того не зная, сообщил немало важного, но, даже не будь семья Тагэре избранной, я должна была узнать о судьбе людей, которых когда-то спасла.

Теперь я не сомневалась, чью смерть почуяла в саду Адены, когда едва не дала пощечину Эрасти. Наша ссора стала началом пробуждения Проклятого, и за это следовало благодарить Шарло, сумевшего до меня докричаться, даже умирая. Теперь рядом со мной был его сын. Если мы уцелеем, я заставлю Эрасти избавить Сандера от горба, но сначала нужно уцелеть…

Смешно, но я расстроилась, узнав, какой стала Эста. Я была о ней лучшего мнения, видя в молодой графине эдакую Ланку, а она оказалась самоуверенной дурой; ее отношения к сыну я и вовсе понять не могла. Даже если до нее дошло, что ее любовь безответна, а это было именно так.

Я видела Эстелу вместе с Шарлем всего лишь раз, после боя на дороге. Шарло выглядел так, что краше в гроб кладут, но храбрился, а Эста… Нет, Геро, ты так и не научилась, смотря, видеть! Эста смотрела на Шарло и немного на меня, а он на меня и от усталости в землю. Он не любил, но женился. Она любила и, не найдя того, чего ожидала, стала искать виноватых. Даже не знаю, кому пришлось хуже: Рене с Ольвией или Шарло с Эстелой.

Ольвия была расчетливой, блудливой стервой, но она, по крайней мере, не требовала от Рене любви и не ревновала. Эста с ее ощущением собственной правоты и превосходства и привычкой судить других могла вколотить в гроб даже эльфа. Уж лучше бы она изменяла, чем размахивала своей непорочностью, как плеткой… Сколько таких вот баб считают себя и почитаются другими за идеальных жен и матерей, портя жизнь и детям, и мужьям и ревнуя их чуть ли не к пням в лесу.

Самое изумительное – они всерьез полагают, что во всем правы и любят семью. Эстела пошла дальше. Ее врагом стал собственный сын – то ли из-за увечья, то ли из-за действительной или мнимой измены Шарло. Лично я бы предпочла, чтоб он и впрямь изменял жене – герцог заслуживал тепла, а не проповедей.

Зря я не оставила малышку ре Фло у циалианок, она б немного поскучала и нашла себя. Хотя тогда бы я вряд ли спасла Шарло. Да нет, все равно спасла бы! В Мунт меня бы понесло так и так, я бы узнала о казни, пришла бы посмотреть и не выдержала бы.

Стал бы Шарль без Эстелы счастливее? Может быть, но тогда на свете не было бы сероглазого рыцаря, который сейчас проминает по заснеженным тропкам атэвского коня. Был бы кто-то другой, и наверняка хуже. Значит, все правильно, только жаль загубленную жизнь Шарля Тагэре и его бессчастного сына. Я никуда не потащу Александра этой зимой, пусть думает, что отсюда нет выхода. Он из тех, которые умеют переносить то, что не в силах изменить, – горб ли, погоду ли, и при этом он умеет замечать маленькие радости. Лес лечит, особенно тех, в ком есть хоть капля эльфийской крови. Решено, ждем весны, благо есть где.

С избушкой в болоте нам сказочно повезло. Ее прошлый обитатель, довольно-таки мерзкий человечишка, вздумал наняться проводником к тем, кто искал Александра. Я как раз раздумывала, что мне делать и куда идти, потому что оставаться на опушке было глупо, когда радом объявилось с пяток воинов и мерзавец, оравший на всю пущу, что он здесь прожил тридцать лет и знает каждую тропку. Утопить всю свору в трясине было даже приятно, а обиталище доносчика оказалось настоящим подарком.

Я прикрыла глаза, дотягиваясь мысленным взглядом до кошки. Та восседала на плече у Сандера, и забрались они довольно далеко. Покойного лесника донимали мыши, и он держал кошку, которую я и сделала своим вторым "я". Сгодилась бы и какая-нибудь лесная тварь, но человеку, придя в себя, приятнее увидеть мурлыкающую киску, а не лисицу или кабана.

Забавно – я в первый раз в жизни кого-то жду, чтобы встретить и накормить. С Рене такого счастья у нас не было. Мы все время были на виду, и от нас что-то хотели. Я бы душу продала за то, чтобы так вот ждать его в зимнем лесу, но зачем думать о невозможном? Никто не знает, какой волной смыт след Рене Арроя; я чувствовала, что он жив, но даже я не могла придумать, что с ним сталось.

Рене… Память – это проклятие и награда. Без нее нас нет, но она стоит десятка палачей. Я повернулась к огню, стараясь взять себя в руки. Мне казалось, я навсегда забыла о холоде, но сердце мерзнет даже у порождений Тьмы, или как тут меня называли циалианки. Зимними вечерами вечно лезет в голову всякая муть.

Когда я была Горной Ведьмой иссков, не знавшей о себе ничего, и то порой хотелось выть от одиночества и пустоты, а сейчас я помнила, кого и что потеряла. Мне стало невмоготу сидеть в заснеженной халупе, любоваться на потухающий очаг и перебирать в памяти сказанные и несказанные слова, улыбки, прикосновения! И я позвала.

…Сандер засмеялся и поворотил коня. Услышал. Вернее, не столько услышал, сколько захотел домой. Не пройдет и пол-оры, он будет здесь. Мы будем о чем-то болтать, шутить, смеяться, и память отступит. До ночи.

2895 год от В.И. 1-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Филипп с удивлением смотрел на стоявшего в дверях караул-декана. Охрана не прислуживала заключенным в Речном Замке принцам, а в том, что они – узники, а не владельцы крепости посреди реки, Филипп не сомневался. Это братишку в его десять лет можно водить за нос, а бывший принц Гаэльзский прекрасно понимал, что происходит. То, что краснорожий вояка со смущенным видом трется у дверей, могло означать лишь одно – известие с воли. Базиль вернулся? Так скоро? Филипп поймал себя на мысли, что впервые думает о единоутробном брате как о друге.

– Сигнор Сашни, – кажется, он правильно вспомнил имя, хотя этот караул-декан похож на второго, как близнец, разве что усы подлиннее и нос чуть на сторону, – вы хотите мне что-то сказать?

– Да, монсигнор, – кивнул Сашни, – именно что хочу… Ваш, прошу прощения, брат просил меня, если что… Ну, в общем…

– Базиль? Он здесь? Ты его видел?

– Нет, монсигнор, – шумно вздохнул Сашни, распространяя вокруг запах хорошо прожаренного лука, который Филипп терпеть не мог, – но он мне вперед запла… То есть попросил, чтобы я, если чего…

– И что? – быстро переспросил принц, которому вдруг стало страшно.

– Монсигнор, ужин-то сегодня у вас не правильный будет.

– То есть?

– Ну, на поварне… – потупился караул-декан, – обычно вам здесь ужин варят. Ну, конечно, получше, чем нам, но здесь. Так сегодня Бланшотта все сготовила, как обычно, а я… Ну вы и брат ваш, уж простите, едоки не больно резвые… То есть все равно оставалось бы…

Так вот в чем дело, а он было подумал невесть что. Стражники потихоньку с помощью этой самой Бланшотты объедают узников и, верно, попались на горячем. Или боятся, что попадутся, если их с Алеком начнут расспрашивать, что и как было на ужин.

– Успокойтесь, Сашни, нам всего хватает. Если вы, скажем так, берете из нашего котла, то на здоровье. Мы вас не выдадим.

И без того красная рожа Ива стала совсем багровой.

– Вы уж простите, монсигнор, плохо это, что мы делали. Прям хоть сквозь землю провалиться…

– Да ладно, я не сержусь, – махнул рукой Филипп, потянувшись к «Скорбной и славной истории благородного герцога Леонарда».

– Монсигнор, я не о том. То есть и о том, конечно, но не в этом дело. Так вот, Бланшотта сегодня все сготовила, вынесла, значит, на холод, чтоб вечером только разогреть осталось, а я к ней и завернул. Ну и она решила мне, по доброте душевной… – Лицо Сашни изображало такие муки, что Филиппу стало смешно. – Ну мы и пошли с ней. Но не вошли, там дверка вторая есть, с окошечком, так там учитель ваш крутился, да не один. Белый, тот на дверь пялился, а другой, уж простите, ужин ваш из скляночки приправлял.

– И что? – переспросил принц, в горле которого пересохло.

– А то, что мы подождали, как те убрались, я отрезал кусок да кухонной кошке скормил. Так она… Нет, не сдохла, уснула… Мы что с ней только не делали: и водой поливали, и за лапы трясли – спит, и все.

– Значит, спит? И мы уснем, если поужинаем, так, выходит?

– Уснете, точно. Сильная штука… И вот еще что. Я, как узнал это, решил в город податься. Я, как бы это сказать… С Трюэлями знаюсь, с покойным Обеном еще дело имел. Сейчас особняк ихний заколоченный стоит, но Пикок, камердинер покойника, в Мунте. Я и решил с ним посоветоваться, до ужина-то далеко еще. Так не выпустили меня! Говорят, кто-то из гвардейцев этих новых заболел чем-то. Пока медикусы не разберутся, не выйти. Была раньше у меня дверка, в которую я бегал, если в город нужно было, так даже там охрану поставили, мышь не проскочит. Только не болен из них никто.

– Не болен?

– Я хоть и похож на дурака, но не первый год здесь. Никто сегодня не приходил и не уходил. Как вчера Бланшотта на ужин накрывала, так и сегодня на завтрак и на обед. Все пришли, и все жрали, как кони. Никаких больных. Не нравится мне это.

– Благодарю вас, сигнор Сашни, – сказал Филипп, – я ожидал чего-либо подобного, хотя и не так быстро. Будьте так добры, подождите немного. Мне надо подумать и кое-что написать. Жаль, мне нечем вас угостить.

Ив молча сел. Он не отказался бы выпить, а вот есть караул-декану сегодня не хотелось. Ему вообще ничего не хотелось, будь оно все проклято с востока на закат и от головы к пяткам! Сашни примостился в вытертом кресле, угрюмо уставившись на святого

Амброзия, с идиотски счастливой рожей пробуждавшегося в пустыне после ниспосланных ему откровении.

Тишину нарушал лишь шорох пера по бумаге да треск огня в камине. В комнате принцев было жарко, но Иву казалось, что он промерз до костей.

Караул-декан никогда не утруждал себя досужими рассуждениями, но в этот зимний вечер вдруг понял, что есть в жизни нечто более ценное, чем сытое пузо да ауры в кармане. Он сам не знал, что должно случиться, но чувствовал, что с прежней жизнью и с прежним Ивом Сашни, любителем пожрать, выпить да поругаться с дураком Виктуаром, покончено.

– Сигнор Сашни! – Филипп протянул ему несколько листков бумаги. – Прошу вас, прочитайте.

– Монсигнор, – заморгал караул-декан, – я… того… Прошение нарисовать могу, ну, вывеску разберу, где что подают. Или там из Книги Книг, а это…

– Хорошо, – кивнул золотой головой принц, – тут три документа и три письма. Слушайте. Первый – это манифест. То есть то, что для всех арцийцев. Пьер Тартю, чтоб жениться на моей сестре, уничтожил документы о том, что мы бастарды Филиппа Четвертого, так что теперь я – король. Понимаете?

– Да, монсигнор, – боднул воздух Ив Сашни. И как только он сам не догадался, что если невеста короля – законнорожденная, то и ее братцы тоже. Ну а Пьер, выходит, просто муж принцессы Тагэре. Ну и ублюдок, разумеется.

– Ну вот я и пишу, как король, – прервал размышления стражника Филипп. – Конечно, я несовершеннолетний, но все равно…

«Мы, Филипп Пятый Арцийский, доводим до сведения жителей королевства, что Пьер Тартю является преступником и узурпатором, незаконно захватившим трон при помощи предательства, ифранского золота и магии. Мы призываем всех арцийцев, которым дороги честь и закон и небезразлична судьба страны, подняться против тирана…» – Филипп опустил бумагу и внимательно посмотрел в глаза караул-декану. – Вы понимаете, почему я это написал?

– Вы решили, что вас убьют?

– И меня, и брата. Живые мы Тартю не нужны.

– Ну… – замялся Сашни и, понимая, что врет в первую очередь самому себе, добавил:

– Ну че б тогда возиться с сонным зельем, они б просто отраву положили.

– Яд можно обнаружить. Придушить спящих и списать на лихорадку надежней. Такое было уже, – принц кивнул на

«Историю Леонарда». – Если я ошибся и нас не убьют, пусть эти документы останутся у вас. Или, того лучше, отнесите их Пикоку, он найдет, что с Ними сделать. Луи Трюэль в Гваре, но слуга, несомненно, знает, как передать хозяину весточку. Ну а если убьют… Тогда сделайте то же самое и еще передайте завещание и эти письма. – Принц глянул на клепсидру. – У нас есть три четверти оры, пока наш «наставник» занимается с моим братом. Днем учит Книге Книг, а ночью придет и убьет… Воистину, сердца Белых рыцарей обращены к Триединому и Равноапостольной!

– Монсигнор!

– Ив, я хочу, чтобы вы дослушали до конца. Королевский манифест вступает в силу, когда его огласят перед подданными. Сколько их должно быть – не определяется. Значит, может быть и один.

– Один? – захлопал глазами караул-декан.

– Вы – арциец, Ив Сашни. Вы слышите то, что слышите, и это становится законом. Я действую по всем правилам, меня ведь готовили к царствованию. Я чуть с ума не сошел, зазубривая все эти тонкости, а сегодня пригодилось.

Филипп дочитал оказавшийся очень коротким манифест и перешел ко второму документу, в котором подтверждал подлинность уничтоженных Пьером Тартю доказательств незаконности брака Элеоноры Гризье и Филиппа Тагэре и отрекался от прав на корону от имени всех потомков этого союза как по мужской линии, так и по женской.

– После истребления всех Ларрэнов и Бэрротов право на арцийскую корону переходит к дому оргондских герцогов, – тихо и безнадежно читал сын Филиппа и Элеоноры. – Следующим наследником является Рафаэль Кэрна, принадлежащий к одному из династических домов Благодатных земель и названный в свое время Александром Тагэре в случае его смерти регентом Арции при несовершеннолетнем короле. На престоле Арции не может находиться бастард или потомок бастардов, даже если Церковь Единая и Единственная объявит этот запрет недействующим. А теперь, господин Сашни, я оглашу свое завещание и перестану вас терзать.

Завещание пятнадцатилетнего короля, не правившего ни оры, было коротким. Все, чем он владел, он оставлял кузену Шарлю Тагрэ или, если тот погибнет, кузине Катрин, а затем – Рафаэлю Кэрне или любому представителю дома Мальвани, начиная со старшего. Было еще два письма, сложенные, но незапечатанные. Шарлю Тагрэ и Рафаэлю Кэрне.

– Я не скрываю их содержание, – тихо сказал король, – они

совсем короткие. Я прощаюсь и желаю удачи тем, кто остается. Если увидите моего брата, скажите, что он был во многом прав и… что я его люблю. Матери я не пишу, она виновата во всем, я не могу ей простить предательства короля и королевства, но она моя мать. И проклясть ее я тоже не могу. А теперь идите, и спасибо за все.

– Может, еще обойдется, монсигнор, – пролепетал Сашни.

– Может, – сжал губы принц, – но я не верю. И еще одно. Если они решили убить нас сегодня, они это сделают, поэтому не вмешивайтесь. Напейтесь, украдите сонного зелья, но сделайте так, чтобы вас ни в чем не заподозрили. А потом воспользуйтесь первой же возможностью и уходите. Лучше всего – в Гвару… Стойте! – Филипп бросился к письменному столу и торопливо набросал несколько строк.

– Я… Я ничем не могу вас отблагодарить, но если вы выберетесь… Я – бастард, а не король, сожженные улики ничего не меняют, но Ра-Гвар – настоящий владетель. Я прошу его сделать вас нобилем.

– Монсигнор… Я…

– Уходите и приготовьтесь врать.

Ив Сашни неуклюже бухнулся на колено, пародируя некогда виденную им придворную церемонию.

– Монсигнор, клянусь, я все сделаю.

2895 год от В.И. 1-й день месяца Вепря ГРАЗСКАЯ ПУЩА

Зима перевалила за половину, холод для этих мест стоял немыслимый, но выросший на севере Александр им откровенно наслаждался, так же как и тем, что снова ходит, как нормальные люди. Если бы не плечо… но об этом он запретил себе думать много лет назад. Начинать день с жалости к себе – значит к вечеру возненавидеть всех остальных или повеситься.

Александр не сразу привык к тому, что не хромает. Иногда он об этом забывал и спотыкался, но все реже и реже. Теперь он изо всех сил старался быть полезным своей хозяйке, а в свободное время, которого оставалось достаточно, тренировался с мечом и разминал Садана. Странно, но в тренировках ему помогала кошка Ликии, которая, хоть и терпеть не могла холодный мокрый снег, повадилась танцевать вокруг него, заставляя Сандера выделывать немыслимые па. Сначала он не понимал, чего ей нужно, и боялся ненароком пришибить, а потом возблагодарил Святого Эрасти за такую помощницу, так как к нему не только стремительно возвращались былые сила и ловкость, но и появлялось нечто

новое. Александр с удивлением почувствовал, что предугадывает стремительные движения своей соперницы, – такого раньше с ним не бывало.

Он научился охотиться не как нобиль, которому для того, чтоб загнать оленя, нужна прорва двуногих и четвероногих помощников, а как крестьянин, ставящий силки на зайцев и подбивающий стрелой тетерева или снежного петуха. Александру нравилось бродить по заснеженному лесу с кошкой на плече, которая сопровождала его и здесь, выказывая недюжинные способности по части обнаружения дичи. Они редко возвращались домой без зайца, а то и двух. Где-то за заснеженными оврагами лежали деревни, дороги, города, но Садан никогда не пройдет по такому снегу, а значит, нужно ждать весны. И он ждал и не ждал одновременно, находя странное удовольствие в осознании того, что зима приковала его к лесной хижине и ее странной хозяйке.

Домой, так как это сейчас был его дом, они добрались, когда совсем стемнело, и синие тени деревьев слились в одну огромную, называемую ночью. Маленький желтый огонек в подслеповатом оконце уютно дрожал, и у Александра сжалось сердце. Бывают же счастливцы, которых ждут вот такие огоньки, которым не нужно отворачиваться от своей уродливой тени, не нужно думать и решать за других…

Ликия уже ждала их на пороге. Ведьма с улыбкой взяла невезучего зайца и протянула охотнику какое-то горячее травяное пойло. Сандер уже привык и к странным словам ведьмы, и к ее травам; она так ничего о себе не рассказала, но королю порой казалось, что он знает о своей спасительнице все. То есть не все, но самое главное. Он верил этой женщине и отчего-то очень ее жалел, хоть и не показывал виду. Как к своему гостю относилась Ликия, понять было трудно, но Александру хотелось думать, что она ему рада. Вот кошка, та выказывала свои чувства более определенно, явно предпочитая его общество обществу хозяйки.

– Твоя кошка стала совсем собакой, – улыбнулся король, возвращая Ликии пустую кружку.

– Да, – кивнула та, – охотится, сторожит, любит – все как положено… Но ты сам виноват.

– Я?

– Конечно. Собака примет любого хозяина, а кошка только достойного. Как эти твари судят людей, я не знаю. Ты – нобиль, если и смотрел, то на коней и гончих псов, а я готова поклясться, что кошки тебя всегда признавали.

– Пожалуй… Ты права, я мало их замечал, а вот снились они мне часто. Черные кошки с короткой шерстью…

– Черные кошки снятся к удаче, – совершенно серьезно сказала Ликия, – когда-нибудь ты будешь очень счастлив. А сейчас мы будем ужинать.

2895 год от В.И. Ночь с 1-го на 2-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Филипп с трудом (Алек был крупным мальчиком) поднял брата на руки и переложил на постель, а тот и не заметил. Что же теперь делать? Что?! Юноша встал, осторожно разминая руки и ноги, прошелся по комнате. Десятая ора. Рано. Убийцы придут после полуночи – если, конечно, придут. А может, их решили усыпить по другой причине, придумать бы еще по какой. Хотят перевезти в другое место? Нужно взять кровь и волосы для каких-нибудь магических штучек? Они – родичи Шарло, говорят, на человека можно воздействовать на расстоянии при помощи родной крови, но годится ли для этого кровь кузена?

С того мгновения, как Ив Сашни нелепо поклонился и ушел, мысли Филиппа не знали покоя. Он лихорадочно искал выход и не находил. Выбраться из замка, набитого новыми гвардейцами и Белыми рыцарями, невозможно. Если это не удалось Иву, который десятилетиями шлялся по кабакам, обманывая коменданта, у них с братом и подавно ничего не выйдет. Кричать и звать на помощь? Кого? Может, десятка два стражников, сохранивших место с прежних времен, и услышат, но вот помогут ли? Против Арвэля и его людей они как дворняжки против медвежьих гончих.

Положиться на милость божию, как говорят клирики, наглотаться сонного зелья и уснуть? И будь что будет! Нет! Он – Тагэре, а Тагэре не сдаются до последнего.

Ужин, во время которого Филипп ничего не ел, превратился в пытку. Алек что-то рассказывал, радовался тому, что сигнор Арвэль разрешил им погостить в Аганне, а для Филиппа это было еще одним доказательством. Почему бы не пообещать смертникам луну с неба? Братишке он ничего не сказал – Шарло, тому можно было довериться, он рос с отцом и его рыцарями, а с Алеком возились мать и сестры, он совсем еще ребенок. Помощи никакой, а пугать – жаль. Филипп из последних сил смеялся вместе с младшим братом и строил планы о том, как они пригласят к себе кузенов, хотя Ларрэны мертвы, а у Шарло хватило ума бежать. А вот он не догадался, а теперь поздно.

Двери в их покои изнутри не запираются и открываются наружу, завалить мебелью – и то нельзя, да и окна выходят во двор. Если б на реку! А тут кричи не кричи. В каминную трубу не

пролезть… Уложив брата, Филипп простучал пол и стены: вдруг когда-то сюда вел потайной ход, но звук везде был одинаково глух и безнадежен. И все равно Филипп, как мог, обыскал все три комнаты, ничего не нашел, но убил на это три с половиной оры. Речной Замок затихал, еще пол-оры, от силы – ора, и останутся бодрствовать лишь стоящие на внешних постах и убийцы.

А может, если Арвэль увидит, что он не спит, он отложит убийство? Если ему нужно, чтоб была тишь да гладь, это шанс. Пусть крохотный, но все же… Наставник спросит, почему он засиделся, можно соврать, что зачитался или что у него болит зуб или голова… Нет, голова не годится, с больной головой не почитаешь. Значит, зуб! Тогда ему принесут снадобье, которое придется выпить прямо при Арвэле.

Заставят? Или поставят на стол и вернутся через ору? Человек с больным зубом выпьет все, лишь бы отпустило. Филипп с тоской посмотрел на спящего брата – Алек улыбался, обхватив подушку, он тоже может точно так же улыбаться во сне… Юноша решительно встал и направился к сундуку с одеждой. Их вещи пока еще оставались при них. Жаль, он за три года вырос из заказанного дядей Сандером коронационного платья. Он – Волинг, хоть и бастард. И имеет право умереть в алом. Нет, в синем, как Тагэре! Филипп переоделся быстро и ловко – он готовился стать воином, а не придворным «пуделем».

Синяя куртка с серебром сидела как влитая. Жаль, что без консигны, но он так и не стал рыцарем. Теперь главное. Оружие. Тупые тренировочные мечи и кинжалы не годятся, равно как и серебряные ножи для фруктов, но в первой из отведенных им комнат на стенах развешано старинное оружие. Филипп немного подумал и выбрал простой, легкий полумеч. Вряд ли за ним придут в доспехах – когда собираются душить спящих, думают не о защите, а о тишине. Значит, у него есть шанс кого-то убить.

Принц вскочил на спинку кресла и, опираясь рукой на деревянную панель, дотянулся до облюбованного меча и вытащил его из ножен, погубив работу целой династии пауков. Клинок был в хорошем состоянии. Все остальное – боевой топор, щит, два двуручника – не годились для того, что он задумал. Хорошо было бы заполучить парочку кинжалов, но такой возможности ему не предоставили, даже этот меч в его положении настоящий подарок судьбы. Вряд ли убийцы станут пересчитывать оружие на стенах, но юноша еще раз забрался на кресло и всадил в пустующие ножны тренировочный меч, а острый положил в постель так, чтобы сразу дотянуться. Все или можно придумать что-то еще? Можно! Баночки с приправами из буфета! Там молотый перец, можно сыпануть кому-то в лицо. Под подушку его! Вот теперь –

все!

Филипп пристроился на кровати при свете свечи, завернувшись особым образом в покрывало. Видно, что не спит, а дальше будь что будет. Если его убьют в бою, значит… Значит, придется как-то это объяснить, потому что раны – это раны. Конечно, их можно скрыть с помощью магии, но для этого нужны сообщники. Легче придать одному убитому лицо другого, чем сделать невидимым след от меча или стрелы, а осматривать мертвых принцев должно не менее девяти медикусов. А Арвэль в любом случае поплатится, Тартю такой ошибки ему не простит…

Время медленно переливало песчинки из верхнего шара в нижний. Песчинка – чья-то жизнь. Песчинка – чья-то смерть. Каждому свой срок – и бабочкам, и людям, и звездам, и мирам. И только время всегда было и всегда будет.

Теперь юноша почти хотел, чтобы убийцы пришли быстрее; возбуждение потихоньку отступало, и на его место стал просачиваться страх. Филипп стиснул зубы и пододвинул к себе вторую часть «Истории», раньше он ее не очень любил, так как в ней слишком много говорилось о сопернике Леонарда Арроя, подлеце и убийце [30]. Лишь зачитав до дыр первую книгу, принц принялся за вторую и с ужасом обнаружил, что начинает сочувствовать обесчещенному рыцарю. По крайней мере, в плену тот вел себя достойно, а его прегрешения… Да, он убил императрицу, нарушив клятву, но… если кто-то из принесших присягу Пьеру Тартю его убьет, станет ли он преступником? Рыцарь из книги говорил, что живая совесть нужней мертвой чести. Странно, он чем-то напоминает Базиля, тот вполне мог сказать что-то подобное. Сказать или… сделать?!

Возня в прихожей оторвала Филиппа от мыслей о жившем в незапамятные времена клятвопреступнике ради рыцарей, явившихся выполнить королевский приказ. Филипп понял, что их двое или трое. Трое. Арвэль, его аюдант и кто-то третий, незнакомый.

– Вы не спите, монсигнор? – удивился рыцарь Оленя. – Почему?

– Сначала болел зуб, а теперь зачитался, – юноша поочередно взглянул в глаза ночным гостям, – очень интересная история. Сигнор Арвэль, как вы думаете, был ли сигнор Эжьер подлецом?

– Что? – Кажется, «наставник» и впрямь был удивлен. – Эжьер? Он нарушил обет! Для рыцаря это недопустимо. Уго, – Арвэль повернулся к аюданту, – прошу вас, спуститесь в кухню и принесите монсигнору успокаивающую настойку.

– Благодарю вас, – улыбнулся Филипп, – не стоит. У меня уже все прошло, наверное, это от горячего.

– Я сказал, Уго, – повторил циалианец, – и поспешите. Алеку, вижу, ваши ночные бдения не мешают?

– Да, он спит как убитый. Мы и вправду сможем погостить в Аганне?

– Разумеется, – наклонил голову рыцарь, – но сначала нужно показать медикусу ваши зубы.

– О, ради поездки я готов показаться девяти лекарям сразу, – старательно улыбнулся Филипп, – так вы бы не согласились иметь другом и спутником сигнора Эжьера?

– Рыцари Оленя не имеют дела с клятвопреступниками и распутниками.

– Но ведь. Эжьер ничего не хотел для себя. Он был отважным воином и надежным другом. А с императором… Если б он не убил его и его мать, погибло бы множество невинных.

– Есть вещи, которые нельзя искупить, – надменно наклонил голову рыцарь, – хотя покойный узурпатор и был иного мнения. Человек, приблизивший к себе безродного наемника и изгнанного собственным отцом байланте, возможно, нашел бы удовольствие и в обществе сигнора Эжьера. Но хватит об этом, вот ваше лекарство. Пейте и ложитесь спать.

– Лекарство? – странным голосом переспросил Филипп. – Я выпью его, но только после вас.

– Что? – обычно мраморно спокойное лицо рыцаря Оленя исказило удивление.

– Я прошу вас об этом, наставник. Мне не хочется пить его одному.

– Я не намерен потакать вашим капризам. Зачем мне средство от зубной боли?

– Для того, чтобы доказать, что вы лучше Эжьера-клятвопреступника. Он, кстати говоря, вряд ли согласился бы убить спящего. Ведь это сонное зелье, не правда ли? Сонное зелье, благодаря которому Алек не проснулся, когда я его уронил. Зачем вам нужно, чтобы мы спали? Вы пришли нас убить?

– Вы бредите, Филипп.

– Брежу? В таком случае пусть ваш Уго выпьет этот кубок, а мы подождем. Если через пол-оры он не упадет, я готов извиниться и перед вами, и… перед узурпатором.

– Пейте, Уго, – пожал плечами Арвэль, опускаясь на стул, – пейте! У нас нет времени.

Если бы Филипп не знал об этом приеме, он бы обязательно попался. В самом деле, его глаза должны были быть прикованы к Уго, в крайнем случае к наставнику, а третий убийца, доселе неподвижно стоявший в стороне, скрутил бы лежавшего на кровати.

Неприязнь Арвэля к байланте могла бы получить дополнительную пищу, узнай он об уроках, которые Рито Кэрна давал племяннику своего друга. Одеяло, которое на самом деле отнюдь не обвивалось вокруг ног лежавшего, полетело в лицо убийце, изрядная порция лучшего мирийского перца отправилась в глаза Уго, так и не выпившего сонное зелье, а перед ошалевшим Арвэлем предстал совершенно одетый Филипп с мечом в руках.

– У вас есть шанс сравниться с Эжьером! – крикнул юноша, довольно удачно отбивая выпад оленьего рыцаря. – Тот, помнится, убивал своего сюзерена, глядя ему в глаза.

– Сюзерена?

– Если Нора – принцесса, то я – твой король! – Филипп кошкой прыгнул назад, рубанул сдиравшего с себя одеяло «третьего» по шее, развернулся и встретил «наставника» лицом к лицу. Кольчугу тот надеть не удосужился, но у него, кроме короткого меча, имелся кинжал. Арвэль был хорошим воином, но он не ожидал нападения, а юношей вдруг овладело странное спокойствие. Подхватив левой рукой тяжелый канделябр, Филипп принял на него удар кинжала и швырнул в ноги противнику. Арвэль споткнулся, и принц не преминул ударить. Показалась кровь. Рана была легкой, но неудобной.

Кое-как прочихавшийся Уго бросился на помощь сигнору, но Филипп снова отскочил, запустив в аюданта попавшимся под руку подносом с яблоками. «С собаками надо говорить по-собачьи» – те, кто пришел убить спящих, не заслужили рыцарского отношения. Теперь бой шел не в спальне, а в той комнате, на стене которой висел столь пригодившийся принцу меч. Филипп сражался за свою жизнь и жизнь брата, но, странное дело, схватка доставляла ему чуть ли не удовольствие. Это была его Гразская битва, его безнадежная, отчаянная драка с судьбой.

Клинки звенели, отскакивая друг от друга. Арвэль был ранен, глаза Уго слезились, и оба были ошеломлены. Аюдант сделал яростный выпад, промахнулся и грохнулся вместе с вонзившимся в его грудь мечом. Вытаскивать его было некогда, и Филипп подхватил клинок убитого.

Принц и «наставник» остались вдвоем. Куртка Арвэля была в крови, но глаза смотрели остро и уверенно. Филипп понял, что удивление прошло и справиться с рыцарем Оленя будет ой как непросто. Так и оказалось. Первый же выпад Арвэля сравнял шансы, теперь ранены были оба. Филипп знал, что любой на его месте или занял бы глухую оборону, или попробовал бы прорваться к двери, но не сделал ни того ни другого. Это был еще один мирийский трюк. Глянув в лицо Арвэлю и сразу же опустив взгляд, Филипп бросил меч и опустил голову, зажимая рану

рукой. Арвэль зло рассмеялся и шагнул к сломленному противнику – ему требовался мертвец, а не пленник. Филипп покорно ждал смерти, втянув голову в плечи, сверкнула сталь и… юноша очумевшей кошкой метнулся под ноги убийце, одновременно перехватив и вывернув руку с кинжалом. Кэрна говорил, что, если получится, противник всадит нож в собственную печень. У Филиппа получилось.

Юноша, сам не веря своей удаче, кое-как поднялся. Он был весь в своей и чужой крови, ноги казались ватными, но ему удалось! Удалось! Он выиграл бой, теперь нужно выиграть жизнь. Дверь вроде бы отперта, уже хорошо! Вряд ли гвардейцев оповестили об убийстве. Они просто стерегут замок; если выйти, сказать, что их с братом пытались убить, и потребовать отвести их к королю, охранники согласятся. Должны согласиться… Он потребует в сопровождающие Сашни, они вместе покинут Речной Замок, а что потом? Укрыться в храме? В доме Трюэлей? А может, рискнуть и напасть на Пьера? По закону он – король, а тот, как ни кинь, узурпатор и ублюдок…

Голова Филиппа кружилась, но он сумел собраться с силами, кое-как перевязал рану, шатаясь, миновал разгромленную анфиладу, распахнул дверь в коридор и отпрянул назад, медленно заваливаясь на спину. Невысокий мужчина с арбалетом, стоявший у двери, подождал, пока в синих глазах Филиппа Тагэре погасла последняя искра сознания, и вошел в комнаты. Арвэль полагал, что справится один или в крайнем случае вдвоем с аюдантом. Пьер Тартю счел уместным послать четверых и оказался прав.

Четвертый, не глядя на хрипевшего Уго и мертвого Арвэля, прошел прямиком к Алеку. Мальчик и не думал просыпаться, но чужой взгляд все же почувствовал и отвернулся, зарываясь лицом в подушку. Мужчина все так же спокойно поднял вторую подушку, накрыл ею голову Алека и глянул на клепсидру, замечая время. Через четверть оры он убрал подушку, озабоченно коснулся руки младшего принца, приподнял и опустил веко и вытер руки о покрывало. Дело было сделано.

Луч света падал на пол, выхватывая из темноты ножку опрокинутого стола, половинку красного яблока, рассыпанные перья, толстую книгу, раскрытую ближе к концу. «…За стеной тюремного замка мирно спал равнодушный город. Тишину нарушали лишь звуки колотушки сторожей да редкий собачий лай, люди лежали в своих постелях и видели сны. Им не было дела ни до чужих преступлений, ни до чужой боли. Эжьер вздохнул, прижавшись пылающим лбом к холодному камню и пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли. Он давно не

боялся смерти, ему было все равно, что и кто про него скажет. Он был прокаженным, привык к этому, даже научился этим гордиться, но такого понять и принять не мог! Должен же быть предел всему… Должен, но есть ли?…» Дальше страницу заливала кровь, и разобрать, о чем еще думал знаменитый клятвопреступник, было невозможно. Четвертый поднял тяжелый том. Придется сжечь… С пола и стен кровь отмыть можно, а вот с книжных страниц не получится. Филипп не расставался с «Историей Леонарда», об этом знали все…

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
UNO AVULSO. NON DEFICIT ALTER [31]

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

Н. Гумилев

Эстель Оскора

Я проснулась внезапно, словно меня разбудил удар хлыста. Как же я ненавидела это чувство, ходившее за мной по пятам не одну сотню лет. Осознание того, что где-то произошло что-то страшное, несправедливое, подлое, а ты опоздал и не можешь ничего изменить и никого спасти. Вот и сейчас… Я не знала, что и где случилось, и могла лишь молить всех богов, чтобы судьба помиловала Рене и Эрасти. Могла, но не молила, потому что это было бесполезно. В этом мире мы были даже не одни, мы были против всех – судьбы, высших сил, прошлого, настоящего…

Рядом раздался стон, и я вздрогнула, хотя могла бы догадаться, что это Александр, деливший хижину на болотах с лесной ведьмой. Я вышла из-за занавески, за которую целомудренно уходила на ночь. Последний из Королей метался в постели – тоже что-то чувствовал. Древняя Кровь остается Древней Кровью, хватит и капли, чтобы почуять боль Тарры. Я хотела разбудить Сандера, но он перестал стонать и задышал ровно. Кошмар прошел – для него, по крайней мере. Я накинула на плечи полушубок и вышла в холодную ночь. Если ты хочешь, чтоб тебя считали человеком, СТАНЬ им, лучшая маска – это правда.

Звезды сияли и подмигивали как ни в чем не бывало. Звезды, облака, деревья… Их черед еще не настал, для них наш бой ничего не значит, но, если мы не выстоим, они тоже исчезнут, их даже оплакать будет некому, разве что отступившимся от Тарры Великим Братьям, если те соизволят явиться и покружить над пепелищем. Я смотрела в расшитое золотом небо и пыталась

понять, что мне делать. Эрасти исчез, и только Проклятый знает, где сейчас носит Проклятого. Изящная шутка – жаль, оценить некому!

Дорога к высохшему дереву у болота, в дупле которого я укрыла Кольцо Предательства, заняла в десять раз больше времени, чем нужно, но спешить было некуда – я и так поняла, что произошло, едва привела в порядок разбегающиеся мысли. Совершен Последний Грех, и, если верить ненавистной мне Книге Книг, пала целая куча великих и малых запретов, и в мир вступили слуги Антипода, предвещая явление его самого. А может, и не вступили, если под прихвостнями пахнущей серой и нечистотами поповской выдумки подразумевались мы с Эрасти.

В навороченном за тысячелетия душеспасительном бреде сам Великий Дракон не разберется, куда уж мне. Разумное зерно в нем есть, не спорю, но как его отыскать? Как бы то ни было, Проклятый и Эстель Оскора вернулись в Тарру, а Последний из Королей жив и под присмотром – это внушает определенную надежду. Ну а дальше-то что?

Три Звезды, если астрологи правы, вспыхнут года через полтора, а если светила ни при чем? Темная Звезда – вот она, собственной персоной! Сидит в болоте в обществе сероглазого горбуна и понятия не имеет, за что браться. Прятаться и ждать? Идти навстречу судьбе? А если и две другие обещанные звезды такие же чудища, как и я? Вдруг одна из них – Эрасти, а вторая… Рене? А все эти хвостатые кометы, Ангезы и Аморы лишь фантазии звездочетов, понявших слова Эрика слишком буквально? Я глупо и бессильно задрала голову к многозначительно молчавшей бесконечности. Высшие силы обожают молчать, когда к ним взывают. Не потому ли, что не знают ответа и стыдятся смотреть в глаза тем, кто в них верит?

Лишенный коры корявый ствол, в свете луны казавшийся грязно-белым, нависал над припорошенной снегом трясиной. Я сняла защитное заклятие, отпугивавшее от дупла белок и птиц, и вытащила Перстень Анхеля. Погасший. Впору было сесть в сугроб и возгордиться – я угадала, что свершен Последний Грех, а Проклятый додумался, что, когда это случится, кольцо погаснет. Какие мы оба умные, вечность нас побери!

Глядя на ослепший камень, я пыталась собраться с мыслями, и не было никого, кто мог бы мне что-то посоветовать и тем более помочь. Эстель Оскора была одинока с того мгновения, когда «Созвездие Рыси» растаяло в Сером море, одинока и отрезана от всех, имевших право хотя бы на смерть. Я привыкла к своей участи, к тому, что иду сквозь чужие миры в призрачной надежде куда-то вернуться, но этой ночью одиночество чуть меня не

доконало. Еще немного, и я бы разбудила Александра, чтобы услышать хоть чей-нибудь голос, но вовремя остановилась.

Пусть Тагэре спит, ему и так досталось и еще достанется. Меч Последнего из Королей должен ударить вовремя, его рука не имеет права дрогнуть. Мои боль и страх – это мои боль и страх. Мне их и нести, пока я не встречу Рене или не пойму, что встречи не будет. И все же, все же, если б Александр проснулся и вышел ко мне, мне стало б легче. Я никогда не боялась ночной тьмы, но сегодня мне было страшно, как одинокому ребенку, забившемуся под стол в доме, по которому бродят воры. Бродят и чего-то ищут, может, пройдут мимо, а может, слепо шаря по всем углам, наткнутся на дрожащее создание, которому хочется лишь одного. Чтобы чужаки забрали, что хотят, и ушли. Великие Братья, откуда у меня такие мысли?! Что со мной такое? Что такое со всеми нами? Будь проклята эта ночь, в которую какой-то подонок сотворил непоправимое…

2895 год от В.И. Ночь с 1-го на 2-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Его Величество Пьер Седьмой доклада не ждал, хотя знал, что должно произойти этой ночью, выбранной им из множества других. Главной ее особенностью было то, что у нее не было никаких особенностей. Ни полнолуния тебе, ни новолуния, звезды не предсказывают ничего необычного, холодно, но в меру, зимние праздники позади, но и до весны далеко. Очень подходящая ночь для того, чтоб избавиться от помехи, но надо быть осторожным.

Тартю не собирался давать повод для сплетен и пересудов. Дескать, в ночь с первого на второй день месяца Вепря ночью к королю пропустили гонца, и с той поры никто не видел юных братьев королевы. Нет, Жак Релльи войдет во дворец Анхеля днем, ближе к вечеру, будет долго дожидаться в приемной и наконец получит из рук Его Величества полное прощение и должность управителя Аганнского порта. Дороговато за двоих мальчишек, но что поделать. Главное, что далеко от Мунта. Ничего, должность и доходы со временем можно и потерять.

Где-то в коридоре заорала кошка, и Пьера передернуло от ненависти и отвращения. Проклятые твари! Житья от них нет!

Слуги назло ему развели полный дворец кошек. Мелкая, но неприятная месть. Да, после того как полтора десятка насмешников лишились языков, распевать песни про нового короля в Мунте прекратили, но выследить тех, кто пускает на

ночь в дворцовые коридоры обожравшихся мяуна котов, труднее!

Нет, он правильно поступает, женясь на дочери Филиппа. Можно десятками казнить дворян, но и в их глазах, и в глазах простонародья Пьер Тартю останется кошачьим отродьем, а вот наследник от королевы Тагэре его положение упрочит. Увы, сделать Нору законнорожденной – значит превратить ее отвратительного братца в короля; впрочем, будь Филипп самым тихим и послушным мальчиком в Арции, он все равно был бы опасен, а от опасности следует избавляться вовремя. Что ж, сегодня братья Элеоноры Вилльо обрели вечный покой, а он избавился от самых серьезных соперников. Если не считать пропавшего горбуна и его отродья, которых так и не нашли ни живыми, ни мертвыми. Пьер Тартю знал, что «убитый» Александр по-прежнему остается для арцийцев законным королем. Сейчас люди подавлены и напуганы, но придет весна, и один Проклятый знает, что она принесет. Ее Иносенсия обещала помогать, но исполнить обещанное не торопится.

Король поморщился: он боялся Анастазию, без помощи которой никогда бы не победил. Чего бы он ни отдал, чтобы вырваться из-под власти Предстоятельницы, но это было невозможно. Кот снова заорал – то ли от ярости, то ли от страха Король вскочил, натянул парчовый халат и рывком распахнул дверь, намереваясь дать взбучку дежурным слугам, допустившим появление мерзкого животного у двери королевской опочивальни.

В прихожей никаких кошек не оказалось. Ярко горели свечи, дежурные гвардейцы и лакеи, наученные горьким опытом своих предшественников, стояли и сидели там, где им положено. Придраться при всем желании было не к чему. Черную кошку в темной комнате поймать трудно, но в освещенном многими свечами зале, вся обстановка которого состоит из нескольких скамей на гнутых ножках, тварь была бы видна. Орала за окном? Завтра же он прикажет перетопить всех дворцовых котов – пусть будет больше крыс, зато прекратятся эти проклятые вопли. Пьер хмуро обвел глазами напряженные лица слуг и стражей, медленным, истинно королевским жестом закрыл дверь и оказался… один на один с четверыми мужчинами в богатых одеждах, спокойно стоящими посреди опочивальни.

Полумрак скрывал лица, и Тартю видел лишь силуэты. Все четверо были высоки ростом и казались сильными и опасными Ступни арцийского монарха приросли к полу – следовало кинуться к двери, призывая на помощь, но его хватило только на то, чтоб замереть, дрожа всем телом.

– Срок настал. – В тяжелом голосе слышалась странная торжественность. Так мог бы заговорить оживший памятник.

– Мы пришли, – веско произнес второй.

– Мы готовы, – добавил третий.

– Мы ждем, – подтвердил последний, стоящий с краю.

Жалкий огонек ночника вспыхнул, залив немалую комнату ослепительным светом, и Пьер смог рассмотреть нежданных гостей. Двое были в алом, двое – в синем. Коротко стриженные, темные с сединой волосы первого и золотые кудри четвертого украшали короны, казавшиеся отражением его собственной, а на плечах высокого человека с надменным, правильным лицом и краснолицего здоровяка лежали тяжелые герцогские цепи.

Тартю с ужасом смотрел на надменные лица, убеждая себя, что происходящее сон или бред. Он знал их всех, знал столько, сколько помнил себя. Император Анхель, по чьим следам он пробовал идти, первый из Лумэнов, герцог Жан, и двое из братьев Тагэре – Филипп и Жоффруа. Но они же мертвы! Мертвы, Проклятый побери! Что им нужно здесь, от него?!

– Четверо следуют за Одним. – Свинцово-серые глаза Анхеля обдавали зимней стужей.

– Но Один не станет Единственным, – добавил Филипп Тагэре, с ненавистью глядя на того, кто занял его место и убил его сыновей.

Ноги Пьера подогнулись, и он рухнул на колени перед бывшими властителями, понимая, что этой ночи ему не пережить. Кровь детей разбудила мстителей, против которых бессильны и клирики, и гвардейцы.

2895 год от В.И. Ночь с 1-го на 2-й день месяца Вепря
ГРАЗСКАЯ ПУЩА

– Сандер!… Сандер, проснись, у нас мало времени.

Этот голос… Филипп?! Не может быть… Он давно не видел снов, с тех самых пор, как был ранен и очнулся в хижине Ликии, а сейчас ему снится брат, брат, с которым он даже не простился.

Александр открыл глаза в глубокой уверенности, что спит. Так и есть, такое может быть лишь во сне. Светлое небо без солнца и облаков, мерцающее, словно жемчуг Старого моря, шевелящаяся без ветра бледно-лиловая трава, причудливый лес вдали…

– Сандер, у меня мало времени. Прости, что я пришел.

Брат стоял в паре шагов от него, странные травы извивались вокруг высоких охотничьих сапог. Филипп казался усталым и расстроенным, Александр, позабыв, что это морок, бросился к нему, но брат в предостерегающем жесте вскинул руку.

– Не подходи. Ты жив, а я мертв, мы не должны стоять рядом.

– Это сон? – Сандер готов был убить себя за этот вопрос.

– Сон, – кивнул Филипп. – И не сон. Когда проснешься, подумай над моими словами… Я не хотел сюда идти, не хотел говорить с тобой, ты ни в чем не виноват. Но я… Я был королем Арции, и даже за Чертой я в ответе за оставшихся. – Филипп опустил голову, было видно, что каждое слово дается ему с огромным трудом.

– Я что-то должен сделать? – подался вперед Александр.

– Не знаю, – измученное лицо мертвого короля исказила судорога, – я люблю тебя, брат. Ты… Ты ни в чем не виноват, это судьба. Мир несправедлив… Проклятый! Как же он несправедлив!

– О чем ты?

– О тебе! Обо мне! Об Арции! Я должен был сказать это раньше. Нет, не сказать, сделать. Я убил Жоффруа…

– Я знаю, – прошептал Сандер.

– Но ты не знаешь, что я должен был убить и тебя, как только мать раскрыла мне тайну. Не смог, потому что Жоффруа был мерзавцем, убийцей, предателем, а ты всегда был чист и хотел только добра, хотя сам был злом, страшным злом. Ты не виноват… Разве виноват человек, заразившийся чумой? Разве он хочет зла? Нет!

– Филипп, во имя Эрасти, о чем ты?!

– Эрасти… Он бы знал, как поступить, а я не знаю. Я скажу тебе правду, я для этого вернулся из-за Черты, а дальше решать тебе. Я теперь ничего не могу…

Филипп Тагэре принялся разглядывать свои руки. Так он всегда делал, когда у него не хватало сил посмотреть в глаза. Александр уже ничего не понимал. Сон был слишком похож на правду, хотя брат сам сказал, что это сон.

– Сандер, – Филипп наконец собрался с духом и поднял взгляд, – ты помнишь слова про дитя Смерти? Они о тебе.

Конечно, он помнил. Евтихий их намертво вбил в голову своего ученика. Александр Тагэре словно наяву услышал высокий, назидательный голос покойного учителя:

«В смерти родится Он, смерть отметит Его, и через смерти пройдет Он, пожиная смерть. Смерть очистит дорогу Его и возвеличит Его, в смерти и смертью возродится Он, тьма станет мечом Его и ересь крыльями Его, и пойдет он за Звездой Тьмы, и откроет путь Заточенному, и будет править Его именем».

– Я? – пробормотал Сандер. – Но почему я?

– Почему? – переспросил Филипп. – Откуда мне знать… Проклятый хитер, не нам понять его замыслы, и не нам спорить с судьбой. Мы пытались – отец, мать, я – и не смогли. Наша воля

или наше безволие привели к тому, что Пророчество вот-вот исполнится. Сандер, мы пожалели тебя, и в Тарру пришла смерть.

– Из-за меня?!

– Да, – жестко сказал брат, – странствующий монах открыл матери, что в ее чреве дитя Смерти. Сначала она не поверила, но потом… Ты не должен был родиться, но родился и выжил, и с тобой в наш дом и в Арцию пришла беда. Мать рассказала отцу о монахе, он не поверил. Дал тебе свое имя и погиб. Ты должен был десять раз умереть, но умирали другие. Вспоминай, брат, вспоминай свою жизнь! Ты убил Мулана, хотя это было невозможно! Ты брал города и покорял сердца, а за тобой шла смерть.

Вспоминай, вспоминай всех! Отец, Эдмон, Филипп Гаэльзский, Дени, Рауль, Изо, Жоффруа, я, Гастон…

– Филипп!

– Смерть расчистила тебе дорогу и возвела тебя на престол, она и сейчас с тобой. Жаклин, Эдмон, твои рыцари, мои дети…

– Что? Что ты сказал?!

– Ах да. Ты же не знаешь… Смерть опять отпустила тебя, ты для нее подсадная утка, она идет по твоему следу и собирает дичь. Последними стали Артур Бэррот с женой и мои сыновья.

Александр хотел что-то сказать, но не мог. Брат с сочувствием смотрел на него.

– Сандер, пока ты жив, смерть не успокоится. До года Трех Звезд осталось всего ничего. Ты – дитя Смерти, ты откроешь ворота Проклятому и Темной Звезде и погубишь и Арцию, и Тарру. Чему быть, того не миновать… Мать, умирая, рассказала мне правду. Она всю жизнь мучилась этим, но не смогла убить своего сына, хоть и понимала, что должна. И я не смог, я надеялся, что твое сердце залог того, что все пойдет иначе. Я ошибся, наши намерения ничего не значат. Ты не желал ничего дурного, но на тебе крови больше, чем на всех Лумэнах и Батарах, вместе взятых. Я не знаю, что будет дальше, но Проклятый своего добьется, если только…

– Если что? – хрипло переспросил Александр.

– Если у тебя не хватит мужества сделать то, что не смогли сделать мы с матерью. Дитя Смерти может погибнуть лишь от собственной руки. Иначе ты и не заметишь, как станешь властелином мира, заселенного призраками. Ты всегда жертвовал собой, брат, но твоя жизнь – единственная жертва, которая нужна Тарре. И… Если ты уйдешь, те, кого ты любишь, уцелеют. Твои дети, Рафаэль Кэрна – они пока живы, но если Смерть не остановить… Прощай, брат. Мне пора. Ты не виноват в своей судьбе. – Филипп с горечью махнул рукой, повернулся и

медленно, пошатываясь, побрел к высокому засохшему дереву с раздвоенной верхушкой.

Александр провожал брата взглядом, пока тот не скрылся в опаловых сумерках. Он не сомневался, что Филипп сказал правду. Теперь понятно, почему мать его не желала знать, почему проклятая судьба хранила его, выкашивая тех, кто был ему дорог. Атэв, узнав, что болен чумой или радужной горячкой, бросается в огонь, чтобы остановить заразу, а он хуже зачумленного! Ну почему, почему ему не открыли правду раньше?! Скольких смертей и потерь можно было бы избежать, не вступи он в бессмысленную схватку с роком. В схватку? Глупости, это ему казалось, что он плывет против течения, а на самом деле его несло вниз, к водопаду. И вот все мертвы, а он, причина всех этих войн, предательств и убийств, жив. Жив, и Арцию будут рвать на части, будет литься кровь, в том числе и тех немногих его друзей, которые еще живы. Даже спасшая его женщина и та обречена.

Филипп не смог его убить, но у него самого рука не дрогнет. Главное – не забыть об этом, когда он вернется из этого мерцающего мира. Он не должен жить, не должен – и все! Только бы не подвела проклятая память. Если он и в самом деле орудие Проклятого, его попробуют обмануть, запутать, лишить памяти и воли. Но он не поддастся, он остановит эту проклятую череду смертей, остановит… Это последнее и единственное, что он может сделать для Тарры и для тех, кого любит.

2895 год от В.И. 2-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Ночь растаяла, унося на своих темных крыльях кровь, но король Арции Пьер Седьмой Лумэн не спешил звать слуг и дежурных нобилей, не желая расставаться со своим сном, в котором ему, потомку бастарда, служили Лумэны, Тагэре и сам Анхель!

Пьер всегда хорошо запоминал сны, а тут и вовсе мог повторить каждое слово. Во сне то, что он приказал сделать с сыновьями Филиппа Тагэре, оказалось Последним Грехом, вернувшим в мир тех, кто совершил Четыре Греха Непростимых. Пьер несколько раз вздохнул, стараясь унять сердцебиение. Во сне он мог стать властелином мира и обрести бессмертие, но и действительность весьма неплоха. Ум, терпение и осторожность действуют не хуже магии – в этом он уже убедился. Король потянулся в теплой постели, окончательно просыпаясь. По ночам он часто видит странные вещи. Раньше они были неприятными, сегодняшнее грело душу, но от этого не стало реальнее. Нужно

вставать и браться за неотложные и обыденные дела. Он должен вести себя так, как будто не знает, что произошло в Речном Замке. Давно решено, что утром он отправится к Ее Иносенсии, а вернувшись, узнает о смерти братьев Норы.

Надо ехать: Анастазия его ждет, а она не из тех, кем можно пренебречь. Пьер не представлял, чем ему придется расплачиваться с Предстоятельницей циалианок за помощь, но не сомневался, что цена будет высока. Порвать с Ее Иносенсией будет потруднее, чем расстаться с ифранскими покровителями и даже Кантиской. Пьер одевался, завтракал и выслушивал предварительные доклады капитана гвардии и магистра Красной Палаты, одновременно обдумывая, как получить от циалианок все, что ему нужно, и при этом не угодить в пожизненное рабство. К королю вернулось его обычное здравомыслие, нарушенное ночными фантазиями, но ощущение праздника и осознания собственной значимости осталось. Вдевая руки в рукава теплого зимнего одеяния, Тартю, как никогда, был уверен, что у него все получится.

– Ваше Величество, карета и эскорт готовы. – Каэтан Эж успешно справляется с обязанностями капитана новой гвардии, даже лучше покойного Эсташа.

Король лишний раз похвалил себя за то, что убрал из Мунта Базиля Гризье. Этот граф слишком многое понимает. Если кто-то и заподозрит неладное, так это он. Базиль Гризье может стать опасен, но сейчас он вне досягаемости. Его Величество благосклонно и слегка устало кивнул Каэтану и вышел из своих покоев.

Слуги и придворные кланялись. Они очень хорошо научились кланяться, но Пьер отнюдь не был убежден, что это отражение их истинных чувств. От него ожидают подачек и начинают бояться. Вчера это казалось успехом, сегодня он хотел большего!

Карета, лошади, конные воины – все было безукоризненным, и это немного разозлило Тартю, которому нравилось распекать нерадивых. Король с достоинством забрался в карету, лошади тронулись, и настроение немного испортилось. Ехать к Анастазии не хотелось. Пьер всегда ее боялся, а выпрашивать помощь унизительно. Эх, если б Четверо существовали на самом деле, эта мраморная ведьма была б ему не нужна! Чего она добивается? Не того ли, что ему во сне обещал Жан Лумэн?

Тартю с наслаждением повторил про себя слова предка. «Ты сможешь получить все и навсегда», – сказал Жан Лумэн. Он был к нему расположен, остальные трое лишь подчинялись наложенному на них заклятию. Филипп его ненавидел, Анхель презирал, Жоффруа завидовал, но все они были его рабами. А как

покойный король не хотел искать пропавшего брата и тем более его убивать, но не смог ослушаться приказа. Тартю с наслаждением вспоминал лицо Филиппа Тагэре.

Когда Пьер был совсем ребенком, отец подарил ему эскотского волкодава, ставшего любимой игрушкой виконта Эмразского. Пес бесновался, натягивал ненавистную цепь, но НИЧЕГО не мог поделать. Пьер часами пропадал на заднем дворе, дразня Шарло, как отец прозвал собаку, пока тот в изнеможении не падал на землю, вывалив язык и с неизбывной ненавистью глядя на хозяина. Именно так смотрел Филипп Тагэре, который при жизни ценил виконта Эмразского не дороже грязи на сапогах. Все-таки есть в этом мире справедливость! Где те, кто его презирал? А он на троне Волингов, ему принадлежит Арция, и это только начало.

Вот именно, начало. Тот же Филипп тоже начал с удачи, а что потом? Нет, он не позволит себе потерять голову от успехов. Нельзя путать явь и сон, каким бы сладким тот ни был! Власть над миром и бессмертие – не более чем мираж, фата-моргана. Конечно, не столь давно арцийская корона казалась еще большим мороком, но сколько ради нее было потрачено времени и сил, сколько испытано страха и унижений. Он воистину прошел по лезвию меча, еще раз пережить то, что с ним было на Гразском поле, немыслимо.

Глядя на проплывавшие за окошком заснеженные улицы и не видя их, Пьер Тартю то возвращался в минувшую ночь, то спускался с небес на землю. Нужно раз и навсегда избавиться от Тагэре и Кэрны, все равно, каким образом. Что с Александром, неизвестно, но проклятый мириец неуязвим и неуловим.

Карета как раз сворачивала с запруженной народом улицы Святого Мишеля на Гвоздичную, когда Его Величеству стало страшно. Он не мог понять, в чем дело, но что-то полоснуло по его и так не очень-то крепкой душе, оставив саднящий след и ощущение того, что это лишь первый удар. Будущий властелин Благодатных земель втянул голову в плечи, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Раньше он не испытывал ничего подобного. Он боялся боли, вооруженных людей, насмешек, боялся показаться смешным, но его страхи всегда были осязаемы и понятны.

Собравшись с духом, король выглянул из-за плотных занавесок. Все как всегда. Улица, толпа студьозусов, присевшая в подобии реверанса толстая горожанка в рогатом чепце, какой-то трактир, парочка застывших в положенном по уставу приветствии стражников… Пьер опустил занавеску и откинулся на подушки. Карета мягко катилась по Гвоздичной, противное ощущение быстро слабело и вскоре прошло совсем, и хозяин Арции

вернулся к мечтам о будущем величии и куда менее приятным размышлениям о разговоре с Ее Иносенсией.

2895 год от В.И. 2-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Красивый седой нобиль в темно-синем дарнийском плаще властно окликнул пробегавшего мимо конопатого студьозуса.

– Любезный, что за шум?

– Антонианец наш вовсе с ума сошел, – осклабился юнец, – третью ору про конец света и Последний Грех проповедует.

– Про Последний Грех? – поднял соболиную бровь дарниец. – Надо же… Значит, совершили уже? И кто же?

– А Проклятый его знает, может, какой дурак спер у бабки курицу… Да если сигнор хочет, может сходить и послушать.

– Это мысль, – нобиль бросил юноше аур, – выпей за здоровье ограбленной старушки.

– Нетушки. Я пойду в «Щедрого нобиля» и выпью за щедрых нобилей и свою подружку…

Студьозус умчался, и его благодетель с усмешкой проводил юношу взглядом. А совет-то хорош, пожалуй, и впрямь стоит послушать этого Иллариона. Щедрый нобиль набросил на голову капюшон и ленивой походкой направился в сторону храма Триединого.

Прохожие обтекали путника с обеих сторон, не обращая на него никакого внимания, и Рене Аррой про себя усмехнулся. Знай бедняги, кто бродит по улицам Мунта, и город бы в одночасье вымер, но Последний Грех – это и впрямь любопытно. Новый Предстоятель антонианцев после того, что Рене сотворил с Орестом, вел себя на удивление прилично: скопленной орденом силой не пользовался, толпы не заводил, за еретиками и знахарями гонялся, но в разумных пределах. Видимо, выжидал и решил, что его время пришло. Ладно, посмотрим.

Рене неторопливо пробивался сквозь толпу. Жители доброго города Мунта, похоже, были не слишком взбудоражены откровениями клирика. Веселыми их назвать было трудно, но Аррой уже понял, что при новом короле улыбаться на улицах не принято. Тем не менее город жил своей обычной жизнью, озабоченный новыми торговыми правилами и введенным накануне дополнительным побором. Грядущие бедствия, которым положено свалиться на нераскаявшихся после свершения Последнего Греха, обывателей не волновали. Обещанные ужасы были (если были) далеко, а синяки и сборщики налогов болтались под боком. Город кишел соглядатаями, и Рене не

отказал себе в удовольствии задеть плечом лысого фискала.

Ни годы скитаний, ни сама Смерть, из лап которой он умудрился вырваться, не отучили Счастливчика играть с огнем. Кристалл мог учуять любую волшбу, но не ту, что творилась в непосредственной близости от него. Задевший синяка нобиль еще не скрылся за углом, когда расфуфыренная купчиха, брезгливо подобрав юбки, отшатнулась от лысого, зажимая нос. Тот ничего не понял, обернулся, втянул воздух носом и завертелся волчком, не понимая, что запах давно не чищенного хлева исходит от него самого.

2895 год от В.И. 2-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

При виде синеглазой красавицы в белом Пьеру Тартю всегда становилось не по себе, но Предстоятельница ему помогала и помогает. Без нее ему не обойтись. Его Величество поднес к губам ледяную ручку с алым кольцом, и под ложечкой засосало.

– Приветствую Ее Иносенсию.

– Арвэль мертв, – медленно произнесла Анастазия, – он поступил не правильно.

– Ее Иносенсия узнает новости раньше короля…

– Я узнаю о смерти своих рыцарей, где бы они ни были. Вы поступили недальновидно, Пьер.

– Я… – Заготовленные слова оказались не нужны. Сон был хорош, но действительность оказалась мерзкой. Арвэль мертв, а Филипп?! И кто об этом знает еще? Пьер Тартю готовился стать повелителем Благодатных земель, но пока оставался безродным узурпатором, не слишком крепко сидящим на троне. Если Арция узнает про убийство сыновей Филиппа, от него отвернется даже Церковь. Святоши согласны на любое преступление, если оно им на пользу, но, не моргнув глазом, отрекутся от того, кто попался, а без помощи Церкви и орденов ему не продержаться и месяца. Случись что, Жоселин не поможет: Тагэре свергнут, войны не будет, и Паучихе недавний союзник больше не нужен; расправившись с Оргондой, она потянется к Ларрэну и острову Ро. Отгрызать куски от охваченной гражданской войной страны как раз по ней. – Я еще не слышал доклада… Я…

– Сейчас услышите. Старший из братьев отчего-то не ужинал. Когда младший уснул, он догадался, что происходит, воспользовался висевшим на стене старинным мечом и убил троих. Он бы уцелел, но за дверью стоял ваш человек с арбалетом. Он довел дело до конца.

– Я очень сожалею, что ваш рыцарь…

– Арвэль заслужил свою участь, бездарно исполнив бездарный приказ. Ваш приказ, не мой!

– Несчастная случайность, такое могло произойти с любым.

– Объяснения и оправдания не нужны.

– Прошу Ее Иносенсию…

– Хватит, Пьер, – оборвала Анастазия, – до поры до времени вам везло, но везение не может длиться вечно. Вы слишком торопитесь. И с убийствами, и со свадьбой, и с уничтожением документов. Мальчики до своего совершеннолетия никому не мешали. У вас было три года, чтобы заставить людей разлюбить Тагэре, а еще лучше – забыть об этой династии. Вилльо слишком нетерпеливы, но вы ждали всю жизнь и могли подождать еще.

– Ваша Иносенсия…

– Я сказала «хватит»! – Синие глаза грозно сверкнули и вновь обрели безмятежность озера, на дне которого спит дракон. – Оправдания мне не нужны. Надеюсь, в следующий раз вы будете умнее. Я постараюсь вам помочь, хоть это и непросто. Сколь долго вы сможете скрывать убийство и сможете ли?

– Я… Не думаю, что дольше месяца. Мать мальчиков… Она имеет обыкновение их навещать, хотя старший отказывается с ней разговаривать.

– Плохо… Что ж, тех, кто знает или догадывается, придется так или иначе убрать. На этот раз постарайтесь обойтись без ошибок. В крайнем случае скажите, что дети с помощью наставника тайно бежали в Оргонду. Вилльо намекните, что ТАКОЙ сор из избы лучше не выносить. Мертвых тайно похороните.

– Но… Может, Ее Иносенсия исправит внешность других мальчиков, я мог бы…

– Пьер, если вы научитесь терпению, то станете сносным королем, но в магии вы полный профан. Изменить внешность мертвого я могу, но надеть «маску» на живого невозможно. Вы наслушались старых сказок, Тартю. В следующий раз вы мне, видимо, расскажете про эльфов…

– Сожалею…

– Оставьте ваши сожаления и советы при себе и делайте, что сказано. Чтобы смыть с вас грязь, мне понадобится несколько месяцев, да и то если повезет. Мне нужен список членов Королевской поэтической Академии, и чем быстрее, тем лучше… И раздобудьте образцы их писаний.

Проклятый, зачем этой ледяной кукле понадобились поэты? Его Величество Пьер Седьмой, в глубине души содрогаясь, еще раз припал к белоснежной руке.

– Ее Иносенсия получит все, что ей нужно.

– Мне? – Огромные глаза, окаймленные черными ресницами, самые прекрасные и самые холодные глаза Благодатных земель широко раскрылись. – Мне поэты не нужны. Они нужны вам, Пьер. Если, разумеется, не желаете однажды проснуться с клеймом детоубийцы. О матери мальчиков вы, надеюсь, позаботитесь отдельно.

2895 год от В.И. 2-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

– Пришел назначенный срок, и сбылось предначертанное. Свершен Последний Грех, и ничто ныне не спасет грешников, пребывающих во тьме и скверне. Грядет! Грядет Антипод и предвестники его. – Суровое и вдохновенное лицо Предстоятеля ордена святого Антония сделало бы честь лучшему из творений Суона эль Триго. – Они уже здесь! Они среди нас! Четыре тени. Четыре ветра. Четыре разящих меча.

Голод! Голод на тощем одре, со вспученным животом и ввалившимися ребрами. Он придет с Полудня, и черными будут следы копыт коня его, и перестанет родить земля, а то, что было взращено ранее, пожрут полчища мышей и крыс. И съедят люди сначала скотов, затем псов, кошек и ворон и станут пожирать друг друга. Худые будут подстерегать тучных, сильные – слабых, и станут матери ловить и убивать чужих детей, чтобы прокормить своих.

И поднимется с Полуночи тень второго всадника, и имя ему Зараза. Впереди него будут бежать тысячи бешеных собак с опененными мордами и зажатыми между ног хвостами, и там, где пройдет Зараза, воцарится ужас. Ибо ветер станет смертоносным, и вода, и земля, и дыхание людское будут исполнены заразы. Опустеют деревни и города, и лишь мертвые будут хоронить мертвых.

Солнце не зайдет на Заходе и повиснет в небе, раскаленное и красное, как железо в кузнечном горне. Загремят громы, но не прольется дождь, а прилетит с Захода вихрь черный, вихрь смертный, вихрь неистовый, и будет то третий всадник, прозванный Бедой. Поколеблется земля под тяжестью его, и где был холм – станет яма, а где яма – холм. И хлынут на землю волны морские, и вспыхнет огонь на вершинах горных, и встанут до небес тучи пепла и дыма. То, что не сгорит в огне, утонет в воде, а что не утонет в воде, разорвут ветры, как разрывают волки заблудившегося тельца. И не будет ни дня, ни ночи, ибо тьму ночную развеет пламя пожаров и свет дневной померкнет от дыма.

Из клубов дыма, из туч пепла явится миру четвертый всадник в пылающих доспехах. Война ему имя, и не знает он жалости. Будет скакать он день и ночь, а за спиной его грядет войско его. Все великие воины, что запятнали себя грехами и не очистились, восстанут из земли. И даст им Антипод плоть. И даст он им коней. И даст он им мечи, секиры и копья. И нельзя будет их ни убить, ни ранить, ибо они уже мертвы.

И сойдутся Четыре Всадника в урочный час в урочном месте, и упадут с неба Три Звезды, и расколется земля, и поднимется из смертных глубин Антипод, пропахнувший серой. И будет у него два лица, два тела, две сотканных из одной лишь гордыни души, но лишь один меч, меч Зла, нацеленный в сердце Истины.

И будет по правую руку его стоять Проклятый, смеясь над тем, что он увидит, а по левую руку его станет именуемая Темной Звездой, и будет сердце ее полно радости.

И призовут они тех владык земных, и знатных людей, и торговцев, и ремесленников, и подлый люд. И скажут: «Примите царствие наше, и разрушьте храмы, и осквердите алтари, и отдайте нам ваши души, и вы будете живы». И старым они пообещают молодость, бедным – богатство, немощным – исцеление, а уродам – красоту. Многое пообещают они, и дрогнут люди, начиная со слабых. И преклонят колени перед средоточием Зла, и получат все, что хотят, но потеряют души!

Так наступит Царство Антипода и тех, кто будет править именем Его. Но не потерпит такого Триединый. И наступит год Гнева, месяц Гнева, день Гнева и миг Гнева. Ступит на землю Тарры Судия-Кастигатор, и содрогнется мир в смертельной муке и сгорит в великом очищающем огне. Ничего не останется от отринувших свет в душе своей и предавшихся Тьме.

Лишь те, кто не осквернил души своей и не отрекся от Триединого, спасутся и увидят Царство Справедливости. Придет за ними Калватор в белых одеждах и увлечет их в Свет.

Грядут страшные времена, – голос Иллариона, казалось, взлетает до небес, – страшные и великие. Нам дано увидеть закат мира и исход праведных. Пусть сгорит, разлетится на тысячи осколков, развеется дымом обиталище нечестивых. Последний Грех свершен, и нет спасения Тарре, ибо в этом грехе воплотилась вся мерзость деяний и помыслов живших и живущих. Истинно говорю я, переполнилась чаша терпения Креатора, и отвернул лицо свое он от обреченного мира, да сгинет он. И да спасутся праведные…

Дальше Рене не слушал, понимая, что Илларион пошел по третьему кругу, если не по четвертому. Выспренние слова вызвали отвращение, но вот Сила, которой был окружен клирик,

говоривший, надо полагать несколько ор кряду, настораживала. Вернее, не одна Сила, а, проглоти кэргора этого святошу, три. Пусть они несопоставимы по мощи, как пушка, меч и стилет, но их три!

С первой все просто. Орденская магия, та же, что у покойного Ореста, циалианской ведьмы и прочих церковников, вольно или невольно черпающих из бочки, которую наполняют все молельщики Тарры. Вторую Рене тоже узнал, хотя сталкивался с ней лишь дважды. Эдакая запыленная паутинка из старого чулана. Невзрачненькая, незаметненькая, но смертельно опасная. Тогда, в Сером море, он ощутил эту магию в полной мере, потом она серой крысой высунулась из-за кольца Вархи, когда Эмзар убрал огонь. Там тоже буйствовали разные силы, король Лебедей узнал Свет, они оба почуяли то же безумие, что некогда под Кантиской, но мелькнувшее пыльное крыло настораживало куда больше. И, как оказалось, правильно. А вот третью силу он не узнавал, даже не силу, а ее незаметную тень, даже тень тени. Что же это может быть?

Рене попробовал схитрить, сосредоточившись на Илларионе и выбросив из своего сознания все, кроме слов клирика. Может быть, удастся ухватиться за ниточку, если она, конечно, есть. Счастливчик сжал зубы и положил руку на эфес меча. Сразу стало спокойнее. Илларион вновь вдохновенно расписывал Четырех Всадников, словно видел их воочию. Фанатик? Похоже. Значит, не перевелись еще в Арции честные клирики. Последним истинно верующим церковником на памяти Рене был бедняга Иоахиммиус с эльфийскими цветами на посохе, затем наступило время гиен в рясах, а теперь, откуда ни возьмись, выискался праведничек! Аррой вздохнул и принялся слушать дальше.

Ничего нового. Бедствия, грехи, соблазны… Но Илларион не лжет! Он и впрямь свято верит в чушь, которую несет. И он НИЧЕГО не делает, чтобы силой вбить ее в голову своей пастве. Он УБЕЖДАЕТ, не более того. Словно в самом деле предлагает выбор между Триединым и Антиподом, вернее, антиподами.

Творец, стало быть, Триедин, а Антиподов два – не слишком равная схватка, хотя все дело в том, какие из них бойцы… Да, Счастливчик, слушать клириков ты никогда не научишься, вечно все опошлишь! Что поделать, ты всегда запивал проповеди вином, эту тоже стоило бы запить… Запить? Странная мысль, ведь вино на тебя давно не действует. Стоп! Давешний фискал, над которым ты подшутил и сразу же забыл, потому что спешил… Теперь потянуло выпить! И отсутствие боли, боли, к которой ты так привык, что перестал ее замечать. Куда она делась?

Рене прикрыл глаза, сосредотачиваясь на своих ощущениях.

Боль и вправду исчезла, а если спустить себя с цепи? Слишком много вокруг людей, ну да ничего! Он успеет себя взнуздать, прежде чем это станет опасным. Так, сила его при нем, но что-то изменилось. Да! Его не волнует человеческое тепло! Он не чувствует себя воином голодающей крепости, охраняющим запасы хлеба. Он сыт, ему не нужны чужие жизни, его не тянет вернуться туда, где покой и небытие, где нет проклятой сосущей боли и искушения зачерпнуть из источника, о котором он раз и навсегда запретил себе думать. Он жив и свободен!

Жив и свободен, и это страшно. Потому что фанатик прав. Последний Грех и впрямь свершен, и судьба сорвалось с цепи, освободив его, и, видимо, не только его. Эти всадники…

Кто-то тронул Арроя за плечо. Клэр?! Но они с эльфом расстались, и художник уже должен подъезжать к Вархе. Тогда кто? Его не должны замечать, пока он сам не позволит себя увидеть. Адмирал нарочито медленно повернулся и столкнулся взглядом с золотисто-зеленоватыми чужими глазами.

– Мой адмирал!

«Мой адмирал!» Проклятье, так его называл один человек. Геро… Совпадение? Ловушка?

– Как вы меня назвали?

– Мой адмирал. Да, именно так. Я знаю о вас очень много, правда, с чужих слов. В частности, мне сказали, что вы никогда не насиловали женщин…

2895 год от В.И. 2-й день месяца Вепря ГРАЗСКАЯ ПУЩА

Сандер шестую ору смотрел в окно, пытаясь вернуть растаявший сон. Ему снилось что-то очень важное, но что? Вспоминались лишь жемчужные сполохи, изогнувшиеся странным образом деревья и извивающаяся фиолетовая трава.

Ликия ушла к ручью и сказала, что до вечера, кошка спала, Садан обиженно топтался в заменявшем конюшню сарайчике, доспехи лежали в сенцах, там же валялся топор, а на улице ждали дрова. Но какое ему до всего этого было дело?! Вся его жизнь прошла зря. Он даже в бою не смог умереть, из-за него и за него умирали другие. Умирали потому, что он не казнил Стэнье и толстого кардинала, не отправил назад фронтерских наемников, не сумел разгадать замысел «паучат». Теперь Тартю со присными превратят Арцию во, вторую Ифрану, если не в Элл, где нельзя ни думать, ни дышать.

Ему верили, а он всех подвел, простив тем, кого прощать нельзя. Он недооценил опасность, хотя мог бы, стал причиной

множества смертей, так зачем ему жить? Подвергать опасности еще и Ликию, и тех, кто попытается ему помочь? Да нет, таких не будет… Как только он выйдет из леса, его или продадут Пьеру, или с молитвенным рвением преподнесут синякам, а те заставят признаться в том, что он не совершал. Они это умеют, отца спасло чудо, но он не из тех, ради кого свершаются чудеса. Конечно, можно годы и годы сидеть в болоте, но это хуже смерти, и много хуже.

Александр встал, обвел глазами давшую ему приют лачугу. Он бы написал письмо – Ликия наверняка умеет читать, но ни пера, ни чернил здесь нет, но просто так уйти бесчестно. У него оставалось кольцо с изумрудом и шпилька Даро. Он вынул костяную вещицу и, стиснув зубы, бросил в огонь, а кольцо положил на стол. Золото и камни живым всегда пригодятся, а его меч и Садан и вовсе не имеют цены. Хорошо бы Ликия их сохранила. Она странная женщина, он так ее и не понял, хотя не очень-то и пытался.

Александр Тагэре накинул плащ и вышел. Скрипнула дверь, пулей пролетела мимо короля, торопясь по своим делам, проснувшаяся кошка, а вот у него оставалась одна-единственная забота. Умирать на дворе у приютившей его женщины он не хотел. Куда же ему пойти? У ручья он мог встретить Ликию. Лучше к ельнику.

День выдался хмурым, влажным, но не холодным, покрытые инеем огромные ели на фоне туч казались серебряной сканью на свинцовом листе. Снег стал рыхлым и тяжелым, и Александр, не озаботившийся надеть снегоступы, проваливался по колено, хоть и шел по старым следам. Промозглый холод забирался под плащ, и это было даже хорошо. Сандер Тагэре принял решение и доведет его до конца, а назидательная ерунда, которую повторяют клирики, хороша для людей благополучных, у которых самая большая беда – ссора с женой или проигрыш в кости. Он и так терпел тридцать три года, терпел, не жаловался, исполнял, как мог, то, что считал своим долгом, и куда это его привело? Ни цели, ни любви, ни хотя бы надежды, только пустота и чувство вины перед теми, кого вольно или невольно погубил или вовремя не спас.

Филипп, Жоффруа, Жаклин, воины, убитые за него и из-за него… Он отвечал за них и ничего не смог сделать… Даро была права, когда, устав ждать, ушла. Он не нужен никому, и хватит об этом!

Ели нависли прямо над ним, вблизи они уже не казались серебряным кружевом, обретя обычное мрачное величие. Сандер знал проход между стволами и, счастливо избежав

обрушившегося с ветвей снега, оказался на небольшой полянке. Подумать только, еще вчера он здесь до одури упражнялся с мечом, думая, что это ему пригодится… Александр прикинул, как лучше закрепить кинжал. Придется отвалить этот камень, земля под ним вряд ли промерзла… В качестве рычага подошла здоровенная еловая ветка, так как затупить отцовский меч было бы предательством.

Валун не желал покидать насиженное местечко, но Сандер всегда отличался немалой силой и упрямством. Камень поддался и откатился в сторону. Перед Александром темнело овальное пятно, на котором растерянно копошилась какая-то многоногая суставчатая тварь, видимо, зимовавшая под защитой валуна. Смешно, но его последней невольной жертвой падет замерзшая многоножка… Александр Тагэре глубоко вогнал кинжал в твердую землю. Попробовал – прочно… Король аккуратно сложил плащ, положил на камень, отцепил меч, на мгновение приник губами к зеленому камню, прося прощения у отца и Обена за то, что всех подвел, и бережно положил ножны на снег, стянул рубашку и бросил рядом. Для чего-то коснулся пальцами острия кинжала, отбросил рукой лезшую на глаза прядь. Промозглый холод вымораживал душу. Постоять пол-оры, и никакой клинок не понадобится. Сандер усмехнулся этой мысли, и… ему в лицо бросилось что-то мягкое, тяжелое и колючее.

Инстинктивно отшвырнув царапающийся ком, Тагэре отступил назад и чуть не опрокинул раскрасневшуюся Ликию, весьма напоминавшую разъяренную кошку. Такой он ее еще не видел, женщина с маху ударила его по лицу, удар вышел не таким уж и сильным, но Александр растерялся. Ведьма схватила брошенный плащ, прошипев: «Проклятый дурак», набросила королю на плечи, схватила его за руку и поволокла назад. Александр не сопротивлялся, его била дрожь, женщина, не оборачиваясь, тянула его за собой, а сзади барахталась в снегу и отчаянно вопила промокшая кошка. Меч так и остался на опустевшей поляне.

Путь к хижине показался бесконечным, Ликия ему что-то зло выговаривала, он не слышал. Вернее, слышал, но не понимал. Его втащили в дом, в пахнущее сухими травами тепло, толкнули на кровать, сунули в руки стакан, до краев наполненный коричневой жидкостью. Он послушно выпил. Наверняка какой-то дурман, ну да не беда, он все равно жить не будет, только бы она ушла. Но она не уходила, а напиток оказался царкой. Александр с вечера ничего не ел, и голова у него сразу же пошла кругом. Ликия немедленно снова наполнила его стакан и налила себе. Низкий потолок кружился и раскачивался, за окном бешено завывал и

швырялся пригоршнями мокрого снега поднявшийся ветер.

Ведьма отобрала пустой стакан, поставила на стол, взяла ладонь Александра и прижала к своей щеке. Потолок кружился все быстрее, в серых глазах женщины отразилось пламя свечей, она коротко засмеялась и уверенно и умело поцеловала своего гостя в губы.

Александр был молод и здоров, и жизнь взяла свое… Кажется, он называл Ликию Даро, кажется, она тоже выкрикнула какое-то другое имя, но какое это имело значение…

Эстель Оскора

Не буду лгать, пришла в себя я не сразу. Александр спокойно спал рядом, и, похоже, на сей раз обошлось без кошмаров. Я на всякий случай положила руку ему на лоб. Все в порядке, а вот я отличилась… Последнего из Королей можно было остановить десятком самых разных способов, а я вспомнила лишь один, словно и впрямь стала лесной ведьмой, у которой всего и есть что царка да собственное тело. Теперь я все окончательно запутала, еще одного предательства этот человек не переживет. Великие Братья, о чем это я думаю?! Совсем свихнулась на старости лет. Дело не в том, что я согрешила с прапраправнуком Рене, уж не знаю, сколько поколений их разделяет, а в том, что и как с ним пытались сделать!

Это было убийство, хорошо рассчитанное и подготовленное. Не окажись рядом меня, Сандер был бы мертв, но как они его нашли и выманили?! Как я прозевала их появление?! И кто они?! Неужели ведьма с Оленем? Но она мне не показалась такой уж сильной и умелой.

Нет, дело в том, что случилось прошлой ночью, когда все пошло вразнос, хотя миллионы разумных и не очень тварей этого еще не знают. Вряд ли кто-то, кроме меня и Эрасти, понял, ЧТО именно произошло. Если, разумеется, не считать тех, кто с самого начала сделал ставку на вселенскую подлость. Стыдно сказать, я знала, что рано или поздно Последний Грех будет совершен, но растерялась самым глупым образом. Растерялась и забыла о своем долге и о том, что Эстель Оскора не имеет права ни на испуг, ни на растерянность. Александру моя слабость чуть не стоила жизни, вчера я забыла о его существовании, и этим не преминули воспользоваться. Вчера… Как давно это было! Я смотрела на спящего короля, словно видела его впервые. Неужели этот темноволосый человек мой любовник? Кто же и когда был у меня в последний раз? Лет за триста до рождения Шарля Тагэре,

точнее не вспомнить… Это было в каком-то из миров, по которым меня таскали мои сгинувшие покровители. Как же звали того рыцаря? Надо же, забыла, но глаза у него были синие. Синие глаза и дерзкая улыбка… Алва! Алва из Синалоа! Ему очень не повезло с соплеменниками, отплатившими за спасение ненавистью. Это бывает, причем гораздо чаще, чем думают.

Дурацкая история и старая как мир. Рыцарю пришлось выбирать, и он выбрал не мертвую честь, а живую совесть, за что и поплатился. Когда мы встретились, он если не пил, то дрался, а если не дрался, то смеялся в лицо тем, кто шипел ему в спину. Терять ему было нечего, мне тоже, нас прямо-таки швырнуло друг к другу, а потом… Потом было всякое. Разумеется, мы ввязались в очередную драку и победили, но Алва погиб, еще одна смерть на моем пути, а я ушла в Черные Горы и с горя завела себе снежную рысь; когда я вернулась в Тарру, ее пришлось оставить… Потом в мои горы пришли иссти, я зачем-то им помогла; тоже, надо полагать, с горя.

Я тосковала об Алве, долго тосковала, а теперь даже имя не сразу вспомнила… Хотя чего удивляться, в те поры я не знала ни кто я, ни откуда, а без прошлого мы не совсем мы. Можете смеяться, но Рене я изменила только сейчас… Не знаю, изменял ли мне он, думаю, что да, и правильно делал.

Жизнь сильнее нашей воли и нашей памяти, можно боготворить прошлое, но настоящее свое так или иначе возьмет, и вообще у меня есть куда более важные дела, чем разбираться в своих Любовях. Нужно узнать, кто и как добрался до Александра. Расспрашивать бесполезно, все равно не вспомнит. К нему подобрали ключ, заставили принять решение и ушли. Мир Обмана на то и Мир Обмана, что даже правда там становится ложью… А ты, моя дорогая, совсем запуталась. Слишком долго ты провела в шкуре смертной, даже в двух шкурах, женской и кошачьей, вот и размурлыкалась.

Ты – Эстель Оскора, для тебя Александр Тагэре не дороже фигуры на эрметной доске, а ты? Вечно ты находишь приключения на свою голову. Эльфийский принц, сумасшедший адмирал, обесчещенный рыцарь, влюбленный в последнюю дрянь маг, а теперь еще и горбатый король… Великий Орел, ну не могу я видеть в тех, кто попадается на моем пути, актеров в пьесе, которую разыгрывают Высшие силы, попадись они мне! А вообще-то и впрямь пора кое с кем потолковать. Иначе тебе, дорогая моя, придется целовать своего нового приятеля, пока тот не помрет от старости. Значит, тропа Обмана? Да, и немедленно! Кошка управится, да и Александр раньше полудня не проснется, с такого количества царки и Рыгор бы свалился.

Оставлять с ним кошку или нет? Мне может понадобиться ВСЯ сила, но бросать Сандера без защиты?! Нет, Геро, с тобой точно что-то не в порядке. Кто ему ЗДЕСЬ угрожает? Хранителей в Тарре больше нет, а если б были, к твоему логову без приказа на весу не подошли, как и волки с медведями, а людей тут нет и быть не может.

Кошка подняла голову и приоткрыла желтые глаза. Красивая все-таки тварь, хоть и беспородная. Ну что, подружка, побудешь до утра тем, кем родилась? Нет! Если мой король останется один, я места себе не найду. Я положила руку на теплый меховой комок.

– Охраняй и не давай проснуться раньше времени. И никаких снов. Никаких, слышишь?! Забирай все, забирай и гаси.

Рука ощутила тяжесть и покалывание. Я испытала подобное, когда мне перетянули жгутом укушенную змеей руку. Тогда яд сизой гадюки для меня еще что-то значил… Кошка дернулась, из глаз исчезла обманчивая загадочность, они стали жесткими и осмысленными. Неужели я смотрю именно так? Если да, то, когда хмель пройдет, Александр Тагэре от меня шарахнется, как циалианка от атэва. Мне и придумывать ничего не придется, чтоб его оттолкнуть, не обижая. Ну и мысли! И это на пороге Обмана, далеко же я уйду его тропами! Я в последний раз глянула на пушистый глазастый клубок у самой щеки спящего. Поцеловать, что ли, дружка на дорожку? Бред! Я спасла Александра Тагэре, это так, но я люблю Рене, и только Рене. И вообще, моя дорогая, пора заняться делом.

Раньше, чтобы пройти в Мир Обмана, мне требовалось зеркало, теперь достаточно было его вообразить. Я глянула на жалкую бревенчатую стену, вспоминая роскошное трюмо, в которое гляделась в Идаконе. Рама черного дерева, отделанная серебром и перламутром, блестящая поверхность, темное пятнышко в левом верхнем углу… Отлично!

Кусок стены заколыхался, зарябил, как поверхность пруда под дождем, каждый раз это заклятие давалось мне все легче. Скоро я смогу переходить границу без малейших усилий, Эрасти мне говорил об этом и, как всегда, когда речь заходила о магии, оказался прав. Я прикрыла глаза, заставляя себя собраться. На этот раз ты не будешь искать то, не знаю что, твое дело убийцы, убийцы, и только убийцы. Что-то прохладное и легкое встрепенулось на груди. Талисман Астена? Ничего удивительного, сын Ларэна не мог не ходить этими тропами… Эльфы не любят их, но не любить – не означает не знать.

Смертные редко заходят в Мир Обмана по своей воле, да и то не сами. Есть длинный ритуал, с помощью которого человек

сливается со своим отражением. Неудобно и опасно, причем опасность двойная. Второе "я" может заблудиться в лиловых травах, а первое… Первое ничего не видит и не слышит, в это время к нему можно подойти и убить обычным ножом. Кажется, именно так погибла пресловутая Иволга. Хорошо, что мне подобное не грозит. Мы не сидим и не ждем, мы сами ходим. Ну, вперед!

Как всегда, прохладный ветер и пряный, одуряющий аромат, напоминающий запах умирающих лилий. Как всегда, пружинит под ногами странная, светящаяся земля, а трава шевелится сама по себе, а отнюдь не под порывами ветра. Здесь красиво, очень красиво, по крайней мере сначала. Чудища и прочие прелести появятся потом, когда ты захочешь вернуться, а пока ты идешь в глубь этой льстивой преисподней, тебя стараются очаровать по всем правилам. И все-таки Мир Обмана глуп, он всех стрижет под одну гребенку, не понимая, что некоторая добыча ему не по зубам. На меня давно следовало бы махнуть этой их распрекрасной живой травкой – так ведь нет, кокетничают, завлекают, а потом нападают, хотя для меня их укусы – что собачьи зубы для болотного льва.

Так, и кто же тут бродил в поисках Последнего из Королей? Девушка с Оленем или твари посерьезней? Олень тут был, это точно, но один. А это что? Где-то очередной дурак свел счеты с жизнью, причем по собственному почину, никому его смерть и на дух нужна не была. Ну что ж, благодаря этому придурку здешняя травка станет еще гуще. Надо полагать, скоро на нее уляжется кто-то еще, но твое дело – пожар! Ищи место, где огонь опалил эту переливчатую мерзость, потому что в Мире Обмана любая схваченная под уздцы смерть оставляет ожог. Я остановила Сандера в последний момент, так что здесь, надо полагать, полыхнуло неплохо.

Проклятые лилии глушили все запахи, но я нашла! Эстель Оскора отыщет любую дорогу, если знает, что ищет. Да и травка встревожена и обижена, а посему пахнет острее и горше, чем обычно. А, вот и ручей! Я видела такие, и не раз, но так и не поняла, что они собой представляют… Слезы здешней лживой и жадной земли? Странная вода, даже не вода, а жидкий лед, который не звенит, не струится, а словно бы ползет, но слизью его не назовешь… Красивая такая штука, мерцает, как опал, загляденье! Только смотреть в нее долго не стоит даже мне. Завораживает, заставляет забыть о главном, о том, зачем ты здесь.

Великие Братья в свое время протащили меня через такую «воду», по крайней мере, мне так кажется, а может, у них иная магия забвения. А ручеек свежий и полноводный! Уж не его ли я

ищу? Да, его! Одну загадку я разгадала: здешние родники зализывают раны, нанесенные этой земле чужаками. Но как близко подобрались убийцы, чуть ли не к самому краю первой из здешних полян! А вот и пожарище… По лапам я им дала хорошо, надо полагать, огонь поднялся до небес. Ну а теперь позовем!

Пускай придут те, кто хотел видеть Александра Тагэре мертвым, придут и посмотрят на Темную Звезду! Ну же, отродья Обмана, я жду!

2895 год от В.И. 3-й день месяца Вепря АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

– Сил моих нет больше сидеть в этом сундуке! – Рито с ненавистью оглядел просторную, неплохо обставленную комнату, прилегавшую к хозяйской спальне.

– Все имеющее начало имеет и конец, этим я утешал себя среди ваших калксов. – Яфе поднял голову от эрметной доски. Последнюю кварту атэв пытался втолковать Крапивнику премудрость великой игры, но пока не преуспел. Серпьент не понимал, зачем нужны правила, когда без них удобнее, а Яфе не мог внятно объяснить, почему одна фигура может ходить только так, а другая эдак, если и та и другая не более чем раскрашенные деревяшки.

– Мой конец не за горами, – нервно хохотнул мириец, – если я завтра отсюда не уберусь!

– А мне тут нравится, – заметил Серпьент, – тепло, смешно и хозяева сносные.

– Тебе хорошо, захотел – полетал или поползал, а мы как в тюрьме сидим.

– Не хочешь, не сиди. – Серпьент двинул «Адмирала» так, словно тот был «Сотней конных», и довольно захихикал.

– Ага, сейчас отправлюсь гулять по замку, – огрызнулся Рафаэль.

– Не хочешь по замку, гуляй по полям, – Крапивник откинулся на спину и заложил ногу за ногу. – Дурацкая штука. Зачем делать столько лишнего, если можно сразу выиграть?

– Эта игра развивает разум и терпение, – вмешался Николай.

– Вот пусть тогда Рафаэль в нее играет, – отрезал Крапивник.

– Я понимаю нашего друга, но Творец учит кротости и смирению.

– Нет, – Рито вскочил, – вы как хотите, а я завтра же уйду. Подвергать Эгона и Ильду опасности нельзя, а прятаться… Я не мышь!

– Ты не мышь, – согласился Крапивник, – ты дурак. С чего ты

взял, что тебя заметят, если ты этого не хочешь? Я тут слушал, как ты о своей везучести разорялся, а нет бы мозгами пораскинуть.

– Ты о чем?

– О том, что в тебе Кровь проснулась, вот о чем! Потому тебя никто и не замечает, когда ты этого не хочешь! А ты, – Серпьент не очень удачно передразнил Рито, – «мне снова повезло, стражники меня не заметили», «мне опять повезло, меня никто не увидел», «мне повезло, погоня ошиблась»… Как же, стражники виноваты!

– Ты хочешь сказать, что я становлюсь невидимкой?

– Пеньком ты становишься, проешь тебя гусеница…

– Почтенный Серпьент, – подал голос Николай, – вы все же иногда следите за своими словами.

– Не в словах дело, – отмахнулся Рито.

– Именно что в словах. Ты идешь по лесу, стоит пень. Ты много на него смотришь? Нет. Ты его ВИДИШЬ, но не замечаешь. Если сесть не хочешь или, там, гриб найти. Вот и ты так. Тебя видят, но не замечают, пока ты сам на рожон не попрешь.

– Ну тогда, на дороге нас очень даже догоняли.

– А ты вспомни, чего хотел? Не умом, а на самом деле. Прятаться или драться?

– Драться, – подумав, честно признался Кэрна. – Если бы не Яфе, я бы остался на площади и убивал бы, пока меня не прикончили.

– Вот видишь! – назидательно сказал Серпьент.

– Погоди… Ты говоришь, Кровь? Знаешь, что-то в этом есть… Моя сестра… Она тоже однажды испугалась и, выходит, глаза чужим отвела?! Мы думали, повезло.

– Просто так никому не везет, – назидательно объявил Крапивник, – хотя вам и повезло встретить МЕНЯ. Что бы вы без меня делали?

– Значит, если я сейчас пойду по замку, на меня никто внимания не обратит?

– Ну, если ты никого с ног не собьешь и красные штаны не наденешь… А вообще тебе учиться надо.

– Чему?

– Чему-чему… Магии, вестимо! Силы тебе не занимать, ума не хватает, это так, ну да не всем умными родиться. Короче, я согласен тебя учить.

Я ожидала чего и кого угодно, но не тех, кто попался на мою удочку на самом деле. Начнем с того, что их было четверо, и я сразу поняла, кто они. Слишком долго я носила кольцо Эрасти, чтобы не узнать совершивших пресловутые Непростимые Грехи. Этот бой мог стать для меня последним, ведь я разделила свою силу, защищая Александра. Это было ошибкой, но я не боялась. Когда встречаешься лицом к лицу с таким врагом, страх исчезает, и ты превращаешься в совершенное оружие, лишенное жалости и сомнений. Ты должен убить, уничтожить – это твои враги, ради этой встречи ты прошел через ад, становясь тем, кем ты стал. Я знала, кто передо мной, но они не могли знать, кто я. Схватка была неизбежна, и потому мы позволили себе роскошь рассмотреть друг друга. Я с какой-то нездоровой жадностью изучала тех, кто раз за разом заставлял полыхать кольцо Предательства, толкая Тарру к пропасти.

В лицо я знала двоих – Анхеля, пославшего на смерть названого брата, и негодяя, по милости которого кровь Рене восстала сама на себя. Портретами «Светлого» Мунт был завешан уже в мое время, а Лумэна я видела в Фей-Вэйе, когда пробралась туда в кошачьей шкуре, увязавшись за Эстелей ре Фло. Мерзавец, он опозорил и предал кровь Рене, но я должна сохранять спокойствие. Нужно понять, чего от них ждать, а не кипеть от ненависти.

Итак, Анхель Светлый и Жан Лумэн. Если они сохранили свое "я", то я знаю, что им сказать… А вот Третий и Четвертый совершили свои подлости, когда я была с Эрасти. Что же они натворили? Один – здоровенный, с лицом пьяницы и злыми глазами – под моим взглядом поежился, другой держался лучше, но мне не понравилось, что он походил на Шарло Тагэре… Неужели сын? И брат Александра? Тогда все становится на свои места. Если кто и мог довести моего короля до самоубийства, то это его обожаемый Филипп, хотя вряд ли его теперь можно так называть. Этого придется убить первым, Сандер должен быть свободен от прошлого. Я сама поразилась захлестнувшей меня ярости. Глупо, драться нужно с холодной головой, нужно собраться… Собраться и ударить первой? Или заговорить?

То ли мои чувства отразились на моем лице, то ли Четверо пришли к такому же выводу, но Анхель шагнул вперед. Я приготовилась отразить удар, но его не последовало.

– Уходи. – Надо было слышать, КАК он это сказал. Предатель, по недоразумению вошедший в историю под именем «Светлый», пытался повелевать и из-за Черты. – Ты – прошлое Тарры, тебе здесь нет места.

– Прошлое? – Я улыбнулась, подражая ухмылке покинутой

мной снежной рыси. – Странное слово для мертвеца… Это мой мир, и я намерена за него драться.

– Ты хочешь боя?

– А иначе зачем бы я вас звала? – Я довольно успешно изобразила презрение, на сей раз взяв за образец синеглазого Алву. Я звала не их, я не ожидала их встретить, но Четверым знать о моих просчетах не обязательно. – Вы свои подлости уже совершили, пора отвечать.

– Не тебе и не перед тобой, – вмешался Лумэн.

– «Псы ответят перед хозяином, если раньше не встретят тигра», – вспомнила я старую хаонгскую пословицу и, кажется, попала по больному.

Уйдут или примут бой? Я сама не знала, что лучше. На словно бы высеченном из камня лице императора-предателя не отразилось ничего, мордатый явно предпочел бы удрать (любопытно, какой они меня видят?), Лумэн холодно прикидывал, что выгоднее, а вот Филипп, Филипп был бы рад, убей я его здесь. Он все помнит и все понимает, но вынужден подчиниться. Вынужден или думает, что вынужден?

– Филипп Тагэре, – я должна быть жестока, это единственный выход, – король Арции, сын Шарля Тагэре, брат Александра. Что ты натворил, Филипп?! Как ты мог?!

Мне показалось или в уголках глаз Вернувшегося показались слезы?

– Ты – Тагэре! Что ты делаешь вместе с предателем, пославшим на смерть Эрасти? С мерзавцем, предавшим собственную кровь? Они враги Тарре и Арции. Филипп. Вспомни! Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре! Вспомни, Проклятый тебя побери!

Филипп рванулся вперед, ко мне, но какая-то сила отшвырнула его назад, так цепь останавливает в прыжке пленного волка. Краем глаза я увидела отчаяние на красивом лице, отчаяние и ненависть, но не ко мне… Это надо запомнить и это надо использовать, если мне удастся вырваться из ловушки, в которую я себя загнала, вырваться самой и вырвать Тагэре… Я почувствовала липкий холод, обхвативший меня за ноги. Вряд ли Анхель или мордатый трус. Лумэн, Лумэн, получавший наслаждение даже от такого бессмертия. Мое тело среагировало само по себе, так замочившая лапы кошка стряхивает с них капли.

Холод исчез, платье Лумэна повисло клочьями, а на груди проступили кровавые полосы. Так… ЭТОТ меня видит Рысью, а Анхель и Филипп – человеком, ведь мы говорили… К чему бы это? В руках у «Светлого» оказался меч, а я так и не научилась обращаться с оружием. Я ухмыльнулась, чувствуя, как за моей

спиной свивает кольца Дикий Ветер, готовый броситься вперед. Раньше он меня не подводил, но шестеро эльфов и три десятка всадников – не предсказанные Книгой Книг Четверо Предтеч. Хорошо, если я их хотя бы с ног собью. Мир Обмана мне не помощник, наоборот, но я – Эстель Оскора, я жива, я помню, я люблю и ненавижу, я защищаю Тарру и… Сандера.

Трус спрятался за спиной Анхеля, заодно стараясь держаться подальше от еще не оправившегося после безумного рывка Филиппа. Следы от когтей на груди Лумэна почернели, он тоже отступил, освобождая дорогу Анхелю, на лице которого нельзя было прочитать ничего. Я думала, будет хуже.

– Мы причиним друг другу немало вреда, – ага, он чего-то недоговорил, – но стоит ли? Тарра принадлежит нам, а ты тому, кто хочет тебя вернуть. Нам нечего делить… Вспомни, чья ты.

Чья? Он о Рене?… Но Рене уже предпочел смерть и Тарру мне и любви. И предпочтет снова и снова. И Сандер выбрал бы то же. Смерть и спасенную Тарру бегству в счастье…

– Я защищаю Тарру! – Я крикнула громче, чем нужно, потому что не была в этом уверена. – И я не уйду!

Дикий Ветер хлестанул по проклятым шевелящимся кустам и светящейся траве, Трус упал ничком, прикрывая голову руками, Лумэн отступил, Филипп вскочил в безумной надежде, Анхель выставил перед собой меч. Ему было очень тяжело, я это видела, но он держал удар. Ветер, словно бы разрезанный надвое, обтекал стоявшего Императора и сгрудившихся за ним, чтобы соединиться за спиной вновь поникшего Филиппа и сорвать свою злость на испуганных деревьях.

Но я была сильнее Четверых.

– Оглянись! Слева… – Кто это крикнул? Филипп? Нет, Лумэн. Добра он мне желать не мог, но я оглянулась. Ветер делал свое дело сам, я могла отвлечься и увидела ту, кого ждала с самого начала. Красавица с Оленем стояла на опушке, с интересом дожидаясь конца схватки. Не та, что приходила за Сандером, – Другая! Исполненная истинной Силы. Кто бы ни победил, в выигрыше останется она. Если б я проигрывала, и то появление этой ведьмы меня бы не порадовало, но сейчас оно было и вовсе лишним.

– Перемирие? – прохрипел Анхель, и я нехотя кивнула.

2895 год от В.И. Ночь с 3-го на 4-й день месяца Вепря ИФРАНА. АВИРА

Авира была не столь уж мерзким городом. По крайней мере,

здесь ему не шипели в спину. Он был свободен, не стеснен в средствах и почему-то назывался послом, хотя ничего не решал. Пьер с Жоселин устраивали свои делишки с помощью других посредников, а делом графа Мо были немногочисленные королевские приемы и охоты, на которых он развлекал гостей. Это было нетрудно: для ифранских кавалеров арцийские шутки были такой же новостью, как арцийская галантность для ифранских дам, привыкших к грязнуле Пауку и его склочной дочке-регентше.

Веселиться в Ифране умели плохо, и среди местных мышей Базиль Гризье тянул, самое малое, на черную белку. Если б только при здешнем дворе поменьше говорили о победе, но ифранская знать упивалась падением Тагэре, смаковала подробности и смеялась над, арцийцами, скушавшими посаженного Авирой короля.

Пьер Тартю для ифранской знати был наемником, полезной вещью, купленной за скопленные Пауком денежки. Базиль полагал, что продлится сие недолго: на консигне Пьера следовало бы поместить кукушонка и девиз «Что стоит услуга, уже оказанная!». Заступаться за своего сюзерена графу Мо не хотелось, но за Арцию было обидно. Базиль никогда не страдал особой любовью к отечеству, но он привык, что Арция была сильной, а ее королей уважали и побаивались. И их стоило уважать, особенно Александра, на место которого усадили старообразного человечка с недобрыми, хоть и умными глазами. Будущий родственник, чтоб его! Даже не «пудель», а так, облезлая дворняжка… Но при этом бешеная.

Правду сказать, Базилю ужасно не хотелось ехать на сестрину свадьбу и еще меньше хотелось представлять Нору в постели с Тартю. Это было оскорблением почище прилипших к ним оскорбительных кличек. Но ехать придется: если его не будет, мать не поймет. И ифранцы не поймут, и Пьер… Граф Мо понимал, что уступит, как уступал всю жизнь, но играл с собой в поддавки, делая вид, что еще не решил и что скорее всего останется под благовидным предлогом в Авире. Может же он, в конце концов, заболеть?!

«Мы ждем вас не позднее чем в двадцатый день месяца Вепря, так как бракосочетание назначено на двадцать второе и вам, как брату, предстоит вести невесту к алтарю…» Именно, что предстоит, хотя делать это должен был Жорес. Именно он заключил с Тартю и его матерью сделку, но кнут Рито Кэрны выбил у брата из рук и право вручить сестру тощему ублюдку, и канцлерский ключ, и весь мир. Мать и Жорес Кэрну ненавидят, но мириец исчез, а младший брат – нет. Базиль Гризье, вот он! Жив,

здоров, даже из Гвары вернулся, и, похоже, Аганн за это скоро его возненавидит.

«Постарайся не сломать себе башку», – сказал ему Рафаэль во время их чудовищной встречи. Байланте и впрямь не хотел, чтобы с ним что-то случилось, а Жорес хочет. Интересно, как в человеке помещается столько злобы…

Базиль отшвырнул материнское письмо. Напиться? Не стоит. Завтра идти к Жоселин, а ее и на трезвую голову не выдержать, не то что с перепою. Он и так то и дело напивается, глупо все это, лучше пойти пройтись, благо ночь сказочная. Даже странно, что под такими звездами живут такие твари. Граф Мо кое-как пригладил волосы, подумал, не поддеть ли под куртку кольчугу, но не стал: после того как Паук лет сорок назад приказал всем, заподозренным в грабеже, воровстве и скупке краденого рубить правую руку и левое ухо, Авира стала очень мирным городом. Если там что и случалось, то дуэль или заказное убийство, но Базиль Гризье твердо знал: в Ифране его убивать некому и незачем. И это тоже было унизительным. Арциец, как всегда, когда вспоминал о чем-то противном, пожал плечами и вышел на улицу, с досадой махнув дежурному слуге, вознамерившемуся было за ним последовать.

Редкий в этих краях снег стаял, подсохло, и можно было не опасаться за судьбу плаща и сапог. Базиль медленно шел по извилистым улицам куда глаза глядят. Заплутать он не боялся, а бродить по городу он мог ночи напролет, он и по Мунту в свое время частенько гулял, только там приходилось переодеваться. Граф прошел вдоль Собачьего канала, свернул в какой-то узкий проулок, немного помедлил у ночной таверны, в которой, судя по всему, продавали неплохое вино, но заставил себя продолжить путь. Мысли скакали, как воробьи: Базиль думал то о Лосе и его письме, то о Мальвани, то о братьях, которые ему приснились прошлой ночью. Филипп уводил Алека за руку по залитой светом лестнице. Алек счастливо улыбался, а лицо Филиппа было бледным и напряженным. На верхней площадке брат обернулся и помахал ему рукой, выронив свою треклятую книжку. Она полетела вниз, но Базиль изловчился и подхватил растрепанный том у самой земли, а когда вновь взглянул на лестницу, там было пусто…

Смешно, но он соскучился по мальчишкам и ради них готов выдержать даже безупречного Леонарда…

Топот, шум и крики, раздавшиеся впереди, заставили Базиля вздрогнуть, уж слишком неожиданными они были. Граф Мо заколебался: идти ли ему на шум или свернуть. Судя по всему, кто-то с кем-то выясняет отношения, ну и пусть их! Он – «пудель»,

а не байланте, его дело сторона, это Кэрну хлебом не корми, дай во что-то впутаться.

Базиль Гризье вполголоса выругался и сначала пошел, а потом и побежал на шум. Эту часть Авиры он не знал, но в Мунте в таких кварталах, населенных зажиточными горожанами, находили тайное пристанище знатные любовники. Гризье обогнул какой-то угол и столкнулся с тяжело дышащим человеком. Было темно, и они не могли разглядеть друг друга, но слышать ночь не мешала – близко, очень близко топотали вооруженные люди. Дюжина. Не меньше.

– Убегаете, сударь? – шепотом осведомился Базиль.

– Пустите, – прошипел незнакомец.

– Он туда свернул, больше некуда! – рявкнул кто-то совсем рядом.

– Сейчас глянем.

Первый голос показался Базилю знакомым, впереди мелькнул свет, дома вокруг спали или делали вид, что спят, крепко запертые и равнодушные. Базиль решительно схватил незнакомца за руку.

– Вас догонят.

– Значит, буду драться.

– Не будете. – Отчего-то Гризье стало весело, как не было давно. Он торопливо стащил с головы щегольской берет с пером авеструса и сунул чужаку, а его собственный сорвал и перебросил через ближайший забор.

– Приведите себя в порядок, живо!

– Вы с ума сошли.

– Возможно, но выбирать вам не приходится, они сейчас будут здесь.

Ифранец торопливо нахлобучил берет Базиля, а тот взял его под руку и громко засмеялся.

– Дорогой друг… Какая приятная прогулка. Хорошо, что вы меня уговорили…

– Что вы делаете? – Незнакомец попробовал выдернуть руку, но Базиль его удержал, успев шепнуть в самое ухо:

– Я – Базиль. Вы меня знаете сто лет, мы гуляем по кабакам и всю ночь вместе…

Ответа он не получил – погоня была уже в двух шагах. Вооруженные люди, трое из которых несли фонари, остановились как вкопанные. Базиль ослепительно улыбнулся.

– Господа изволят любоваться звездами? Их хватит на всех…

– Кто вы? – Первым заговорил сухопарый седоватый человек в лиловом, которого Базиль тотчас узнал. Граф Вардо, один из самых влиятельных людей в Ифране, но, Проклятый, в каком

виде! Бледный, руки трясутся…

– Я? Я-то Базиль Гризье, граф Мо, – арциец даже не понял, что чуть ли не слово в слово повторяет слова Крапивника, – а вот вы кто такие?

Вардо оторопело уставился сначала на Базиля, а затем на его спутника – темноволосого молодого человека с тонким нервным лицом, которого граф Мо не видел никогда в жизни.

– Морис, что вы тут делаете?

Ага, его зовут Морис… Уже хорошо.

– Мы здесь гуляем. С другом, – пояснил Базиль, яростно сжимая локоть новообретенного приятеля и старательно изображая узнавание, удивление и растерянность. – Ночь славная, а мне скоро ехать в Мунт. На свадьбу сестры. Но вы, монсигнор, неужели и вам не спится?

– Мы ищем одного человека, – бросил граф, – мимо вас никто не проходил?

– Проходил, – охотно сообщил Базиль. – Некто в берете. По-моему, он любовник хозяйки вот того дома. Мы даже в тень отступили, чтоб не смущать парочку, и тут появились вы. И все же, что случилось? Мы можем помочь?

– Неважно, – на жестком лице Вардо проступило очень странное выражение. Смесь сомнения и немыслимого, невероятного облегчения. – Я, видимо, ошибся. А вы, значит, решили прогуляться? И давно вы гуляете?

– С вечера, – в первый раз подал голос Морис, – Базиль послезавтра уезжает, а я ему завидую.

– Так в чем же дело? – Складки на лице ифранского вельможи разгладились окончательно. – Почему бы вам не поехать вдвоем? Вы, Морис, по своему положению можете приветствовать венценосных новобрачных от имени Ифраны. Я завтра же поговорю с Жоселин.

– Благодарю вас, дядюшка.

– А теперь разрешите откланяться, встретимся завтра на приеме, – церемонно произнес граф и удалился вместе со своими людьми, фонарями и арбалетами.

Эстель Оскора

Четверо не стали бить мне в спину. То ли у них были свои счеты с хозяйкой этого места, то ли они решили поглядеть, чем закончится, и взяться за уцелевшую. Женщина и Олень… Серьезные противники, и это не Циала и не Ройгу, хоть и похожи. Циала была моей, не знаю уж, в каком колене, прапратеткой, в

нас текла одна кровь, а Ройгу побывал моим супругом, их бы я узнала. Но сила у парочки была, а я малость поиздержалась в схватке с Анхелем. Мне очень захотелось оборотиться снежной исской рысью, и именно поэтому я этого не сделала. Я вообще ничего не сделала: первым здоровается тот, кто приходит. Не-Циала молчала, ее рогатый спутник тем более. Что ж, в таком случае первым заговорит та, кто будет прощаться. Я внимательно рассматривала прекрасное холодное лицо, обрамленное черными, как смоль, волосами. Да, это не Циала, та была отмечена печатью чувственности, в ней прямо-таки бурлила жизнь, она играла целомудренную и отрешенную женщину, но не была таковой, а эта холодна, как зимняя луна.

Мы смотрели друг другу в глаза, она явно была разочарована, что я и Четверо полюбовно разошлись до лучших времен. Олень вытянул в мою сторону рогатую голову, вбирая молочными ноздрями воздух, у него были очень неприятные глаза, но глаза, а не провалы, наполненные белой мглой, как у Ройгу. Да и клыков у него не наблюдалось, разве может быть у непорочной девы клыкастый спутник? Клыки появлялись у меня, когда я оборачивалась рысью. Может, рискнуть? Прыжок на загривок этой твари – и готово?

Олень отступил, женщина подняла руку с рубиновым перстнем и что-то произнесла. Я почувствовала на груди теплый толчок – ожил талисман Астени, о котором я в очередной раз забыла. На прекрасном лице моей соперницы отразилась легкая досада. Выходит, она напала, а я и не заметила, или эльфийская магия погасила атаку на расстоянии? Странно, серебряный Лебедь никогда не казался мне исполненным силы, это была память о друге, а не оружие. Красавица была озадачена, а меня подхватило и по – несло, как уже бывало не единожды. Я редко хочу боя, но когда видишь перед тобой что-то противное самой твоей природе, удержать себя в руках трудно, да я и не удерживала.

Олень… Сначала – олень! Не-Циала, Четверо и мунтский узурпатор – это потом. Я собралась для броска, но мои враги исчезли. Исчезло все, я была одна среди нежного жемчужного сияния. Нет, не одна, чье-то присутствие, мягкое, слегка укоряющее, но бесконечно сострадающее и любящее, в этом месте ощущалось вполне отчетливо. Меня ждали, звали, любили такой, какова я есть, несовершенной, дикой, жестокой. Любили и надеялись, что я изменюсь к лучшему, сделаю шаг навстречу. Чему?

Исполненный ласки и сочувствия зов был силен, но упрямство родилось раньше меня. Меня готовы простить? Да кто

вы такие?! Если кто и имеет право меня судить, то это те, живые и мертвые, с которыми я прошла через ад. Астени и Алве есть за что меня прощать, Рене – за что судить, но не этим сладким, бестелесным и благостным, обитающим в Свете, пока в Тарре и десятках иных миров умирают. Если могут помочь, пусть помогают, нет – справимся сами, непрощенными.

Не знаю, выкликнула ли я это вслух, или эти… этот? Да, это был Он! Он был один и обладал властью читать в чужих сердцах. Жемчужное сияние стало ярче, я словно бы вязла в нем, меня куда-то влекло. Это не было простым зовом, но и насилием назвать столь мягкое прикосновение было нельзя. Все для моего же блага… Но у меня одно благо – Тарра! Тарра и спящий в лесной хижине человек, за которого я отвечаю перед всеми Силами мира и самой собой. Я вернусь, как бы эти жемчужные в меня ни вцепились. Вернусь, потому что нужна. Я рванулась, как рвется увязнувшая в болоте лошадь. Возможно, мне показалось, но любвеобильный хозяин испытал нечто похожее на досаду и ревность.

Таким он мне нравился больше, не верю и никогда не поверю в абсолютную любовь ко всему сущему, это или Равнодушие, или безграничная Любовь к себе, требующая столь же безграничного обожания всех остальных. Ого! Жемчужное ничто стало разделяться, так рано или поздно разделяется масло, смешанное с водой. Сверху проступало что-то вроде неба, снизу – земли или, вернее, тверди, а вдали появилась окруженная сиянием человеческая фигура. Со мной решили поговорить на равных? Не о чем мне с ним говорить. Мне нужно домой, только как?

Получив обратно свою память, я вообразила, что дорогу в Тарру найду из любой преисподней. Райские объятия я в расчет не приняла.

Присутствие хозяина становилось все ощутимей, но я знала, что не должна с ним встречаться, по крайней мере сейчас.

– Геро! Геро, я здесь!

Сандер? Нет! Он не знает моего истинного имени… Если мы еще свидимся, клянусь, я не стану больше ему врать. Он узнает все, и будь что будет! Но кто бы ни звал меня, он чужд хозяину этого места, он – друг, он пришел за мной. Я, как одержимая, бросилась на голос, и это все же оказался Александр Тагэре с поднятым мечом, из рукояти которого бил ослепительный зеленый луч, рассекавший проклятое мерцание не хуже идаконского маяка. Сандер был в боевых доспехах, но без шлема, спутанные темные волосы взъерошены ветром. Я вцепилась в закрытое сталью плечо, как в последнюю надежду, а он, умелым движением отодвинув меня за спину, повернулся лицом к

шествовавшей к нам фигуре. Я думала, что меня ничего уже не удивит, и, разумеется, ошиблась. Они знали друг друга, Александр Тагэре и тот, кто хотел меня увести.

Они не говорили. Просто стояли и смотрели друг на друга. Воин с мечом и скрестивший руки на груди чужак, в глазах которого сосредоточились все скорби мира и вся его… глупость. Поняв это, я пришла в себя окончательно и поняла, что все еще цепляюсь за Александра. Пора было уходить, и теперь я точно знала, где начинается дорога домой.

– Сандер, – мой собственный голос показался мне громким, как звон ночного колокола, – идем. Нам пора.

– Идем, – согласился он, и все исчезло. Я вновь была в Мире Обмана среди живой травы. Одна-одинешенька. Ни Сандера, ни Чужака, ни ведьмы с Оленем.

2895 год от В.И. Утро 4-го дня месяца Вепря ИФРАНА. АВИРА

Ночь «старые приятели» закончили в таверне «Толстый повар», где варили прекрасный глинтвейн и заслуженно гордились маленькими слоеными пирожками с мясом и яблоками.

Базиль узнал, что полное имя его нового знакомца Морис-Эркюль-Реджинальд герцог Саррижский, что он приходится племянником графу Вардо, страстно влюблен в его юную жену и пользуется взаимностью. Этой ночью парочка решила встретиться, так как была уверена, что супруг останется во дворце, но безумно ревнивый Вардо заподозрил неладное и нагрянул домой. К счастью, Морис промешкал и влюбленные не успели оставить никаких доказательств своего преступления, а левретка Антуанетты, ненавидящая мужа хозяйки всеми фибрами своей собачьей души, почуяв врага, разразилась визгливым лаем. Морис успел выскочить в окно. Догадайся он затаиться, его бы не заметили, но влюбленный осел, торопясь завернуть за угол, оказался на освещенном месте. Вардо бросился в погоню. Судя по крикам, он отнюдь не был уверен, что преследуемый выскочил от графини, но при виде Мориса понял бы все. За себя Сарриж не боялся, но для возлюбленной разоблачение означало позор и смерть. Базиль в очередной раз пожал плечами: по его мнению, убивать из-за любви было пошло, а жениться на девочке, годящейся в дочери, глупо, но свои мысли арциец оставил при себе.

Юная Антуанетта вышла за знаменитого и могущественного вельможу и стала ему изменять… Любопытно, что станет делать

Нора, если когда-нибудь влюбится, хотя в кого влюбляться при нынешнем арцийском дворе? Не в Рогге же! Базиль поднял кубок:

– За здоровье очаровательной Антуанетты, которую я еще не видел.

– За здоровье твоей возлюбленной!

– У меня ее нет, – засмеялся граф, – и не было. Любовницы были, не без того, но с великой любовью в Арции нынче плохо.

– Тогда за твою будущую любовь, – не унимался Сарриж. Как часто бывает с людьми, пережившими сильное потрясение, он изрядно захмелел. Куда сильнее самого Базиля, и это было непривычно. Морис с чувством пожал Базилю руку, клянясь в вечной дружбе, и закрыл глаза. Арциец огляделся и махнул трактирщику:

– Любезный, – аур, перекочевавший в широкую ладонь, сделал это слово материальным; хозяин заведения, казалось, прямо-таки источал любезность из глаз, рта, ушей, даже ноздрей, – мой друг устал. Я хотел бы оставить его на ваше попечение, к полудню я приведу ему лошадь.

– Монсигнор, все будет сделано. Можете на меня рассчитывать.

– А я и рассчитываю.

Граф Мо поднялся, кинул последний взгляд на друга до гроба и, насвистывая, вышел. Это было смешно, но он умудрился спасти влюбленных, одурачить ревнивого мужа, заполучить в друзья и спутники одного из знатнейших ифранских вельмож и при этом почти не напиться.

Эстель Оскора

Мы часто спасаем себя, считая, что защищаем других. Если бы я не оставила с Сандером кошку… Великие Братья, страшно было даже подумать, что я могла застрять в этой жемчужной трясине, потеряв дорогу домой, память, себя самое… Сначала я не поняла, откуда взялся Последний из Королей, как он меня нашел, кто ему назвал мое настоящее имя. Я была слишком ошарашена происшедшим, чтобы думать, и, лишь вернувшись в заснеженный дом посреди болот, поняла все или почти все.

Александр по-прежнему спал, и по-прежнему рядом с ним лежала свернувшаяся кошка. Мертвая. Я взяла в руки мягкий, неживой ком, и меня затрясло. Ночь давно кончилась, за окном переливался блистательный зимний день. Надо было похоронить кошку, принести меч Сандера, разжечь огонь и что-то решать, а я не могла двинуться с места. Эти Четверо, женщина, Олень,

Чужак… Все хотели разного, но если своего добьется хотя бы один, Тарре конец, а Эрасти как сквозь землю провалился.

Пошатываясь, я выползла наружу. Сосну с двумя ветками, изогнутыми наподобие лебединых крыльев, я заприметила давно, у ее корней лежал серый валун. Готовый надгробный памятник. Я пошла туда, заставила камень откатиться в сторону, а землю осесть и в образовавшееся углубление положила свою нечаянную спасительницу, нечаянную, потому что несчастная зверушка не просила меня отдать ей часть своей силы и своей воли, так вышло. Сначала она стала мной, а потом погибла.

Камень послушно лег на место. Я положила руку на холодную шершавую поверхность и прикрыла глаза. Как же я устала и как замерзла от своих дорог из ниоткуда в никуда, но это только начало. Завтра снова идти от этой лебединой сосны до чего-то впереди. Но кто же все-таки этот Чужак, зачем ему понадобилась именно я? А может, он обознался? Он силен и исполнен чего-то такого, что противно самой моей природе.

Я вспомнила, каким увидела Александра Тагэре. Доспехи, меч, сильные, уверенные движения. Они уже встречались, Чужак и Последний из Королей, и Чужак отступил, так же как и теперь, но вот встречалась ли с ним я? Он уверен, что да, но я его не помню… Я повернулась спиной к маленькому серому валуну и поплелась к месту, где остался меч Александра, но на краю поляны, не выдержав, оглянулась на могилку, в которой осталась еще одна частица меня. Мы то и дело отрываем от себя и хороним что-то важное, нас истинных остается все меньше и меньше, а мы забиваем себе головы всякой ерундой вроде той, что с годами мудреют.

Меч отыскался там, где Сандер его и оставил. День был в разгаре, все вокруг так и сверкало серебром и алмазами, от вчерашней сырой и серой одури не осталось ничего. Я взяла меч, оказавшийся неимоверно тяжелым, и пошла назад. По черному клинку пробегали серебристые волны, кошачьим глазом сиял неизвестный мне камень, но в не желавшем меня выпускать мире он сверкал намного ярче. Интересно, что запомнил Александр из своего сна, если вообще что-то запомнил… Но он расплатился со мной за свое спасение сполна. Да, если бы не кошка, он бы не услышал и не нашел меня, но бросился на помощь он по доброй воле. Я хотела защитить его, а защитила себя, потому что самой мне бы не выбраться.

Ниточка, протянувшаяся между нами, когда я на лесной опушке сняла шлем с раненого рыцаря, стала еще крепче. Я могу сколь угодно списывать то, что случилось, на чей-то предсмертный зов, сострадание, всегдашнее уважение к тому, кто

дрался до конца, но этого мало. Мало, потому что темноволосый арцийский король стал мне нужен. Великие Братья и те не могут знать, куда заведет дорога, на которую нас загнали судьба и время.

Нет худа без добра, теперь я знаю, что Последний из Королей способен бросить вызов не только земной подлости, но и высшим силам. Там он оказался сильнее меня, возможно, потому, что не успел испугаться, или потому, что спешил на помощь. Кошка позвала его и проводила в Мир Обмана… Нет, в какой-то другой мир, куда меня затащило то ли при помощи ведьмы с Оленем, то ли как-то иначе. Как бы то ни было, но рисковать я больше не стану, я сильнее Четверки, надеюсь, сильнее ведьмы с Оленем, но Чужак мне непонятен и явно не по зубам. А Эрасти молчит, то ли не хочет появляться, то ли не может. Гиба зимой звать бесполезно, а Хозяев и Хранителей здесь нет, и давно. Их, мне кажется, в Тарре вообще больше нет, все само по себе. Неужели Тахена тоже опустела? И что прикажете делать нам с Александром Тагэре? Ждать сначала весны, а потом непонятно чего?

Я оставила меч в сенцах и снова вышла. Александр вот-вот проснется, а я еще ничего не решила и не знаю, что ему говорить. Ночью я клялась всем, чем угодно, что больше не стану лгать, но, когда опасность миновала, я решила подождать и посмотреть, что будет дальше. Если Тагэре вспомнит сон и спросит меня обо всем прямо, я скажу правду… Да, именно так. По стволу пробежала белка, посмотрела на меня, перепрыгнула на соседнее дерево, обрушив снежную подушку. Черные глазенки, пушистый хвост и предел мечтаний – много-много орехов… Хорошо быть белкой… Белка… Шани Гардани… Ну и дура же я!

2895 год от В.И. 4-й день месяца Вепря ГРАЗСКАЯ ПУЩА

Странно, но голова не болела, было лишь ощущение легкой слабости, как после не слишком сильной болезни. Хозяйки не было, кошка тоже куда-то делась, но у окна стоял его меч, Ликия вспомнила и принесла, пока он спал, а сама ушла. Не хочет его видеть? И как ему теперь смотреть ей в глаза?

Чтобы хоть чем-то себя занять, Сандер сходил за водой, затем взялся за дрова. После пришел черед Садана, они сделали несколько кругов по лесу, всякий раз проезжая невдалеке от дома. Сандер надеялся увидеть хотя бы ждущую его кошку, но даже она от него отказалась. Наказывая за вчерашнее, он гонял себя до седьмого пота.

Александр Тагэре привык трезво оценивать себя. Сила и ловкость не только в полной мере к нему вернулись, он стал много быстрее и выносливей. Он совсем здоров и может забыть о ранах, они ему больше не мешают. Очередной раз отдыхая после упражнений с мечом, Сандер прислонился к серебристому стволу огромного бука, глядя сквозь голые ветви в глубокое, синее небо.

Зима кончалась, свет был уже совсем весенним, сколько бы снега еще ни выпало и какие бы морозы ни рвали Арцию на куски, впереди тепло, молодая зелень, птичьи трели. Впереди жизнь! Александр не понимал, что на него вчера накатило. Броситься на кинжал, забыв и о долге, и о чести?! Почему?!

В жизни последнего из Тагэре были два случая, о которых он не рассказывал никому. Тогда он тоже был в шаге от прыжка в ничто, но все было по-другому. Первый раз его, девятилетнего, спас назвавшийся Романом золотоволосый бродяга. Александр попробовал вспомнить, что он чувствовал, готовясь прыгнуть с Эльтовой скалы в неистовый прибой. Пожалуй, только одно. Желание положить конец всему – холодной материнской неприязни, насмешкам Жоффруа, слюнявой жалости в глазах служанок… Роман, не перебивая, выслушал его детские жалобы, потом заговорил сам.

Сандер не мог вспомнить почти ничего из слов своего мимолетного друга, осталось лишь ощущение страстной влюбленности в жизнь, в этот мир, который настолько хорош, что нельзя от него отказываться и его предавать. А судьбу можно укротить, как коня, какой бы злой и дикой она ни казалась. Роман еще сказал, что его будут любить лошади, собаки и прочие звери, но человеческой любви и дружбы придется добиваться самому. И он добился, у него были друзья и была любовь, хотя именно из-за любви он почти сломался. Даро… Даро, ушедшая к красавцу Артуру. Но он бы и тогда выдержал, если бы не случайность. Кубок с ядом, который ему подсунули неизвестные убийцы, хотя почему неизвестные? Он почти уверен, что за покушением стоял Паук. Выпить оказавшуюся под рукой отраву было сильным искушением, но он все же разбил кубок… Занятно, что он забыл, как это сделал. Все вытеснил сон, в котором его спасала черная кошка. Он сам в это поверил, но в тщательно запертой комнате не оказалось ни кошек, ни мышек. Он был один. Он, и осколки, и разлитое красное вино на полу…

Две смерти, которые его отпустили, две его вины перед собой, Арцией, теми, кто в него верил и ему верит. Дважды он мог себя презирать за свою трусость, она была, но третий раз! Он хотел жить, хотел вернуть трон, отплатить Тартю и предателям, спасти тех и то, что еще можно спасти. Как ему в голову пришла

мысль о самоубийстве? Он любит жизнь, очень любит, и ему еще столько предстоит. Как он посмел?! Это было каким-то безумием, если бы не Ликия… Но если бы не его глупость, между ними бы ничего не случилось, а ведь он всю жизнь думал о тревожной женщине с разноцветными волосами. С тех самых пор, как во Фло увидел карты тетушки Марион. Ликэ не так уж и походит на осеннюю девушку с алым листом на черном платье, в юности поразившую воображение герцога Эстре. И вместе с тем походит.

Лесная ведьма притягивала его связанной с ней грустной загадкой, внутренней силой и чем-то неуловимым. Они словно бы говорили друг с другом без слов и знали друг про друга все, ничего не зная. Ведь услышала же она, что он задумал, успела, остановила. Сандер пытался вспомнить вчерашнее, но память отказывалась служить, он был слишком пьян и слишком взбудоражен. Ликия как-то его называла, что-то говорила о себе, о нем, о ком-то еще, а потом он провалился в какой-то странный сон. Ему что-то снилось, что-то тяжелое, неприятное… В его сне была его хозяйка, ее кошка, он сам и кто-то еще, кто-то, кого он уже встречал.

Уставший ждать Садан топнул ногой и негромко, укоризненно заржал. Конь хотел домой и хотел есть. Смеркалось, не хватало, чтобы Ликэ опять бросилась его искать! Сандер хотел ее увидеть, хоть и не знал, что ей сказать. Просить прощения? Благодарить? Сделать вид, что ничего не помнит? Или… поцеловать? В глубине души ему хотелось именно этого. Только бы протянувшийся между ними мостик сохранился! Дело не в обычной близости, а в чем-то совсем-совсем ином. Они должны быть вместе, должны верить друг другу, должны знать друг о друге все, даже самое горькое, Тайное и постыдное, но как об этом скажешь женщине, если она не захочет слушать?

В дом Александр вернулся, когда совсем стемнело. Ликия, возившаяся со своими травами, молча кивнула и принялась собирать на стол. Он тоже молчал. О том, что случилось накануне, не говорили. Не говорили вообще ни о чем. Александр пару раз хотел спросить, где Серая, и сказать что-то по поводу начавшегося снегопада и не мог, потому что все было враньем. Все, кроме его вчерашней глупости.

Это было куда неприятнее царапин на плече и на лице. Ведьма и кошка вернули его к жизни варварским, но действенным способом. Ему все же придется пройти свой путь до конца. Вчера Ликия назвала его трусом. Трусом и предателем, и была права. Он должен вынести то, что должен, даже если кажется, что сил больше нет. Пьер и те, кто его затащил на арцийский трон, – зло, а со злом нужно драться. Если его убьют, так тому и быть, но

делать врагам подарок, уходя по собственной воле, – подлость. Александр передернул плечами: вчерашние раздевания на морозе и манипуляции с камнем не прошли бесследно, зверски болела правая рука. Ликия оставила на виду царку, но он решил, что пить не станет, сам виноват, а от больной руки еще никто не умирал.

Боль прогоняла сон и глушила стыд. Александр сидел и смотрел в огонь, время от времени растирая руку, и не замечал, как ведьма, поднимая голову от своих трав, несколько раз внимательно на него посмотрела, а потом вытащила какое-то снадобье и, подойдя к королю, решительно закатала рукав крестьянской рубахи.

– Где болит?

– Не надо…

– Помолчи. Тут? Вижу, что тут… – То, что она втирала ему в кожу, пахло дымом, хвоей и чем-то еще. Показалось, что руку обдало кипятком, защипало глаза, но боль стала гаснуть стремительно, как осенний вечер.

– Ликия, – голос Александра дрогнул, – прости меня за вчерашнее. Я струсил, но пойми…

– Я понимаю, – ведьма поставила свое снадобье на стол и примостилась рядом. Сандер обнял ее плечи, Ликия улыбнулась и придвинулась ближе. В ее сегодняшних прикосновениях не было и следа того животного зова, что заставил его забыть обо всем, кроме ласкающей его женщины, теперь он чувствовал рядом друга, понимающего его с полувздоха. И плевать было, что Ликэ – колдунья с болот. Он больше не был один.

2895 год от В.И. 7-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Арман Перше мучительно искал рифму к слову «ночью». Сонет получался очень удачным, но последние три строчки не давались.

Я без тебя как путник зимней ночью…
Застигнутый в лесу оледенелом…
Когда тепла и света нет… порочно?

Нет! Точно? Сочно?

На красивом высоколобом лице читалось страдание. Арман отодвинул листок, встал, прошелся по плохо обставленной комнате, задержавшись у давно немытого окна. Наверное, придется переписывать, а как жаль…

Дверь открылась, и появился брат. Если Арман был скорее худ и, безусловно, недурен собой, то Бриана природа наградила плотным сложением и головой, благодаря ушам напоминающей атэвскую глиняную вазу с двумя ручками. Старший был поэтом, младший – королевским писарем, надо отдать ему должное, безропотно кормившим брата вот уже четвертый год.

– Арман! – Бриан был возбужден. – Где твои трагедии?

– В плетеном сундуке.

Бриан бросился к упомянутому сундуку и углубился в его недра, бормоча: «Не то, не оно, опять не то, да где же?!»

– Что ты ищешь?

– Ну, такое… Помнишь, было, ты мне говорил… Про убийцу… Он всех убил, остался один и стал королем…

– Всех? Это или «Проклятие Фемистокулюса», или «Ангуарий и Вентария»… А может, «Меч Ановирина», или «Жестоковыйный Форий», или «Бивианур Кровавый»…

– Ну, там… Про коня еще было… Он убил брата и женился на вдове… И племянников убил, и…

– Вдова брата была?

– Нет, другая, но ее мужа он тоже убил…

– А брата он одного убил или двух?

– Одного, второй сам умер, а племянников уже он…

– Тогда ничего не поделаешь, это «Бивианур», но где там лошадь?

– Была где-то, я точно помню… Ты лучше свои бумажки знаешь, давай ищи скорее…

– А что случилось?

– Понимаешь, ее можно продать!
– Ты хочешь сказать, что мою трагедию поставят?!
– Сначала нужно кое-что переделать… Ну, где она тут у тебя?

Эстель Оскора

Уговорить Александра отправиться в Таяну оказалось легче, чем я думала. Я просто рассказала правду про Войну Оленя, Рене Арроя и Шандера Гардани. Сандер поверил сразу же, и я поняла, что он давно готов к чему-то подобному. Потомки Майхуба озаботились напомнить потомкам Рене о великом договоре. Я никогда не любила атэвов, но их стойкость в схватке с разъедающей Тарру ржой впечатляла.

Александр немного подумал, не стоит ли ему сначала заглянуть в Лидду, но это было куда труднее, чем прямиком отправиться в Гелань. Нам пришлось бы выйти из леса, а Сандер не сомневался, что подступы к Гваре и Наботу охраняются. Я была рада его осторожности, потому что Гвар-Набот и Лидда были, и то в лучшем случае, дружественными герцогствами, окруженными врагами, а Таяна, судя по всему, осталась сильной и свободной.

Я верила наследникам Шани и Уррика, и у меня на то были все основания. Лежащие за Гордой и Тахеной земли отлучили от Церкви, а что собой представляли святые сестры и антонианцы, я поняла еще до встречи с Эрасти. Объяснение напрашивалось само собой – Таяна не рехнулась и была достаточно сильна, чтобы дать отпор Святому походу, вот ее и прокляли. Очень удобно: и воевать не надо, и всех, кто глядит на восток, можно записать в еретики.

Путь в Гелань лежал через Тахену, и я очень надеялась встретить друзей и там. Кэриун и Прашинко зимой спят, но Лупе – человек, к тому же хозяйка Тахены неподвластна Зиме. Хотелось верить, что маленькая колдунья жива и по-прежнему правит древними топями. В самой Арции Хранителей и Хозяев не осталось, по крайней мере мне так казалось, но Тахена – это Тахена. Пока сила Прежних не покинула Тарру, эта крепость будет держаться. Я сама была частью древней силы и чувствовала, что этот мир мой. А раз так, Тахена меня примет и пропустит… Меня? Нас!

Мы с Сандером связаны накрепко. То, что случилось в ночь Последнего Греха, лишь ускорило неизбежное. Я никогда не любила лжи, Последний из Королей стал мне дорог, хоть и не так, как Рене. Я не чувствовала себя перед ним виноватой и не

сомневалась в своей любви, но адмирал был очень, очень далеко, если вообще был.

Рене Аррой – это мое прошлое и, я продолжала на это надеяться, будущее, а настоящим были зимняя дорога, заснеженный лес и мой сероглазый спутник. Порой мне казалось, что время повернуло вспять и я вновь иду из Убежища в Кантиску вместе с Астени и Преданным. Арция изменилась, если говорить о странах и обычаях. Арция осталась прежней, если иметь в виду деревья и сугробы. Я едва удержалась от искушения свернуть в Убежище, но тогда бы пришлось слишком многое объяснять.

Лесная ведьма могла узнать о минувших войнах от таких же отверженных, могла пройти зимой по занесенному вьюгами дикому лесу, но в покинутом эльфийском поселении я бы себя выдала, потому что не смогла б остаться равнодушной.

В том, что уцелевшие Лебеди оставили свое гнездо в болотах, я не сомневалась. Талисман Астени молчал, а это означало, что эльфов в Арции нет. Эмзар не вернулся назад после войны Оленя – то ли нашел дорогу за пределы Тарры, то ли увел своих на Лунные острова караулить заморскую дрянь. Но лес все еще помнил ушедших, и я помнила. С каждым шагом мы приближались к поляне, на которой Астени принял свой последний бой. Строго говоря, она лежала в стороне от нашего пути. Немного, но в стороне, ее можно и нужно было обойти, но я не смогла. Странное дело, если б я была одна, у меня бы хватило сил не свернуть, но Сандер умудрялся будить во мне то, что, казалось, навсегда уснуло. Чем больше я его узнавала, тем больше он сбивал меня с толку, потому что таких, как он, не бывает.

2895 год от В.И. 8-й день месяца Вепря АРЦИЯ. БОСХА

Ликия недаром была ведьмой. Как-то так вышло, что Садан смог идти, не проваливаясь в снег. Атэвский красавец с легкостью нес двоих всадников вместе с их небогатыми пожитками и обижался, когда седоки решали немного пройтись пешком. Странно, но Александр никогда не был так спокоен, как сейчас, когда пробирался через захваченную врагом страну в обществе лесной колдуньи. Всю свою жизнь он прятал свои чувства иногда под улыбкой, чаще под бесстрастностью. Нужно было что-то делать, за кого-то решать, а в последние годы события и вовсе понеслись, как валун с холма. Теперь же он впервые в жизни был свободен и был самим собой. Ликии он доверял так, как не доверял никому. Она все понимала, ничего не спрашивала,

ничего от него не хотела. Просто была рядом, и, кажется, ей действительно не было дела до его увечья.

Как встретят в Таяне их с Ликией, было неизвестно, но король Арции об этом не думал. Жизнь дала ему отсрочку, глоток свежего воздуха между двумя темницами, и он жил, а Ликия придавала этой жизни все более отчетливый привкус счастья. Он не говорил с ней о любви, как некогда с Даро, но в отношениях с Ликэ не было лжи, которая в конце концов разлучила его и Дариоло. Тогда они носили маски, живя на виду у сотен глаз, смотревших на брата короля и красавицу-мирийку отнюдь не с нежностью. Теперь Александра Тагэре видели разве что звезды и волки, а лгать им было незачем, да он и не собирался этого делать. Ликия стала для него если не всем, то очень многим. Он не хотел ее терять, а было ли это любовью, Сандер не знал и сам.

Иногда Александр задумывался о том, кто же его подруга на самом деле. Понятно, что она оказалась в лесу не от хорошей жизни, не сомневался он и в том, что раньше ее звали иначе – на простолюдинку эта женщина не походила. Сколько ей лет, он тоже не знал, лицо у нее было совсем молодым, но взгляд и слова говорили о том, что за спиной Ликэ немало того, что она с радостью бы забыла. Какое-то отношение к ее судьбе имели циалианки, ненависти к которым женщина не скрывала. Эта ненависть его и спасла. Да, патом они поняли и приняли друг друга, но сначала она видела в нем лишь человека, за которым идет охота.

Странным образом обе женщины, которых он любил, оказались на пути ордена, но, если Даро защищал брат, Ликия заботилась о себе сама. Александру хотелось узнать тайну колдуньи, но лишь от нее самой. Кто бы ни была эта женщина, что бы ни свершила в прошлом, он от нее не откажется. Сандер верил своей подруге, какие бы удивительные вещи она ни говорила. Ликэ предложила искать помощи в Отлученных землях, и он согласился, хотя никогда не забирался на восток дальше Лидды.

Граф Жавер Лидда рассказывал о том, что творится за Заклятым перевалом. Этот хитрец вовсю торговал с еретиками, о которых в Арции слышали много, но толком ничего не знали. На северо-востоке было много того, что привлекало купцов, но негоцианты о своих похождениях предпочитали не распространяться, мало ли что могло взбрести в голову синякам.

Таяна была отрезанным ломтем, Церковь почитала ее жителей худшими еретиками, чем атэвы, и вот теперь он идет к ним… Он так мало знает о таянской ереси, о том, что послужило причиной разрыва. В Арции правду о Войне Оленя выпололи, как

сорняк, старые хроники были уничтожены, осталась лишь Книга Книг и подправленное Сопутствующее слово [32]. Когда Таяна отошла от Благодатных земель, Церкви удалось натравить на нее Западную Фронтеру, и с тех пор на рубежах идет война, в которой победителей нет и не предвидится. Вот и все, что он слышал, пока Ликия не рассказала о клятве, данной шестьсот лет назад герцогом Гардани. Это имя Александру ничего не говорило, зато клятвопреступников на своем не столь уж и долгом веку последний из Тагэре повидал предостаточно, отчего же он верит слову давно умершего человека?

Через кварту они вышли к очень странному месту. Казавшийся непроходимым лес, услужливо пропускавший путешественников и смыкавшийся за их спинами, расступился. Они оказались на круглой поляне, заросшей по краям бересклетом и дикими розами, на которых еще держались розоватые и оранжевые плоды. Был день, и солнечные лучи танцевали по поверхности огромной аметистовой глыбы, из которой бил родник. Причудливые ледяные наплывы странным образом сочетались с лиловым камнем.

– Рассказывают, что когда-то на этом месте умер лебедь, – тихо сказала Ликия, – лес сюда никого не пускает. Я была здесь лишь однажды… Очень давно.

Александр подошел к камню, повинуясь странному порыву, опустился на колени и оказался… на Эльтовой скале.

В небе сияла полная луна, через которую разорванным кружевом бежали облака, внизу ревело море. На вершине виднелись два стройных силуэта. Александр не мог видеть лиц, но сердце его бешено заколотилось, так как он понял, КТО эти люди. Они о чем-то оживленно разговаривали, затем золотоволосый Роман махнул рукой и растворился во тьме, Аларик какое-то время смотрел ему вслед, а потом обернулся… В серебристом лунном свете блеснули голубые глаза. «У тебя остался еще один удар!» – сказал он, а потом Александр увидел город, над которым возвышалась увенчанная замком гора. Внизу бушевала и пенилась темная река, в иглециях звонили колокола, по улицам расхаживали люди в странных одеждах, и среди них отчего-то был Рафаэль. Мириец улыбался, а рядом с ним шел Шарло. Они вошли в иглеций, и Рафаэль распахнул Небесный Портал.

Вновь зазвонили колокола, и вышел Небесный ход, но верующие вместо свечей несли мечи и копья, а на иконах не было ликов святых – лишь прорезаемая синими сполохами тьма, из которой смотрели странные глаза, похожие на глаза огромной хищной птицы. Александр обернулся и увидел, что и в храме

исчезли настенные росписи, осталась лишь икона великомученика Эрасти. В руках Александра оказалась свеча, он хотел ее зажечь перед образом святого, а тот неожиданно дерзко ему подмигнул. С иконы в глаза королю Арции смотрел Рафаэль Кэрна. Затем золото оклада стало таять и оплывать, как воск свечей, фигура Рито становилась все более живой и осязаемой, друг протянул к нему руки, Александр рванулся навстречу и столкнулся взглядом с Аларикомо, надевшим ему на шею черную цепь с изумрудами, а потом все затянул белый туман. Александр парил в нем, потому что черная цепь тянула его вверх. Он поднял глаза и увидел, как сквозь прорывы в белесой пелене сверкает алым Волчья Звезда Ангеза. Он поднимался все выше и выше, мгла почти рассеялась, и стало видно усыпанное звездами небо, и вдруг голос Филиппа прохрипел: «Александр». Он обернулся. Внизу медленно переливались кровавые волны, из которых к нему тянулись руки. Он увидел запрокинутое лицо брата, захлебывающегося в густеющей крови, и бросился назад. Филиппу удалось ухватиться за него, и они начали подниматься, но на этот раз намного медленнее. Александр знал, что должен смотреть только вверх и вперед, туда, где, неподвластная мерзкому туману, мерцала его звезда, но брат звал его, а потом к его голосу присоединились другие голоса. Что-то бурчал вечно недовольный Жоффруа, с ним спорила Элеонора, громко перекликались, играя в Войну Оленя, племянники, ясным, холодным голосом отчитывала кого-то мать, смеялся отец, а затем раздался шепот Даро, и Александр понял, что сейчас оглянется, не может не оглянуться…

– Жизнь стоит того, чтобы за нее драться.

Кто здесь? Роман. Такой же молодой и красивый, как двадцать четыре года назад, и рядом с ним… Эдмон. В синем плаще, на котором расправляет крылья белый лебедь.

Перед глазами Александра вспыхнула двойная радуга, сквозь которую улетала к небу лебединая стая. Зимы больше не было, земля была устелена ковром белых весенних цветов, цветущие ветки тянулись к лицу, щебетали птицы, звенел ручей, и в его звоне отчетливо проступала мелодия, нежная и светлая, как сама весна.

– Нам пора, – теплая рука легла на его плечо, и Александр открыл глаза. Весна исчезла, даже день и тот кончился. На небе сияла половинка луны, окруженная сверкающим ореолом.

– Что это было? – Александр уже ничего не понимал.

– Ты что-то видел… Я ждала, пока не зашло солнце. – Она могла бы сказать больше, но не захотела. Что ж, ее право… А он лгать не станет!

– Я видел друга, который вдруг оказался Святым Эрасти, город с замком на горе и с рекой внизу. Там меня ждали, а потом я летал над морем из крови, меня тянуло вверх, к Волчьей Звезде. Я знал, что не должен оглядываться, но меня звали, и я понял, что оглянусь, и тут все исчезло. Остались лишь весна, улетающие лебеди… и радость.

– Город с замком на горе? Река внизу? Странно, – она положила руку ему на плечо, – похоже, что это Гелань.

– Гелань? – Он поцеловал Ликию в губы и повторил:

– Разумеется, Гелань… Красивое имя, но нам стоит подумать о ночлеге…

2895 год от В.И. 21-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Девушка в плотном розовом чепце продавала поддельные фиалки. Она была хорошенькой, но замерзшей. Носик покраснел, а губы, наоборот, побелели. Товар не шел, да и вообще народу на улице было меньше, чем обычно, и люди были хмурыми, хотя, возможно, во всем был виноват резкий, холодный ветер. Базиль Гризье с усмешкой полез в кошелек и купил у красноносой продавщицы всю корзинку. Та жадно схватила серебряную монету и с вопросом уставилась на Базиля, видимо, ожидая приглашения в соседнюю гостиницу. Можно было так и поступить, но граф Мо не любил делать то, чего от него ожидают, он пожал плечами, сунул корзинку с восковыми цветочками пажу и тронул коня. Настроение, и без того пакостное, отчего-то стало еще хуже. Похоже, он совсем спятил. Сначала не хотел уезжать в Авиру, а теперь бесится из-за того, что вернулся в Мунт.

Караковый атэвский жеребец Базиля, изящно переступая ногами в белых чулочках через замерзшие лужи, сам завернул на улицу Борзой. В отличие от седока он почитал особняк Вилльо своим домом. Может, стоило остановиться вместе с Морисом Саррижским? Нет, нельзя. Он не просто сопровождает высокого ифранского гостя на королевскую свадьбу, он – брат невесты, ему вести Нору к алтарю. Жорес не может, а показывать народу Филиппа Тартю вряд ли рискнет. Нора теперь законнорожденная, а ее младшие братья тем более… По закону Филипп Рунский – король, хоть и несовершеннолетний. Конечно, законы для победителей, да еще поддержанных Церковью, не писаны, но дразнить гусей Тартю не станет… Проклятый, как же все надоело. И Авира, и Мунт, и родичи, и вообще все!

Особняк был разукрашен можжевеловыми ветками и искусственными цветами, дабы было ясно: здесь живет невеста, а

он и позабыл об этом обычае. Что ж, значит, купленные фиалки пойдут в дело… За несколько домов до «гнездышка королевской голубки» Базиль налетел на первый караул. Новые гвардейцы с роскошными сигнами на алых плащах красиво отдали честь будущему королевскому шурину. Окна в соседних зданиях были тщательно заперты, и Базиль сообразил, что их обитателей на время торжеств попросту выставили. Пьер Тартю тщательно избегал любых неожиданностей. Гризье очередной раз пожал плечами и въехал во двор. Здесь охраны и лакеев оказалось вовсе немерено, а вот знакомых лиц почт" не осталось. Граф спрыгнул с коня, бросил поводья подбежавшему слуге, предупредив, что у Бретера мерзкая привычка кусаться, и взбежал на разукрашенное крыльцо. Свадьба завтра, но финтифлюшки развесили сегодня… И почему это его бесит?! Все решено давным-давно, все довольны, Нора тоже. Ну и пусть ест своего Тартю хоть с вареньем, хоть с хаонгской чоколатой…

Дворецкий тоже был новым. Высокий, благообразный и себе на уме. Он почтительно приветствовал «монсигнора» с благополучным прибытием, за что монсигнору захотелось его придушить. Базиль коротко кивнул и поднялся в гостиную. Там, спасибо Проклятому, была только Доротея. С женой брата Базиль никогда не ссорился, потому что никогда не разговаривал. Супруги жили каждый по себе. Дочь покойного Гастона Койлы с двумя детьми проводила все время в Аганне. Жорес, пока был здоров, болтался в Мунте, а после встречи с Кэрной заперся в особняке на улице Борзой, не пуская к себе никого, кроме матери. Но королевская свадьба – это королевская свадьба, графине Аганнской предстоит нести шлейф невесты, это было решено еще до Гразской битвы. Так жив Тагэре или нет? И если жив, то где…

– Здравствуй, Доротея, – Базиль галантно поцеловал руку невестки, – скучаешь?

– Да. Не люблю столицу.

Она вполне могла бы добавить: «И мужа», но не добавила. Воспитание есть воспитание, да и кто он, чтобы Тея с ним откровенничала.

– Я тоже, и что слышно в нелюбимом нами городе?

– Мы приехали прошлым вечером, – объяснила Доротея, – так что я не успела узнать новости. Жорес чувствует себя хорошо, девочки заняты платьями, сигнора Элеонора им помогает…

Доротея никогда не называла свекровь матушкой, за что Базиль ее искренне уважал.

– Надеюсь, красивые тряпки отвлекут Нору от физиономии супруга. Где она, кстати?

– В розовом будуаре, там две швеи и сигнора.

– Прекрасно. Они обо мне раньше вечера не вспомнят, так что я могу заняться своими делами.

– Безусловно, но не думаю, что вам стоит пить.

Прелестно, его уже считают пьяницей.

– Я замерз, и вряд ли мои родственнички будут счастливы, если завтра я буду чихать на венценосную пару. Так что сейчас мне придется выпить. – Базиль еще раз склонился к руке невестки и, напевая ифранскую песенку о пользе вина, вышел.

Предстоял скучный и склочный вечер. Надо постараться не перессориться с матерью и Жоресом накануне семейного торжества, чтоб его. Граф лениво обошел свои покои, снова показавшиеся ему чистым, аккуратно прибранным склепом, сменил одежду, выпил принесенное пажом подогретое вино, полистал какие-то книги, посидел в одном кресле, пересел в другое, немного подумал, вызвал слугу и потребовал еще вина. Лакей вышел с невозмутимым лицом, но Базиль понял, что тот приказа не одобряет, ну и Проклятый с ним. Будущий родич Его Величества Пьера Седьмого встал, подошел к окну, полюбовался на вымощенный булыжниками двор и увитые белыми и розовыми лентами гирлянды над воротами, еще раз обошел комнаты, взял книгу об атэвской охоте, открыл, закрыл, поставил назад. Вошел слуга с подносом, на котором, кроме кувшина и кубка, лежало запечатанное письмо.

Два скрещенных павлиньих пера… Морис Саррижский, давно не виделись. Базиль сломал печать – ифранец приглашал его на ужин. Неплохо, с ним он, по крайней мере, не поцапается, да и домашние придираться не станут. Граф Мо повернулся к лакею:

– Я тебя не видел раньше. Как тебя зовут?

– Жиль.

– Передай графу Аганнскому и сигноре, что я принял приглашение герцога Саррижа и уехал. Буду поздно.

– Слушаюсь, монсигнор.

Забавно! Слуги сами додумались, или это Жорес велел обращаться к хозяевам как к принцам крови… Как пуделя ни назови, волком не станет, так, кажется, про них говорили. Про них и про Тагэре…

Морис остановился в ифранском посольстве. Раньше на его стенах и на стенах прилегающих домов то и дело появлялись надписи, сообщавшие об отношении мунтских студиозусов и молодых нобилей к Пауку и его потомству. Теперь стены были чистыми – при Тартю говорить и тем более писать становилось опасным, впрочем, ему-то какое дело… Базиль спешился, что-то кому-то сказал о морозе, отдал плащ лакею и прошел в отведенные Саррижу апартаменты.

– Рад тебя видеть.

– А я еще больше рад, ведь ты избавил меня от тихого семейного ужина. Но, признаться, я несколько удивлен.

– Тебя ищет один человек. Он не очень хочет, чтоб об этом знали, а к особняку Вилльо, если ему верить, незамеченным не подойти.

– Да, это так. Но я никого не ждал, что это за сигнор?

– О, – Морис улыбнулся, – это не сигнор. Я бы принял его за стражника или вышибалу, но он принес кошелек с вашим гербом, в котором, по его словам, лежит письмо. Возможно, его прислала какая-то красотка?

– Красотка? Вряд ли… – Граф Мо внимательно посмотрел на собеседника. – Что такого сказал этот вышибала, что ты решил мне написать? И почему ты вообще стал с ним разговаривать? Где он, к слову сказать, к вам прицепился?

– Здесь. Он или откуда-то узнал тайное слово, или оказался очень ловким, так как посольства в Мунте стерегут крепко. Видимо, Его Величество не хочет, чтобы арцийцы надоедали иноземным послам. Как бы то ни было, твой пьянчуга сумел обойти все запреты, это свидетельствует в его пользу. А почему я тебя вызвал… Сам не знаю… Этот бражник держался не как вымогатель или попрошайка, а как человек, выполняющий свой долг, вот я и написал. Если я ошибся, мы займемся куропаткой в вине, но сначала прочти письмо, а я сейчас вернусь.

Сарриж вышел, оставив Базиля наедине с его собственным кошельком. Граф повертел в руках вещицу, пытаясь вспомнить, кому и когда мог ее отдать. А может, он ее потерял или у него украли или отобрали? Кэрна? Нет, Рафаэль и его приятели ничего у него не взяли. В Гваре? Не похоже… А, Проклятый с ним! Гризье развязал тесемки и вытряхнул письмо.

«Сигнор, – почерк был корявым и явно незнакомым, – вы мне подарили этат кашилек, штобы я кое за кем приглядел в ваше отсутствие. Теперича я жыву в другом мести но я должон вам коишто пиридать и расказать сигодня и завтра вечерам и ночйу я буду ждать сигнора в гастинице ципной пес што на биригу луферы напротив ричнога замка пусть сигнор аденится так штобы иго ниузнали и закажыт баранйу ногу сгарохам два куфшына ифранскава белава и яблоки с жоным сахаром я падайду».

Базиль в изумлении вглядывался в записку неведомого грамотея. Шутка? Нет, вряд ли… «Буду ждать сигнора в гастинице ципной пес што на биригу луферы напротив ричнога замка…» Доротея права, надо пить поменьше! Как он мог забыть?! Караул-декан из Речного Замка. Он и впрямь дал ему кошелек, чтобы тот присматривал за Филиппом и Алеком. Морис оказался прав, дело

и впрямь важное.

– Кажется, я не ошибся, – ифранец уже стоял в дверях, – ужин будет подан через четверть оры.

– Морис, могу я попросить об одолжении?

– Разумеется, тем более я еще не отплатил тебе за берет.

– Пустое… Мне нужно отлучиться, но так, чтобы считали, что я все еще здесь.

– Нет ничего проще, из любого посольства можно выбраться незаметно, а уж из ифранского… Покойный Жозеф посылал в Арцию не божьих вестников, а шпионов. Сейчас подадут ужин, слуги полюбуются на нас, а потом я их отошлю. Тебе нужно сменить одежду?

– Это было бы просто замечательно. Темный плащ с капюшоном и, если найдется, парик.

– Найдется. С удовольствием посмотрю на тебя с темными волосами.

2895 год от В.И. 21-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Свадьба обходилась безумно дорого. Король еще раз перечитал представленный список и поморщился. Вычеркивать было нечего, он не должен подать повод для очередных насмешек. Анхель не жалел денег на увеселение нобилей и простонародья, да и Филипп с Александром скупцами не были; хотя горбун пиров и охот не любил, но традиции Арроев соблюдал. Значит, и ему придется поступать так же, хотя бы первое время, но денег было жаль. Природная скупость Пьера, усиленная пребыванием в качестве приживальщика при дворе Паука, с воцарением не только не исчезла, но расцвела буйным цветом. Раньше он трясся над каждым аргом, теперь страдал из-за сотен и тысяч ауров, которые приходилось выпускать из рук, оплачивая наемников, клириков, шпионов. Раньше он мучился, когда платил за свечи и полотно для нижнего белья, теперь страдания многократно увеличились. Но шпионы хотя бы служили долго, а бумажные гирлянды и цветные фонарики и нужны-то всего на несколько ор, а трат как на хороший гарнизон. А еще туалеты, вина, мясо, фрукты, подарки… Впрочем, знатные гости и послы подарят больше, чем выпьют и съедят. Хоть это радует, только б обошлось без неприятностей.

Пьер наморщил лоб и принялся думать о завтрашнем дне. Виконт Эмразский с самого детства привык предполагать худшее, чтобы быть к нему готовым и, если что, знать, что делать. Итак, что может случиться плохого? Народные волнения? Вряд ли…

Мунт подавлен, а не взбешен. Короля простонародье еще не уважает, но уже боится. Нет, тут сюрпризов не предвидится, разве что в столицу проберется Кэрна. Мириец для Пьера прочно превратился в подвешенный над головой меч. Тартю не сомневался, что лучший друг Александра жив. Король старался не думать о Рафаэле, но то и дело вздрагивал и оглядывался, ожидая появления своего врага из-за каждой занавески.

Спору нет, новая гвардия, маги с Кристаллами и циалианцы казались надежной охраной, но… Но Жорес Аганнский слеп, а след Кэрны потерян. Итак, первая опасность – это байланте. С него станется убить прямо на брачном ложе. Надо принять дополнительные меры безопасности. Тартю написал на бумажном огрызке «Гаэтано» и стал думать дальше. Следующей трудностью были новые родичи. Ссориться с Вилльо, пока Элеонора не родит наследника или хотя бы не забеременеет, нельзя. Но и потакать им незачем, он не Филипп и не намерен кормить всю свору за свой счет. Нет худа без добра, проклятый Кэрна избавил его от самого сильного, самого умного и самого жадного из всей шайки. Но с Реви, Элеонорой и особенно Базилем ухо держать придется востро. Что им сказать, если они спросят о мальчишках?

Гризье наверняка потребует свидания, прошлый раз он, будучи пьяным, силой вломился в Речной Замок. Что будет, если он узнает правду? Что будет, если узнает правду будущая теща? Реви и его братца Пьер не боялся, те будут молчать и… просить золота. Тоже нехорошо, но от вымогателей со временем можно избавиться, а Базиль непредсказуем, особенно когда напьется, а на свадьбе он напьется обязательно. Тогда пусть напьется до положения риз, надо за этим проследить… Было бы славно, если б Гризье сломал шею на какой-нибудь охоте, но он умудрился подружиться с герцогом Саррижем, это может пригодиться.

Как ни странно, граф Мо оказался неплохим дипломатом – вернулся из Гвары, завел друзей в Авире… Вот пусть там и сидит, пока все не утрясется и пока не понадобится вырываться из паучьих объятий. Дядя Саррижа по матери женат на племяннице Жозефа, на этом можно сыграть, но сначала свадьба. Кроме Кэрны и Вилльо, короля беспокоили пирог, брачная ночь и проклятые кошки, которые в последнее время как в воду канули. Проще всего было поверить, что гофмейстер нашел и наказал вредящих королю слуг, но Тартю никогда не полагал самый простой ответ верным. С преследовавшими его котами что-то было не так, и их исчезновение не только радовало, но и тревожило. Если испортившие коронацию твари испоганят и свадьбу, ему не поможет даже Анастазия. Та клянется, что скоро он сможет забыть о мальчишках, хорошо бы, хоть это…

– Ваше Величество! Пироги доставлены.

– Несите.

Повар в белом колпаке внес огромное сооружение, разукрашенное взбитыми сливками и засахаренными фруктами. Точное подобие свадебного пирога, который положено разрезать молодому. Корку нужно отделить так, чтобы она не развалилась на куски, это обещает счастливую семейную жизнь и многочисленное потомство.

Сломать верх пирога – дурная примета и свидетельство слабосильности жениха. Конечно, на свадьбе треклятого мирийца или покойного Филиппа, знаменитых своими любовными похождениями, над испорченным пирогом лишь посмеялись бы, но Пьеру с женщинами не везло. Если конфуз с молодой женой, буде он произойдет, можно скрыть, то пирог придется резать на глазах сотен приглашенных. Тут ошибки быть не должно.

Король взял нож и всадил в подрумяненное тесто. Сначала все шло хорошо, но примерно на середине корка треснула. Как и его надежды на скорую победу. Пьеру сны снились редко, тем более – цветные, вот он чуть было и не принял бред за действительность. Вообразил себя бессмертным властелином, которому служат сам великий Анхель и Филипп Тагэре! А это был сон, такой же сон, как разгуливающий по дворцу Тагэре. Второй пирог тоже был безнадежно загублен, а за ним и третий. Пьер отшвырнул нож. Случись такое на пиру, весь двор за его спиной будет хихикать и многозначительно переглядываться.

– Ты, – король сжал губы так, словно пироги угробил не он, а повар, – испеки еще два. И добавь в тесто что-то, чтоб оно не крошилось.

– Осмелюсь доложить Его Величеству, – рецепт свадебного пирога не менялся со времен Святого Анхеля.

– Меня это не касается. Если корка сломается, ты и твои помощники окажетесь в дюзе. Если проговоришься – тоже.

2895 год от В.И. 22-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Когда младший сын соизволил спуститься вниз, Элеонора Гризье была готова его убить. Ночные возлияния с ифранским приятелем не прошли даром, выглядел Базиль отвратительно. Бледный, под глазами темные круги, хорошо, хоть оделся, как положено графу Мо, а не заштатному нобилю. Как жаль, что вести сестру к алтарю будет он, а не Жорес. Бывшая королева хотела было сделать Базилю замечание, но передумала. Начинать ТАКОЙ день со ссоры было не правильно. Сынок напился вчера, а сегодня

– это сегодня.

– Матушка, – похоже, он тоже понимает, что виноват, по крайней мере, дурака не валяет, – я готов.

– Вы когда вернулись?

– Не помню, но поздно… Если желаете, можно узнать у Саррижа.

– Не желаю. Надеюсь, вы помните свои обязанности.

– О да.

От необходимости продолжать разговор их избавила Нора. Невеста в нежно-голубом платье, отделанном мирийскими кружевами и мелким жемчугом, была ослепительна, и Элеонора почувствовала прилив гордости и удовлетворения.

– Нора, ты все помнишь?

– Да, матушка.

– Ты красива, как принцесса из сказки, – заметил Базиль, – но туфли лучше заменить. Не дело, если женщина выше мужчины, тем более такого…

– Базиль, – в голосе Элеоноры зазвенел металл, – вы опять за свое?

– Как хотите. Но я буду не я, если Тартю к весне не запретит женщинам носить каблуки.

– Почему? – В голубых глазах невесты было недоумение. Брат не ответил, пожал плечами и отошел к окну. Видимо, после вчерашнего болела голова.

Элеонора еще раз поправила серебряную вуаль, украшавшую головку дочери, высвободив солнечный локон, якобы случайно выбившийся на волю. Нора не любит Пьера, но это ерунда. Потерпит! Главное – наследник, а дальше… Дальше Пьер может отправляться вслед за Жаклин, а регентом при малолетнем короле станет ближайший родич королевы. Видимо, Фернан, а она так надеялась на Жореса. У старшего сына, единственного из всей семьи, ум государя, если, разумеется, не считать ее саму, но женщина не может быть регентом. Или может? Надо поговорить с Ее Иносенсией. Нора станет регентшей, а ее мать истинной правительницей, но пока об этом не должен знать никто, и особенно Базиль с его пьянками и глупыми шутками. Хорошо, что Пьер его отослал, в Ифране он ни о чем не догадается.

В наблюдательности младшего сына Элеонора убедилась после его возвращения из Гразы, когда Базиль прямо-таки с цепи сорвался. Порой кажется, что в глубине души он сочувствует горбуну и мирийскому мерзавцу. Хорошо, хоть при людях молчит, зато Филипп до сих пор отказывается видеть родную мать, обвиняя ее в предательстве.

Ничего, со временем оба поймут, что все, что она делает, она

делает ради семьи. Филипп рано потерял отца, вот и влюбился в своего дядю, вернее, в его военные подвиги. Подрастет – поумнеет, хотя королем ему уже не быть. Элеонора была почти довольна, что Филиппа держат в Речном Замке, – Пьер мнителен, он мог бы вообразить, что мальчика против него настраивают родичи, а этого допустить нельзя…

– Сигнора, – Доротея, одетая в вишневое платье с золотым поясом-цепью, показалась на лестнице, – мы готовы. Спускаться?

– Можете, – откликнулся стоящий у окна Базиль, – кортеж прибыл. Нас осчастливил самый маршальский из арцийских маршалов, он же отчим нашего жениха.

– Мы с супругом сейчас будем. – Графиня Аганнская исчезла, а граф Мо повернулся к сестре:

– Все, голубушка. Можешь опускать вуаль, и да помогут тебе все святые, сколько бы их ни было.

2895 год от В.И. 22-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

Невеста и ее брат были потрясающе красивой парой. Нежная девушка в голубом и высокий рыцарь в черном и сиреневом с напряженным бледным лицом, на котором жили только глаза. Кардинал Клавдий понимал короля, отославшего графа Мо в Ифрану. Базиль был слишком хорош собой, чтобы стоять рядом с троном Его Величества Пьера Седьмого, не говоря уж о его то ли глупости, то ли дерзости. Надо было додуматься! Притащить во дворец мертвые головы. Нет, с таким капитаном гвардии, хоть старой, хоть новой, далеко не уедешь.

Клавдий не сомневался, что в глубине души Тартю ненавидит новых родственничков за красоту, богатство и наглость, но терпит. Потому что они ему ровня – Вилльо такие же выскочки, как и Тартю, а значит, подходящие союзники против старых фамилий, которые хоть и были ранены в Гразе, но их еще добивать и добивать…

Невидимый хор третий раз повторил «Радуйся, голубица», Его Высокопреосвященство степенно вышел вперед и возгласил:

– Знает ли кто, видел ли, слышал ли что-то, порочащее богобоязненного и благородного Пьера из дома Лумэнов? Что-то, что могло бы оттолкнуть от него сердце невесты, вручающей ему свою руку и свою девичью честь?

Знает ли кто, видел ли, слышал ли что-то, порочащее невинную и прекрасную Элеонору из дома Тагэре? Что-то, что может оттолкнуть от нее сердце венценосного жениха, дающего ей свое незапятнанное имя и избравшего ее матерью своих

наследников?

Слова кардинала прозвучали громко и отчетливо, и ответом им была тишина. Последний (и первый) раз бракосочетание в главном храме Мунта было прервано, когда злополучный Филипп Второй сочетался браком с дочерью герцога эстрийского. Тогда влюбленный в девицу нобиль прорвался к Возвышению и поклялся Святым Эрасти, что жених – мужеложец. Это знали многие, но отчаянный поступок закончился тем, что невеста сказала у алтаря «Нет». Кажется, она потом вышла за наглеца, принадлежавшего роду Мальвани, а злополучный Филипп два года спустя женился на золотоволосой оргондке, которая его потом и свергла.

О прискорбном случае забыли почти все, но не Пьер. На венчание пускали лишь надежных и верноподданных. Командор городской стражи и капитан новой гвардии не подкачали. В храме Святого Эрасти не оказалось никого, кто посмел выступить против короля. Особо тщательно искали маркиза Гаэтано, который, по мнению короля, мог выбрать для своей мести день свадьбы, но Кэрна исчез.

Вздохнув с облегчением (схватка могла закончиться плачевно не только для стражников и короля, но и для Его Высокопреосвященства, панически боявшегося пик, мечей и арбалетов), Клавдий спустился к жениху и невесте. Пьер в алом одеянии Волингов с напряженным лицом стоял между матерью невесты и своим безгубым отчимом.

Выждав положенное время, Клавдий поднял руку.

– Сим свидетельствую, что нет в Арции никого, кто знает дурное о женихе и невесте. Приблизься же, дева.

Хор запел «Она приближается». Элеонора Тагэре, грациозно опираясь на руку Базиля, пошла вперед. Рядом с ней, чуть отставая, шла мать жениха в пышных алых шелках. Шлейф невесты несли две ее младшие сестры. Девушка и ее спутник церемонию знали прекрасно. Они оказались у ковра, на который уже взошел жених, как раз вовремя: хор пропел «Она вручает себя любимому, и небеса любуются ее чистотой». Базиль не заступил на ковер, что было бы дурной приметой, а изящно опустился на одно колено у самого края. Пьер шагнул навстречу суженой и откинул серебряную вуаль. На какое-то время все трое замерли. Ослепительная златокудрая красавица, невзрачный человечек в красном, с королевской цепью на тощей шее и коленопреклоненный рыцарь, в лиловых глазах которого промелькнула и погасла тяжелая, неизбывная ненависть. Его Высокопреосвященство почел за благо решить, что все дело в освещении.

Базиль Гризье не был пьян, и голова у него не болела, у него вообще не болело ничего, кроме души, в существование которой он, к слову сказать, не верил. Когда жирный кардинал спросил, не знает ли кто-то чего-то, порочащего жениха и препятствующего браку, Базиль чуть было не сказал, что знает. И промолчал, потому что это было бессмысленно. Потому что мертвых не воскресить. Потому что он – Гризье, а не Мальвани или Кэрна, слову которых бы поверили, а не слову, так мечу… И Базиль вложил ручку сестры в вялую руку убийцы братьев. А на поясе у него висел футляр с предсмертными письмами Филиппа, переданными ему пропившим службу, но не совесть и не память бывшим караул-деканом Речного Замка. Базиль отдавал ему все деньги, которые у него были, но Ив Сашни не взял. Встал и ушел куда-то в ночь, красномордый усатый толстяк, последний, кто видел братьев живыми, кроме убийц, разумеется.

Сашни клялся, что монсигнор Рунский приказал ему напиться и не вмешиваться, и Базиль ему верил. Брат многому научился у Александра Тагэре и Рафаэля Кэрны. Граф Мо почти не сомневался, что Филипп прикончил своего наставника, которого с тех пор никто не видел. Утром в комнату свободного от дежурства Сашни заглянул декан новой гвардии: Чужак явно проверял, не заприметил ли караул-декан чего-то не правильного, а потом, брезгливо скосив глаз на пустой кувшин, заметил, что монсигнор Рунский и монсигнор Марцийский вывезены из замка в провинцию, так как нуждаются в свежем воздухе, о чем не следует никому говорить, так как принцы путешествуют под чужими именами. Сашни попытался попасть в комнаты мальчиков, но они были заперты.

«Да будет сей союз благословен многочисленным потомством и многими годами», – промычал Клавдий. Пьер надел на пальчик Норы кольцо, хор завыл что-то о богоугодности молодых. Невеста очаровательным жестом оперлась на руку короля, следом за ними с венцами встали отчим жениха и мать невесты, которая ничего не знает. Проклятый, как же она довольна. Как же, мать королевы, думает, что на Пьере можно ездить, но от этой плесени все еще наплачутся. Убийца, узурпатор, ублюдок и… венчанный король Арции, и, похоже, надолго. Базиль не был в Мунте несколько месяцев, но вернулся он в другой город. Новая гвардия, новые порядки, синяки, циалианки, наемники и тревога. Рука графа невольно коснулась футляра с письмами. В руках Жоржа Мальвани они бы стали грозным оружием.

Церемония закончилась. Нора стала супругой Тартю,

простите, Пьера Седьмого Лумэна. К потолку поднимались клубы ароматного дыма, свечи сгорели примерно наполовину, венценосная пара ступила на алую дорожку, украшенную изображениями золотых и серебряных нарциссов. Потомок лумэновского бастарда и незаконная дочь короля Тагэре. Король и королева страны, на престоле которой не должно быть кошачьих отродий…

Молодые прошли мимо Базиля, затем, опираясь на руку Рогге, шурша шелками, проследовала матушка. Граф Мо, как и следовало, подал руку Анжелике Фарбье-Тартю-Стэнье, а ныне – матери государя. Та улыбнулась и поблагодарила. Базиль сказал дежурную любезность, а ведь он мог бы убить ее сына. Именно так должен был поступить этот проклятый Леонард, про которого читал Филипп. А Эжьер так и поступил.

Интересно, куда делась книжка и где похоронили мальчишек. Долг нобиля – убить убийцу родичей, а долг арцийца – прикончить узурпатора, но разве может «пудель» спасти отечество и честь? Нет, ему положено хвостом вилять. Это Кэрна мог посреди площади напасть на Жореса и выйти сухим из воды, а у Гризье не получится. Как бы он ни задирался с матерью, она ему мать. Он не хочет, чтобы ее растерзала толпа или чтоб ее бросили в Речной Замок. Жорес сейчас без помощи от порога до кровати не доберется, но все равно хочет жить, и у него двое детей и Доротея, которая тем более ни в чем ни перед кем не виновата. Так же как Нора и Эстела с Раймондой.

Они все связаны одной веревкой, они все Вилльо-Гризье. Если он прикончит Тартю вместе с Селестином, семье не уцелеть. Кто бы ни захватил власть, головами Вилльо-Гризье откупятся от толпы, свалив на них все прегрешения и пакости, которые творились в арцийском королевстве, а из Пьера сделают святого.

В прямом смысле сделают. Клирики постараются, они и так из кожи вон лезут, превознося его благочестие и богоугодность. Против клириков не попрешь, разве что если ты Мальвани или Тагэре, в которых в Арции верят не меньше, чем в Триединого. Нет, убить Пьера он не может и сказать правду тоже не может. Зачем? Мальчишек не разбудишь… Что изменится, если мать поймет, что, спутавшись с ублюдком, прикончила собственных сыновей? Она сегодня счастлива и горда, пусть радуется, последние годы ей было невесело. И Жоресу он ничего не скажет, ему ни до чего нет дела, кроме своих горестей и ненависти к Кэрне. На Алека и Филиппа, заявившего, что мириец был прав, жалости брата не хватит, а ссориться с калекой подло и пошло. Про девчонок и говорить не приходится, да и тайну хранить они не сумеют.

Выходит, взять завещание брата и сжечь или закопать? Все равно оно ничего не изменит, а изменит, так только к худшему. Тартю пришел надолго, если он подохнет, клирики и Паучиха найдут кого-то взамен. Арции лучше не будет, а Вилльо вряд ли выплывут. Он не Леонард Аррой, он Базиль Гризье, он будет вилять хвостом и жрать из королевской миски. И вообще скоро он вернется в Авиру.

– Я возвращаюсь в Авиру, моя сигнора. – Базиль вежливо смотрел в глаза Анжелике Фарбье, соображая, какого они цвета. А брови старая грымза чернит, и выглядит это отвратительно. Да и красные пятна на материнских щеках выглядят не лучше. Когда пожилые женщины, наконец, поймут, что краски и яркие тряпки не добавляют им красоты, а пожирают ее остатки…

– Вам удивительно идут эти серьги. Простите, я не очень хорошо разбираюсь в камнях. Что это?

– Эллские изумруды, они обладают двойным блеском.

– Изумруды? Но, моя сигнора, я всегда полагал, что изумруды зеленые.

– Базиль, – Анжелика игриво сжала его руку, и граф поймал себя на том, что его тошнит, – подождите, пока мы выйдем на улицу…

До выхода надо еще дойти, а святые и угодники смотрят на стадо негодяев, расположившееся в их доме, и молчат. Или обедают, если согласиться с казненным за ересь Альбином Авирским, полагавшим, что нимбоносная братия питается молитвами и светом от свечей и лампад. Сегодня небесную свору накормили досыта, сейчас придет очередь земной. Пьер скуп, как дарнийский ростовщик, но он играет в Анхеля. Столы будут ломиться от жратвы и выпивки, а завтра король придумает, как и с кого содрать очередную шкуру. И Проклятый с ним!

Базиль Гризье уедет вместе с Морисом, и пусть делают что хотят! А Леонард на его месте все-таки прикончил бы Тартю… Или нет? Безупречный герцог сломался на сыне, а тут мать, брат-калека, три сестры, племянники, и все хотят жить.

– А теперь, Базиль, смотрите!

– Святая Циала! Что это?! Они и впрямь зеленые, хоть и светлее изумрудов.

– Это не простые изумруды, а эллские, при свечах они красные, а на солнце – зеленые.

– Моя сигнора, вы меня потрясли.

– Прекратите меня так называть, вы брат Норы, она теперь мне дочь, значит, вы почти что сын. Или, – Анжелика улыбнулась, – племянник.

– В самом деле? Вы рискуете, я не слишком хороший человек.

– Вы – несносный мальчишка…

Проклятый, когда же конец? От Анжелики его избавил Стэнье, подхвативший супругу под иссохшую лапку, но Базиль попал из огня да в полымя. Мать сияла и была полна надежд, граф Мо слушал ее сытое мурлыканье, а перед глазами стояла комната в Речном Замке со старым оружием на стенах, радостная улыбка Алека, недоверчивый взгляд Филиппа. «Я сожгу твои письма, брат. Прости меня, я не могу иначе».

Пир и впрямь был роскошным, по крайней мере для Тартю. Молодая сияла красотой, король значительно и серьезно целовал жену, касался тонкими губами бокала и ставил его на стол под крики гостей. Раймонда и Эстела были окружены поклонниками, мать восседала рядом с Его Высокопреосвященством, почтившим пир своим присутствием. Правда, до буйного веселья было далеко. Гости чинно обменивались замечаниями о красоте Элеоноры-младшей и государственном уме Пьера, а также о том, что наконец-то золотые и серебряные нарциссы воссоединились во славу Арции. После кардинала говорил маршал, затем пришла очередь послов, преподносивших венценосной чете подарки.

На специально поставленном столе росла гора драгоценных предметов. После иноземцев за дело взялись арцийские нобили, и их подношения иначе чем взятками назвать было нельзя. Крылья носа жениха трепетали, груда подарков его возбуждала сильнее, чем красота сидевшей рядом с ним девственницы, которая скоро станет его. Наконец подношения иссякли, и внесли свадебный пирог. Огромный, политый чоколатой и обсыпанный орехами, украшенный живыми цветами и бумажными фигурками. Сейчас Его Величество его разрежет, и оттуда вылетят голубь и голубка, после чего все выпьют стоя и до дна, и мать и свекровь уведут невесту, чтобы подготовить к брачной ночи. Вслед за ними зал покинут дамы и духовенство, и оставшиеся мужчины начнут веселиться в свое удовольствие.

Пьер Тартю встал, гофмейстер подал ему нож с белой костяной ручкой, инкрустированной перламутром. Нож и блюдо для свадебного пирога делают лучшие ювелиры, потом эти вещи хранятся в доме «на счастье». Пьер вонзил нож, умело вскрывая творение главного повара. Верх был отделен и поднят под приветственные крики.

– Какая прелесть, – захлопала в ладоши какая-то дура. Белые птицы взмыли вверх, покружили под потолком и пристроились на карнизе. Жаль, не над Пьером. Голуби умеют гадить, как никто…

Пьер поцеловал Элеонору, она отпила из его бокала, а он осушил бокал невесты и разбил об пол. Базиль не сомневался, что сердце нового родича разрывалось на части. Разбить хаонгский

хрусталь – это страшно, куда проще убить двоих мальчишек. Алек умер во сне, а Филипп в бою. Так думает Сашни. А он, их единоутробный брат, утром отдал Нору убийце, а ночью сожжет завещание, и все будет кончено. Навсегда.

И зачем этот дурак Сашни приперся к нему?! Отдал бы все своему Пикоку, как сначала собирался, так ведь нет! И Филипп хорош, нашел кому доверять – пьянице-стражнику. Но пьяница-то доверие оправдал и даже денег не взял… Знал бы он, что все зря. Филипп просил передать, что любит брата. Всю жизнь ненавидел, а перед смертью полюбил. Проклятый! Их и впрямь больше нет. Обоих. Почему он все время забывает про Алека?!

Анжелика в своих мерзких серьгах, которые вновь стали красными, подошла к Норе, та мило улыбнулась и поднялась. К ним присоединилась и матушка. Опять что-то говорил Стэнье, а потом какой-то вельможа, которого Базиль не знал. Ушла невеста с сопровождающими. Ушел кардинал со своей оравой. Ушли дамы, а мужчины перемешались. Около Базиля оказался раскрасневшийся Морис в роскошном платье цвета павлиньего пера. Стэнье-Рогге что-то громко рассказывал и смеялся, король величественно восседал на своем месте, время от времени приподнимая кубок, за его спиной стояли новые гвардейцы. В храме Пьера еще можно было убить, здесь не получится.

Морис о чем-то рассуждал, кажется, о том, что Раймонда будет еще красивее, чем Нора. Странно, о чем бы он ни заводил речь, получается, что говорит об Антуанетте… Эллский посол опрокинул на себя соусник, барон Эж пытался что-то объяснить новоиспеченному графу Пуйару. Подали мясо. Эта власть надолго, Базиль Гризье. Пьер знает, чего хочет, его не обмануть, мать ошиблась… Еще бы она не ошибалась! Как бы ей ни хотелось вернуться во дворец, она бы не стала жертвовать сыновьями. Нет, он ничего никому не скажет, Пьер уже убил всех, кого хотел, по крайней мере в их семье. Если он займется другими, какое дело до этого одному из «пуделей», это Тагэре для Арции… Филипп не хотел быть Вилльо, вот его и убили, как Тагэре.

– Твое здоровье, Базиль!

– Благодарю, Морис… Так, значит, сразу после турнира?

– Да, не хочу задерживаться и буду рад твоему обществу. Конечно, если ты хочешь остаться…

– Я поеду с тобой. А теперь твое здоровье!

Он никому ничего не должен, ему плевать на всех. Пусть делают что хотят, а он ни при чем. Он не слышал ни одного хорошего слова про себя ни от кого. И от Филиппа не слышал. До сегодняшнего дня. Занятно, о чем думал Клятвопреступник,

прежде чем нарушил клятву? Проклятый, как же все нализались, а Пьер уже ушел. Интересно, сможет он сделать что-то с Норой или нет? Сможет, если уж он с пирогом не оплошал, с женой и подавно не сегодня-завтра управится. Опять наливают… Как же громко они галдят, и чего от него нужно барону Эжу, они никогда не были дружны, а теперь он подливает и подливает…

Проклятый

Эрасти Церна поднимался по лестнице в башню, которую приказал себе выстроить Анхель. Мимо не заметивших его стражников. Мимо ослепших и оглохших слуг. Мимо синяков с Кристаллами. Мимо рыцарей с ожерельями из кохалонга поверх молочно-белых туник. Его не видели и не чувствовали, а он мог уничтожить их всех или же кого-то одного, мог сжечь дворец Анхеля так же, как сжег циалианский храм, мог заставить всех обезуметь и перебить друг друга. Он многое мог.

Покои Анхеля стояли запертыми с того самого дня, как великого императора нашли мертвым. Последующие властители старательно поддерживали все так, как было при Светлом. После коронации и в дни поминовения императоры и короли в сопровождении свиты поднимались сюда, чтобы выпить чашу вина, потом тяжелую, обитую бронзой дверь вновь запирали, но какие запоры могут остановить Проклятого?! Тяжелые створки послушно отворились, и Эрасти вошел в приемную. На стенах по-прежнему мерцало оружие, а под ногами лежали ковры из медвежьих шкур. Здесь он встретил Циалу и, не желая того, убил предавшего его друга. Он не думал, что придет сюда еще раз почти с той же целью, что и полторы с лишним тысячи лет назад, хотя для него минуло всего несколько лет. Церна усмехнулся, вспоминая свои благие намерения и то, к чему они привели.

Анхель умер в кабинете, но Проклятый сначала зашел в спальню, где Циала ждала своего августейшего любовника. Узкая кровать была целомудренно закрыта кожаным покрывалом. Любопытно, как Анхелю с Циа хватало на ней места, а может, они занимались любовью на шкурах у камина… Эрасти задумчиво коснулся рукой резной спинки. Пусто, так и должно быть. Циала не может вернуться, так как по незнанию избрала смертную участь, предпочтя земную власть вечности. И хорошо, страшно подумать, что б она натворила, обретя бессмертие и Силу. Что-то мелькнуло в углу. Паук! Проклятый засмеялся и произнес короткое слово. Теперь маленький ткач будет жить очень долго и вырастет прямо-таки огромным, если, разумеется, им с Геро и

Рене удастся отстоять право Тарры на существование. Именно за этим Черна сюда и пришел. И еще за тем, чтобы окончательно избавиться от болезни, которую он долгое время считал любовью.

Черна кивнул так и не осознавшему своего счастья паучку и покинул императорскую спальню. А вот кабинет изменился. Кому-то пришло в голову усадить в черное кожаное кресло восковую персону Анхеля. Работа была хорошей, даже слишком, но воск – это воск, а человеческая плоть – это человеческая плоть.

По странной случайности неведомый скульптор усадил свое творение в той самой позе, в которой Эрасти застиг настоящего Анхеля. Император что-то писал, склонив поседевшую голову, но сжимавшая перо желтоватая рука не двигалась, и от этого и еще оттого, что свет зажженного Черной шара был ярким и неподвижным, казалось, что время остановилось. Проклятый щелкнул пальцами, и шар погас, зато вспыхнули заботливо вставленные в шандал высокие свечи. Их огонь был живым, и наваждение растаяло. Эрасти удовлетворенно улыбнулся и устроился в обтянутом кожей глубоком кресле напротив воскового побратима. Клепсидра на каминной полке, перевернутая незваным гостем, отмеряла десятинки. Проклятый ждал. Он будет ждать день, два, месяц, но дождется.

2895 год от В.И. Ночь с 22-го на 23-й день месяца Вепря
АРЦИЯ. МУНТ

Граф Мо, шатаясь, спустился во двор и потребовал Бретера. Он был сильно навеселе и находился в самой удручающей разновидности опьянения, когда человек на ногах еще держится, но соображает плохо и в придачу становится упрям, как стадо ослов. Главный конюх попытался урезонить королевского шурина или, по крайней мере, навязать ему провожатого, но Гризье схватился за меч, и его оставили в покое. Сломает шею, и Проклятый с ним. Того же мнения придерживались и королевские прознатчики, наблюдавшие, как граф препирался со слугами, ругался, распутывал безупречно лежащие поводья и, роняя какие-то вещицы, забирался в седло. Среди знающих людей бытовало мнение, что несчастный случай с Базилем никого не огорчит, но взять на себя роль провидения без приказа и оплаты вперед никто не спешил. На пьяного графа махнули рукой, тот направил коня в сторону от ворот, доехал до стены, выругался, развернул жеребца и на этот раз таки выбрался на улицу Святого Мишеля. Слуги и прознатчики, проводив удаляющийся силуэт взглядом, вернулись в тепло.

Гризье медленно доехал до Ратуши, пересек рыночную площадь, свернул в какой-то переулок и остановил коня. Движения его стали четкими, быстрыми и настороженными. Базиль ждал, но было тихо. Через пол-оры он снял золотую цепь, а потом сбросил плащ, спешился, вытащил нож и обрезал подпругу, после чего поставил ногу в стремя, словно пытаясь сесть в седло. Подпруга лопнула, но ожидавший этого Гризье не свалился, а с коротким злым смешком спрыгнул на землю.

– Бретер, домой! Домой, кому говорят…

Жеребец согласно фыркнул и исчез, Базиль поднял плащ, вывернул его наизнанку и вновь надел. Проверил притороченный к поясу кошель и быстро пошел в сторону Льюферы. Дом графов Трюэлей казался необитаемым, но Гризье и не подумал стучать в парадную дверь. Обойдя особняк, он ловко влез на стоящий у самой стены каштан, оттуда на стену, по которой прошел до примыкающего к ней вплотную флигеля. Окно во втором этаже светилось, и до него можно было дотянуться. Базиль постучал один раз, другой. Послышался скрип открываемой рамы и простуженный шепот:

– Кого Проклятый принес?

– Мне нужен Базиль Пикок.

– Кому это я среди ночи сдался?

– Неважно. Вам просили передать. Некто, служивший в Речном Замке. Бедняга слишком толст, чтобы лазать по деревьям.

– Но кто вы?

– Случайный прохожий. Я не в ладах с законом, сигнор, но в ладах с крышами и окнами. Забирайте подарочек и прощайте…

Проклятый

Первыми появились кошки. Шесть изящных крылатых теней с горящими золотыми глазами. Эрасти слегка шевельнул рукой, и твари, расценив это как приглашение, облепили его со всех сторон. Они были одного поля ягода и могли не церемониться друг с другом. Обычный человек, окажись он в эту ночь в покоях Анхеля, увидел бы красивого нобиля и пристроившихся у него на коленях и плечах короткошерстных остромордых кошек, но старый хозяин обладал иным зрением и иным знанием. Все повторилось. Удивление, сменившееся ужасом, беспомощный и нелепый жест, бессвязные слова.

– Хватит, Анхель. – На сей раз Эрасти знал, что делать. – Возьми себя в руки. Нам нужно поговорить.

Самая большая из кошек подняла морду и уставилась на

пришельца, словно подтверждая слова Проклятого. Статный пожилой человек в алом медленно опустился в кресло напротив Эрасти. Теперь в кабинете было два императора, и еще вопрос, кто казался более живым.

– Сначала покончим со старым. – Рука Эрасти коснулась кошачьей спинки, холодной и жесткой, как эллский гематит. – Без этого не обойтись. Ты меня предал, старый друг. Послал на смерть, а потом надавил на Церковь, чтобы меня объявили святым. Твои сообщники привезли тебе твое же кольцо вместе с моими руками, и ты выставил их в храме, с помощью магов сделав нетленными. При таких доказательствах ты не мог усомниться в моей смерти и вместе с тем чуял, что это не так. Мы были слишком связаны, чтобы не знать, на каком кто свете, хотя в те поры оба были людьми. Я правильно говорю?

– Да, – с трудом выдавил из себя бывший император. – Эрасти, пойми…

– Я давно все понял. Сегодня ты для меня значишь не больше, чем дарнийский ювелир, всучивший нам за твой последний бриллиант фальшивые ауры. Я не хотел твоей смерти, мне была нужна твоя помощь, но ты испугался.

– Нет, – глаза Анхеля блеснули, – я испугался не тебя. Я испугался собственного безумия, потому что это был ты, но это не мог быть ты…

– У тебя всегда ум брал верх над сердцем. Сто раз это помогло, на сто первый подвело.

– Как ты меня нашел?

– То, что ты вернулся, я понял сразу, а дальше все было просто. Если Анхель остался Анхелем, он придет в свой дворец в день свадьбы его нового хозяина. Кстати, о дворце. Что ты сделал со своим предшественником и его семьей?

– Раньше ты об этом не спрашивал.

– Раньше я боялся за нашу дружбу. Теперь мне терять нечего.

– Что ж, значит, ты и вправду свободен. А Пурину с женой и детьми я приказал казнить. Они это заслужили, кому это и знать, как не тебе.

– Казнят на площади, если о казни не знает никто, это называется иначе.

– Я ошибся, Эрасти. Ты отнюдь не свободен… от самого себя. Ты и впрямь хочешь знать, почему я не казнил Пурину и Берту прилюдно, а детей не роздал на воспитание честным ремесленникам?

– Нет, потому что знаю ответ. Их убили те же, что потом привезли мне твое кольцо?

– Почему я должен тебе отвечать?

– По сотне причин. Я сильнее тебя. Предав меня, ты совершил первый из Непростимых Грехов, и во время Великого Суда, если он будет, твою судьбу решать мне. Но я не хочу, чтоб он был. И ты не хочешь. Я не стану тебе грозить и тем более взывать к твоей совести, ты от нее отказался. Я взываю к твоему уму и к твоей гордости. Тебе вряд ли нравится быть рабом раба, и ты не горишь желанием вернуться за Грань. Мы можем стать союзниками. Разумеется, на время. Если мы победим, ты вновь попробуешь от меня избавиться…

Анхель вскочил. Кошка, сидевшая на плече Эрасти, сиганула вперед и, оказавшись между бывшими побратимами, выгнула спину и зашипела, расправляя блеснувшие в свете свечей крылья.

– Иди назад! – прикрикнул на бестию Проклятый. – Так как, Анхель?

Кошка сложила крылья, но на плечо к Эрасти не вернулась, а улеглась у его ног в позе льва-стража, не сводя с древнего императора злобных желтых глаз. Анхель Светлый сел, вперив взгляд в висевшую на стене секиру. Церна знал: он думает, чем можно пожертвовать, чтобы спасти главное. Когда-то главным для Анхеля было освобождение Арции от Пурины, и во имя этого он не щадил ни чужих жизней, ни своей. Затем главным стали империя и власть, и ради них он предал сначала себя, потом друга… А что важнее всего для императора сейчас? Новая жизнь? Новая власть? Или все-таки Арция и Тарра? Анхель думал. Эрасти и кошки ждали, Проклятый чувствовал напряжение, охватившее тварей. Они не верили Анхелю, они ненавидели его.

– Эрасти, – император поднял голову, и Церна понял, что тот принял решение и теперь его ничто не остановит, – Тарра принадлежит нам, и только нам. Чужаки нам не нужны, а конец света тем более. Ты хочешь того же, что и я. Мы заключим союз. А Пурину с семьей убили в подвалах Духова Замка, где они решили спрятаться. Говорят, там было очень много крови, но сам я не видел.

2895 год от В.И. 25-й день месяца Вепря АРЦИЯ. МУНТ

– Кто этот Бриан Перше? – поинтересовалась Ее Иносенсия.

– Сын торговца шерстью, – сообщил Камилл Дюбарр, магистр Красной Палаты, выросшей на, казалось бы, засохшем пеньке Тайной Канцелярии. – Надеюсь, вас не смущает его происхождение?

– Если б его отец не наживался на баранах, а сам был бараном, я бы и то возблагодарила судьбу. Никто из здешних

лицедеев и сочинителей и близко не подошел к тому, на чем можно строить заклятие!

– Слушаю Ее Иносенсию, – Селестин Рогге был немало озадачен, – но мне казалось, что драма этого шерстеторговца не совсем то, что нужно. Прошло всего полгода. Люди любили Тагэре, очевидцы живы и в здравом уме. Не лучше ли действовать тонко, постепенно… Для начала могла бы подойти драма господина Курси или то, что представил хозяин театра «Марипос».

– Признаться, я тоже не понимаю ваш выбор, – присоединился к королевскому отчиму Дюбарр, – люди все же, простите за очередное упоминание этих животных, все же не стадо баранов. Горбун, как назло, был чист, как Вестник. Уж мне-то вы можете поверить…

– Кто же может усомниться в ваших словах, почтеннейший? – Циалианка холодно улыбнулась. – Но вы не понимаете, что может магия и чего не может. Нам нужно, чтобы люди считали Александра Тагэре убийцей и чтобы ни у кого не возникало и тени сомнений в отношении как происхождения королевы, так и в причине исчезновения ее братьев. Но магия не всесильна. Мы не можем за одну ночь заставить всю Арцию забыть, что было на самом деле, и поверить в то, что говорим мы. Для этого нам и нужны труппы, которые будут бесплатно развлекать людей. Зевак во время дармового зрелища можно обработать так, что они поверят в виновность родной матери и будут убеждены в том, что знают, как все случилось. Более того, у них возникнет насущная потребность убедить в этом других, которые в свою очередь понесут услышанное дальше. Не пройдет и года, как все станут думать одинаково, а на тех, кто останется при своем мнении, будут смотреть как на сумасшедших или мерзавцев.

– Ваша Иносенсия, вы это уже говорили, – осмелился напомнить Рогге.

– Да, говорила, но я еще говорила, что для этого нужна подходящая пьеса. Те, что так понравились вам, не годятся по одной причине: те, кто их писал, врали и знали, что врут. Они старались угодить новому королю, но прекрасно помнили старого и, выставляя его тираном и преступником, не могли справиться с собственным чувством истины. Даже лучший маг не заставит людей поверить словам этих писак, потому что они сами в них не верили.

Иное дело этот Перше, он действительно ненавидит горбуна и боится его. Он верит в его преступления и хочет, чтобы он был наказан, а добродетель восторжествовала. Для него Александр Тагэре – исчадие ада, а те, кто его уничтожает, – герои и

защитники справедливости. С этой пьеской мы добьемся того, что хотим… Кстати, стоило бы взглянуть и на самого поэта, даже если б он нам не пригодился, он на самом деле хорошо пишет. Наверняка у него есть и другие пьесы. Их мы тоже поставим.

– А эти-то зачем?

– Неужели ты думаешь, что, убедив Арцию, что Александр был плох, мы разом покончим со всяким недовольством? В Ифране и Элле все спокойно, но этот покой дался тамошним монархам недешево. Арцийцы же привыкли слишком много думать и слишком многого хотеть, с ними будет сложно… Труппы должны обновлять представления несколько раз в год, люди привыкнут к бесплатному развлечению. Тогда, когда вновь понадобится сделать белое черным, а я думаю, это будет довольно скоро, мы легко заставим их видеть то, что хотим мы… Я не слишком навязчива в своих объяснениях?

– Слова Ее Иносенсии полны глубокого смысла, – галантно склонил голову Селестин Рогге. – Признаться, я не понимал, как Жозефу удавалось собирать тройной налог и при этом держать армии на трех границах сразу… Но вы хотели видеть поэта, сейчас он войдет.

И он действительно вошел. Бриан заметно волновался, и лицо его блестело от пота. На подкашивающихся ногах брат Армана доковылял до стола, за котором сидели двое богато одетых придворных и ослепительно прекрасная женщина в белом. Бриан поклонился и застыл, преданно глядя в глаза элегантному вельможе с маршальской цепью на шее, однако первой заговорила женщина:

– Мне хотелось бы узнать, почтенный…

– Бриан Перше, – напомнил второй мужчина.

– Да-да… Так вот, мне хотелось бы узнать, как вы написали вашу пьесу, откуда вы узнали о событиях, про которые так убедительно рассказываете. Вы встречались с горбуном?

Пот снова прошиб Бриана – он понял, что его уличают во лжи. Еще мгновение назад казавшаяся столь удачной мысль взять одну из безумных пьес Армана и переписать ее, заменив имена действующих лиц, оказалась смертельно опасной. Сейчас господин в платье с алой оторочкой, оказавшийся – как он сразу этого не понял! – магистром Красной Палаты, арестует его за клевету в адрес коронованных особ. Это, как он сам слышал утром, означает отрубленное ухо и изгнание из Мунта. И как он посмел замахнуться на пусть и покойного, но короля. Хотя… Он не намерен отвечать за выходки Армана, который не только сидит у него на шее, но и пишет такие опасные вещи.

– Не смею лгать Ее Иносенсии, – Бриан пожирал глазами

Анастазию, – у меня есть брат…

– Это он написал пьесу?

– Э… А… Да, он!

– А почему ее принес ты?

– Видите ли… Мой брат… Он – поэт… Он только и делает, что пишет. Сидит дома и марает бумагу. Прошу простить, но только на перья и чернильный корень уходит не менее десяти аргов в месяц… Я же работаю…

– Писцом в торговой палате, – насмешливо уточнил «красный», – и я полагаю, что эти десять аргов следует вычитать из твоего жалованья…

– Монсигнор…

– Мы не о том говорим, – вмешалась женщина, и мужчины сразу примолкли, – твой брат пишет трагедии?

– Он все пишет – и трагедии, и комедии, а сейчас все больше эти… поэзии… Вирши, знаете ли…

– Будет очень любопытно почитать. Мне кажется, твой брат не без таланта, но вернемся к «Кровавому горбуну». Откуда твой брат узнал то, о чем написал, если, по твоим словам, он не выходит из дома. Кто ему рассказал? Ты?

– Нет, я…

– Что ж, придется спросить твоего брата…

– Моя сигнора… Ваша Иносенсия… – Бриана колотила дрожь, его обычно довольно-таки низкий голос сорвался на кошачий визг. – Мой брат ничего не знает…

– Значит, это все-таки ты?

– Нет, брат!

– Я уже ничего не понимаю, – вмешался Рогге, – кто же ее написал?

– Разве непонятно? – подняла брови циалианка. – Написал, разумеется, отсутствующий здесь поэт, и отлично написал. Но ведь это была пьеса не про Александра Тагэре. Не так ли?

– Да, – сглотнул Бриан, – про какого-то Би… Биви… Бивинура.

– Бивинуара, – поправил Дюбарр, – легендарный хаонгский король, погиб задолго до Анхеля Светлого.

– Что, он действительно перебил столько родственников? – заинтересовался кардинал.

– По-моему, все-таки меньше, – пожал плечами магистр, – как, писарь?

– Ме-меньше, – признал вконец ошалевший Бриан, – я взял два убийства из другой пьесы…

– Вот мы и выяснили, – торжествующе улыбнулась Ее Иносенсия, став еще красивее, – этот человек нашел

единственный возможный выход. Он взял пьесу, автор которой верил в то, о чем писал, и заменил имена. Только так и Могло случиться. Успокойся, сын мой, – в устах молодой красавицы эти слова прозвучали нелепо, но Бриану было не до того, – тебя никто ни в чем не обвиняет. Более того, ты и твой брат будете награждены. Мне нужны и другие вещи твоего брата, принеси их, а тебе придется возглавить труппу актеров, которые будут их ставить. С твоими исправлениями, разумеется, так как нам нет дела до мертвых хаонгских королей.

2895 год от В.И. 9-й день месяца Сирены АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Эгону Фарни было очень стыдно. Стыдно, что в такие подлые времена он счастлив. Барон любил жену, обожал приемных детей и был в восторге от гостей. В довершение всего светило солнце, искрился снег, небо отливало весенней синевой, и как-то не верилось, что под ним могут твориться мерзкие и грязные дела. Владетель Гран-Гийо поправил берет с пером и повернулся к стоявшему рядом Рафаэлю Кэрне.

– Будь я проклят, если это не гости! Ну и славно…

– Если это друзья, – покачал головой мириец. В последнее время Кэрна старательно следовал советам Крапивника, и кое-что у него и впрямь получалось. По крайней мере, он расхаживал по замку, и ни у кого это не вызывало ни вопросов, ни удивления. Николай твердо обосновался в Гран-Гийо в качестве замкового клирика, так как предыдущий, помнивший еще деда нынешнего барона, очень кстати умер в конце осени. Яфе, соизволивший расстаться со своей бородой, в глазах северян легко сошел за троюродного племянника сигноры Клотильды, чья кузина некогда вышла замуж за сигнора из Кер-Эрасти.

Что до Серпьента, то с его талантами превращаться то в бабочку, то в гусеницу он мог ни о чем не беспокоиться и делать что хочет. А хотел он валяться на медвежьей шкуре, положив ногу за ногу, всех воспитывать и ругать за бестолковость. Чаще всего его жертвами оказывались Николай и Яфе, так как Рито и Эгон то и дело отлучались на «охоту», пытаясь отыскать хоть какой-то след Александра. Бесполезно. Многочисленные ищейки Тартю и циалианок тоже остались ни с чем и прекратили поиски: Тагэре объявили мертвым, а мертвых не ищут, по крайней мере открыто. С этим Рафаэль с Эгоном и вернулись в Гран-Гийо. Оставалось положиться на Серпьента, обещавшего разыскать пропавшего короля своими методами, но не раньше весны. Пока на земле лежал снег и не было ни крапивы, ни бабочек, ни гусениц,

Крапивник был слеп так же, как и люди.

– Это Крэсси. – Эгон, глядя из-под руки, умудрился рассмотреть сигну, которую везли впереди приближающегося отряда. – Старику не позавидуешь. Потерять сына и обоих племянников…

– Я пойду, – тихо сказал Рафаэль, – отвести глаза отцу Франсуа я не смогу, а видеть меня здесь не должны.

– Пожалуй, – согласился Эгон, – но чего Люсьену надо? Мы, хоть и соседи, но не виделись… Проклятый меня побери, да уж лет пять точно будет.

Рито ушел. Магия, нет ли, но мириец и впрямь умел исчезать, как тень. Славный парень… Владетель Фарни послал сказать сигноре, что к обеду будут гости, и, широко шагая, направился к воротам. Он и впрямь давно не видел Люсьена Крэсси. Сколько же ему? За пятьдесят, ближе к шестидесяти. После Эльты он и Гартаж перешли на сторону Тагэре, а Фарни остались верны Лумэнам. Отец Эгона приходился кузеном жене Люсьена, но родство не предотвратило разрыв. Нет, они не ссорились, они просто забыли о существовании друг друга. От Рафаэля Эгон знал о гибели молодых Крэсси, надо не показать виду, хотя что это он?! Он же был на коронации, там ему и рассказали. Если бы Фарни не прятал у себя Рафаэля Кэрну и детей свергнутого короля, он, не колеблясь, обнял бы гостя, но теперь не умевший хитрить барон растерялся, не зная, как себя вести. К счастью, Люсьен тоже был смущен и думал о том, что сделать или сказать, а не наблюдал за хозяином.

– Я слышал, вы недавно женились, Эгон?

– Да, – как всегда, когда приходилось лгать, Гран-Гийо покраснел, но со стороны это могло сойти за смущение, – я… вообще-то, я считаю, что женился много лет назад. Ирэна болела, и я… Короче, у меня близнецы! Мальчик и девочка.

– Поздравляю, – пожатие руки Крэсси все еще было крепким, – а у меня теперь только дочь. Франсуа погиб, и племянники тоже.

– Я слышал… Мои соболезнования.

– Благодарю. Будем считать, что я заехал возобновить родственные отношения и познакомиться с вашей супругой. И это отчасти и вправду так.

Теперь Эгон уже ничего не понимал, и, видимо, это отразилось на его лице, потому что Крэсси смутился.

– Эгон, я знаю, что вы всегда были верны Лумэнам, но я также знаю вас как честного человека. Я… Я с радостью познакомлюсь с баронессой, но сначала хочу с вами поговорить.

– Извольте, но лучше говорить под крышей.

Крэсси кивнул и последовал за хозяином. В Охотничьей Комнате, столь любимой Эгоном, было уютно. Жарко пылали еловые поленья в камине, на полу лежали медвежьи шкуры – раньше барон топил свое одиночество в охотничьих забавах. Эгон указал гостю на кресла у огня, столь же рыжего, что и крылья пристроившейся на прибитой над камином кабаньей голове бабочки, на которую, впрочем, никто не обратил внимания. Фарни разлил вино и сел, давая понять, что готов слушать.

– Эгон, – начал гость и надолго замолчал, глядя на пылающие поленья. Фарни не торопил, он никогда не страдал дурными предчувствиями, но сейчас понял, что его тихому счастью с семьей и друзьями приходит конец. А он так надеялся, что оно продлится до весны.

Треснуло, выпустив облачко искр, полено, алые отблески заплясали по медвежьему меху, Люсьен Крэсси поставил нетронутый кубок и тихо спросил:

– Вы рады победе Лумэнов?

– Никакой победы Лумэнов не было, – махнул лапищей позабывший об осторожности Фарни.

– Что вы имеете в виду?

– То, что мой король Пьер Шестой умер или был убит в Речном Замке узурпаторами, а его сына и наследника заколол Жоффруа Ларрэн. Золотых нарциссов в Арции нет и быть не может…

– Эгон, нам следовало поговорить раньше. Значит, вы не сторонник Пьера Тартю.

– Нет! – рявкнул барон и, спохватившись, добавил:

– Я ничей не сторонник. Меня волнует здоровье моей семьи и урожай озимых, а до остального мне нет никакого дела. В заговорах я участвовать не намерен.

– Я вам и не предлагаю, – вздохнул Крэсси, – и все равно я рад, что вы не считаете Тартю законным королем, а вы не считаете.

– Да, но из этого ничего не следует.

– Эгон, я буду с вами откровенен. Насколько смогу. Мне нужно надежно спрятать одну… вещь. Ее следовало бы передать Марте Оргондской или Жоржу Мальвани, но это невозможно. Границы стерегут, а рисковать этим… гм… предметом я не могу. Слишком он драгоценен. Вы могли бы оставить его в Гран-Гийо?

– Мог бы. На какой срок и кому я должен его передать?

– На какой срок – не знаю, все зависит от того, как пойдут наши дела. Вещь эту могу забрать я и те, о ком я упоминал. Или, если мы победим, вожди восстания, кем бы они ни были.

– Вы хотите восстать?

– Проклятый, разумеется! Если б мы только знали, где дети Александра и маркиз Гаэтано…

– Мириец?

– Да, и, согласно последнему завещанию Александра Тагэре, регент Арции. Эгон, поймите, мы сражаемся не только за дело Тагэре, мы сражаемся за Арцию. Пьер Тартю – чудовище, если его не уничтожить сейчас, страшно подумать, что он натворит. В Мунте почти забыли, что значит спокойно спать. Вы зря надеетесь отсидеться в Гийо. Тартю начал с горожан и ближайших сторонников Тагэре, но он не успокоится, пока не подомнет всех. Это второй Паук…

– Возможно, вы правы, Люсьен, но я слишком долго шел за Лумэнами, чтобы встать под знамена Тагэре. И я в любом случае не двинусь с места, пока моя жена беременна. Да вам это и не нужно, если вы хотите спрятать вашу… вещь. Клянусь честью, она будет в целости и сохранности. Здесь нет ни любопытных, ни бесчестных. А о Лумэнах и Тагэре… Возможно, мы еще вернемся к нашему разговору, а сейчас идемте. Я познакомлю вас с Клотильдой и детьми.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Сирены СЕВЕРНАЯ ИФРАНА

Башня с алым флагом осталась позади. Бретер, игриво позвякивая удилами, шагал по ифранской земле. Морис торопился, в Авире его ждала Антуанетта. Базиля не ждал никто и нигде. Сарриж называет его другом, но какая, к Проклятому, дружба, если он о Морисе знает почти все, а тот о нем почти ничего. И не узнает, потому что граф Мо сам не знает, о чем рассказывать. Тайн за ним не числится, разве что встреча с Кэрной да ночной визит в особняк Трюэлей. Любопытно, что сделал Пикок со свалившимся на голову подарочком? Обидно, если сжег, – сжечь бумаги Базиль мог и сам, и, по чести говоря, это и нужно было сделать… А ищеек себе Пьер нашел неплохих: на следующий день, когда он пришел повидать сестру и попросить разрешения вернуться в Авиру сразу после празднеств, новый родственник пошутил насчет его ночных приключений. Дескать, нельзя пугать мать и слуг, которые, увидев коня без седока, могли невесть что подумать.

Они и подумали, но не «невесть что», а то, что он хотел. Для них Базиль Гризье – шут и пьяница, свалившийся с лошади и проблуждавший где-то полночи. Пусть и дальше так считают. Он и в самом деле шут и пьяница, а у Норы глаза были испуганными и покрасневшими, и она, пока муж шутил, молчала. Хорошо, у

Тартю нет братьев, и Эстелу и Раймонду выдадут за кого-нибудь другого. В какой-то книжке Базиль вычитал, что каждая вещь имеет свою противоположность.

Академик, имя которого граф Мо запамятовал, писал, что каждому уроду соответствует красавец, каждому умнику – дурак, каждому трезвеннику пьяница. Рито Кэрна любил всех женщин, и все женщины любили его, а Пьер Тартю был противоположностью мирийца, любить его было невозможно. Бедная, глупенькая королева Нора, только б ей не пришло в голову спрашивать мужа об Алеке и Филиппе!

– Базиль, нам надо поговорить.

– Да? – Гризье заставил себя усмехнуться. – Мне чаще предлагают помолчать.

– Я все знаю…

– Что? – Базиль удивленно посмотрел на ифранца.

– Знаю, что ты чувствуешь. Поверь, мне было еще тяжелее.

– Тебе? – тупо переспросил Базиль.

– Да, мне… Ты – брат, а я…

Разумеется, у него в голове была Антуанетта. Морис вообразил, что его друг расклеился из-за свадьбы. Сарриж был наблюдательным человеком, а лицо Норы отнюдь не светилось счастьем. Так же как и лицо Антуанетты, которую Сарриж видел после брачной ночи. Может, Морис и прав, и все проданные или продавшиеся невесты после свадьбы выглядят одинаково.

Базиль верил, что влюбленным смотреть на бледненьких, потерянных красавиц труднее, чем братьям, хотя… Хотя мать, похоже, убила не только сыновей, но и дочь.

– Морис, прошу, не надо об этом.

– Как скажешь. Давай поговорим о другом. Или, если хочешь, поссоримся.

– Не хочу, да и не из-за чего.

– Ну, я могу сказать, что мне не нравится ваш король.

– Говори. А я могу сказать, что мне не нравится ваша регентша…

– Кстати, ты знаешь, что ни Жермон, ни тем паче Жоселин не имеют права на престол?

– Тю-ю-ю, – присвистнул граф Мо, – кажется, в Благодатных землях еще больше узурпаторов, чем я думал. Кто же должен сидеть в Авире? Уж не ты ли? Или это твой дядюшка Вардо?

– Брат Антуанетты.

– У нее есть брат?

– Да, из-за этого Вардо на ней и женился. Он не знал ее до свадьбы, это потом… Потом…

– Ты хочешь сказать, что он собирается свергнуть Паучиху и

посадить на престол брата жены? – пришел на помощь Базиль. – А я тут при чем?

– Помоги нам.

– Я? – Базилю показалось, что он ослышался.

– Да. Ты – мой друг, и ты, что бы ты ни плел, арциец. Ты должен ненавидеть Пауков.

– Угу, я тебе помогу, и ты будешь наставлять рога регенту?

– Вардо не будет регентом, Ролан отнюдь не безумец, что бы про него ни говорили, а граф… Я его иногда ненавижу из-за Туанон, но дядя – честный человек.

– Погоди, – граф Мо чувствовал, что его стремительно затягивает в политический водоворот, – но у Жозефа были только дочь и сын.

– Да, но, по нашему закону, корона, если прерывается прямая линия, переходит к старшему поколению, то есть к сыну младшего брата Паука. Мы об этом забыли, потому что старый неряха всех подмял под себя, но наследовать ему должен не внук, а племянник.

– Понятно, – засмеялся Базиль, – раз я предал своего короля, то чужого и подавно предам.

– Разве ты не хочешь, чтобы в Мунте сидел не Пьер, а Филипп?

Филипп… Филипп никогда не станет королем. Он вообще никем не станет, потому что его нет.

– Я хочу, чтобы в Мунте сидел Александр Тагэре.

– Не шути так.

– Я не шучу. Вернее, шучу, но не совсем. Хорошо, я согласен. Что нужно делать?

2895 год от В.И. 10-й день месяца Сирены АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

– Открывай! – Серпьент Кулебрин пихнул локтем Шарло. – Интересно же!

– Нельзя. Эгону доверили тайну.

– Можно, – возмутился Крапивник, – какие тайны в наше время! А вдруг там что-то важное?

– Тем более. Барон дал слово.

– Но ты-то не давал! И вообще, нельзя быть сразу и гусеницей, и бабочкой.

– То есть?

Серпьент уселся в кресло, закинул ногу за ногу и назидательно произнес:

– Учись, пока я жив. Вернее, пока ты жив, потому что все

проходяще, а крапива вечна. Вы с Эгоном и Клотильдой Люсьену Крэсси наврали. Он, бедняга, ничего не знает, а еще собрался за дело Тагэре сражаться. Эта штука как-то со всем связана. Так что открывай!

– Почему? – Шарло с удивлением посмотрел на своего приятеля.

– Ну и тупой же ты, проешь тебя гусеница! Ты Тагэре?

– Я – бастард.

– Крапива – она везде крапива, и в канаве, и в саду. И Тагэре везде Тагэре, тем более что это ваш Крэсси считает, что, кроме тебя, все, померли. Значит, огород он собрался городить для тебя. Усек?

– Ты думаешь?

– Я-то думаю, а вот ты… Этот дурак, – Крапивник поднял палец, – не спорю, дурак честный и благородный, собрался за тебя воевать и не поленился притащиться сюда что-то спрятать. Чтобы оно, если что не так пойдет, а оно пойдет (знаю я таких вот баронов, гадюку от ужа не отличат), врагам не досталось. Последней гусенице ясно, что эта штука очень важная. Ты – Тагэре, все из-за тебя, так что ты имеешь все права ее открыть. Крэсси сам бы тебе ее отдал, если б знал, что ты – это ты, а Рито – это Рито. Хватит, устал я от тебя! Открывай, или я сам открою.

– Она заперта…

– Сломай. Или лучше давай сюда.

Шарло явно колебался, но шкатулку протянул. Серпьент ее несколько раз повернул так и эдак. Он как раз сосредоточенно рассматривал дно сундучка, когда появился Рито. Крапивник хмыкнул и сунул шкатулку мирийцу.

– Открывай! Надо!

Рафаэль достал из-за пояса нож с тонким лезвием и легко оттянул язычок замка.

– Готово. А что это?

– Сами не знаем. Посмотри.

Мириец послушно поднял крышку.

– Бумаги… – Рито наугад вытащил какой-то листок и развернул. Он читал долго. Много дольше, чем требовалось, чтоб пробежать глазами коротенькую записку.

– Что такое? – вылез уставший ждать Серпьент и осекся, столкнувшись с бешеным взглядом Рафаэля.

– Я должен был убить эту гнусь. Но как он мог…

– Гнусы могут все, – заверил побледневшего Рафаэля Крапивник, – на то они и гнусы.

– Рито, – Шарло с ужасом смотрел на мирийца, – что там?! Отец… Они все-таки…

– Нет, про него ничего. Он жив! Проклятый, он не может умереть, когда такое творится! Шарло, эти мерзавцы убили Филиппа и Алека. Тут завещание… Филипп как-то узнал или догадался. Это моя вина, я должен был их вытащить.

– Пойди постучи башкой о стенку, – посоветовал Серпьент, – может, полегчает. Не стенке, башке. Стенке только хуже будет. А Тартю от нас не уйдет, мы его доконаем, я сам за дело возьмусь.

– Доконаем, – кивнул Рито, – Шарло, ты это должен знать. Прочти.

Шарло прочел, хотя буквы дрожали и расплывались, не желая складываться в слова. Оттого, что он прекрасно знал почерк кузена, было только хуже. У Филиппа была привычка, задумавшись, не отрывая пера от бумаги, рисовать силуэты зверей. Наставник заставлял переписывать испорченные страницы, а им с Алеком нравились эти картинки, и они их забирали. Шарло привык, что на записях Филиппа есть рисунки, но здесь их не было. На завещании не должно быть ничего лишнего.

«Все, чем я владею, как граф Рунский, я завещаю своему кузену виконту Тагэре. Буде с ним что-то случится, наследство переходит к девице Катрин, сестре вышеупомянутого виконта Тагэре, а затем к маркизу Гаэтано».

«Девица Катрин», так Кати еще не называли… Виконт Тагэре судорожно сжал кулаки, боясь дать волю слезам, и почувствовал на плече руку Рафаэля.

– Читай дальше, – негромко сказал мириец. – Боль не вино, ее не смакуют, а пьют сразу. До дна. Так легче, поверь мне.

Шарло закусил губу и вгляделся в измятый лист. "Виконт, – торопливо писал Филипп, – ты – Тагэре, ты сын великого короля, помни это. Ты должен выжить и спасти Арцию от узурпатора и убийцы. Сначала – это, месть потом, но предатели должны быть наказаны. Я надеюсь на тебя, ты отдашь все долги, но быть королем ты не можешь. Прости, что я тебе напоминаю об этом, но наша с тобой честь, честь бастардов, в том, чтобы служить своей стране, не требуя награды и не забывая о том, кто мы есть. Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре. Прощай, я хотел бы, чтоб мы были родными братьями.

Я не хочу умирать, но я умру, как твой отец и наш дед, с оружием в руках, а ты должен жить и должен победить. Храни тебя Святой Эрасти.

Твой брат Филипп".

– Я этого так не оставлю, – рявкнул Крапивник, – даже если вы все перемрете, я Тартю прикончу. Вот!

– Мы не перемрем. – Рафаэль положил письма обратно в

шкатулку. – Надо все рассказать Эгону, он должен знать, что прячет. Шарло, пойдешь со мной?

– Да.

Барона они нашли у Клотильды, которая сразу поняла, что случилась беда.

– Рито, что случилось?

– Наверное, вам лучше было бы не знать, но…

– Я и так вижу, что дело плохо. Прибыл гонец?

– Нет… Серпьент уговорил меня открыть шкатулку, – признался Шарло, – он сказал, что раз Крэсси служит Тагэре, то у него от нас секретов нет…

– Я тебе говорила то же, – Клотильда повернулась к мужу, – мы должны знать все. И что вы там нашли?

– Предсмертные письма Филиппа. Он умер как король и как Тагэре. Читайте, а я… Я пойду на стены.

– Я с тобой, – быстро сказал Шарло.

Они вышли на улицу. Зимний день продолжал улыбаться и дразнить бриллиантовыми россыпями. Холода не чувствовалось, облетевшие тополя в долине с высоты казались воткнутыми в землю мечами. Рафаэль Кэрна и Шарль Тагрэ молча стояли на угловой башне замка Гран-Гийо, глядя в сверкающее безмолвие. Потом Рито повернулся к Шарло:

– Это должен был сказать тебе отец, и много позже, но в Арции ничего нельзя откладывать на потом. Ты должен знать, что твоей матерью была моя сестра. По отцу ты – Тагэре, по матери – Кэрна, мой племянник и мой наследник, хотя у меня нет ничего, что бы я мог оставить. Разве что кольцо, подаренное твоим отцом, когда мы стали друг другу братьями. И, – Рито странно улыбнулся, – пылающее сердце. Жизнь – это танец со смертью. Если ты упал двенадцать раз, то встать должен тринадцать. Мы с тобой не только арцийские нобили, мы еще и мирийские байланте. Мы не должны сдаваться, Шарло. Никогда и никому. Гореть, так до конца! Ты еще не думал о своей консигне?

– Думал… Но придумал только сейчас. Три цветка, как у Тагэре, но они будут гореть, как сердца Кэрна. И девиз: «До конца!»

Эстель Оскора

То, что мы почти у цели, я почуяла сразу. Тахена… Заповедный край, в который допускались лишь избранные. Я не знала, что сталось с Гордой и Явеллой, но Тахена держалась, я слышала ее зов, ее нетерпение, ее нежность. Когда-то на ее краю

судьба свела эландского герцога и эльфийского разведчика, здесь Рене повел за собой пляску Ночи, здесь нашел Жана-Флорентина и узнал, что любовь спасет мир.

Я стояла на границе исполненного древней Силы места и смотрела, как в заиндевевших ветках пищат и копошатся птицы, выискивая еще не склеванные ягоды. Сандер закончил обихаживать Садана, подошел и обнял меня за плечи. Он ничего не чувствовал, для него поляна была просто поляной, а деревья обычными деревьями. Я могла бы солгать или сделать так, чтоб он уснул или потерял счет времени, но есть люди, которым очень трудно врать. Я сказала, что мы подошли к границе топей и мне нужно отыскать дорогу. Это была правда, хоть и не вся.

Александру мои слова не понравились, но спорить он не стал. В то, что касается магии, он не вмешивался. Они с Саданом остались на поляне, а я пошла в глубь болот, убрав защиту, так как Тахена сама себя защищает от любой волшбы. По крайней мере, мне так хотелось думать, хотя меня пугал и сбивал с толку чужак, вставший на моем пути в Мире Обмана. Я мучительно не хотела новой встречи, но не прятаться же всю жизнь в болотах. Мне была нужна хозяйка Тахены, и я раскрылась, чтобы меня услышали и нашли.

Роман мне рассказал про погибшую Эаритэ, и я сожалела, что не успела с ней переговорить, но, кто бы ни властвовал над здешними болотами и лесами, он должен был появиться.

Любой человек, гоблин и даже эльф уже сотню раз захлебнулись бы в едва прикрытой хрустальной корочкой вязкой жиже, но я шла по тонкому льду, как по мраморным плитам. Моя сила держала меня на поверхности и вела в самое сердце древнего места.

Летом меня бы уже заметили, но зима для Хранителей словно ночь для смертных, они спят, и разбудить их нелегко. Странное, должно быть, я представляла зрелище – одинокая женщина, медленно идущая среди мертвых тростников, серебряных от инея. Кроме меня, здесь не было никого, болотные птицы улетели, лягушки и змеи спали, а крупное зверье в эти топи не забиралось, даром что их называли Кабаньими. Я шла долго, вокруг меня шуршали и на что-то жаловались высохшие стебли, дневное серебро сменилось вечерней кровью, над головой поднялся тоненький, бледный месяц, с которым бессовестно заигрывали звезды. Ночь входила в Тахену торжественно и строго, как входит в храм вдовствующая императрица, и я склонила голову перед ее величием. Я была всего лишь Эстель Оскора, темная звезда, часть великой ночи, из которой все появляется и в которой все тонет. Кажется, я поднимала руки к

небу, что-то выкрикивала, пела, звала, приказывала.

Звезды завертелись огненными эберскими мотыльками, в лицо мне пахнуло ветром, нежный полумесяц превратился в огромную багровую луну, на диске которой проступали странные узоры. Я остановилась, опустив руки, потому что дальше дороги не было. Я пришла. Мне оставалось лишь ждать.

Лед разошелся совершенно бесшумно, открыв черную полынью с острыми краями. Лунные лучи заплясали на воде – нет, это не лучи, это огонь. Вода словно бы горела, лиловое пламя, обдавая запредельным холодом, вздымалось все выше. Я смотрела в самое сердце колдовского костра, не опуская глаз, ожидая увидеть того, кто здесь разговаривал с Рене и Романом, но никто не появился. Не было и видений, о которых рассказывал эльф-разведчик. Только рвущийся к небу огненный столб, напоминающий тот, в который я некогда бросилась на алтаре Ангеса. Пламя притягивало меня, но я помнила, чем для меня обернулся прошлый прыжок. Я не хотела покидать Тарру, я не могла оставить Александра, и я должна была отыскать Рене.

Лиловые и оранжевые блики танцевали на серебряном снегу под стремительно кружащимися созвездиями. Это было красиво и страшно, но ничего мне не давало. Хозяйка Тахены или спала, или ослабела настолько, что не слышала меня, да и того, кто показался Рамиэрлю, я не вдохновила. Что ж, придется возвращаться и идти в обход, я не могла рисковать Сандером и Саданом. Я повернулась спиной к лиловой колонне и уже сделала несколько шагов, когда со мной соизволили заговорить. Голос был женский, старый, измученный и родной.

– Ты пришла. – Она говорила тихо, почти шептала. – И это главное. Ты здесь, я слышу тебя, я верю тебе. Ты поможешь и спасешь… Найди потерянное, останови неотвратимое.

Не прощайся и не отчаивайся, а я благословляю тебя, моя дочь, моя надежда, моя звезда… Ты свободна от всех долгов. Я оставляю тебе все, чем владею. Да пребудут с тобой любовь и ненависть, да не испугаешься ты смерти и да не отринешь жизнь.

Я еще успела увидеть, как угасает лиловое сияние, на мгновение мне показалось, что к небу в отчаянной мольбе поднялись две старческие руки, поднялись и исчезли. Полная рыжая луна вновь стала нежной тоненькой полоской, звезды прекратили пляску, полынью стремительно затягивало, ветер кружил по тонкому льду крохотные снежные звездочки. Вот и поговорили… Мне хватало своей любви и своей ненависти, зачем мне еще чья-то, зря я сюда пришла, зря оставила Александра… Я шла по зимнему болоту, а в моих ушах все еще звучал тихий, утомленный голос, умоляя остановить неотвратимое. Странная

просьба. Я и так делаю все, что могу, но многое от меня не зависит. Незамерзающие топи кончились, и на их краю меня встретила Лупе.

Тоненькая фигурка в серебристо-снежной тунике. На нее и смотреть-то было холодно: босые ноги, обнаженные до Плеч руки, бледное личико, на котором застыло выражение разбуженного котенка…

– Лупе!

– Эстель Оскора взошла над Тахеной, – сообщила мне она в ответ, наклонила по-птичьи голову и добавила:

– Скоро пойдет снег, а Луна уже родилась.

– Лупе, ты меня помнишь?

– Лупе была здесь? Не помню, не знаю… Ты пришла, ты – тепло и холод. Тахена тебя знает. Тахена тебя ждала… До весны еще далеко… Тебя ждут. Человек и конь. Они тебе нужны или я их заберу?

– Они мне очень нужны, – мне стало очень страшно, – Лупе! Лупе, это же я, Герика… Помнишь Гелань, Симона, рысь?

– Рысь… Да, ты – дитя рыси. Рысь сломает хребет оленю. Ты пришла, и я пришла, но весна далеко… Все спят, кроме луны и ветра…

Я подошла поближе, и хозяйка Тахены по-детски улыбнулась. Облитая снежным сиянием, она была прелестна. Прелестна и безумна. Лупе признала Эстель Оскору, но напрочь забыла Герику из Тарски, за которой ухаживала в доме лекаря Симона, и Симона она тоже забыла, и Гелань, и то, как ее звали. Ей не было холодно, ей не было весело, ей не было грустно.

– Лупе, а Шандера Гардани и принца Луи ты тоже не помнишь?

– Я помню Лебедей… Они вернутся на озеро, когда сойдет снег. Я знаю тебя. Ты пришла, потому что тебя ждали. Я знаю черного коня с белой гривой, ты на нем ездила. Но весна далеко, а осень уже ушла. Весной проснется Кэриун. Он помнит, а я живу. Много радости, очень много радости…

Лупе еще что-то лепетала, узкие ступни оставляли на снегу четкие следы, на пепельные волосы упала снежинка и не растаяла. Она меня слушала и не слышала, она ничего не знала и знала все, и говорить нам было не о чем.

– Лупе…

– Весна еще не скоро, – в который раз сообщила та, которую когда-то любил Шандер Гардани, – не скоро. Березы скажут, когда придет весна. Березы и Лебеди узнают о ней первыми. Ты пришла зимой, но идешь из осени… Ты дойдешь до весны?

– Дойду, – пообещала я и добавила:

– Именем Рыси. Мы с моим другом и моим конем должны пройти в Таяну.

Лупе осеклась и внимательно и хитро посмотрела на меня.

– Эстель Оскора с другом и конем перейдет Тахену столько раз, сколько захочет, но ваша дорога дальше. Вы дойдете до весны?

Конец первой книги

notes

Примечания

1

У эльфов месяцы носят иные названия, чем у людей. Людское летосчисление ведется от Великого Исхода, хотя значение этих слов утрачено. Новый год начинается в день весеннего равноденствия. Всего же в арцийском календаре 13 месяцев, носящих имена созвездий Звездного Круга (аналога земного Зодиака). Агнец, Иноходец, Медведь, Влюбленные, Лебедь, Дракон, Собака, Зеркало, Звездный Вихрь, Волк, Копьеносец, Вепрь, Сирена.

2

Маринеры – вольные моряки. Маринеры имели свой кодекс чести, нарушение которого каралось смертью или изгнанием. Маринеры добровольно подчинялись Совету Паладинов Зеленого храма Осейны, в который входили сорок самых уважаемых из ныне живущих капитанов. Местом сбора Совета Паладинов была башня Альбатроса в Идаконе, городе маринеров на полуострове Эланд. До 1109 года эландцами правил Первый Паладин Зеленого храма, избираемый из числа Совета и наделенный герцогскими полномочиями. Затем власть стала передаваться по наследству, но Совет продолжал пользоваться большим влиянием и даже имел право сместить недостойного герцога.

3

Речь идет о так называемой Войне Оленя, подробно описанной в двух первых Хрониках («Темная Звезда» и «Несравненное право»).

4

О противостоянии Ларэнов и Тагэре подробно рассказано в третьей из хроник Арции.

5

О молодости Александра Тагэре подробно рассказано в четвертой из хроник Арции

6

Букв. «Змея в траве» (лат.) – скрытая, но смертельная опасность.

7

Шарк – горячий ветер, дующий несколько дней.

8

Калкс – дервиш.

9

Св. Эпоминонд известен тем, что родился слепым и в четырнадцать лет удалился в пещеру, ни разу ее не покинув до самой смерти Святой питался лишь растительной пищей, которую ему приносил сначала брат, а потом – племянник и его сын, он не совершил ни единого греха, но не уставал молить Творца о прощении.

10

Намек на наследников ифранского короля Жозефа, прозванного Пауком, старого врага Арции.

11

«Кошачье отродье», «кошкин сын» и т.д. – презрительные клички незаконнорожденных и их потомков. Связано с тем, что гербы (сигны) бастардов, даже признанных и получивших привилегии, отмечались отпечатком кошачьей лапы.

12

Монсигнор – обращение к особе королевской крови или владетельному герцогу. По отношению ко всем остальным – лесть.

13

Но! Вперед, скорее, вперед! (атэв.)

14

Или я найду дорогу, или я проложу ее сам (лат.)

15

Непрерывный звон Черного Колокола означал несчастье, а удары с определенными интервалами оповещали о смерти короля, королевы, наследника, Архипастыря и кардинала.

16

Обращение к главе циалианского ордена.

17

Святая Евлалия, согласно Книге Книг, долго болела, но не смирялась со своей участью и роптала на бога Святой Кантидий ее вразумил, она возблагодарила Творца за ниспосланные страдания и тут же скончалась со счастливой улыбкой на устах.

18

Речь идет о герцоге Леонарде Аррое, единокровном брате и законном наследнике арцийского императора Эдгара. Сын Леонарда Руис Аррой впоследствии поднял восстание, которое было подавлено, и бежал в Эланд, став родоначальником династии Арроев Эландских, последних истинных Волингов Арции.

19

Мяун – лекарственная трава, на людей оказывает успокоительное действие, но приводит в сильнейшее возбуждение кошек.

20

Ритуальные подсвечники в виде белых оленьих рогов.

21

Мирийская площадная брань.

22

Кошачья задница – презрительная кличка бастардов, на гербах которых изображались отпечатки кошачьих лап.

23

Атэвская божба, видимо, восходящая к языческим временам.

24

До каких же пор (терпеть)! (лат.) (Начальные слова речи Цицерона против Катилины.)

25

Символом власти фронтерских господарей, пожизненно избираемых на военной сходке, была булава.

26

Сухейль-арад – монета, вплетенная в конскую гриву.

27

Златокудрая Матильда – героиня рыцарского романа о любви красавицы Матильды и сына императора Филиппа Первого.

28

Если мужчина женился на женщине с детьми и признавал их своими, во время свадебной церемонии совершалась еще одна, после чего дети простолюдинов получали все права законных наследников. С нобилями было сложнее, существовало специальное уложение, но «привенчанные» бастарды-мальчики получали потомственное дворянство, отцовскую сигну, хоть и отмеченную кошачьей лапой, и права на наследство, кроме майората и права наследника рода. Девочки становились полноправными дочерьми своего отца.

29

Этиктор – придворный, в чью обязанность входит представлять просящих аудиенции короля.

30

Речь идет о графе Арсене Эжьере, кузене по матери герцога Леонарда и его постоянном сопернике, одной из самых загадочных фигур арцийской истории. Эжьер был талантливым военачальником, и в 1119 году император Эдгар назначил его маршалом Арции вопреки мнению своего брата Леонарда. Традиционно считается, что Эжьер способствовал аресту и гибели Леонарда, но прямых доказательств не сохранилось. Известно, что мать погибшего герцога открыто обвинила маршала и тот не стал оправдываться. Эжьер девять раз дрался на дуэли со сторонниками и родственниками Арроев и все девять раз вышел победителем. Эжьер откровенно щадил своих противников, никто из них не был убит, но современники расценивали это как издевательство. Против маршала было несколько заговоров, но все оказались безуспешными. Много лет державшийся вне политики, но известный своим распутством, Эжьер в 1128 году собственноручно убил несовершеннолетнего императора Альфреда, его мать – вдовствующую императрицу Мадлен и ее любовника и фактического правителя Арции – герцога Вуше. Официально считается, что именно меч Эжьера прервал линию арцийских Волингов, хотя большинство современников склонялось к тому, что Альфред и его сестра Розалинда были детьми Мадлен от Вуше. (Косвенным образом это подтверждает и завещание Эдгара, объявлявшего своим наследником не сына, а брата, хотя в качестве причины император называет не измену супруги, а душевную болезнь сына.)

После убийства Эжьер скрылся из Арции, его дальнейшая судьба неизвестна. Арцийские историки много спорят о причине, толкнувшей маршала на убийство. Известно, что сначала были убиты Мадлен и Вуше, а затем семнадцатилетний Альфред, которого нашли в спальне пригвожденным к стене маршальским мечом. Смерть Мадлен и Альфреда спасла от казни тысячу двести человек, обвиненных в государственной измене и симпатии к Арроям, в том числе и Руиса Арроя.

31

Если одна ветвь оборвется, не изменят другие (лат.).

Сопутствующее слово – история Благодатных земель, благословенная Церковью и ежегодно дополняемая с ее разрешения в Академии.